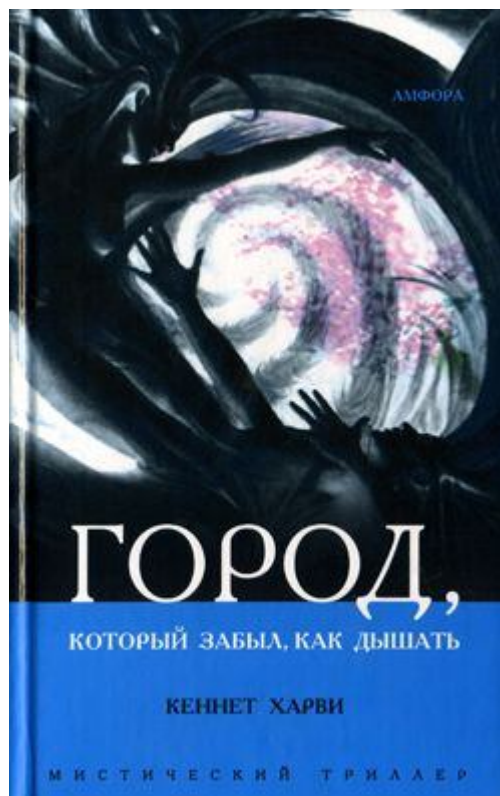

Кеннет Дж. Харви Город, который забыл как дышать

Действие романа известного канадского писателя Кеннета Харви разворачивается в маленьком приморском городке, жителей которого внезапно поражает страшная болезнь: они утрачивают способность дышать. Мистическое сказание К. Харви заставляет по-новому взглянуть на многочисленные бедствия и катастрофы, обрушившиеся на человечество в наступившем веке.

Эмме Саре, Кэтрин Александре и Джордану Роу

* * *

«...Путь Твой в море, и стезя Твоя в водах великих, и следы Твои неведомы».

Псалтырь, 76 псалом

Четверг

Мисс Элен Лэрейси плелась по верхней дороге. Она искала сирень, чтобы дома накидать ветки поверх белого суконного покрывала. Стояла жара, и яркое солнце подчеркивало каждую морщинку на старушечьем лице. Мисс Лэрейси грустно напевала:

Не хороните в пучине меня,
Там не бывает сияния дня.

В море вода холодна и темна,
Солнечный луч не доходит до дна.

Она пошамкала беззубым ртом, словно пробуя на вкус чудесный полуденный воздух, остановилась и выудила из рукава зеленого в белую полоску платяя вышитый носовой платок. Косынка у нее на голове тоже была зеленой, но в голубой горошек. Мисс Лэрейси трубно высморкалась, тщательно вытерла широкий утиный нос и снова засунула платок в рукав.

Плачет невеста:
«Где ты, мой милый?»
Милому воды
Стали могилой.
Под одинокую песню кита
Рыбы целуют немые уста.

Над головой зажужжала муха, мисс Лэрейси перестала петь. «Кыш, надоеда, – возмущенно замахала она крошечным кулачком. – Или ты у нас фея сирени?» Старушка фыркнула и двинулась дальше, что-то напевая себе под нос.

Говорят, феи очень любят сирень: так красиво она цветет и так скоро отцветает. Мисс Лэрейси всегда была рада гостям из иного мира, хотя многие их боялись: по преданию, феи забирают праведные души в загробное царство. Старушка всеми силами пыталась заманить фей в свой дом – уж там-то они будут в безопасности.

С самого раннего детства Элен говорила с духами. Но однажды холодной осенней ночью призраки не пришли на зов, и с тех пор больше не сидели на краешке кровати, не вели неторопливых бесед. Они покинули Элен вскоре после ее сорок четвертого дня рождения, и некому стало утешать и успокаивать одинокую женщину. Раньше она всегда рассказывала духам о жителях городка – новорожденных и давно ушедших, и духи слушали с интересом, ведь в них пылал огонь предков. Золотистое сияние окутывало их призрачные тела. Этот огонь веками связывал воедино души всех членов семьи. Каждый, умирая, вносил в него свою лепту, а взамен получал власть над вечностью.

Шли годы, мисс Лэрейси повидала на своем веку немало смертей и рождений. Она привыкла, что всему есть начало и конец. Но разве от этого легче? Старушка скучала по духам. Она каждый раз вскакивала, увидев на лестнице пятнышко света. Так хотелось верить, что это свеча трепещет в невидимой руке, что пришли долгожданные гости. Мисс Лэрейси брела и брела, вздыхая, по верхней дороге, крохотные боты шуршали по камушкам. Где-то завершал от восторга ребенок, в переулке Хрыч-лейн на только что постриженном газоне прикорнул старик. Слева, где север, сбегали с холмов к бухте Уимерли старые дома. Такой чудесный день, а на душе все равно тоскливо. Без призраков мир опустел – от этой пустоты щемило сердце.

Над головой загалдели две вороны, сообщая всем, что идет мисс Лэрейси. Старушка взглянула в пронзительно синее небо и попыталась разглядеть вещунный. Ну-ка, сколько раз каркнут? Чет на счастье, нечет на беду.

Она сунула руку в карман и нащупала круглый коржик. Такие обычно брали в плаванье моряки. Зубы сломаешь, до чего твердый. Мисс Лэрейси берегла его на случай, если придется идти мимо леса. Для фей. В начале XVI века первые поселенцы из Англии и Ирландии пересекли Атлантику и приплыли на Ньюфаундленд. Все они были рыбаками, и коржи составляли большую часть их провианта. В то время казалось естественным разделить свой хлеб с феями, чтобы крылатые создания не утащили тебя в загробное царство. Ребенком мисс Лэрейси видела фей дважды, и каждый раз угощала их коржиком, не забывая при этом смотреть в сторону. Кому захочется, чтобы его забрал маленький народец! Всем известно, что случается с детьми, которые побывали у фей. Они возвращаются совсем другими, не

похожими на себя. Взять хотя бы Томми Квилти, соседа по улице. Когда он пришел домой, его никто узнать не мог. Зато с тех пор он стал ясновидящим.

Мисс Лэрейси остановилась и поглядела на дом с остроконечной стеклянной крышей. Он стоял в стороне от дороги, к нему вела тропинка. Дом окружала темно-лиловая аура. Возле крыльца два чахлых кустика сирени тянули к дому спутанные ветки. «Так вот она где прячется. Художница-то, – пробормотала мисс Лэрейси. – Та, что ребенка потеряла. Ох, горе, горе. – Она покачала головой, ей и вправду было искренне жаль хозяйку дома. – Вот напасть».

Мисс Лэрейси двинулась дальше, высматривая в придорожных кустах ягоды голубики. Прилетела бабочка. Коричневые крылышки, черная каемка. Мисс Лэрейси остановилась полюбоваться и сразу вспомнила, как в детстве с друзьями ловила бабочек и засовывала под камень. Считалось, что на следующий день под камнем окажется монетка.

А вот и дом старого Критча. На дорожке перед крыльцом – маленькая синяя машина. Багажник открыт. Небось, новые дачники. Конечно, ведь уже лето. Вот здесь сирень густая, раскидистая. А запах-то какой! Аж голова кружится. Ясное дело, почему духи так сирень любят. Ничего прекрасней в мире не сыскать. Мисс Лэрейси морщинистой рукой погладила гроздь и растерла между пальцами лиловую пыльцу. Из полуоткрытой двери вышел какой-то человек. Он смотрел себе под ноги и, когда все-таки заметил старушку, чуть не споткнулся.

Мисс Лэрейси помахала рукой и крикнула:

– Как делишки, сынок?

– Все путем, – ответил он, щурясь.

– Нельзя ли разжиться парой веточек с вашей сирени?

– Да на здоровье, – он подошел поближе. – Берите, сколько хотите.

– Меня зовут Элен Лэрейси. – Она лукаво улыбнулась, потом пригнула ветку к земле и принялась тереть. Куст заходил ходуном. – Сам-то кто будешь?

– Джозеф Блеквуд. – Он протянул руку. Мисс Лэрейси осторожно пожала ее и оглядела дачника с головы до ног. Не слишком высокий, но и не маленький, руки крепкие, ладони теплые, твердые. По одежде видно – из городских. Красная рубашка, джинсы, новые сандалии, и кепки нет, хотя нынче все их носят. Лицо почти красивое, волосы светлые, лоб высокий, уже с залысинами. Глаза синие, ясные, добрые, прямо в душу заглядывают. И улыбается искренне, хотя раньше не видалась. А вот с родными-то он, надо думать, построже. Но, самое главное, дымка вокруг него голубая в центре и синяя по краям. Поровну тревога и спокойствия.

– Есть тут у нас один Блеквуд. Даг Блеквуд. Ты, часом, ему не родич?

– Он мой дядя.

– Ишь ты, а я и не слыхала, что у него родня есть.

– Мы из Сент-Джонса.

– Во-о-она как, – подозрительно протянула мисс Лэрейси. – Городски-и-е.

– Ну да, – Джозеф весело фыркнул. – Я страшный пришелец из города. Лучше идите себе добру-поздорову. Мало ли чего.

– И не мечтай, так сразу не отделаешься, – она ухмыльнулась, молодой человек начинал ей нравиться. – Бумажки с карандашиком не найдется?

Из дома вышла маленькая девочка, белокурая, глазастая, веснушчатая, да так и застыла на пороге, словно кроссовки к доскам пристали. На вид ей было лет семь-восемь, не больше. В одной руке она держала блокнот, в другой карандаш. Мисс Лэрейси пристально посмотрела на девочку, потом взгляд сам собой упал на соседский дом. «Тут что-то завяжется», – подумала старушка. Она помолчала и, наконец, проговорила:

– Здравствуй, доченька.

Девочка не ответила.

– Поздоровайся, – шепнул Джозеф.

– Здравствуйте, – еле слышно сказала девочка.

– Это Тари, – пояснил Джозеф.

– Погодка-то какая, Тари! Ты только погляди. – Мисс Лэрейси повела рукой.

– И не говорите! – Джозеф стоял, подбоченясь, и смотрел, как старушка ломает ветки. – Может, вам ножницы дать? Ах, да, вы ж просили карандаш.

– На что мне ножницы? – Хрусть-хрусть-хрусть. Скоро мудрое старушкино лицо почти совсем скрылось за охапкой сирени. – А вот клочок бумага – дело другое.

– Бумага у меня в машине. – Джозеф подошел к правой дверце, запустил руку в открытое окно и начал рыться в бардачке.

Мисс Лэрейси с надеждой кивнула Тари. Старушка и девочка приглядывались друг к другу, смутно ощущая какое-то внутреннее родство. Джозеф вернулся с карандашом, листком из блокнота и дорожным мобильным телефоном. Понажимал на кнопки, поднес к уху, послушал, но говорить не стал, просто швырнул черную трубку на заднее сиденье.

– Ненавижу мобильники, – сказал он.

– Чего ж тогда купил? – Мисс Лэрейси подошла к Тари, заглянула в ее блокнот и попросила показать рисунок.

Тари сунула карандаш за ухо и подняла повыше свое творение, чтобы мисс Лэрейси могла как следует его разглядеть. На картинке был нарисован дом. Точь-в-точь как соседский, только весь из стекла. И янтарное облако над крышей.

– Да у тебя, детка, ноздря к искусству.

– Спасибо, – сказала Тари вежливо, но слегка настороженно.

– Сделай милость, золотко, поддержи, пожалуйста. Тари положила блокнот на ступеньку и взяла у старушки сирень. За огромной охапкой девочку было еле видно.

– Понюхай, как пахнут, – сказала мисс Лэрейси. Джозеф протянул карандаш и листок. Старушка прищурилась и начала старательно выводить грифелем каракули. Процесс оказался долгим, мучительным и потребовал большого напряжения всех мышц. Наконец мисс Лэрейси перечитала написанное и, явно довольная собой, вернула бумагу Джозефу.

– Это телефон мой, – сказала она. – Как минутка будет, заходите. Поболтаем, чайку попьем, я вам плюшек с изюмом напеку.

Мисс Лэрейси обеими руками взяла у Тари букет и зашептала цветам что-то нежное. Внезапно она повернулась к кусту и отломала еще несколько веток. Какие милые люди, сирени дали нарвать. Мисс Лэрейси поблагодарила Джозефа.

– Кусты у вас – загляденье, – сказала она и заметила, что Тари внимательно смотрит на океан. В синих глазах девочки вспыхивали серебристые искорки. – Видала, как сверкнуло? – Мисс Лэрейси взволнованно посмотрела на воду и склонилась к ребенку.

– Сверкнуло? – Джозеф рукой прикрыл глаза от солнца и начал вглядываться в горизонт.

– Ну да, на это стоит поглядеть.

– На что? – спросил Джозеф, оглядывая залив и пытаясь определить, что же их так заинтересовало.

– Вашему брату такое нипочем не увидеть, – гордо ответила старушка, выпрямляясь во весь свой крохотный рост. – Ежели ты и вправду из рыбнадзора.

– А вы откуда знаете, что я из рыбнадзора? – с улыбкой спросил он.

Мисс Лэрейси ткнула пальцем в машину:

– Эх, милый, у тебя ж наклейка на стекле.

– А-а.

– Такие, как ты, никогда ничего не видят. Тайны только рыбакам открываются, да тем, кто Богом отмечен. – Она хмыкнула и побрела по дороге, но вскоре остановилась и взглянула на сирень в руках. До чего букет хорош! Мисс Лэрейси кокетливо посмотрела на Джозефа.

– Спасибо за цветочки, сынок. – Она снова вернулась, решив дать важный совет.

– Пойдешь в лес, держи при себе коржик.

Тари удивленно кивнула. Мисс Лэрейси переложила букет в левую руку, а правой вытащила из недр обширного кармана лежалый коржик и протянула девочке. Тари, открыв

рот, уставилась на «подарок». Мисс Лэрейси назидательно подняла морщинистый, весь в синих прожилках палец и заговорщицки прошептала:

– Господь благословил тебя. Ничего теперь не бойся.

– Спасибо большое! Чего-чего, а сухарь-то у нас всегда есть, – Джозефа распирало от смеха. Он сунул руки в карманы брюк и добавил: – Вы уж себе его оставьте, вдруг пригодится.

Мисс Лэрейси сунула коржик обратно в карман. Она что-то пробормотала, недовольно поглядела на Джозефа и совсем было собралась уходить, как вдруг снова заметила в изумленных глазах девочки серебристые отблески. Мисс Лэрейси наклонилась к уху Тари и горячо прошептала:

– Ты видишь искорки.

Тари неуверенно кивнула.

– Это рыба учится летать, доченька.

За восемь дней до этого

Донна Дровер нехотя поднималась на крыльцо рыбацкого дома, где жил ее сын Масс. Донна была в отчаянье. Солнечный свет блестел на темных корнях ее осветленных волос. В этом месяце ей неохота было делать прическу, хотя обычно Донна с удовольствием ходила в парикмахерскую. Химия уже совсем отросла. Из-за этого лицо казалось грубее, мешки под глазами стали заметнее. Донну душил кашель.

От жары ее подташнивало, кожа болела от солнца. Донна медлила перед дверью Массы, разглядывая желто-коричневые пятна, что недавно появились на почерневших от непогоды нижних досках. Скоро грибок расползется по всей поверхности, и тогда его уже ничем не закрасишь. Донна попыталась соскрести пятна носком кроссовки, но быстро перестала – все равно не сойдут, а Масс заметит, что она приехала. Донна знала, что ждет ее за дверью. Масс сидит в гостиной и свирепеет всякий раз, как отрывается от телевизора. Похоже, с каждым приездом Донны он все больше злится. Дней десять назад она предложила поехать в «Карибские грезы» и пропустить по паре пивка, ну, может еще сыграть в лото, но Масс отказался, заявив, что снаружи не осталось ничего такого, что могло бы его заинтересовать.

Донна посмотрела на полиэтиленовый пакет с продуктами для сына. Она взялась покупать ему еду, однако Массу, судя по всему, было наплевать. Материнская забота не вызывала у него ничего, кроме презрения. В прошлый раз сумки вообще остались нетронутыми. Масс даже молоко в холодильник не убрал. Это совсем ее расстроило, как будто скисшее молоко таило в себе какую-то угрозу.

Донна заставляла себя приезжать к сыну, отрывалась от любимых сериалов и ток-шоу. В последнее время она начала подозревать, что разница между ней и сумасшедшими тетками из телепередач не так уж и велика. Масс ей сын, а она избегает и даже боится его. Неужто она ему нисколько не нужна? Донна оглянулась через плечо на бухту. Море было спокойным, ничто не нарушало его покой. Сколько же раз она выходила сюда рыбачить? Сколько раз слушала байки о подводных страшилищах, гигантских рыбах и чудом спасшихся рыбаках? Легенды. Предания. Рыба в море. Все это стало пустым звуком.

Черная машина пронеслась по направлению к центру городка. Интересно, кто это так спешит? Да ладно, наплевать. Донна отступила на шаг и заглянула в окно гостиной. Тюлевые занавески задернуты. Она сама сшила эти занавески много лет назад, и Масс даже помогал ей. Он был тогда таким милым мальчиком, таким добрым и заботливым. Масс всегда старался шуткой или улыбкой разрядить обстановку в доме – Донна с его отцом постоянно ругались. Она решительно повернула назад, быстро подошла к пикапу, влезла внутрь, бросила покупки на переднее сиденье и некоторое время тупо смотрела на пакет, прежде чем завести мотор. Потом взглянула в зеркало заднего вида, подождала, пока проедет грузовик ремонтной службы с электростанции, и выехала на дорогу.

Два дня назад Донна предложила Массу приготовить ему ужин, а он сердито отказался.

Даже не взглянул на нее, просто пялился в телевизор. Глаза сына потеряли былую глубину, стали пустыми, каштановые пряди спутались, как от сильного ветра, на подбородке выросла жесткая щетина. Он перестал менять одежду, так и ходил в черных джинсах и синей рубашке. На любое обращение Масс яростно огрызался, а потом грустно вздыхал, словно извиняясь за свое поведение. А иногда в ужасе хватался за горло и пытался набрать в легкие воздуха.

Донна вырулила на нижнюю дорогу и подумала: «Если я еще раз вернусь сюда, он меня убьет». Она ехала мимо Г-образного бетонного причала. Повсюду валялись старые ковши для ловли крабов. Их ржавые остовы походили на гигантские абажуры.

У пристани качались две лодки, трое ребятишек забросили удочки в спокойное море и выуживали из воды собственную смерть. Почему смерть? Не смерть, а рыбу. Что за ерунда лезет в голову? Детишки ловили морского окуня, камбалу или ершей. А что они на самом деле вытащат из воды, какие твари скрываются под рыбьей чешуей? И зачем вообще ловить рыбу? Ее ж потом все равно придется выбросить. Чистой воды идиотизм. Откуда такая причуда – вытаскивать из моря живность?

В морской дали треугольные плавники акул-альбиносов выписывали круги по сверкающей синей воде. Почти у самого берега плеснул бирюзовый хвост. Чуть поодаль шевелил щупальцами гигантский кальмар. Донна не обращала на происходящее ни малейшего внимания. Это ж глупость. Бред. Фантазия. Ей хотелось выцарапать себе глаза.

Она ехала на восток, океан плескался слева, волны шелестели у самой нижней дороги, по правую руку тянулись дома и сараи. Небо окрасилось в закатные тона. Яркие краски играли в воде, таяли и перемешивались, желтый и оранжевый постепенно превращались в розовый и темно-фиолетовый, словно чудовищный синяк растекался по морю.

Донна равнодушно смотрела на игру света. Она помнила мир совсем другим, ярким и красочным, теперь все цвета поблекли, утратили определенность и превратились в оттенки серого. Еще один закат. Все потеряло смысл. Раньше Донна любила гулять на закате, любила смотреть на океан и восхищаться его необъятностью, невероятной мощью водного пространства.

Теперь мир стал плоским. Вечерние прогулки отошли в прошлое вместе с любовью к этим местам. У Донны не осталось ничего. Ничего. Она никому не нужна. Полоумный сын ее ненавидит. Работы нет. В Уимерли,¹ когда-то теплом и приветливым, теперь пахнет горем и смертью.

Красная рыба шлепнулась на капот пикапа и соскользнула влево, Донна ударила по тормозам и чуть не влетела в лобовое стекло. «Черт!» – Она выпрямилась и посмотрела в зеркало заднего вида. Откуда-то спикировала чайка и подхватила добычу. Рыба, наверное, идет к берегу на нерест. Каждое лето миллионы рыб пытаются добраться до песка и отложить в нем икру. Значит, скоро приплывут и киты-рыбоеды.

Донна поехала дальше, проклиная все на свете. Нижняя дорога кончилась, асфальт сменился гравием, шоссе резко вильнуло влево, начался крутой подъем по Хрыч-лейн. В зеркале еще отражались океан и домишки Порт-де-Гибля на другой стороне бухты. Над водой висела россыпь серебристых звездочек, словно там запускали фейерверки. Звездочки взмывали к небу, на секунду зависали в воздухе и падали обратно.

Дом Донны стоял в середине Хрыч-лейн. Машина с визгом въехала на дорожку перед крыльцом. Задние колеса занесло, шины зашуршали по гравию, и Донна поняла, что всю дорогу гнала на дикой скорости. Если бы она не свернула, а проехала дальше по переулку, то оказалась бы у заброшенной церкви и старого кладбища. Там верхняя дорога резко сворачивала к западу и возвращалась обратно в город, с нее открывался чудесный вид на дома, бухту с причалами и огромный скалистый утес над тремя белыми корпусами рыбозавода.

¹ Barcneed – город на Ньюфаундленде. (Здесь и далее примечания переводчиков.)

Сердито бормоча под нос, ругая себя за беспечную езду и перебирая в уме прегрешения сына, Донна заглушила мотор, выскочила из пикапа и громко хлопнула дверцей. Ее внимание привлек сарай за домом. Почти бесцветный, черно-белый, по бокам склонились темные ели, вокруг бурно разрослась зеленая трава. Донна краем глаза заметила какое-то движение. В дверном проеме стояла девочка лет семи-восьми, по плечам рассыпались прямые рыжие волосы, мокрое платье облепило худое дрожащее тельце. Лицо у нее было бледным, почти зеленым, синие распухшие губы кривились в усмешке.

У Донны мороз по коже побежал от этого зрелища. Девчонка с виду очень напоминала дочь художницы, той, что жила совсем одна на верхней дороге и у которой дом обогревался солнцем. Дочь, Джессика, некоторое время назад пропала вместе с отцом. Донна знала, как зовут девочку, потому что звонила в полицию, когда десять дней назад в первый раз увидела ребенка у себя в сарае. Приехал новый полицейский, точно не из местных. Кожа у него была темная, а глаза карие, наверное индеец. Как же его звали? Что-то такое детективное... Дойль? Кристи? Ах да, Чейз! Точно, сержант Чейз. Снарядили поисковую группу, прочесали лес, но девочки так и не нашли. Донне было ужасно стыдно, ведь она зря обнадежила несчастную мать.

Когда Донна второй раз увидела Джессику, она снова позвонила в полицию. И снова все усилия найти девочку оказались напрасными. В третий раз ее тоже не нашли, Донне тогда очень не хотелось звонить в участок, но что поделаешь. В конце концов, она перестала пользоваться телефоном. Даже не отвечала на звонки. Голосов на том конце провода все равно было не узнать. Донна не могла представить себе лиц собеседников. Она их не знала. Донна боялась, что теряет рассудок, вешала трубку и виновато гадала, что же она сделала не так.

Ветер совсем стих. Донна прислушалась. Тишина. Дверь по-прежнему открыта, но девочка исчезла. Сейчас бы спичку! Сжечь бы сарай дотла. Все равно он доверху забит старой рухлядью, вещами, которые уже никогда не понадобятся, а только напоминают о прошлом, о давно умершем муже, о работе, которой тоже больше нет, о жизни... Нет, палить сарай – сумасшествие. Лучше разнести его в щепки, чтобы сердце билось чаще с каждым ударом топора. Удар. Лезвие входит в дерево. Топор застревает. Заклинило.

С порывом ветра долетел жутковатый детский шепоток: «Рыба в море».

В ушах зазвенело. Потом наступила тишина.

Донна не дышала. Паника ледяными когтями вцепилась в горло. «Ну вот и все. Умираю. Наконец-то умираю. Это смерть». Перед глазами поползли черные пятна. Донна зажмурилась и отдалась темноте, которой так долго боялась. Темнота была абсолютной, но все же пока недостижимой. Надо постараться вдохнуть, удержать кислород в обессиленных легких. Вдыхать не хотелось.

Выдыхать тоже.

Словно она уже умерла.

Донна сделала над собой усилие. Вдохнула, хотя позыва к этому не было. Подождала. Потом решила, что настало время выдыхать. Рефлексы не работали. – Господи! – вскрикнула Донна, по коже побежали мурашки. Руки и лоб вспотели, капли потекли по щекам. А вдруг это инфаркт? Вроде в груди не болит. Вообще нигде не болит. Вот только в голове звенит, и мысли путаются. Не упасть бы в обморок. Лишь теперь она вспомнила, что пора снова вдохнуть.

Не закрывая рта, Донна двинулась вперед, но сразу споткнулась. От ужаса подгибались ноги. Она тяжело оперлась о пластиковую облицовку дома. Донна посмотрела в небо, но его заслоняла Серая тарелка спутниковой антенны на фасаде.

В ушах раздавался тоненький голосок:

У папы не осталось дел.

Сидел и па воду глядел.

Сидел, глядел, не ждал беды.

На пороге сарая стояла девочка и держала в руках переливающуюся всеми цветами радуги морскую форель. Форель отчаянно трепыхалась. Донна некоторое время смотрела на ребенка, потом опустила голову. Кости превратились в желе, сердце выпрыгивало из груди, в ушах звенело. Больше всего на свете хотелось прилечь. «Если я войду в дом, то уже никогда оттуда не выйду», – решила она. Ноги совсем не держали, и Донна медленно села на мокрую от росы траву. Потом с глухим стоном откинулась на спину.

В мире все замерло, пространство стремительно сужалось, краски тускнели. Синий цвет быстро сменялся серым, солнечные лучи отдавали потемневшим серебром. Не в силах пошевелиться, Донна лежала на траве и дрожала всем телом. Над головой кружили три белые чайки. Нет, не чайки. Серокрылые рыбы высоко в стальном небе описывали широкие круги.

День и вечер четверга

Доктор Джордж Томпсон, дородный мужчина шестидесяти одного года от роду с открытым детским лицом и копной седых волос, взволнованно выбрался из-за стола и поспешил навстречу Ллойд Фаулеру и его жене Барб, чтобы проводить их в кабинет для осмотра больных. Странно, что Ллойд явился именно сюда. Казалось бы, если у человека приступ удушья, ему надо срочно в больницу. Так ведь нет. Как второпях рассказала Барб, скорую Ллойд вызывать отказался. Едва удалось заманить его на прием к врачу. Фаулера пришлось пропустить без очереди, хотя в приемной было полно народу.

– Ну-с, давайте поглядим, мистер Фаулер, – сказал Томпсон. Пациент уселся на стол для осмотра, белая бумага под ним зашуршала. Врач взгляделся в красное лицо Ллойда, чем вызвал у пациента явное неудовольствие. Серые, широко расставленные глаза, седые волосы в носу и густые брови, которые не худо было бы хорошенько выщипать. Для своего возраста Ллойд был в отличной форме. Томпсон мог только позавидовать, его-то собственное здоровье оставляло желать лучшего.

– Вы ведь не курите, как я понимаю? – Томпсон даже согрел в руке стетоскоп, что обычно делал только для женщин. Но поскольку больной, похоже, не в себе, лучше его лишний раз не раздражать.

Не отрываясь от узора на ковре, мистер Фаулер помотал массивной головой.

– Рубашку расстегните, пожалуйста. В семье сердечники были?

– Нет, сэр, – безучастно ответил Ллойд и расстегнул три верхние пуговицы. Он был не из тех, кто волнуется по пустякам. Такие идут к врачу, только если рука болтается на ниточке, да и то быстро забывают о своем увечье. «Подумаешь, эка невидаль, ну послал Господь новое испытание, я и одной рукой управлюсь не хуже, чем двумя», – говорят они и берутся за дело с удвоенным рвением, чтобы своим упорством посрамить скептиков.

Ллойда Фаулера к врачу притащила жена. Барб была невысокой брюнеткой, черный пушок над верхней губой придавал ее резким чертам еще большую мужеподобность. Супруги только что вернулись с похорон Масса Дровера. Томпсон не знал, от чего умер сын Донны, как не знали этого и патологоанатомы. У парня подозревали депрессию, и поползли слухи, что он, похоже, свел счеты с жизнью, но вскрытие показало, что самоубийство здесь ни при чем. Саму Донну положили в больницу Порт-де-Гибля и подключили к кислородному аппарату. Так же, как и Ллойд Фаулеру, ей трудно было дышать. Но поставить диагноз не удалось, несмотря на тщательное обследование и многочисленные анализы. За тридцать восемь лет врачебной практики Томпсон ни разу не сталкивался с таким заболеванием. В больнице полагали, что между смертью Масса и состоянием Донны

² Перевод С. В. Шабуцкого.

есть некая связь, однако, в чем она состоит, никто не знал. Научное объяснение обычно проливает бальзам на души близких, но никак не в случае с Массом Дровером. Ушел из жизни полный сил молодой человек, просто взял и перестал дышать.

– Дышите, мистер Фаулер. Глубже, – доктор Томпсон водил стетоскопом по густой белой шерсти на груди пациента.

Мистер Фаулер с силой втянул ноздрями воздух и нахмурился.

– Так... выдохните. – Врач внимательно прислушался. – Еще разочек.

Он взглянул на жену больного. Миссис Фаулер нервно мяла в руках сумочку, готовая выслушать любой приговор врача.

– Еще раз глубоко вдохните и задержите дыхание. – Он слушал, сам стараясь не дышать. Никаких хрипов. Легкие чистые, пульс ровный.

– Хорошо, теперь дышите.

Томпсон вынул из ушей стетоскоп и посмотрел на пациента. Мистер Фаулер сидел на столе – спина прямая, пальцы сжимают черную пластмассу, глаза уставились в рисунок скелета на противоположной стене.

– Грудь болит?

– Нет, сэр.

– Руки, ноги?

– Нет, сэр.

– В легких жжение бывает при вдохе?

– Нет, сэр.

– Изжога мучает?

– Ни в жизнь.

– Спите хорошо?

Фаулер кивнул и упрямо сжал губы.

– Не бывало такого, что просыпаетесь ночью весь в поту, сердце колотится, и никак в себя не придете?

– Да нет же, господи! – Ллойд возмущенно посмотрел на Томпсона, словно тот окончательно повредился умом.

– Ему просто на улице вдруг нехорошо стало, – встряла Барб, от волнения она даже слегка подалась вперед. – Ну, продохнуть не мог. С ним такое и раньше случалось.

Фаулер бросил злобный взгляд на жену:

– Умолкни, женщина!

– Давно это началось?

– Почем я знаю, – раздраженно ответил Ллойд, щеки его пылали. – Вроде, в воскресенье на той неделе.

– А сегодня четверг, – задумчиво сказал Томпсон. – Что ж, можете слезать.

Фаулер кивнул и перевел взгляд на кремовые жалюзи с таким видом, будто внимание врача его унижало.

– Да ерунда это, – проворчал он, слез со стола и застегнул рубашку. Ненадолго воцарилось молчание. Томпсон, искоса наблюдавший за пациентом, заметил, что Фаулер никак не может отдышаться.

– Аллергия на что-нибудь есть? – спросил Томпсон.

Он вернулся за стол и осторожно опустился в кресло, невольно состроив мучительную гримасу и прошипев «ч-черт». Колени сегодня болели сильнее обычного, сказывался застарелый артрит. За зиму доктор прибавил в весе, и это плохо отразилось на самочувствии. Надо бы перестать жевать по ночам пончики с повидлом и запивать их молоком. Жирные молочные соусы, сыр бри и гаварти с укропом входили в ежедневный рацион Томпсона.

– Нет у него аллергии, доктор.

Томпсон открыл медицинскую карту Ллойда и быстро пролистал ее. Ничего такого, что могло бы вызвать затруднение дыхания. Никакой астмы, хотя пробы лучше, конечно, взять. Однако одышка есть одышка. Скверный признак, предвестник серьезных осложнений.

– Сейчас все цветет, кругом пыльца. А эта дрянь не раз вызывает воспаление дыхательных путей. Глаза не слезятся?

– Нет, сэр, – ответил Ллойд.

Теперь он подпирает стену, руки его безвольно повисли. «Точно школьник в кабинете директора», – подумал Томпсон.

– Сердце у вас в порядке, легкие чистые. Возможно, дело в аллергии или начинающейся астме. А может, вообще ничего серьезного. – Томпсон нацарапал что-то на бланке. – Вот направление на общий анализ крови, мы с вами его давно не делали. Надо поглядеть. Может, это инфекция. Вирус какой-нибудь подцепили. Будь у вас боли в груди, я бы подозревал невроз. Вообще-то надо бы все-таки сходить к невропатологу. На всякий случай, чтоб ничего не упустить. – Он оторвал бланк и отложил в сторону. – Вот направление, сделаете пробы на аллергию и на астму. Я позвоню в больницу в Сент-Джонсе и договорюсь, чтобы вас принял врач. – Томпсон вырвал второй листок и протянул его миссис Фаулер. Ллойд косился на бумажки и изо всех сил старался делать вид, что их не замечает. – Зарядку делаете?

– Да он теперь от телевизора не отходит, – пожаловалась Барб и добавила шепотом: – С тех пор как нашего Бобби не стало...

Мистер Фаулер снова испепелил жену взглядом. Это уже чересчур, хватит унижаться. И Ллойд метнулся к выходу.

– Так что? – рявкнул он на пороге. – Прямо тут не окочурюсь?

Доктор Томпсон хмыкнул, его второй подбородок уперся в шею. Он откинулся в кресле и повертел в руках карандаш.

– Уж и не знаю, мистер Фаулер, все под богом ходим.

– Надо думать. – Ллойд распахнул дверь и вывалился в приемную.

Барб проводила его взглядом и потопталась в нерешительности. При муже она, очевидно, говорить боялась, поэтому сначала выглянула за дверь, через которую только что сбежал Фаулер.

– Что-то хотели добавить?

Убедившись, что на горизонте чисто, она повернулась к врачу и призналась:

– Характер у него совсем испортился.

– Что вы имеете в виду?

– Все время сердится.

– Стал раздражительным?

– Да, доктор, еще похуже.

– Вы упомянули, что Бобби не стало. – Томпсон секунду помолчал из уважения к ее горю. Он положил локти на стол, как бы для пущей проникновенности. – Очень может быть, что проблемы с дыханием возникли из-за депрессии, на нервной почве. Он в быту сильно изменился? То, чем ему раньше нравилось заниматься, с удовольствием делает?

– Нет, ему теперь ничего не нравится. Другим стал совсем.

– Похоже на депрессию. Выпишу-ка я слабенький антидепрессант, только надо щитовидку проверить.

– Ллойд нипочем его пить не станет.

Томпсон нацарапал что-то в блокноте, вырвал рецепт и передал миссис Фаулер.

– Тогда для начала подавайте ему успокаивающее. Может, согласится. Как только станет лучше, сразу мне сообщите.

Барб аккуратно собрала все рецепты и, тяжело вздохнув, спрятала в сумочку. Доктор проводил ее до двери.

– Если на поправку не пойдет, привозите обратно. – И, понизив голос, добавил: – Присматривайте за ним. – Томпсон подмигнул, надеясь ее приободрить.

– Конечно, доктор. Большое вам спасибо. – Миссис Фаулер слабо улыбнулась и первой вышла из кабинета. Она пересекла приемную, а Томпсон взял у медсестры карту следующего больного. Взглянув на имя, он нахмурился и крикнул в коридор:

– Эгги Слейд! – С трудом удержался, чтобы не добавить: «мисс ипохондрия нашего городка». – Проходите, Эгги, проходите. От чего сегодня умираем?

Барб отыскала мужа возле деревянной лесенки, что вела к стоянке. Стиснув зубы, он шурился на стальные бока машин. Яркое послеполуденное солнце било в глаза сотнями зайчиков. Ллойд резко обернулся.

– Эти... – процедил он. В последнее время, произнося слова, Ллойд забывал дышать. Лицо его покраснело, он раздраженно потянул носом воздух. На Барб он при этом не смотрел. – Эти в очереди думают, я больной. А я не больной.

– Ну что ты, Ллойд, – попыталась успокоить мужа миссис Фаулер и положила руку ему на плечо. – Доктор сказал, ничего страшного.

Ллойд отвернулся, возмущенный ее легкомыслием, и начал спускаться по ступенькам. Да что ж такое! После каждого шага приходится делать вдох, будь он проклят! Глубокий вдох. Как здесь все опостылело! Эта земля, это море, эти безмозглые твари, которые в нем кишат. Как страшно задохнуться, потерять рассудок, потерять себя. Как все бессмысленно и ничтожно – пошлая жена, пошлый дом. Куда исчезли все краски, почему весь мир стал таким невыносимо серым?

– Без меня в сарай не ходи, – крикнул Джозеф.

Сарай был двухэтажным, когда-то давно его покрасили ржаво-красной краской. Кое-где не хватало стекол, и дыры заткнули пластиком, чтобы не мокло барахло. Полное безветрие. За спиной у Тари кто-то прожужжал. Шмель, судя по звуку. Летаёт себе с цветка на цветок. На ветке, а может, в небе, чирикнула птичка. Узкая дверь сарая, тоже красная, приоткрыта. В центре нарисовано белое сердечко. Тари сунула блокнот под мышку и переступила стертый порог. Одной рукой взялась за стену, со стены чешуйками облезала краска. Тари задумчиво отколупнула кусочек и раскрошила в пальцах.

– Почему? – разочарованно спросила она отца.

– Я там еще не был. В полу гвозди могут торчать. Лучше помоги мне вещи в дом занести.

Тари снова посмотрела в полумрак сарая. Глаза постепенно привыкали, в глубине начали проступать смутные очертания предметов: высокий шкаф и, кажется, старый матрас. У самого входа – четыре автомобильные покрышки, их видно хорошо. Тари задержала дыхание и прислушалась, нет ли тут мышей или бездомной кошки. Тишина, только где-то на втором этаже капает вода. А это кто жужжит? Похоже на целый рой не то мух, не то шершней. Кто же это все-таки, мухи или шершни? А вдруг, правда, шершни? Тари отступила назад, и тут ей почудилось какое-то движение. У дальней стены сарая, закрываясь рукой от солнечного света, стояла девочка. Тари вздрогнула, выронила блокнот, и пока подбирала, девочка исчезла. Тари немного подождала, и девочка появилась снова. Наверное, это просто отражение в пыльном зеркале. Тари наклонилась, и девочка сделала то же самое. Тари потеряла переносицу. К чему там нос чешется? Говорят, к гостям или к испугу.

– Тари, будешь ты мне помогать или нет? – отец крикнул, взвалив на себя здоровенный тюк с вещами. – Кончай лодырничать.

Капли застучали медленнее, а потом и вовсе перестали. Жужжание тоже стихло. В нос ударил запах тухлой рыбы, настолько отвратительный, что Тари отвернулась и ойкнула. Она даже не заметила, отразило ли зеркало ее движение. Тошнота подкатила к горлу, захотелось сплюнуть, чтобы избавиться от мерзкого вкуса во рту. Тари языком провела по передним зубам.

– Пап, чем это воняет?

Джозеф, который стоял над большим чемоданом и локтем прижимал к себе подушку, выпрямился и принялся.

– Ничего не чувствую. Может, сиренью?

– Да нет, воняет, а не пахнет.

Отец пожал плечами.

– Тогда не знаю. – Он кое-как подхватил большую черную сумку, покрепче стиснул подушку и направился к дому. – Ну и жара, так и помереть недолго, – пропыхтел он. – По мне, уж лучше снег.

Тари заметила, что их машина стоит прямо на траве – подъезд к дому совсем зарос. Ей вообще нравилось все, что растет само по себе. Газон пестрел красными цветочками, у дороги цвела сирень. Ее аромат мешался с запахом нагретой травы, перебивая рыбную вонь. Вдали за холмами, за елями и кустами, за старыми рыбацкими хижинами сверкал синевой океан. От солнца зудела кожа. Тари почесала затылок – оказалось, волосы мокрые насквозь. Где же серебряные искорки на воде, которые показала старушка? «Рыба учится летать». Тари вспомнила, что когда-то уже рисовала летучих рыбок и полистала блокнот. Нет, похоже, рисунок остался в старом блокноте. Эта мисс Лэрейси так обрадовалась, когда узнала, что Тари рисует. Даже назвала ее картинку «искуйством». Славная бабушка.

Джозеф вышел из дома, громко отдуваясь. На лбу блестели капельки пота. Щурясь и утираясь, Джозеф склонился над чемоданом. Потом махнул рукой, и уселся на чемодан верхом.

– Тащи в дом, – сказал он, кивнув на пакет с едой. – У меня перерыв.

– Ты «Крокет» купил! Мое любимое печенье! Джозеф рассмеялся и потрепал Тари по голове.

– Как тебе домец? – Он пальцем показал через плечо. – Класс?

– Супер. Мне ужасно нравится. – Тари вытянула из-за уха карандаш и начала рисовать дом.

– Давным-давно здесь жил рыбак. Он этот дом сюда и перевез. Из другого приморского городка.

– Перевез?

– Да, раньше все за собой домики таскали, как улитки. Знаешь, как?

– А зачем их вообще таскать?

– Правительство велело. Так удобнее, когда люди живут кучно. Меньше дорог делать приходится. А многие не захотели строить новые дома и привезли старые. Так ты знаешь, как они это делали?

– На большущих грузовиках?

Отец рассмеялся:

– Нет, это ж было давно.

– На лошадях?

– Нет. Ну, последняя попытка.

– По сто человек собирались?

– Не-а. Сплавливали по воде. – Джозеф встал и повернулся к бухте. – Сначала по воде, а уж потом волоком до места.

– Не может быть. Дома не плавают, – возразила Тари, но на всякий случай пририсовала к дому воду. Волны с барашками.

– Плавают, плавают. Люди строили огромные плоты из бревен и пустых бочек, канатами цепляли к своим лодкам и тянули за собой. – Джозеф извлек из чемодана картонную коробку с посудой. Коробка зазвенела. – Вот так они и перевозили свои хижины. Морские пилигримы. Здорово, правда?

– Да-а... – Тари сосредоточенно рисовала бочки. – А что такое «пилигримы»? – спросила она, втайне надеясь, что это слово тоже можно нарисовать и дополнить картинку с домом.

– Люди, которые перебираются с одного места на другое. Представляешь, как они свои дома любили? Все, перерыв окончен. Давай за работу.

– Я рисую.

– Ничего, хоть раз чем-то еще займешься.

Грустно вздохнув, Тари захлопнула блокнот, но тут же снова открыла и нарисовала над крышей семь летучих рыб.

– Убери блокнот, говорю.

Тари послушалась, но уж очень хотелось подразнить отца. Она приподняла край обложки. Джозеф нахмурился, и девочка сдалась.

– А можно мне печенья? Очень есть хочется.

– Ты же голодная. – Джозеф немного смягчился. – Бедный ребенок.

– Можно, можно?

– Так ведь каникулы. Молено есть, все, что хочешь.

– Ура! Ты самый лучший папа на свете!

Джозеф усмехнулся, подмигнул ей и зашагал к дому. Тари старательно сосчитала застекленные квадратики в окошках на втором этаже. В каждом – по восемь квадратиков. Все здесь было древним, совсем не таким, как в городе. Даже воздух другой. Маме бы тут понравилось. Тари вспомнила про маму и сразу сникла. Она сунула блокнот под мышку и взялась за пакет. Отец как раз снова появился на крыльце.

– Тяже-елый, – заныла Тари.

– Крепись, – ответил Джозеф, гремя коробкой с посудой. – Ты теперь живешь у моря, дева. Так будь же сильной и выносливой.

Тари остановилась, чтобы посмотреть на лес позади сарая, потом на застекленное окно вверх. Она поняла, что в сарае таится какая-то угроза: постройку окутывала еле заметная серая дымка. Тари с младенческих лет считала серый цветом опасности, и под ложечкой у нее засосало. Серая дымка начала пульсировать. «Тари!» – донесся откуда-то едва слышный детский шепоток. По спине у девочки побежали мурашки, она попятилась. Снова застучали капли и зажужжали тысячи мух. От запаха тухлятины совсем расхотелось есть. «Бр-р-р». Личико у Тари вытянулось. Серое облако вокруг сарая теперь отчетливо выделялось на фоне ярко-синего неба.

– Пап, – робко позвала она. – Опять запахло.

Мисс Лэрейси лелеяла в руках брусничный пирог, бережно завернутый в вощеную бумагу. Края обертки она аккуратно заклеила скотчем. «Кулек всем на загляденье», – подумала старушка, любуясь своей работой. Дорога опустела. Томми Квилти жил через три дома, прямо возле клуба. Мисс Лэрейси глубоко вдохнула живительный вечерний воздух и представила в густой траве молодую парочку. Целовашки-обнимашки, пылкие клятвы. Самая подходящая ночь для таких развлечений. Мисс Лэрейси ухмыльнулась. «Э-эх», – протянула она, поджала губы и подмигнула своим бесстыжим мыслям.

В клубе шумели. Доносились мужские голоса и странный звук, похожий на треск таксистской рации. Может, собрание добровольной пожарной дружины? Стальная дверь на замке, внутрь никак не заглянуть. У стены кто-то оставил зеленый фургон, прямо рядом с двумя деревянными контейнерами, один для кухонных отходов, другой для пластмассы и бумаги. Иногда по вторникам мисс Лэрейси не успевала вынести мешки с помойкой к приезду мусоровоза, и приходилось тащить их сюда. И то сказать, не велик труд. Сил у ней до сих пор в избытке. Мисс Лэрейси прищурилась и в свете уличного фонаря разглядела на дверце фургона армейскую эмблему. «А воякам-то чего тут надо? – удивилась старушка. – Небось, опять лотерею затевают, деньжат из наших выбить хотят. Видать, ракеты закончились, не иначе».

И снова мужской голос, но теперь откуда-то слева. Уж не из дома ли Эдиты Поттл, что на углу Поттл – лейн? Как пить дать, это Дэрри Поттл кричит. И чего разоряется? С детства был тихоней, двух слов из него не вытянешь. Чудеса. Они с матерью вдвоем живут. Оба на конвейере работали, пока рыбозавод не закрылся. Мисс Лэрейси склонила голову и прислушалась. Окошки погасли, наступила тишина, и дом утонул во мраке. Ослепив старушку фарами, вниз по дороге с ревом промчалась машина, в салоне грохотала музыка. «Гроб на колесах», – испуганно охнула мисс Лэрейси и проводила сердитым взглядом красные огни стоп-сигнала.

Старушка взглянула на пирог. Теплый, что твой младенец. Все на свете отдала бы,

чтобы внуков понынчить. Да не получится – детей-то в свое время не завела, а теперь и вовсе бесплодна как старая смоковница. Мисс Лэрейси побрела дальше. Зажурчала вода, стало быть, дом Томми Квилти уже рядом. Как раз в этом месте протекает ручей. Он ненадолго скрывается под дорогой, а потом выбирается на поверхность и весело бежит к океану. Если верить Томми, в ручье до сих пор водится форель, надо только запастись терпением и большим жирным червяком. Нет ничего прекраснее звука воды, бегущей по камешкам. Постоишь, послушаешь – все печали как рукой снимет. И все же мисс Лэрейси не стала задерживаться. В одиночку к ручью по ночам нельзя ходить – беду накличешь.

В гостиной у Томми горел свет. Мисс Лэрейси прошла по замусоренной дорожке к задней двери. Возле крыльца ржавел старый фургон. От фонаря во дворе было светло как днем. Повсюду валялись груды металлолома, рядом с домом приткнулись несколько желтых автобусов без колес. Бездомная серо-белая кошка прошуршала в траве и скрылась под брюхом одного из них. Автобус, на котором Томми возил жителей городка играть в лото и карты, стоял чуть поодаль на площадке перед домом. Томми собирал всякую рухлядь. Он с радостью принимал в подарок любой хлам, разбирал на части, и для каждой находил совершенно неожиданное применение. Томми был ясновидящим. Он жил в постоянном ожидании грядущих событий, о пришествии которых знал наперед.

Наружная деревянная дверь оказалась незапертой. Мисс Лэрейси постучала во внутреннюю и напрасно: Томми уже стоял на пороге и приветливо кивал, улыбаясь до ушей. Зубы у него местами почернели, копна каштановых волос не видала расчески по меньшей мере год. Коричневые брюки чем-то заляпаны, зато кремовая рубашка застегнута на все пуговицы. Мисс Лэрейси сразу заметила красное свечение вокруг Томми. Вообще-то аура у него была спокойно-желтая с редкими проблесками голубого. Раз появились красные тона, значит, опять рисовал. Красный – цвет страсти, от которой кровь быстрее бежит по жилам.

– А у меня для тебя пирожок брусничный. – Мисс Лэрейси подняла сверток повыше, чтобы Томми понюхал, и, не дожидаясь приглашения, прошествовала мимо хозяина в дом. – Гляди-ка, с пылу с жару.

– Это ж самое то, – сказал Томми и опять закивал. Мисс Лэрейси положила пирог на кухонный стол.

Томми прямо светился от счастья. Чудо, а не парень – душа нараспашку, сердце золотое.

– Ну, каких нам еще напастей ждать? – спросила мисс Лэрейси и потерла руки. – Давай свои загадки.

Джозеф прилег на узкий диван в гостиной и посмотрел на Тари. Девочка спала на раскладном кресле у противоположной стены. Во сне она всегда казалась младше, лицо становилось трогательным, как у младенца. Сердце Джозефа сжалось от любви к дочери и от беспокойства за ее судьбу. Не дай бог с Тари что-нибудь случится, она же такая беззащитная. Интересно, этот родительский инстинкт когда-нибудь придет в норму? Да и какая у него вообще норма?

Перед сном Тари читала книгу о полевых цветах, о том, как отличить один от другого, и какое применение находили им в старину. Рисовать Джозеф запретил, и теперь открытый блокнот лежал на подлокотнике кресла. Тари выронила его, когда заснула. На рисунке из воды поднимались морские чудища. Откуда у дочери талант к рисованию? Художников в семье у Джозефа не водилось, а может, он о них просто не знал. Да и у Ким родственники были не по этой части. Учителя рисования постоянно хвалили Тари, она на голову опередила всех своих сверстников.

Оставшись без любимого занятия, Тари полезла в застекленный книжный шкаф – он громоздился в углу гостиной – и достала травник. Тари любила все, что цветет. Она уже принесла на кухню букет сирени и полевых цветов и поставила в старинный синий стакан. Послушать ее, так это самое первое дело при обустройстве дома. Тари показала Джозефу в травнике свои любимые цветы, но отец не слишком внимательно слушал и не запомнил ни

одного названия. У него была своя книжка. Джозеф привез ее с собой в чемодане. Сборник рыбацких легенд Ньюфаундленда. Эту книгу много лет назад подарила Ким. Джозеф надеялся, что морские байки настроят его и Тари на приключенческий лад. Вот только сосредоточиться никак не удавалось. Не любил он читать. Смастерить что-нибудь или пойти погулять – это занятие для него. Иное дело Ким. Каждую свободную секунду она уделяла чтению, особенно любила классику и викторианские романы. В них героини постоянно томились под гнетом какого-нибудь жестокого брютета. Джозефу жалко было тратить время на такое чтиво, он никак не мог понять, почему Ким с таким жадным интересом читает про чужие несчастья. Наверное, жизнь в невыносимых условиях со стороны кажется романтической.

Джозеф заметил, что вновь и вновь перечитывает одну и ту же строчку. Слова не доходили до сознания. Может дело в непривычной обстановке? Джозеф старался не думать о Ким. А ведь ей бы здесь непременно понравилось еще больше, чем ему самому. Уж она-то оценила бы Уимерли по достоинству. Да, Джозеф изменился, вернее, это Ким его изменила. Он привык смотреть на мир глазами жены. До встречи с ней Джозеф никогда бы не почувствовал очарования старого рыбацкого дома.

Глядя на безмятежное детское личико, Джозеф вспомнил, как часто они с женой любовались спящей Тари. Сегодня утром, когда он приехал забирать дочь, Ким просто ослепляла красотой. Джозеф представил, как она выходит из дома. На ней красная блузка, свободные хлопковые брюки, в руках сумка Тари, на шее бинокль. Чисто вымытые каштановые волосы блестят и переливаются в лучах солнца. Темно-коричневая помада, любимая помада Джозефа, оттеняет огромные карие глаза. За долгие месяцы разлуки Джозеф совсем отвык от Ким, и теперь видел словно впервые. Вздернутый носик. Широкие скулы, из-за них она всегда казалась совсем юной. Шрамик на подбородке, другой – на правом запястье: в двенадцать лет Ким упала с велосипеда. Эти отметины напоминали, что она обычный человек и способна совершать обычные человеческие ошибки.

Джозеф положил на нее глаз девять лет назад в ночном клубе. Поначалу он принял Ким за болтливую пустышку, у которой на уме одни модные тряпки. И ошибся. Как раз тогда она защитила кандидатскую по морской фауне. Улыбалась Ким обворожительно, но держалась отстраненно. Слова выбирала с осторожностью и пила не шампанское, как ее сверстницы, а только хорошее пиво. Она вся состояла из милых противоречий. Джозеф влюбился в эту девчонку, рассуждавшую об особенностях поведения ракообразных и прочих безмолвных обитателей морского дна, **что** коротают свой век на невообразимой глубине. Научные факты в ее устах становились музыкой.

Куда подевались те счастливые дни, те долгие беседы? Постепенно взаимоотношения свелись к деньгам, политике, к тому, кто прав, кто виноват. Как тратить деньги. Как воспитывать Тари. Как открывать банку с консервированной кукурузой, резать хлеб, складывать белье. Кому труднее. Кто в семье главный. Кто больше работает и при этом больше хлопочет по хозяйству. («У кого вериги ржавее», – мрачно шутила Ким). Почему она так изменилась? Если верить Ким, все дело в Джозефе. Это он на нее повлиял. А кто повлиял на него самого? Джозеф стал другим человеком, словно часть его души удалили под наркозом.

Внезапно перед глазами все поплыло, как будто Джозеф несколько дней провел на палубе корабля и неожиданно сошел на берег. Накатила тревога. Джозеф мгновенно вспотел, сердце помчалось галопом, горло свело судорогой. Он выпрямился и вцепился в диванный валик. Сглотнуть удалось только с четвертой попытки.

Первый раз это случилось на позапрошлой неделе. Джозеф тогда решил, что умирает. Казалось, мозги сейчас вытекут, сердце почему-то колотилось в горле и висках. Вздохнуть никак не удавалось. Паника. Джозеф доковылял до зеркала в ванной, он хотел убедиться, что все еще существует. Отражение то сжималось, то распухало, дрожащие колени со стуком бились о шкафчик под раковиной. Джозеф уже собрался вызывать скорую, но тут ему полегчало. «Панический приступ, – спокойно объяснил врач и выписал таблетки ативана. –

Нервная система не справляется. Скорее всего, последствия развода. Сейчас это сплошь и рядом». Джозеф не понял, что имеет в виду доктор – разводы или панические приступы. Врач очень спешил, а потому говорил быстро и непонятно, у него, как всегда, были записаны два пациента на одно и то же время. Он вырвал из блокнота рецепт, перегнулся через стол и двумя пальцами протянул бумажку Джозефу: «Как только станет плохо – две-три таблетки под язык. Действует моментально». Все. Прием окончен. Пилули помогут. Наука спасет. Проще не бывает.

Джозеф поднялся с дивана, в нагрудном кармане зашуршала какая-то бумажка. Он развернул, это оказался телефон мисс Элен Лэрейси. Странная старуха. Чокнутая, скорее всего. Еще не хватало о ней думать. Джозеф положил листок на тумбочку и вышел в прихожую. И дом этот странный. Но на это мы сейчас обращать внимания не будем, и так нервы на пределе. Он потер уставшие глаза. На полу возле лестницы валялась дорожная сумка. Джозеф поднял ее и отнес на второй этаж. Там он направился в комнату с видом на бухту и городок. Пусть спальня будет здесь. Он бросил сумку на мягкую кровать, расстегнул молнию и полез за таблетками. Стопка белья, зубная щетка, одноразовая бритва, ага, пузырек. Джозеф отвернул крышечку. Руки дрожали, он чуть не уронил две таблетки на пол, но все-таки поймал их в воздухе и сунул под язык. Потом зажмурился и немного постоял, не шевелясь. Глубокий вдох... Ждем. Считаем до пяти. Выдох. Паника отступала, по телу разливалось тепло. С души будто камень свалился.

Он открыл глаза и посмотрел на свое отражение в оконном стекле, но увидел не себя, а какого-то бородатого верзилу. Джозеф быстро оглянулся – сзади никого не было. Аккуратно застеленная постель. Деревянное кресло-качалка с вышитой подушечкой. Камин с железной решеткой. Пусто. Он снова взглянул на окно. Бородач пропал. Джозеф ошеломленно покачал головой и потер щеку. Никакой бороды, только щетина.

Он спустился вниз. Может, Тари разбудить? Нет, не надо быть эгоистом. Лучше выйти подышать свежим воздухом. Теплые летние ночи успокаивают, напоминают о детстве. Внизу, в прибрежных домах уютно мерцали огоньки. Он запрокинул голову и посмотрел на звезды. Вдалеке залаяла собака, словно Джозеф ступил на ее территорию. Где-то на полпути к морю прогудела машина, гудку ответила корова. Джозеф повернулся к соседскому дому. По траве скользнула тень, потом отворилась дверь, и свет из прихожей упал на рыжеватую блондинку в свободном белом платье. Она взялась за ручку обеими руками, опасливо оглянулась и скрылась внутри. Джозефу стало любопытно. Он еще немного понаблюдal за дверью, но ничего не произошло. В окнах женщина тоже не появилась. Джозеф собрался было отвернуться, как вдруг мелькнула еще одна тень, пониже. Огромная собака, черная и лохматая, бесшумно взлетела на соседское крыльцо. Она уселась возле двери и застыла суровым стражем.

Со мной живут мертвецы. Наяву и во сне со мной живут мертвецы. Сны стали невыносимы. Ночь за ночью я вижу мрачное лицо Реджа. Джессика, а она теперь говорит как взрослая, сообщила, что раз мне снится муж, значит, я по-прежнему люблю его. Но днем приходит он не может – моя любовь слаба, ибо отравлена ненавистью. Верно, верно. Я так его ненавижу! Он оставил меня одну наедине с вечными сомнениями и смятением духа. Редж требует, чтобы я убила человека. Того, по чьей вине Редж сотворил все это с собой и Джессикой.

Гневный голос мужа не дает мне покоя уже несколько месяцев. Голос твердит, что человек этот скоро придет, и с ним его дочь. Мертвецы подстрекают живых. Каждую ночь снится, что Редж протягивает мне нож с длинным тонким лезвием. Время течет сквозь пальцы. Сплю. Просыпаюсь. На ночной рубашке алеет пятно. Оно расплывается, я вся становлюсь алой – до кончиков волос, до пуговиц на рубашке. Все нутро скручено в узел, я просыпаюсь опять и держусь за живот, вместо рыданий хрип, словно ножом полоснули по горлу. Джессика!

Клаудия Кайл отложила перьевую ручку и захлопнула дневник. Три свечи в подсвечниках мерцали перед ней на полировке дубового стола. На обложке тетради – ангелочек в окружении гигантских цветов, белых и алых. Интересно, кто из великих написал эту картину? Наверное, Рембрандт. Клаудия задумчиво провела рукой по обложке и на рукаве сатиновой ночной рубашки заметила два чернильных пятнышка. Может, еще отстирается? Чернила на сатине... Трудно удержаться. Клаудия схватила ручку и написала на рукаве крупным красивым почерком: *«Моя одежда – пергамент. Она поведает миру историю моей жизни»*.

Клаудия подняла глаза к темному окну. Посмотрела на свое отражение, на дрожащий ореол вокруг головы. Розоватые отблески пламени скользят по белой коже, длинные до пояса волосы с медным отливом зачесаны назад и стянуты белой лентой. Когда-то Клаудия считала себя изящной, многие восхищались ее статью. Теперь в ней что-то надломилось. С каждым днем Клаудия ела все меньше и меньше, не брала в рот ни капли воды и видела мир словно чужими глазами. Воспаленные веки задрожали. «Где грань между утонченностью и болезнью?» – спросила она себя.

Клаудия мучительно собралась с мыслями и посмотрела вдаль. Отражение расплылось, зато пейзаж за окном обрел четкость. По склонам спускались освещенные уличными фонарями мохнатые ели, их верхушки клонились к нижней дороге, по берегу рассыпались огоньки рыбацких домов. Разноцветные блики играли на черной воде, вызывая в памяти Рождество. В солнечные дни океан сиял безукоризненной синевой. Огромный утес навис над бухтой, он казался угольно-черной тучей, он казался огромной дырой в небесах, он завораживал и притягивал.

Со второго этажа своего дома Клаудия разглядывала Уимерли в большое панорамное окно. Кто бы ни приезжал к ней, друзья или журналисты, каждый приходил от этого вида в неопиcуемый восторг. Кажется, совсем недавно перед крыльцом толпились газетчики. Не обозреватели художественных изданий, а репортеры криминальной хроники. Они наперебой задавали вопросы о пропавших без вести муже и дочери. Эти шакалы всегда охотились за людскими несчастьями, а потому исчезновение Реджа и Джессики сразу после Рождества стало для них профессиональным праздником. Прошло полтора года. От тех, кого Клаудия так любила, по-прежнему не было никаких вестей. Снам она верить боялась. Это все излишняя впечатлительность, говорила она себе снова и снова, чтобы не лишиться рассудка. Ей хотелось думать, что Редж не сделал с Джессикой ничего ужасного. И все же Клаудия знала, что он изменился в последнее время, стал раздражительным и неуправляемым. В нем появилась несвойственная ему прежде тяга к насилию, он стал воплощением зла. По-другому не скажешь. Воплощение зла. Его потаенная жестокость рвалась наружу.

Когда их совместная жизнь только начиналась, Редж был сама доброта, он плакал от радости, когда родилась Джессика. Он держал на руках младенца и как младенец плакал сам. Из Реджа получился отличный отец. Он с утра до вечера был готов играть в прятки и лото, обожал рассказывать дочери захватывающие истории из жизни матери, бабушек и дедушек или отца-рыбака. Редж был преданным мужем и всегда выполнял любые капризы Клаудии, он вникал во все тонкости ее ремесла, на него можно было опереться. А потом Редж потерял работу. И сразу переменялся. Все меньше внимания стал уделять семье и все больше уходил в себя. Редж почти перестал отвечать на вопросы, лишь изредка раздраженно огрызался. Через несколько недель он уже смотрел на домашних с неприкрытой ненавистью. Мать и дочь стали его бояться. Как-то Редж позволил себе грязно обругать Джессику всего лишь за то, что ребенок случайно измазал арахисовым маслом телевизионный пульт. Редж вцепился в дочь и тряс, пока девочка не закричала, ее пронзительный визг разнесся по всему дому. Клаудия устала жить в постоянном страхе, она уже готова была собрать вещи и уйти вместе с Джессикой, но тут Редж исчез. И Джессика вместе с ним. Занимался серый зимний рассвет. Ветер бросал в лицо пригоршни колючего снега. Клаудия стояла на дороге и звала дочь, пока не охрипла. «Джессика, Джессика!» – кричала она. Никого, только вой метели, только непроглядная снежная пелена. Через два дня после Рождества. За пять дней до Нового года.

Восемнадцать месяцев назад. Полиция так и не закрыла дело. Они продолжают искать Реджинальда Кайла. Реджа и Джессику.

Дом Клаудии стоял у верхней дороги. Несмотря на приличный асфальт, здесь почти никто не ездил. Но сегодня днем показалась машина. Она свернула к дому Критча. С переднего сиденья на Клаудию смотрела девочка.

Это значит, что по соседству появится ребенок. Клаудия расстроилась. Лес здесь совсем близко, не дай бог с девочкой что-нибудь случится. Да и каково будет просто смотреть на веселое, полное жизни дитя. Чужое дитя. Как это больно.

В стенах чуть слышно урчали трубы. Это шумела вода, нагретая солнечными батареями. Насосы гнали ее по артериям дома.

– Мамуль, – раздался за спиной детский голосок. Клаудия продолжала неподвижно смотреть в окно, изучая темные заросшие склоны.

– Мамуль, – голосок стал громче. – Ты видела ту девочку? О которой сейчас думала?

За окном чернел океан. Клаудия смотрела на свое бледное отражение, и глаза ее блеснули. Две слезинки скатились по щекам, задержались в уголках губ, соскользнули и повисли на подбородке. Клаудия вытерла их пальцами, поднесла к губам, но лизнуть себе не позволила.

«Откуда берутся слезы? – удивилась она. – Неужели в организме еще есть вода?» В последнее время жажда перешла в новое качество. Порой подступала дурнота. Пульс теперь был неровным, даже когда Клаудия отдыхала. И все же она еще сохранила свободу передвижения и могла, например, взбежать по ступеням, даже не вспотев. Плакать еще получалось, а вот потеть – уже нет.

В саду у Критча смутно маячила какая-то фигура. Это новый сосед вышел из дома и встал лицом к сараю. А женщины в машине не было. Где же она – женщина, жена, мать?

– Мамуля...

Клаудия обернулась к двери. За проемом начиналась деревянная лестница, что вела на первый этаж. Голосок запел:

У папы не осталось дел.
Сидел и на воду глядел.
Сидел, глядел, не ждал беды.
Теперь глядит из-под воды.

Клаудия пошевелила пальцами, словно помогая себе вникнуть в смысл этих слов. Казалось, руки живут своей собственной жизнью. Рукав ночной рубашки распрямился, надпись стала видна целиком: *«Моя одежда – пергамент. Она поведает миру историю моей жизни»*.

– Мамуль, эта девочка уже приехала.

Клаудия не ответила. Она стояла совсем тихо и не задавала вопросов, но голосок все же пояснил:

– У нее птичье имя. Она видит сквозь сон и явь, значит, с ней можно будет поиграть. Мы обязательно подружимся.

Джозеф отнес Тари на свою постель и заботливо подоткнул одеяло. Как-то спокойнее, если дочь останется здесь. Он лег рядом, погасил ночник и уставился в потолок. Сна ни в одном глазу, слишком много было сегодня впечатлений.

Днем они с Тари бродили по полям и пустырям, любовались на дома, сараи, по-деревенски огромные дворы и старые переулки, такие узкие, что по ним с трудом проезжала машина. От травы и земли поднимался теплый медовый запах, в ярких солнечных лучах все краски были живыми и сочными. Джозеф словно вернулся в детство. Свобода. Интересно, где тут живет дядя Даг? Может, они даже прошли мимо его дома, сами того не зная.

Уимерли оправдал все ожидания. Очаровательный городок, лучшего места для летнего отдыха не найти. «В городе Уимерли сдается на лето двухэтажный рыбацкий дом». Едва Джозеф прочитал газетное объявление, нахлынули воспоминания детства, и мечтательная улыбка заиграла на губах. Вспомнился отец, его звали Питер, он умер несколько лет назад. Вспомнились черно-белые фотографии дяди Дага, он до сих пор живет в Уимерли. С пожелтевших снимков сурово взирает самоуверенный молодой человек. Теперь-то ему, наверное, за шестьдесят. Джозефу захотелось взглянуть на дом, где родился отец, есть надежда, что дядя Даг так и живет в родном городке. Дочери Джозеф пока ничего о родственнике не рассказывал. Кто знает, как отнесется дядя к их появлению: между Питером и Дагом не все было гладко. Хотя, с другой стороны, почему их разногласия должны помешать Тари познакомиться с двоюродным дедушкой?

По долгу службы Джозеф исколесил почти все побережье Ньюфаундленда, но так и не перестал удивляться названиям местных населенных пунктов. Уимерли. Вот он на карте: всего полтора часа езды к юго-западу от Сент-Джонса, побережье залива Благоу-вест.³ Другие местечки звались не менее колоритно: Купидоне, Порт-де-Гибль, Потрошир, Прямборо и Голлоу-Вешкинг.⁴ Лучшего места для ребенка не сыскать. Старинный дом, кособокий сарай, бескрайний океан. За три недели Тари отведал настоящей жизни в рыбацком поселке. Добавим чуть-чуть семейной истории. Вот вам и связь времен.

Дядя Даг был отважным рыбаком, как и его отец и дед. Он разругался с братом, когда Питер решил перебраться с семьей в город. В то время Джозеф был еще совсем маленьким. Питер заявил, что не желает больше рыбачить, что плевать он хотел на привычный уклад и что его семья должна жить лучше. Лучше. От этого слова всегда одни неприятности. Началась сухопутная жизнь. Мать рассказывала Джозефу, что дядя Даг назвал брата лентяем и городским размазней. Последовала безобразная сцена, и с тех пор братья друг с другом не разговаривали. Надо сказать, что, когда отец умер, дядя Даг все-таки приехал на отпевание. Он надел свой лучший (и единственный) костюм, постоял в углу церкви, ни с кем не общаясь, выждал для приличия несколько минут и удалился. Полированный гроб опускали в могилу уже без него. Джозеф искал дядю глазами, но того и след простыл.

Одному богу известно, что подумал Даг, когда Джозеф стал инспектором рыбнадзора. Наверняка решил, что сынок пошел по стопам отца-предателя.

Он был единственным братом Питера и последним здравствующим членом семьи. Джозеф считал своим долгом узнать его получше, пока дядя не ушел из жизни и не унес с собой семейные предания. Кое-что удалось вытянуть из отца. Бывало, Питер садился у окна, устремлял взгляд в бесконечность и начинал неспешное повествование. О событиях прошлого он рассказывал с неизменным почтением.

Одна легенда была такая. Как-то раз во время ужасного шторма дяде Дагу лебедкой оторвало фалангу большого пальца. Но дядя не растерялся. Он схватил иглу, какой латают снасти, продел в нее леску и пришил окровавленный обрубок. Утлое суденышко ходило ходуном, гигантские волны перехлестывали через борта, глаза разъедала соленая морская пыль.

Или вот еще легенда. Однажды в юности Даг и Питер вышли в море погожим летним днем. Где-то вдали послышался странный гул. Гул усиливался. Братья подняли головы и увидели биплан. Теряя высоту, он шел прямо на вершину утеса, где стоял дом мистера Хауко. Машина с воем протаранила здание, напрочь снесла второй этаж, ее развернуло и понесло прямо на Питера и Дага. Но столкновения не произошло. Каким-то чудом биплан пролетел над плоскодонкой и рухнул метрах в десяти. Даг поплыл к дымящимся обломкам, надеясь спасти пилота. Ни в кабине, ни в воде людей не оказалось. Даг вскарабкался на

³ Conception Bay – залив Атлантического океана.

⁴ Cupids, Port de Grave, Shearstown, Cutland Junction, Burnt Head – города на Ньюфаундленде.

крыло и обнаружил обезглавленное тело. Голову пилота так и не нашли.

Если верить всем этим историям, дядя, похоже, родился в рубашке.

Родители Джозефа умерли. Сначала отец от рака мозга. Он тридцать лет прослужил в департаменте туризма, и оказалось, что в здании хранились ядовитые вещества. Мать скончалась полгода спустя. Врачи сказали, от старости. Джозеф был уверен, что от тоски. Мама работала медсестрой и ушла на пенсию всего за четыре года до смерти. Родители были умными, работающими и веселыми людьми. Они обожали вечерами пересказывать друг другу разные случавшиеся с ними глупые истории и при этом катались от смеха, хватая ртом воздух и утирая слезы. Как не хватает теперь этих вечеров в гостинной! Жалко, что Тари почти не помнит дедушку с бабушкой. Когда их не стало, малышке только-только исполнилось пять.

Джозеф вспомнил, как сегодня Тари выскочила из машины, едва они подъехали к дому Критча, и начала оглядываться в поисках сверстников. Слева – дом с солнечными батареями, справа, дальше по верхней дороге, старая заброшенная церковь. И нигде никаких детей. Через некоторое время у свежей могилы на церковном кладбище собралась толпа. Были и те, кого Тари и Джозеф встретили, въезжая в городок. Уж не дядю ли Дага хоронили? На лицах застыло выражение неизбывного горя. Джозеф и Тари удостоились лишь нескольких мимолетных взглядов. Никто не кивнул, никто не помахал рукой.

Джозеф разглядывал потолок, древние беленые доски, завитки бронзовой люстры. Кто эта женщина из соседнего дома? Он пытался вспомнить ее лицо, но мысли сами собой возвращались к кладбищу, к печальным людям, провожавшим машину глазами. Скорбь на лицах постепенно сменялась ненавистью.

Томми широко улыбнулся мисс Лэрейси и кивком показал на узкий коридор, ведущий в гостиную.

– Я нарисовал кой-чего.

– Небось, рыбу? – поинтересовалась старушка, любовно оглаживая пирог. Она порядком проголодалась и с удовольствием съела бы кусочек. Да и чашечка чаю была бы в самый раз. Только сначала надо посмотреть картинки Томми. Художник он чудесный, но самое главное, не *как* он рисует, а *что*.

– Не-а, не рыбу. – Томми круто повернулся и двинулся по коридору. Узкий проход украшали карандашные портреты каких-то семейств и десятки библейских цитат в рамках под стеклом. Больше всего мисс Лэрейси нравилось изречение: «Благодатию Господа Иисуса Христа спасемся».⁵ Во-первых, красиво, во-вторых, правда. Впрочем, это не мешало старушке время от времени постукивать пальцем по рамке, приговаривая: «Благодатию Господа Иисуса Христа пасемся».

Томми гостеприимно повел рукой, приглашая мисс Лэрейси следовать за ним.

– Тут вот Райна заглянула, – сообщил он.

– У тебя маслице есть не горклое, пирог намазать? – спросила старушка, семена за хозяином.

– Так может тогда чайку согреть?

– И то дело, – проворковала мисс Лэрейси с порога и подмигнула Томми. – Только тогда уж самого наилучшего.

В гостинной громоздилась мебель всех стилей и времен. Старушка кивнула Райне, которая со стаканом в руке развалилась на низеньком диване. Полупустая бутылка янтарного рома стояла рядом на кофейном столике. Райнина аура потускнела и стала цвета плесени, значит, выпила дамочка порядком. Печень явно никуда не годится, а все потому, что мелкие страстишки затмили внутренний свет.

– Наше вам добросердечное, – сказала мисс Лэрейси.

⁵ Деяния святых апостолов, 15:11.

– Видали мы ваше «добросердечное»... – пробурчала Райна, облизнула подпухшие губы и помотала головой. Голубая футболка, темно-синие в обlipку джинсы. С Райниной фигурой не стоило их надевать. Мисс Лэрейси подумала, что в таком возрасте пора уже следить за собой. Хотя, конечно, нынче мужиков ничем не проймешь, даже непонятно, на кой стараться. Они после свадьбы на супружницу и не смотрят, хоть нагишом ходи. Нет, ну вы гляньте только на эти косматые патлы. Что твоя березовая метелка. Оюшки-горюшки – какие дела. Райна с тех пор, как муж помер, совсем за собой не глядит. А чего убиваться? Муженек, прямо скажем, был не подарок, только и знал, что семейные деньги пропивать... Боже ты мой, она еще и босиком! Кроссовки скинула, носки разбросала – вот распустеха!

– Ну че, за встречу? – спросила Райна, помахав бутылкой.

– Нет уж, меня от такой гадости разорвет.

Томми разложил рисунки на обеденном столе красного дерева и застыл в ожидании. Стол этот был обязан Томми жизнью. Массивное сооружение с резными ножками кто-то выбросил во двор, чтобы освободить место для новой мебели – блестящей и хромированной. Рядом тускло поблескивало медными заклепками бордовое кожаное кресло. Чуть поодаль на выпцветшем голубом серванте с двумя глубокими ящиками в беспорядке лежали пожелтевшие шербатые тарелки с каймой из розочек. Прямо лавка древностей, только покупатели что-то не торопятся.

Томми пальцем отодвинул один из рисунков и быстро сунул руки в карманы. Рисунок изображал гору, над ней кружились какие-то огромные насекомые – три штуки. Набросок был сделан углем, это подтверждали черные пятна на рубашке художника. Томми медленно тер их пальцами и, застенчиво улыбаясь, ждал, когда же мисс Лэрейси выскажет свое авторитетное мнение.

– Томми здорово рисует, – слишком громко сказала Райна. – В жизни не видала, чтоб так рисовали.

Мисс Лэрейси не слушала.

– Это что ж тут такое летает? – спросила она и прищурилась, чтобы получше разглядеть рисунок.

– Вертушки, – объявил Томми, предостерегающе выпучив глаза. Он ткнул в занавешенное тюлем окно. – Там, над мысом.

Мисс Лэрейси поднесла рисунок к глазам.

– А ждать их когда? – Она уже почти возила носом по бумаге, изучая каждый штрих.

Томми, словно школьник, пожал плечами и переступил с ноги на ногу.

– Так что, по чашечке? – нервно спросил он.

Всякий раз дно и то же. Томми обязательно надо похвастаться своим искусством, но так, чтобы ничего не объяснять. Как будто рисунки предрекают несчастья, и Томми в ответе за каждое сбывшееся пророчество.

– Лучше по стаканчику, – пробормотала Райна заплетающимся языком. – Мой-то чаек покрепче. – Она фыркнула, как лошадь, оттопырив губу. Рука безвольно упала на коленку. Раздался шлепок.

Мисс Лэрейси оглянулась на Райну, та поджала ноги и калачиком свернулась на диване. Глаза сами собой закрылись, стакан в руке опасно наклонился над алым восточным ковром. К счастью, проливаться было уже нечему. Райна засопела во сне, и аура ее слегка прояснилась, поскольку тело перестало верховодить душой. Стакан выскользнул из пальцев и со стуком упал на ковер.

– Тягостно ей, – словно оправдываясь, сказал Томми. – Потерялась совсем.

– Да кто ж не поймет.

– Ну, ничего, я тут смотрю.

– Тебя, сынок, Господь ей послал.

– Пойду чайник ставить.

– Ага, – сказала мисс Лэрейси, и, насупившись, положила рисунок на стол, – по чашечке выпить – милое дело. – Ей захотелось добавить что-нибудь сердечное. Мисс

Лэрейси заметила, что Томми внимательно смотрит на свое творение. В глазах у него мелькали лопасти вертолетов. А может, просто слезы навернулись, хотя Томми изо всех сил бодрился. Мисс Лэрейси взяла его руку в свои ладони.

– Ты не тревожься о том, что будет, мальчишечка. – Она потрепала его по руке, улыбнулась ласково и беззубо. – Не тревожься понапрасну. Напасти как приходят, так и уходят, а мы остаемся.

Вот бы и переживания можно было выключить, как ночник. Щелкнуть выключателем и раствориться в пустоте. Джозеф тихо лежал в кровати, прошедший день остался позади, но сегодняшние события все равно мелькали перед глазами. Например, путешествие из Сент-Джонса. Первые полчаса Тари была захвачена поездкой, подпевала новомодным песенкам, звучавшим по радио, сама придумывала слова, если неточно помнила текст, и очаровательно улыбалась Джозефу. Так улыбаются только дочери любимым отцам. Она даже на время перестала рисовать. И очень хорошо – это чрезмерное увлечение уже начинало его беспокоить. Поп-певцы старались так, будто штурмовали Эверест. Джозефу надоел этот бодрый идиотизм, и он поставил кассету с оперной музыкой.

Магия дороги и спокойная оркестровка подействовали умиротворяюще. Тари замолчала. Не говоря ни слова, она полезла в сумку под ногами, достала блокнот, карандаш и начала рисовать. Ни одной вокальной партии Джозеф не узнал, но это и не важно. Музыка прекрасно подходила к пейзажу по сторонам шоссе: все кругом дышало величием и красотой. Мимо пролетали разноцветные пустоши, всюду в беспорядке лежали валуны, их оставил отступивший ледник. Вдали смыкались ряды елей, тут и там мелькали озера.

Время от времени Джозеф смотрел на Тари, ловил ее чистый, по-детски открытый взгляд. Отцовское сердце наполнялось любовью и гордостью. Он то и дело поправлял дочери челку или брал за руку. Какая крохотная ладошка! Так они и ехали, рука в руке, большую часть пути.

У поворота на потроширское шоссе они, наконец, увидели дорожный знак: до Уимерли 23 километра. По сторонам дороги мелькали поля, паслись овцы, в высоких свежих стогах сохло скошенное сено. Музыка перешла в крещендо, а потом стала затихать, наполняя сердца спокойствием и благодатью.

– Правда, красота? – заметил Джозеф.

– Ага, – тихо согласилась Тари. Поначалу она лишь изредка отрывалась от блокнота, чтобы взглянуть на дорогу, но вскоре пейзаж всецело завладел ее вниманием. Девочка подалась вперед и положила руки на приборную панель.

Появился указатель с надписью «Уимерли».

– Вон он, – сказала Тари.

Джозеф сбавил скорость и повернул. Далеко впереди над заливом возвышался утес. На больших земельных наделах стояли щитовые дома, обшитые узкой вагонкой. Но чем ближе к центру городка, тем участки становились меньше и располагались только позади домов. Задние дворики тянулись к скалистым взгорьям, защищавшим Уимерли с севера и юга.

Джозеф взглянул на Тари, дескать, как тебе?

– Ну вот, приехали.

– Классно. А море где?

– Вон, видишь гавань?

Тари приподнялась на сиденье:

– Круто!

– И дома какие, смотри, симпатичные. Кстати, может, потом на рыбалку сходим.

Тари озорно улыбнулась, закрыла лицо и посмотрела в щелку между ладонями.

– Правда? А пошли сейчас!

– Сначала обустроимся.

Они проехали почту, через дорогу от нее стояло красное одноэтажное здание городского клуба. Через мгновение совсем рядом с ними слева уже плескался океан. Тари

вытянула шею, чтобы посмотреть в окно со стороны Джозефа.

– Ух ты, сколько лодок!

– Они тут почти у всех.

– Вода красивая, прямо обалдеть, да, пап?

– Да, солнышко. – Джозеф слегка улыбнулся и посмотрел на ровную темно-синюю поверхность воды. Он служил инспектором рыбнадзора вот уже больше двенадцати лет. В основном дела шли гладко, лишь иногда случались стычки с местными и иностранными браконьерами. Главная неприятность произошла несколько недель назад: пока Джозеф взбирался по трапу, сверху выплеснули ведро с тухлой рыбой. Пришлось два раза тщательно вымыться, но и это не помогло. Запах въелся в ноздри.

Вода завораживала. Джозеф глядел на волны и радовался, что дочь его понимает, чувствует красоту моря.

Впереди на дороге столпились машины, солнце блестело на стеклах и хромированных боках. К церкви тянулись люди в точно таких же платьях и костюмах, какие надевали выпускники, когда Джозеф заканчивал школу. Он почувствовал укол ностальгии. Тари заинтересовалась происходящим, и Джозеф сбавил скорость. Поравнявшись со ступенями церкви, он заметил черный катафалк.

– Пап, это что, похороны?

– Да, похоже на то. – Джозеф ехал еле-еле. Он хотел продемонстрировать уважение к усопшему, а кроме того боялся кого-нибудь задавить.

– А кто умер? – прошептала Тари, чуть не плача.

– Не знаю, солнышко.

Пожилая пара рука об руку брела по дороге. На женщине было бесформенное черно-белое платье в полоску и черная шляпа. Ее муж в наглухо застегнутом синем костюме с трудом переступал негнущимися ногами. Он тяжело дышал и держался за грудь. Женщина явно беспокоилась за него. Может, стоило предложить им помощь? Впрочем, людей вокруг много, все – жители городка, все друг друга знают. Помогут, если что.

Картины прошедшего дня постепенно меркли, воспоминания отступали. Темная спальня снова вышла на первый план. Джозеф прислушался. Как тихо в доме... Надо отвлечься, подумать о чем-нибудь приятном.

С утра, прежде чем забрать Тари, он погрузил в машину подушки, одеяла, книги, посуду, кастрюли, еду и, самое главное, удочки. Джозеф уже несколько месяцев с нетерпением ждал этого путешествия. Дочь он обожал. Теперь, после развода, Джозеф стал видеть ее гораздо реже, и это было мучительно. По ночам, лежа в своей квартире на диване, он представлял, как играет с Тари в подкидного дурака или нарды, как они вместе смотрят телевизор, а между ними стоит большая миска попкорна с шоколадной подливкой. Поп-корн и шоколад Тари любила больше, чем собственно фильмы. Кино ее почти не занимало. Иногда Тари вообще воротила нос от прокатных видеокассет и уходила играть сама с собой. Джозеф как-то раз спросил, почему она не хочет посмотреть фильм, и Тари ответила: «Там слишком много всего». «Слишком много чего?» – удивился отец. «Всего. Каждую фиговку показывают. Все время что-то происходит, люди какие-то бегают». Джозеф не настаивал больше. Он решил, что девочка не любит, когда не остается места для воображения. Гораздо больше Тари нравилось гулять, качаться в парке на качелях и визжать от восторга, когда отец пытался схватить ее, рыча по-собачьи. В своей одинокой квартире Джозеф часто забредал в спальню Тари и смотрел на пустую постель, которую дочь всегда стелила сама. Он разглядывал игрушки, плюшевых зверей, рисунки на стенах и чувствовал себя одиноким и потерянным. От тоски руки и нога словно свинцом наливались. Чтобы развеяться, приходилось шататься по улицам.

Джозеф открыл глаза. Дом Критча. Стены оклеены выцветшими обоями с узором из розовых бутонов. Кроме мягкого дыхания Тари, не слышно ни звука. Он внимательно посмотрел на дочь, поцеловал в щеку, еще посмотрел и снова поцеловал, на этот раз в лоб.

Джозеф выбрался из кровати и отважно спустился в темную кухню. Не зажигая света,

подошел к мойке и оперся о холодный металл. Взглянул в окно. В панелях на остроконечной крыше соседского дома отражались звезды. Джозеф решил подождать, вдруг хозяйка хоть как-то себя обнаружит. И действительно, вскоре окна верхнего этажа слабо засветились. Одна за другой зажглись свечи. Из темноты выплыла бледная фигура. Женщина. Волосы с медным отливом, алая ночная рубашка, воротничок-стойка наглухо застегнут у горла. Женщина умоляюще простерла руки в сторону Джозефа и прижала ладони к стеклу.

По лицу Ллойда Фаулера бежали блики от телевизора. Он сидел в темной гостиной и смотрел фильм о Второй мировой. Черно-белые кадры хроники: застывшие груды голых иссохших тел. Серые ребра, как у скелетов. Серые лица. Серые ноги-спички. Ллойд понятия не имел, пока был на фронте, какие зверства творили нацисты. Слухи, конечно, ходили, но он, как и другие солдаты Ньюфаундлендского Королевского пехотного полка, старался не верить в этот кошмар. Иначе все, что пришлось пережить, показалось бы ерундой. Когда-то Ллойд гордился, что помог раздавить немецких вырожденков. Свою скромную лепту он внес. Раньше было чем гордиться. Теперь наплевать. Что бы люди ни вытворяли друг с другом, его это не касается.

Он глубоко вздохнул, на кухне зашуршало. Это Барб приглядывала за ним. Ей хотелось, чтобы он принимал таблетки, которые прописал доктор.

– На кой черт! – орал Ллойд, стуча по подлокотникам кресла. – На кой? На кой? – Ярость полыхала в груди, он еле сдерживался, чтобы не вскочить и не вышибить из жены дух.

– Может, хочешь чего, Ллойд? – донесся шепот из холодного полумрака кухни.

Он помедлил секунду, сделал вдох, закрыл глаза и уставился в черноту. Убить жену, а потом себя. Убить голыми руками – кулаки у него свинцовые.

– Ллойд!

Он открыл глаза, прислушался к своим кровожадным мыслям и попытался решить, чего бы ему хотелось, но облечь желания в слова не смог.

– Нет.

– Точно?

Он не ответил, только дышал натужно, ненависть застилала глаза. «Что у меня с дыхалкой? – думал он. – Может, так умирают от старости?» Мелькнуло смутное воспоминание о сыне Бобе. Чужом, по сути, человеке. Мертвом. Барб сказала Ллойд, что сын умер от гепатита, но когда он узнал, что на панихиде гроб закрыли плексигласом, все догадки подтвердились. СПИД. Барб за дурака его что ли держит? Да плевать на причину смерти. Какая разница? Он пятнадцать лет не разговаривал с сыном и отказался пойти на похороны. Бобби похоронили на большой земле, в Монреале, рядом с дружкой. Барб хотела перевезти Бобби домой, чтобы сын покоился вместе со стариками, но Ллойд уперся, и Барб пришлось лететь в Монреаль одной. По правде сказать, Ллойд был рад, что сын умер. Рад, что все вышло как надо.

– Ты как там? – в голосе Барб звучало беспокойство.

Ллойд Фаулер снова закрыл глаза. Он почувствовал, как иссиня-черной опухолью вспучивается море, как надвигается смерть, уготованная стихией каждому.

Ему привиделось, что его обветренные руки, дрожа от напряжения, выбирают сеть, и сквозь ячейки струится вода.

– Я пошла наверх. Ты бы поспал.

Его веки поднялись. Он с усилием набрал в грудь воздуха. Навалилась удушливая тишина. Пальцы, твердые как скала, впились в облезлые ручки кресла. Спать больше незачем: все равно облегчения не будет и сил не прибавится. За месяц он ни разу не видел снов – одни только мрачные картины моря. Заскрипела лестница, Барб поплелась наверх. Она последний раз мелькнула в проеме – тапочки, икры, ночная рубашка, – и Ллойд снова вперился в телевизор. Черно-белые бомбардировщики летели по черно-белому небу. Он выдохнул, подождал. Позыва вдохнуть не было. Сколько он сможет не дышать? Казалось,

все потребности отмерли. Наверху под тяжестью Барб недовольно заворчали пружины матраса. Сейчас бы встать, взлететь по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, ворваться в комнату Барб и вышибить из нее мозги. Она бы вопила и скулила, а он бил ее, пока не подохла, и в голове бы звенело от ужаса и возбуждения. Он бы тогда почти ожил, наверное.

Снова вдыхать он не хотел. Ни за что на свете. Хватит. Кожу покалывало. На маленьком экране черные бомбы падали сквозь бледно-серые облака. Ллойд закрыл глаза. Серые обветренные руки тянут сеть из черной воды, вены и жилы вздулись, все поры открыты; сеть поднимается, в ней жухлый резиновый сапог, вода льется из-за голенища, бежит по оголившейся серой плоти, что почти светится, оказавшись на поверхности; лоснится мокрая лодыжка, за ней толстая промасленная ткань – старые брюки. Человек. Тельняшка облепила грудь, волосы шевелятся в воде, словно водоросли, пустые глаза уставились в высокое смоляное небо.

Ллойд Фаулер поднатужился, вытащил тело целиком и перевалил в лодку. Следом появилось еще одно, запутавшееся в сети: детское личико, мокрые светлые локоны, распахнутые глаза, приветливая улыбка на раздутых серо-коричневых губах. Губы раскрываются и шепчут: «Ты меня нашел. Лови дальше – найдешь моего отца».

«Рыба-то где? – хочет он спросить девочку. – И откуда люди в сети? У меня – что, работа теперь такая – таскать утопленников?» Вопросы возникают в мозгу скорее как осколки образов, а не слова. Он разучился владеть речью.

Легкие были пусты и воздуха не просили. Ллойд Фаулер смотрел в телевизор, чтобы заглянуть внутрь себя. Самолеты. Бомбы. Воспоминания. Течение мыслей сливалось с мельканием кадров. Голова кружилась все сильнее. Наконец она поникла, подбородок уперся в грудь. Необходимость дышать отошла навсегда.

Пятница

– Эй, притормози! – крикнул Джозеф вслед хихикающей Тари, которая помчалась из сада к верхней дороге. – Ты, ты, лентяйка. Я с тобой разговариваю. Погляди на меня. Ты видишь, я один всю снасть волоку?

Он старался по мере сил быть беззаботным и добродушным. Обычно лето этому способствовало. Отпуск. Работа засела в голове сотнями крючков, и надо их отцепить. Было утро, но жара стояла адская. Хоть бы ветерок поднялся. Палящее солнце уже стягивало кожу. Наверное, пора носить кепку. С тех пор, как волосы стали редеть, он опасался кожных ожогов и солнечного удара, но не мог заставить себя надеть головной убор. Не любил кепок. Оглянувшись через плечо, Джозеф проверил, захлопнулась ли дверь, а потом помахал в воздухе двумя удочками.

– Эй! – Он поднял ящик с рыболовными принадлежностями. – Я тебе что, вьючное животное?

– Ага, – откликнулась Тари, весело скача впереди. На ней были желтая футболка и розовые шорты с белыми вышитыми котятами. Ноги в сандалиях шлепают по асфальту. Джозеф залюбовался. Здорово он заплел ей ленточку – немножко набок, но все же не без сноровки.

– Постой, говорю. – Он заметил у дороги множество мелких синих цветов, рассыпанных в траве между елок и кленов. До чего ж это славно – вот так, запросто, встретить цветы. Тари застыла перед домом с солнечными батареями и в задумчивости оглянулась на Джозефа.

Пока он ее догонял, стайка птичек защебетала в ветвях. В летней тишине отчетливо раздавался скрип веревки – кто-то развешивал или снимал выстиранное белье.

– Симпатичный дом. Столько стекла, – заметил Джозеф. Больше всего ему нравился балкон на втором этаже. Отличное место, чтобы сидеть и за всеми наблюдать. – Это дом на солнечных батареях. Знаешь, что это такое?

Тари не ответила.

– И окна большие. В нем, наверное, светло. – Повернувшись к деревне и бухте, Джозеф представил, какой вид открывается из окон и с балкона. Красота! – Так ты слыхала о домах на солнечных батареях?

Тари покачала головой.

– На крыше – панели. Они ловят солнечную энергию и нагревают воду, а вода бежит по трубам в стенах и обогревает дом.

Они молча разглядывали постройку, солнечные блики играли на их лицах.

– Оттуда все видно, – сказала Тари. Ее уверенность удивила Джозефа.

– А ты, салажка, откуда знаешь?

– У меня вообще-то глаза есть, – упрямо сказала Тари. Она, прищурясь, глядела на верхнюю дорогу.

Им навстречу шла женщина. Она склонила голову, словно в глубоком раздумье, и сложила руки на груди. На ней было кремовое платье из хлопка, длинные складки касались сандалий. Волосы с медным отливом зачесаны назад и прихвачены кремовой лентой. Неестественно бледная кожа придавала ей вид старосветской дамы, утонченной и сдержанной.

– Тари, – шепнул Джозеф, – перестань таращиться. – Он легонько подтолкнул дочь ящиком в плечо. – Пошли. – Джозеф двинулся вперед, и вдруг щеки его вспыхнули. Несомненно, это та самая женщина, что прошлой ночью стояла в окне напротив, словно подавала какой-то знак.

Теперь, идя ей навстречу по безлюдной дороге, он пытался смотреть в сторону и делал вид, будто захвачен пейзажем. Однако не обращать внимания на загадочную соседку было трудно. Женщина подошла ближе, подняла глаза и, увидев Джозефа и Тари, нисколько не удивилась.

– Добрый день, – сказал Джозеф. Подбежала Тари и прижалась к отцовской ноге. Он старался не думать о женщине в окне, не вспоминать, как она упиралась в стекло, как побелели у нее ладони, но чем больше старался, тем сложнее было оторвать взгляд от этих рук, от этих пальцев без колец. Она стояла совсем близко, и Джозефа поразила ее необычная фигура: нежные, изящные руки и ноги не гармонировали с пышной грудью и широкими бедрами. Такой контраст бросался в глаза, но лишь добавлял очарования.

– Добрый день, – помедлив, ответила женщина и даже не улыбнулась. Голос у нее был надтреснутый и дребезжащий. Она взглянула на Тари и стала откашливаться. Потом облизнула сухие губы и поморгала, веки у нее были воспаленные. Вздернутый нос, лицо сужено книзу, огромные зеленые глаза, уголки их опущены, что обычно говорит о склонности к меланхолии. – Вы, наверное, из дома Критча? – Она равнодушно оглядела Джозефа. Неужели она не видела его прошлой ночью? А может, она смотрела на кого-то другого? Но на кого? Других домов поблизости нет – кругом только лес. Может, кто-то стоял на опушке?

– Да вот только приехали, – выпалил Джозеф и тут же понял, что сморозил глупость.

– А я живу там. – Женщина, не глядя, махнула рукой в направлении «солнечного» дома. Она повернулась к бухте и словно окаменела, замороженная плеском волн.

– На рыбалку идем. – Он показал ей удочки. – Сами видите.

Женщина не ответила. Она с интересом разглядывала рыболовные снасти в руках у Джозефа.

– Чудесный вид, – сказал Джозеф.

– Чудесный.

– Меня зовут Джозеф. – Он хотел протянуть руку, ту самую, в которой нес ящик. Наконец сообразил кое-как пристроить поклажу на потрескавшийся асфальт.

Женщина нерешительно дотронулась до его руки и едва пожала кончики пальцев:

– Меня зовут Клаудия.

– А это Тари.

– Привет, – сказала Клаудия, с вежливой, но натянутой улыбкой. Она не стала

дождаться ответа, вздрогнула, обхватила плечи руками и побрела к дому, не обращая внимания на тех, с кем только что разговаривала.

– Здравствуйте, – только теперь произнесла Тари. Джозеф погладил дочь по голове и прижал к себе.

– Наверняка еще увидимся! – крикнул он вслед Клаудии. – Мы здесь пробудем несколько недель! – И наклонился, чтобы подобрать ящик.

– Хорошо, – произнесла Клаудия, уже пройдя полпути к дому по заросшей дорожке. Она опять глядела на волны, прикрывая глаза рукой от солнечных бликов.

– Благодарю вас! – отозвался Джозеф формально вежливостью, а по сути насмешливо. Но Клаудия слишком глубоко задумалась, чтобы заметить иронию.

Похоже, им пренебрегают. Джозеф молча двинулся вперед. Когда через минуту он оглянулся, Клаудия уже поднялась на крыльцо и захлопнула за собой входную дверь. Он вспомнил вчерашнюю черную собаку и поискал ее глазами. Собаки во дворе не было. Интересно, почему Клаудия так дичится? Джозеф был готов поклясться, что именно на него добрых десять минут она умоляюще смотрела прошлой ночью. И пока она не отступила в глубину спальни, пока не растворилась в мерцании свечей, его сердце сжималось от сострадания.

Джозеф вздохнул. Опять он повел себя как мальчишка! Приехал с дочерью, так нечего флиртовать у нее на глазах – это просто непорядочно. Но что делать, если с Ким все кончено? Хоть и больно, надо это признать. Они давно стали чужими. У них разные интересы, они не могут заботиться друг о друге. Джозеф понятия не имел, чем живет сейчас Ким. Когда-то жена делилась с ним всеми радостями и печалью, всем, что нравилось и раздражало, любой – простой или сложной – мыслью. Ким считала, что брак должен строиться на откровенности. Но из-за этой откровенности в ней пропала загадка. Семейная жизнь развалила семью. Их теперь связывала только Тари, но, увы, даже ее было недостаточно, чтобы время повернуло вспять. А Клаудия – красавица, есть в ней какой-то аристократизм. Ее напускная холодность задела Джозефа. Как романтик и непоколебимый в своих убеждениях мачо, он самоуверенно считал себя воплощением женской мечты. К тому же пришло лето, самое головокружительное время года, сулящее немало приятных минут. Грядет душевный подъем и полет фантазии. Удивляясь своим мыслям, Джозеф оглянулся на дом Клаудии. Тари тоже смотрела туда и махала кому-то рукой.

– Кому это ты? – спросил Джозеф.

– Девочке.

– Какой?

– В окне наверху.

Джозеф посмотрел на окно второго этажа, но увидел лишь отражение синего неба да большого пушистого облака.

– А я ничего, кроме облаков, не вижу.

– Она за ними, папа, – сказала Тари, досадуя на его бестолковость. И снова замахала. – Вон же, не видишь что ли?

По новым правилам сержант Брайан Чейз был обязан четырежды объезжать Уимерли за время дежурства. Еще две недели назад он редко заглядывал в этот городишко, который лежал в стороне от потрошской трассы. Но начальство решило усилить патрулирование территории. Полиция должна быть повсюду: пусть люди знают, что помощь, если понадобится, всегда рядом.

Уимерли мало отличался от других рыбацких поселений, здесь всегда было довольно тихо. Случались, конечно, стычки между подростками, грабежи, бытовые ссоры, иногда машины вылетали в кювет, если водитель не справлялся с управлением. Правда, в последнее время всюду чувствовалось какое-то тайное напряжение, в воздухе разлилось что-то недоброе. В Саскачеване, в индейской резервации, где раньше жил Чейз, все было иначе. Придя в полицию, он первые восемь лет расследовал тяжкие преступления. Через некоторое

время у его жены Терезы обострилась хроническая депрессия. Похоже, немалую роль тут сыграли рассказы об изнасилованиях, избиениях детей, убийствах и самоубийствах. В отличие от жены, Чейз научился не принимать все эти ужасы близко к сердцу. Он перестал говорить с ней о работе – не помогло. Беспросветность, в которую Чейз окунался каждый день, каким-то образом передавалась и Терезе. «От тебя... чернота исходит, Брайан. Это... плохо кончится», – сказала однажды Тереза. Лекарства, которые она принимала, замедляли речь. Чейз рассердился не столько из-за ее слов, сколько из-за тона, которым они были сказаны. Словно он посторонний в собственном доме. Такого отношения хватало и на работе. Далеко не все индейцы держали его, полукровку, за своего. К тому же он служил в полиции, а это занятие для белых. Белые любят насаждать свои законы среди коренного населения. И все же, уезжать не хотелось. В Саскачеване он вырос, здесь его корни; сюда, в резервацию на Красном озере, вернулась мама после смерти отца. Отец был белым. Он утонул. Катался на лодке пьяным.

Постепенно Чейз привык к проявлениям Терезиной болезни. Он смирился с отсутствием близости между ними, с ее равнодушием к его успехам, с вечными мыслями о неприятностях, которые давно миновали. Он помогал жене по дому, сам готовил, сам стирал и гладил. Отдушиной стал интернет, куда Чейз нырял в свободное время. Его привлекали сайты, посвященные убийствам. Он хранил ссылки на бесчисленные страницы со старыми «делами», собрал внушительную коллекцию фотографий с мест преступлений и в деталях помнил описание каждой смерти. Особенно интересовали Чейза утопленники: кто-то стал жертвой несчастного случая, кто-то покончил с собой, а кому-то и помогли отправиться на тот свет. Почему всех так тянет к воде? Почему убийцы бросают трупы в озера и реки, словно возвращают на законное место?

Тереза все время дремала на диване в гостиной, и Чейз, в поисках общения, начал посещать всевозможные чаты. Он болтал на разные темы с разными людьми, и даже завел друзей. Казалось, лекарство от одиночества найдено.

Но тут врач Терезы решил, что ей нужно сменить обстановку. Когда живешь на границе с резервацией, где уровень преступности перекрывает все мыслимые показатели, ни о каком душевном здоровье речи быть не может. Чейзу пришлось подать рапорт о переводе в какой-нибудь отдаленный сельский район, тихий и безопасный.

Терезе деревенская жизнь пришлась по душе. Она перестала глотать таблетки и больше не лежала ночами на диване, бездумно пялясь в телевизор. Натащила журналов по садоводству и затеяла переустройство дома, который супруги за бесценок купили в Порт-де-Гибле. Славное место. Налоги на недвижимость смехотворные. Дом стоит на берегу океана, волны плещутся на задворках. И больница всего в сотне метров, – так, на всякий случай.

Чейз, как ни старался, не мог поверить, что ясность мыслей и бодрость духа вернулись к Терезе надолго. С ней такое уже бывало. Она с маниакальным упорством хваталась за какое-нибудь дело, но завод быстро кончался, и Тереза снова замыкалась в себе.

И действительно, вскоре ее стали мучить кошмары, которые она даже пересказать не могла. День ото дня сны становились все страшнее и тягостнее, и в аптечке над ванной опять появилась баночка с антидепрессантами. От таблеток кошмары прекратились. Но вместе с ними пропало влечение к мужу.

После дежурства Чейз по уши погружался в возню с гипсом, штукатуркой и сосновыми досками. Когда выпадала пара свободных минут, лез в интернет. Уезжая из Саскачевана, он обновил компьютер, чтобы на новом месте не терять связь с приятелями.

Прибыв по вызову, Чейз всегда поражался, с какой легкостью в Уимерли пресекались преступления, – еще до того, как совершались. Единственную опасность представляли бытовые ссоры. Здесь никогда ничего не предугадаешь. Маньяков, грозящих всех поубивать, ему не попадалось. Во всяком случае, пока.

За все время самым неприятным был случай с самоубийцей. Он застрелился из ружья в саду перед домом. Чейзу с напарником пришлось собирать его мозги в пакет. Приехали

пожарные и водой из шланга смыли с фасада кровь.

Уезжая на джипе с мест происшествий, Чейз уверял себя, что все – ерунда, он и не такое видел в Саскачеване или в интернете.

После хаоса, царившего в резервации на берегу Красного озера, спокойная сельская жизнь сбивала с толку. Он не раз пытался завязать разговор с новыми сослуживцами. Но ребята тут же начинали травить кровавые байки, и перед глазами Чейза вставали картины убийств и варварских изнасилований, перепуганные лица избитых детей. Ему казалось, что на полу в кабинете лежит утопленник – рука с посиневшими ногтями торчит из-под стола, склизкие водоросли намотались на запястье. Не без причины в голову лезли навязчивые мысли о том, что в багажнике любого автомобиля может обнаружиться расчлененка, а в картонной коробке на обочине – мертвый младенец. Да, было что порассказать. И все же Чейз не вступал в такие беседы. Не умел он подобрать нужное слово. Эта болтовня на «профессиональные темы» казалась ему пустым бахвальством. Чего тут бахвалиться, если за каждой байкой – людское горе?

Чейзу казалось, что в воздухе Уимерли все острее пахнет злобой. Недавно закрылся завод по переработке трески, и полгорода осталось без работы. Сезонный промысел краба и креветок кое-как держался, но и в этих отраслях народу изрядно поубавилось. За семь месяцев службы Чейз хорошо изучил обстановку в окрестностях Порт-де-Гибля. Потеря работы приводила к безделью и всему, что с ним связано, – падению нравов, пьянству и росту преступности. Когда человек бессилен что-либо изменить, его отчаянье со временем переходит в ярость.

Чейз ехал мимо городской пристани, которая наполовину закрывала выход из бухты. У причала выстроились ряды катеров и плоскодонок. При виде океана сержанту всегда становилось не по себе. На своем веку он повидал достаточно утопленников, самоубийств в ваннах, детей, найденных в озерах, а потому не слишком доверял воде. Хотя на вид море было спокойным – через бухту тянулся волнорез, защищавший пристань.

Проехав немного вперед, Чейз добрался до большого Г-образного бетонного пирса, принадлежавшего Аткинсонам, семейству зажиточных торговцев. С пирса удили рыбу какой-то человек и маленькая девочка. Чейз их раньше не видел – наверное, приезжие. Интересно, они знают, что треску ловить запрещено? Чейз решил их просветить, хоть это и не входило в его обязанности. Просто хотелось удовлетворить свое любопытство и познакомиться с новыми людьми. Пусть хотя бы знают, что им грозит, если вдруг появится рыбнадзор, а с ним ворох неприятностей.

Сержант съехал на засыпанную гравием обочину рядом с пристанью и поставил машину на ручной тормоз. Шляпу решил не брать, чтобы не привлекать внимания. Потом подумал, не снять ли темные очки. Нет, не стоит, а то придется все время щуриться. Он вылез из машины и тут же пожалел, что не может захватить с собой кондиционер. Чейз пользовался им не часто – на Ньюфаундленде климат морской, – но влажность сегодня была невыносимой. Он проверил, как закреплен револьвер, и остановился перед мостками пристани; едко пахло креозотом, морской водой и тухлой рыбой. Мостки вроде крепкие. Сержант взглянул на воду, и ему показалось, будто неподалеку от берега, там, где кружились стайки мойвы, лицом вниз плавает труп. Юркие рыбешки окутали его черным облаком. Чейз отмахнулся от наваждения: это просто мелькнула в памяти картина какого-то старого преступления или фотография из интернета. Не более того. Надо всего лишь отвести взгляд, и тело исчезнет. И действительно, едва сержант моргнул, оно пропало.

Джозеф сидел на корточках рядом с Тари и показывал, как надо сматывать леску. Шаги. Джозеф резко обернулся и увидел здорового парня в форме сержанта королевской полиции: руки по швам, ботинки сверкают на солнце. Темными волосами и смуглой кожей он смахивал на индейца. На ходу сержант разглядывал оснастку и мачты промысловых судов. Потом его внимание привлекли чайки. Из куч, намытых на скалистый берег, они вытаскивали рыбешек – живых идохлых. Две чайки ссорились, пронзительно крича и хлопая

крыльями.

Сержант подошел, улыбнулся и сказал:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. – Джозеф поднял взгляд и попытался изобразить учтивость. Он был на взводе, нервы расходились. Прошлой ночью его мучили кошмары, снилось, будто он тонет в густой, словно кисель, воде, и его затягивает на дно. Джозеф просыпался, снова засыпал и видел тот же сон.

– Ничего погодка.

– Да уж. – Джозеф мимоходом оглядел сержанта, прикидывая его рост и вес – метра два и килограммов сто, не меньше.

– Так и держи леску, солнышко, – сказал он дочери. Джозеф выпрямился, напряжение сменилось слабостью в коленях. – Слишком не перегибайся, – предупредил он, когда Тари осторожно заглянула за край пристани, чтобы посмотреть на красно-белый поплавок. Шесть мелких и крупных рыбин вились вокруг наживки. Вода была зеленоватой, но чистой, каждый камень на дне просматривался.

– Пап, я рыб вижу!

– Ага, вон они.

Сержант хмыкнул и покачал головой. Он снял очки и зацепил их дужкой за нагрудный карман.

– Любит ребятня рыбачить.

– Ой, не то слово! – Джозеф окинул взглядом живописные окрестности. – У вас здесь, похоже, дел не впрок, – заметил он с легкой иронией.

– Да не то чтобы. Я тут вроде как на каникулах. Жене отдохнуть надо.

Джозеф взгляделся в большие карие глаза сержанта, в его мягкие и при этом хищные черты, но не смог определить, шутит тот или нет. Если это и шутка, то довольно плоская.

– Поймали чего? – спросил сержант.

– Мы только пришли.

Полицейский следил за тем, как Тари болтает леской в воде.

– Мойвы – тьма тьмущая. Вот там спуститься и хоть пакетом лови, – сказал он.

Джозеф втянул ноздрями воздух.

– Ветра сегодня вроде не будет.

– Ага, только запашок тут не того.

Две чайки у них над головами летели низко, одна за другой.

– Ишь, пир устроили. – Сержант задрал голову. – Эй, куда мой ужин потащили? – Он погрозил чайкам кулаком и посмотрел на Тари. Она заулыбалась и опустила глаза на его широкий ремень с кобурой.

– А у меня детишек нету, – сказал полицейский. – Такие дела. И не рыбачил я никогда. Ни разу. Кто я после этого?

Джозеф не знал, что ответить.

– Тут нерка водится. Скользкая такая. Это я точно знаю. «Нырка» по-тутошнему. Еще селедка бывает. Только ее поди поймай. И окунь морской ходит. Но вы, небось, сами знаете. Скорей русалку встретишь.

– Окуней надо отпускать обратно в море.

– А, так вы в курсе.

– Я инспектор рыбнадзора в Сент-Джонсе, так что не беспокойтесь, правила мы знаем.

– Ну, тогда у вас знаний целое море. В тихом омуте черти водятся, а?

– Наверное, – согласился, смеясь, Джозеф и подумал: «Что бы это значило»?

– Клюет! – взвизгнула Тари, задрывав ногами. – Папа, папа, я поймала!

Синяя удочка выгнулась дугой. Тари отчаянно вцепилась в нее руками и откинулась назад.

– Папа! – завопила она в восторге и ужасе.

– Сматывай леску, пупс. – Джозеф нагнулся над водой, от близости к краю закружилась

голова. Примерно на метровой глубине, широко разинув пасть, рвала крючок уродливая рыба в темно-зеленых пятнах. Толща воды мешала определить размеры, но это несомненно был морской ерш.

– У меня не наматывается! – захныкала Тари. Она стиснула зубы, но леска не шла. – Тяжелая!

Когда Тари было года четыре или пять, она всякий раз упрямо говорила: «Я сама!», если отец пытался помочь ей крутить катушку. Давно Джозеф не вспоминал об этом. Он потянулся, схватил леску, намотал на запястье, вытащил рыбу и с удивлением заметил, что у ерша на боку проступают красные пятна.

– Ух ты! – воскликнул сержант в преувеличенном восторге, чтобы порадовать Тари. Хотя и его, похоже, заинтересовали странные метки. – Вот это ершище! В жизни такого не видал. Прямо в книгу рекордов.

Джозеф плюхнул рыбу на бетонный причал. Она не двигалась, лишь обреченно шевелила жабрами, время от времени показывая багровые внутренности.

– Это я поймала! – Тари вдруг посерьезнела и наклонилась поближе, чтобы рассмотреть добычу. – А можно мы ее себе возьмем?

– Рога не трогай, – предупредил Джозеф. – Порежешься.

– Ой!

– Первый раз вижу, чтобы с красными пятнами, – заметил сержант.

Джозеф осторожно прижал носком кроссовки голову морского ерша и присел на корточки, чтобы вытащить крючок из упругой губы. Рыба была как-то уж слишком уродлива. Чешуя переливалась бурыми, золотистыми и грязно-белыми полосами и была бугристой, жесткой и колючей. Красные пятна по бокам пришли в движение, когда Джозеф стал дергать крючок.

– У нее кровь! – крикнула Тари. – Ф-ф-фууу!

– Нет, – поправил Джозеф, приглядевшись к странным перемещениям пятен. – Это просто окрас такой.

Морской ерш дергался вверх-вниз, словно его било током. Он выскользнул из-под кроссовки Джозефа, подпрыгнул и мокро шлепнулся на бетон. Джозеф за леску подтянул его к себе. Тяжелый удар сотряс пристань, и ерш издал вязкий булькающий звук.

Сержант посмотрел на другую сторону бухты, где высился огромный утес.

– Взрывают чего-то, – предположил он. – Видать, дорожные работы у них.

– А может, теракт, – сострил Джозеф, но сержант явно не понял юмора. Пальцам Джозефа, отцеплявшим крючок, стало тепло и мокро. Джозеф стряхнул с руки капли. Мутная жидкость потекла из распахнутой пасти ерша. Джозеф вытер пальцы о штанину. Рыбьи челюсти сжимали какой-то предмет – шар телесного цвета, в клочках покрытых слизью волос.

– Что за черт? – Джозеф отодвинулся, чтобы получше разглядеть находку.

Шар выскользнул из пасти, жидкость лужей растеклась вокруг. Когда шар внезапно открыл черные глаза и удивленно посмотрел вверх, стало ясно, что это головка куклы. На крашенных фарфоровых губах играла грустная усмешка.

Пролетавшая чайка взвизгнула, у нее из клюва выпала мойва. Скользящая рыбка шлепнулась на пристань рядом с Тари, которая наклонилась было к игрушке.

– Стой! – Джозеф схватил ее за руку.

Тари стало больно, она испуганно посмотрела на отца. Похоже, он слишком сильно сжал ей запястье. Джозефа словно кипятком ошпарило, он тут же ослабил хватку.

Ерш теперь лежал совсем тихо и даже не шевелил жабрами. Он стал пунцовым от толстой губы до кончика хвоста, словно его окунули в краску. Еще один слабый удар прокатился по пристани.

– Вот ведь чудо морское, – сказал сержант. – Ловко ты его, – он потрепал Тари по голове. – Забирай улов.

Пятница, вечер

Страницы фотоальбома истрепались так, что страшно было их листать – вот-вот рассыплются. Десятки лет мисс Лэрейси лелеяла свои воспоминания, хрупкие, как старая бумага. Она сидела на удобном сиреновом диване, положив на колени альбом, с улыбкой разглядывала фотографии, прижатые серебристыми уголками, и отдыхала душой. Маленькая гостиная была полна безделушек. Их собирала Элен, а до нее – родители, а до них – дедушки и бабушки. Каждая вещь когда-то облегчала душам умерших путь домой. Каждая вещь хранила частицу чьей-то любви, чье-то тепло, прикосновение, дыхание.

Комната была обставлена основательной дубовой мебелью, на протертых диванных валиках разложены кружевные салфеточки. В шкафу за стеклом – старинные книги в кожаных переплетах, в другом – пластинки на 78 оборотов и граммофон. На журнальном столике – конфетница из красного стекла и резная фигурка белого медведя с зажигалкой в пасти. Ее не двигали с места годами, хотя в доме никто не курил. Ажурная железная лампа в форме орхидеи заливала мягким светом диван и фотоальбом на коленях у мисс Лэрейси. На бархатных черных страницах – старинные фотографии в пожелтевших рамках.

Мисс Лэрейси вглядывалась в лицо своего жениха, Урии Слейни. На фотографии он одет в военную форму времен Второй мировой. На заднем плане – Эйфелева башня. Он прислал эту карточку из Парижа, написав на обороте: «Это я во Франции. Куда ей до Ньюфаундленда! Люблю. Урия». Он потерял на войне ногу. Не слишком дорогая цена за то, чтобы живым вернуться домой. Он сильнее страдал душой, нежели телом. Но мисс Лэрейси приложила все силы, чтобы утешить его, убедить, что любит жениха и таким, любит за детскую доброту и обаяние. Элен погладила снимок. «Голубчик мой», – прошептала она, переворачивая страницу. Парочка сидит на покрывале. Их сняли во время ежегодного осеннего похода за ягодами. Семья отправлялась за старую церковь, там всегда было полно ягод. Все больше голубика, но во мху почти у самой земли нет-нет да и сверкнет влажным бочком красная митчелла. Снимок сделал отец мисс Лэрейси. Он заставил Элен с Урией сесть, поджав ноги. Неудобная поза, но оба все равно улыбаются. Позади них над костром клопочут чайник и котелок. Поход по ягоды. Давно Элен не сидела у костра, не ела солонины и овощного супа с дымком. Как она любила такие походы!

Элен на миг показалось, что она снова сидит на покрывале рядом с Урией, и отец просит их улыбнуться. Сколько воды утекло с тех пор! Тогда фотоаппараты были еще в новинку. Как и автомобили – их гудки только-только начинали вытеснять с улиц цоканье копыт, и лошади все еще спешили туда-сюда по нижней дороге.

Безоблачное счастье того далекого дня навеки осталось в ее памяти. День был не жаркий и не прохладный. Ласковое солнце в осенней синеве, легкий сентябрьский ветерок. Отец убрал фотоаппарат и оставил влюбленных одних. Родители ушли за перелесок, они знали, где прячутся нетронутые россыпи голубики. Урия откинулся на покрывало, и Элен склонилась к нему на грудь. Каким тогда был прозрачным воздух, как грело солнце, как неспешно струилось время, как уютно жужжали по-осеннему сонные жуки. Пальцы Урии перебирали пряди ее волос, заставляя Элен впервые в жизни стонать от удовольствия.

– Стонала ведь, – прошептала мисс Лэрейси, покачив головой. – Было дело.

Еще одна страница. Последняя фотография Урии. Он сидит в плоскодонке, из-под серой кепки видна только его широкая улыбка. В свитере, что связала Элен, Урия смотрелся таким франтом, таким красавчиком! Синюю, как море, шерсть она купила в Прямо-боро в лавке Гарфилда Ральфа. Свитер получился мягким и теплым, его глубокий цвет так шел к голубым глазам Урии. Рядом на фото – Эдвард Поттл. Они всегда рыбачили вместе. Деревянный протез почти не мешал Урии управляться с лодкой. Увечье не сломило его характер – он до конца дней оставался настоящим мужчиной.

Фотограф запечатлел их перед самым выходом на промысел в открытое море. Шторм разразился внезапно, за считанные минуты океан вскипел черными бурунами. Гигантские валы рванулись навстречу потемневшему небу. Шквальный ветер старался задуть две

искорки в утлой лодчонке, посмевающие бросить ему вызов.

Прошло два дня, а они не возвращались. Элен испекла плетеный каравай, чтобы помочь возлюбленному найти дорогу обратно. Нужно только было дождаться тихой погоды. К ночи океан успокоился. Она взяла из коробки церковную свечу и поглубже воткнула ее в каравай, чтобы стояла ровно. Дождалась, пока заснут родители, накинула шаль и отнесла теплый хлеб на берег. Кромка спокойной воды матово блестела в темноте. Полный штиль. Элен положила каравай на прибрежную гальку, из кармана платья достала спичку и зажгла свечу. Взяла хлеб обеими руками, наклонилась и пустила по воде. Он тихонько покачивался, но уплыть не хотел. Элен подтолкнула его, и каравай со свечой стал удаляться от берега. Считалось, что самое верное средство отыскать любимого – замесить тесто, испечь каравай и отправить в море.

Стоя на берегу, Элен смотрела, как хлеб, будто покорный ее воле, уплывает прочь. Похолодало, но она не двигалась с места, только крепче куталась в шаль. «Море-океан, вода-кормилица! Отдай жениха моего, вороти его невредимого», – повторяла Элен. Светлое пятнышко становилось все меньше, пока не исчезло вдаль. Она верила, что вот-вот огонек появится снова, а вместе с ним вернется возлюбленный. Главное не терять надежды, и Урия отыщет путь домой.

Спустился предрассветный туман, стало еще холоднее. Она все ждала. Шли часы, Элен устала стоять и примостилась на обкатанном валуне. Так и застыла, не отрывая взгляда от лунной дорожки.

Глаза слипались, Элен изо всех сил старалась не уснуть. Прилечь бы хоть на пару минут. В берег толкнулся кусок бревна, упорные волны промыли в нем неглубокую выемку. Топляк оказался легким, Элен вытащила его из воды и положила под голову. Теперь на океан можно было смотреть лежа.

Временами накатывал сон, но через мгновение Элен снова открывала глаза. В который раз очнувшись от мимолетного забытья, она разглядела на горизонте мерцание. Может это ее свеча? Сердце заколотилось. Нет сомнений, вдаль что-то светится. Она тотчас вскочила на ноги. Темнота начала таять, и с темнотой, казалось, тает отчаяние. Свет наполнил душу. Получилось! В самом деле получилось! Но тут сияние стало расти, разливаясь вдоль горизонта, и весь мир озарился солнцем.

Просто рассвет. Еще один рассвет без Урии.

Ни Урию Слейни, ни Эдварда Поттла больше никто никогда не видел.

Мисс Лэрейси дрожащими пальцами гладила фотографию жениха.

– Урия, – нежно шептала она. – Я ведь, знаешь, никого потом не любила. Тебя одного. Правда-правда. Как Бог свят.

Джозеф стоял в саду Критча и смотрел из темноты на освещенные окна соседки. На лужайке перед домом стрекотали кузнечики, негромко гудели электрические провода. Где-то у нижней дороги без умолку мяукала кошка – наверное, просилась домой. Давешняя косматая собака уселась перед дверью Клаудии и повернулась мордой к дороге, не обращая на Джозефа ни малейшего внимания. Может отдать ей остатки ужина? Есть еще гамбургер и полпорции жареной картошки. Он, как положено, зачмокал, подзывая собаку, но зверюга и ухом не повела. Хоть бы показалась завтра – вот Тари обрадуется.

После ужина он долго играл с Тари в салочки, а когда выбился из сил, предложил пойти домой слушать радио. Тари, немножко повисела на отце, ей хотелось еще поиграть, но потом с неохотой согласилась. Приемник ловил звук какого-то телеканала. Шла комедия. Они представляли себе персонажей и комментировали реплики. «Глаза б мои на тебя не глядели!» – кричала героиня, и Джозеф предположил, что дело происходит в приюте для слепых. Ревел записанный смех зала, и отец с дочерью тоже хохотали от души. В другой сцене кто-то возмущался: «И это все?! Это все, что мне причитается?!» Тари утверждала, что при этом он держал мешок, в который сыпались люди, машины, дома. «Какая умница», – подумал Джозеф.

Пора ложиться. Он наспех прочитал дочери три книжки, с нетерпением ожидая, пока та заснет. Джозеф вымотался вконец, но воображение уже рисовало Клаудию, мелькающую в окне.

Из соседских окон лился умиротворяющий свет. Два одиночества живут в разных домах – у него ведь и с Ким почти так же. И все же, что-то подсказывало: Клаудия в доме не одна. Хотя присутствия мужчины пока не ощущалось. Джозеф взглянул на небо. В ледяной вышине, так высоко, что кружилась голова, сияли звезды – и яркие, и потусклее, и совсем крошечные, сливающиеся в млечный туман. Он не был готов к тому, что здесь, в Уимерли, на него навалится одиночество и тоска. Это Клаудия заразила его своим настроением.

В Сент-Джонсе Джозеф постоянно был чем-то занят: делами морского управления, исследованиями, работой за компьютером или чтением научных журналов. Когда работа надоедала, он отправлялся в центр, заходил в бар, потягивал пиво и слушал, как люди вокруг убеждают друг друга в своей исключительности. По дороге домой он брал напрокат кассету с фильмом. Привычная суета. А здесь совсем другое дело – тишина и покой. Волей-неволей начинаешь копать в себе.

Он снова взглянул на соседский дом. Тари говорит, что видела девочку в окне у Клаудии. Интересно, ребенок был дома один или с отцом? Лучше бы, конечно, один. Что если Клаудию бьет муж? Потому она и ходит сама не своя. Дай бог, чтобы дочь была для нее утешением, как для него – Тари. Все в мире происходит ради детей. Мы о них заботимся, а они нас утешают.

На заросшей дорожке возле дома не было машины. Джозеф был почему-то уверен, что, будь в доме хозяин, он наверняка ездил бы на тяжелом пикапе. Может, он уехал? Ушел в море? Но подъезд к дому зарос давно. Не пройти ли по дороге? С нее можно хорошо видеть окна. Глядишь, что-нибудь да прояснится.

Он продолжал наблюдать. Ночной воздух приятно холодил кожу. Возбуждение росло. Мысль о том, что можно подкрасться поближе, щекотала нервы. Вдруг он вспомнил, что Ким дала им с собой бинокль. Перехватило дыхание. Он поспешил к заднему крыльцу, стараясь не споткнуться в темноте.

В кухне Джозеф снял бинокль со спинки стула и долго вертел в руках. Что же он делает? Раньше, до развода с Ким, он любовался в бинокль только на воробьев, зябликов и синекрылых соек, что толклись у кормушки. Накануне утром Ким сказала: «Будете на китов смотреть». Кто бы мог подумать, для чего эта штука пригодится на самом деле. От запаха духов, которым пропитался футляр, защемило сердце. Киты. «Ты каким животным хочешь быть?» – часто спрашивала Тари. И Ким всегда отвечала: «Китом».

Хватит мямлить. Джозеф вышел на улицу и навел бинокль на большое окно в торце соседского дома.

Клаудия вошла к себе в спальню и остановилась у окна. У Джозефа затряслись руки, и он крепче сжал бинокль. На соседке была все та же красная ночная рубашка, наглухо застегнутая у горла. Клаудия держала карандаш и толстую тетрадь. Подошла к кровати, села, привалилась к стене. Над кроватью – большая картина: волны, пенясь, бьются о мрачный утес, брызги висят пеленой. С улицы видны были только голова и плечи Клаудии. Кровать не разглядеть, но, судя по всему, кроме Клаудии на ней никого не было.

Соседка что-то писала в тетради. Листала страницы, перечитывала написанное. Наверное, вела дневник. Как она была соблазнительна! Почти год у Джозефа не было женщины.

Далекий свет фар скользнул по траве и кустам, где стоял Джозеф. По верхней дороге взбиралась машина. Если бы не ремешок, тяжелый бинокль непременно упал бы. Джозеф попятился в тень.

Перед домом Клаудии машина затормозила. Черная собака насторожилась и стала принюхиваться. Стараясь не шуметь, Джозеф снова взглянул в бинокль. Услышав шум мотора, Клаудия прервала чтение и подняла голову. У Джозефа вспотели ладони, кровь прилила к щекам. Мало того, что он бесстыдно заглядывает в чужие окна, что он предает

Ким, так его вдобавок сейчас застукают. Ну и пусть. Он не торопился опускать бинокль, продолжая смотреть на Клаудию. Машина медленно двинулась к дому Критча. Джозеф облизнул пересохшие губы и прислушался. Мощный мотор, судя по звуку. И правда, из-за угла выехал армейский джип.

Джозеф нетерпеливо поморщился. «Ну, давай же, проезжай». Машина остановилась у подъезда к дому. Джозеф дернулся назад, в тень, налетел на стену и чертыхнулся себе под нос. Надо бы прокрасться к заднему крыльцу, скользнуть в дом и спрятаться. В кабине зажегся свет. Человек в камуфляже внимательно изучал карту. Водитель, одетый точно так же, ткнул в нее пальцем, и пассажир сделал в этом месте пометку. Свет погас, джип двинулся дальше, к заброшенной церкви и кладбищу.

– Папа, – неожиданно долетел со стороны сарая печальный детский голосок.

Волосы у Джозефа стали дыбом. Накатила волна слабости, прошиб холодный пот. Джозеф в ужасе повернул голову. Может, это Тари решила напугать его до смерти? У сарая никого не было. Он прислушался, стараясь уловить хоть звук, и посмотрел на темные окна ветхого строения. В крайнем левом окне на втором этаже стоял бородатый человек. В свете луны его землистое лицо отливало зеленью. Пепельно-серые руки сжимали здоровенную рыбину. Бородач повернулся в профиль, неимоверно широко разинул рот и принялся яростно запихивать рыбу в глотку. Луна скрылась за облаками, видение стало бледнеть.

Джозеф дрожащими руками поднес бинокль к глазам, но увидел лишь отражение облаков в оконном стекле. Никого. Он повернулся к дому Клаудии. Свечи уже погасли. Поднялся ветерок, в промокшей от пота одежде стало зябко. Джозеф опустил бинокль.

– Тебя как зовут? – спросила Тари у рыжей девочки, про которую знала только, что это дочь Клаудии. Они стояли, не шевелясь, на дырявом чердаке сарая. Под стропилами сохли тяжелые сети. По лицам, по доскам и кучам гниющих рыбацких снастей скользили в причудливом танце солнечные блики. С девочки капала вода, у Тари одежда была сухой. Рыжая оглянулась по сторонам и протянула к Тари ладони – она, похоже, не замечала, что промокла до нитки.

– Как тебя зовут? – повторила Тари.

– Подними руки, – велела девочка и запела:

У папы не осталось дел.
Сидел и на воду глядел.
Сидел, глядел, не ждал беды.
Теперь глядит из-под воды.

При этом она хлопала в такт по ладошкам Тари. Правой по правой – левой по левой, правой по левой – левой по правой. Тари развеселилась, песенка показалась ей забавной. Игра тоже понравилась, хотя ладони у девочки были такие холодные и сморщенные, словно она целый день просидела в ванне.

– Твоя очередь, – сказала девочка.

Тари стала хлопать: «У па-пыни осталось дел...». Девочка посмотрела с такой печалью, что Тари захотелось немедленно ее обнять. Но у той изо рта потекло что-то черное.

Тари стало страшно и одиноко. «Где же папа с мамой? Далеко? А кто дальше? Они ведь теперь не вместе».

– Как тебя зовут? – снова спросила Тари.

Девочка молчала.

Тари спрашивала и спрашивала. И все без толку. Как об стенку горох. Тари истерически засмеялась. Черная маслянистая жидкость с новой силой потекла изо рта девочки. Булькающий смех, который она так долго сдерживала, вырвался, наконец, наружу.

Девочка села на прогнившие от сырости половицы и вытерла подбородок. Перед ней стояло несколько игрушечных домиков, скорее даже сарайчиков. В них мерцали свечки, наполняя светом крошечные окошки. Тари села напротив, и дети стали перебирать игрушки.

– Мне в них нравится, – с покорным вздохом сказала девочка. Она смотрела на домики, в глазах у нее отражались огоньки. Красные, зеленые, желтые, совсем как на рождественской елке. – Я живу в игрушках, которые мама делает.

– Врешь.

– Честно.

– Как это?

– В них – мамина любовь. Она меня держит здесь, рядом с мамой. А сигналы наоборот тянут прочь. Прямо на куски разрывают.

– Какие сигналы?

– Которые мир соединяют. Только они неправильно его соединяют. – Девочка поставила один домик на крышу другого. Верхний слился с нижним, получилось новое здание. Засветились окошки.

– Дай попробовать, – Тари взяла два домика, но сливаться они не хотели.

– Тебе что на Рождество подарили? – спросила девочка. Разноцветные искорки плясали у нее в глазах, даже когда она смотрела в сторону.

– Так сейчас ведь не Рождество! – удивилась Тари.

– Вот и папу сигналы тянут все выше, выше. Но он иногда спускается. Потому что мама его еще любит. Ну, так, немножко. Если она меня отпустит...

– То что?

– Она меня только во сне будет видеть.

Вдруг налетел запах травы и цветов. Тари оглянулась. Кругом расстился луг. По нему бродили цирковые животные – слоны, тигры, собаки. На деревьях сидели попугаи и другие диковинные птицы всех мыслимых расцветок.

– Класс! – завопила она.

– Здесь можно только воображать, – равнодушно сказала девочка. – Воображать, воображать, воображать. Когда умрешь, больше делать нечего.

– А ты умерла?

Девочка кивнула:

– Мы живем в снах. Ты не знала? Мы возвращаемся, когда снимся. По-другому никак не вернуться.

Вытряхнув на ладонь две таблетки ативина, Джозеф повертел в руках пузырек. Должно же тут быть написано, сколько можно принять за один раз? Про дозировку ничего не сообщалось. Он сунул таблетки под язык, чтобы быстрее рассосались.

«Дожили. Я видел привидение», – повторял он про себя, стаскивая пропотевшую одежду и вынимая из чемодана смену белья. Он стоял посреди ярко освещенной комнаты. Сна ни в одном глазу. «Я видел привидение». Чужая комната в чужом доме. Словно выплыла из далекого прошлого: розочки на кремовых обоях, лепнина ручной работы, дубовый паркет. Собственные движения казались Джозефу какими-то слишком реальными. Дыхание гулко отдавалось в ушах, все цвета и звуки били по нервам. Перегруженный мозг не справлялся. Люди. Призраки. Зачем он сюда приехал? Почему он не дома, где милая сердцу суета не дает заниматься самокопанием? Там и компьютер, и телевизор, и круглосуточные магазины. Там на улицах горят фонари, и до больницы ехать всего ничего. В больнице – умные врачи, они все знают о пилюлях. А еще – легкомысленные медсестры. Уложат тебя на белоснежную койку, дадут какую-нибудь таблетку, и плыви себе прочь от всяких дурацких мыслей.

Надо сосредоточиться на чем-нибудь самом простом. Например, можно считать падающие из крана капли. Монотонные звуки обычно успокаивают. А еще можно подумать о чем-нибудь приятном. Джозеф представил себе Ким. Интересно, она сейчас дома или пошла в «Кроватьку» со своими коллегами по работе, вечно обутыми в резиновые сапоги? Она всегда заказывает пинту «гинессы». Может, как раз сейчас Ким потягивает пиво, слизывает пену с верхней губы и ласково улыбается кому-то? Джозефа передернуло.

Он подошел к окну спальни и поглядел на бухту. В черной воде разноцветными

полосами отражались огни городка. Они то вспыхивали ярче, то снова гасли в волнах. Некоторые огоньки, хвостатые как кометы, красиво взмывали вверх, к вершине утеса, а потом исчезали позади него.

Джозеф закрыл глаза. Вдохнул, сосчитал до пяти, выдохнул, опять сосчитал до пяти. В памяти маячили красный морской ерш и кукольная головка. Сегодня, на пристани, Джозеф решил, что ерш нашпигован токсинами. Он спихнул рыбу обратно в океан и тут же пожалел об этом.

Сержант сперва посмеялся над Джозефом, но, подумав, сказал: «А может, и ваша правда. Нынче в океан такое бросают! Все кругом загадили. Того гляди траванешься». Он прищелкнул пальцами, и тотчас, словно по его сигналу, на палубу яхты «Звезда Атлантики» выскочил человек, швырнул в воду белую пенопластовую коробку и скрылся в каюте. Сержант велел оставить голову куклы на месте, и Джозеф подумал, что она станет уликой в каком-нибудь деле. Чейз сбегал к машине и вернулся с набором громадных пинцетов. Голову куклы он сунул в пакетик. «На память, – объяснил Чейз. – А то ребята нипочем не поверят».

Плохи дела. Джозеф нехотя открыл глаза. Красный морской ерш. Рассказы о нем передавались из поколения в поколение. Говорят, он приносит несчастье. Но это только легенды. Рыбачьи байки. До сих пор никто не доказал, что таинственный «морской дракон» существует на самом деле. Можно позвонить Ким. Она подтвердит, что такого создания в природе не бывает. У нее наверняка найдется объяснение, почему ерш красный. А значит, Джозеф еще не окончательно свихнулся. Странная история. Какой-то сон, слишком похожий на правду. Отличный повод позвонить Ким. Сама она занимается другими проблемами, но у нее есть друг-океанолог, специалист по мутациям. Как же его зовут? Такой надменный тип, бородатый, с толстыми губами. Вегетарианец. Он еще вечно ходит в свитере. Тобин. Люк Тобин.

Джозеф мысленно погрузился в привычную обстановку, и напряжение стало спадать. Сердце успокаивалось, стук в висках утихал. Таблетки подействовали. Думать только о хорошем. Только о хорошем. О хорошем. Он продолжал следить за дыханием: «Вдох... Раз... Два... Три... Четыре... Выдох. Интересно, больница здесь далеко?» От этой случайной мысли кровь застыла в жилах. Новая волна ужаса накрыла его с головой.

– Ничего, ничего, – раздался из соседней комнаты голос дочери. Джозеф резко обернулся. Он был готов увидеть привидение. Никого. Пустой дверной проем. Наверное, Тари приснился кошмар. В углу стояла старая трость. Джозеф схватил ее и осторожно выглянул в коридор. Тоже пусто. С тростью наперевес, ожидая, что в любую секунду на него кто-то или что-то набросится, Джозеф прокрался к спальне Тари и приоткрыл дверь. Девочка крепко спала. Он поставил трость рядом с кроватью и вгляделся в безмятежное личико. Коснулся щеки. Теплая. Дышит? Под одеялом не поймешь. Он закрыл ей нос ладонью, и девочка пошевелилась. Поцеловал, вдохнул тонкий запах волос и только тут заметил на одеяле раскрытый блокнот. Тари как всегда рисовала в кровати, да так и заснула. Рисунок изображал трех насекомых в небе над высокой скалой. Джозеф поднял блокнот с карандашами и переложил на пустой комод. Потом снова повернулся к спящей дочери. В целом мире никого нет дороже. И красивее. Только бы с ней ничего не случилось. Он и так сам не свой, с тех пор как стал ее реже видеть.

Суббота

Доктора Томпсона разбудил телефонный звонок. Доктору снился музей. Здесь выставлялась одежда тех, кто считался погибшим при кораблекрушении. Одежду нашли в сундуках, выброшенных на берег. Так что хозяева вряд ли объявятся. Под толстым стеклом – обломки кораблей, налетевших на скалы и айсберги. Повсюду медные таблички с историей каждого экспоната. Томпсон задержался у витрины с манекенами, одетыми в костюмы разных эпох. Надпись на медной табличке гласила: «СМЕРТЬ ЧЕРЕЗ УТОПЛЕНИЕ». Доктору показалось, что один из манекенов подмигнул. Как раз в этот момент прозвенел

звонок, извещающая посетителей, что музей закрывается. Этот звон и разбудил Томпсона. Доктор сел, путаясь в толстых одеялах. Где-то вдали визжала цепная пила. Кто-то запасался дровами на зиму.

Телефон звонил. «И давно он так? – подумал Томпсон. – Сегодня какой день? Суббота? Сегодня суббота, выходной. Наша больница не дежурная. Так что ж он звонит, зараза? Может, все-таки не суббота?»

Наконец доктор дотянулся до тумбочки и взял трубку. Звонил Уилл Питерс, патологоанатом больницы в Порт-де-Гибль. Он имел сообщить, что к ним доставили Ллойда Фаулера. «Мертв по прибытии».

– Причина смерти? – сварливо спросил Томпсон. Он давно недолюбливал Питерса – тот ко всем относился немного свысока. А с какой стати, спрашивается? Видимо, в окружении покойников забываешь, как вести себя с живыми.

– Точно пока не могу сказать, – сдержанно ответил патологоанатом. – Вскрытие не закончено.

– Инфаркт? – У Томпсона уже начинала болеть голова. Он потер виски, приложил ладонь ко лбу и зажмурился.

– Никакого инфаркта. Здоровое, крепкое сердце. Повреждений тоже никаких.

Доктор облегченно вздохнул. Он только позавчера обследовал Ллойда Фаулера. Если бы тот умер от инфаркта, Томпсон был бы отчасти повинен в его смерти. «Может, я что-то проглядел? Старею, наверное. Если я впаду в маразм, как я об этом узнаю?» На лестнице послышался мягкий топоток кошачьих лап. Раздалось требовательное «мяу». Агата пришла на голос хозяина.

– Жена говорит, он задыхался. А в легких – чисто.

Томпсон подумал о Донне Дровер, матери Массы. Масс тоже внезапно умер, и тоже естественной смертью. Правда теперь доктор сомневался, что эта смерть была такой уж естественной. Донна лежит под кислородной маской на шестом этаже больницы в Порт-де-Гибль. Изменений не наблюдается. При этом легкие вполне способны функционировать. В дыхательных путях – никакой инфекции, никаких застойных явлений. Может действительно всему виной депрессия? Но где это видано, чтобы человек с тоски перестал дышать?

– Алло! Доктор!

Агата вскочила на подушку, урча и мяукая одновременно. Ласково, но с чувством собственного достоинства потерлась о щеку Томпсона своей черной шубкой. По утрам она всегда очень оживлялась.

– Извините, просто вы меня слегка озадачили. – Томпсон, не глядя, почесал кошку за ухом.

– Так вот. Это естественная смерть. Конечно, остались еще токсикологические анализы, но я никаких признаков отравления не вижу. В том числе алкогольного.

– Опять естественная смерть.

– Всякое бывает. Кстати, говорят, еще двоих нашли. Отчего умерли, одному богу известно. Вроде как утонули.

– Где нашли?

– В бухте рядом с Уимерли.

– Сколько их, двое?

– Вроде бы да. Точно не знаю.

Агата начала щекотать Томпсона усами, и ему пришлось отвернуться. Вечно Питер паникует. Все ему заговоры мерещатся. Так и живет в своих фантазиях. Меньше надо читать всякую чушь про НЛО.

– А что значит «говорят»?

– Это значит, что я их не видал. Нам, простым трупорезам, их осматривать не положено. Ими сейчас судебные медики занимаются.

Томпсон не знал, что сказать. В носу засвербело, но чихнуть никак не получалось. У

него с детства была легкая аллергия на кошек. Томпсон искал на тумбочке таблетки, но нашел только книжку, которую читал на ночь. Мистический триллер, на обложке нарисован утопленник. Мучительно хотелось чихнуть. Наконец зуд прошел, но начали слезиться глаза. В ушах звенело. Томпсон громко захлюпал носом.

– Мы для них мелко плаваем, – хихикнул Питерс.

– Понятно. – Томпсон потер глаза и задумался над словами патологоанатома. Разговор продолжать не хотелось. – До понедельника. – Он повесил трубку, не дожидаясь ответного «до свидания». В понедельник утром Томпсон должен делать обход. Вот только Ллойда к тому времени, скорее всего, уже заберут.

– Ну что, кысяра?

Агата замяукала, доктор Томпсон подхватил ее на руки и прижался лицом к шерстке. Черт с ней, с аллергией. «Пропади она пропадом, – сказал себе Томпсон. Как всегда заныли колени. – Пропади пропадом это тело. Старая развалина». Он осторожно встал и свободной рукой подтянул семейные трусы. Что толку зря валяться, в потолок плевать? Пойдем посмотрим, как там наши цветочки. Он захватил мистический роман, чтобы почитать в туалете, босиком прошлепал на кухню, отпустил Агату, кинул книжку на стол и открыл холодильник. Зевнул, почесал грудь и упитанное брюшко. «Не съесть ли яичницу? – подумал доктор. – Не съесть». Он захлопнул дверцу и решил позавтракать овсяными хлопьями.

Томпсон взял любимую миску из темно-синего фарфора и высыпал в нее хлопья. Посмотрел на Агату. Агата путалась под ногами. Разумеется, люди умирают и без видимых причин. Но Томпсон, как всякий любитель мистических романов, считал, что совпадений не бывает. Дело не в любви к тайнам. Просто две одинаковые смерти подряд – явный перебор. И что там за ерунда с утопленниками в бухте Уимерли?

Томпсон залил хлопья сливками и бухнул сверху целую ложку сахара. Надо было, конечно, взять обезжиренное молоко (и так холестерин из ушей лезет), но оно быстро нагреется, хлопья размокнут и перестанут хрустеть. Нет ничего противнее обезжиренного молока. Вообще, обезжиренные продукты превращают любой завтрак в помой. И так никаких удовольствий на старости лет не осталось. Что теперь, в последней радости себе отказывать? На кухонном столе выстроились три пузырька с пилюлями. Еще там с вечера остался бокал. На донышке – целый глоток виски Ред Лейбл. Ни капли врагу! Томпсон взял пузырьки, вытряс из каждого по пилюле. Эналаприл от давления, ранитидин, чтобы кровь не застаивалась, атенолол от аритмии. Он запил их остатками виски и подумал: «А это для сосудов».

– Куда наш мир катится? – спросил Томпсон у Агаты, и за нее же ответил: – К чертовой бабушке. – Он как был, в трусах, вышел с миской на заднее крыльцо, залитое солнцем, сел в старый деревянный шезлонг и принялся завтракать, наслаждаясь драгоценным покоем. Все перила были заставлены цветочными горшками. Томпсон оглядел свои владения: крохотные кустики сиреневой лобелии, желтые бархатцы, голубые и белые анютины глазки. Красные петунии еще не до конца распустились, июнь все-таки, зато продержатся до осени. Как и розовый бальзамин. Анютины глазки – цветок капризный. За ним уход нужен. Зато петуниям ничего не делается. Они выносливые. Только подкармливать надо. Где-то в лесной чаще звенели какие-то птички. Агата внимательно смотрела в ту сторону и плотоядно урчала. Цепная пила, слава тебе, господи, наконец заткнулась. Томпсон набрал полный рот хлопьев, и в этот момент крыльцо задрожало от далеких громовых раскатов.

– Да что они там опять взрывают? – возмутился Томпсон. – Слушай, Агата, они мне осточертели. За такое время все что хочешь можно было взорвать. Дырку в скале проковырять не могут.

Откуда ни возьмись появилась оса и пристроилась на краю миски. Томпсон хотел ее согнать – не тут-то было. Томпсон заерзал и отмахнулся энергичнее. Оса всполошилась. Заметалась над доктором. Доктор, скорчась в шезлонге, неистово замахал руками. Наконец, он довольно резво для своих лет вскочил на ноги и опрокинул миску. Четыре больших осколка разлетелись по крыльцу, сливки брызнули на босые ноги. Подошла Агата, понюхала

лужицу и принялась лакать, одним глазом поглядывая на хозяина. Может, не заметит? Не пропадать же добру.

На шум слетелись еще две осы. Лениво жужжа, они стали кружить над сливками. Одна заинтересовалась коленом Томпсона. Другая удалилась, потом вернулась и нацелилась прямо в рот. Доктор подпрыгнул, сорвался с места и заперся в доме. Убедившись, что осы остались снаружи, а он цел и невредим, Томпсон выглянул в окно. На крыльце валялись осколки любимой миски. Агата лакала.

– Сволочи, – буркнул он, приоткрыв дверь. – Не пей эту гадость, Агата. Вредно. – Кошка презрительно посмотрела на него и вернулась к своему занятию. – Вот упрямая зверюга. – «Интересно, почему это осы не пристают к кошке? Она с ними сговорилась, не иначе. Решили разжиться сливками». Он захлопнул дверь и двинулся на кухню. На столе обнаружилась тарелка с остатками пиццы. Вечером, точнее, ночью Томпсон подогревал ее в микроволновке. По краю тарелки растекся соус. Доктор обмакнул в него палец и лизнул. Остро. Но вкусно. Вчера Томпсон припозднился. Он слегка переусердствовал с виски, резонно предположив, что грядет выходной и можно подольше поспать. Фигушки. В результате – что? На поворотах заносит, вместо мозгов – вата.

Доктор собирался съездить с Агатой в музей Сент-Джонса. С животными туда не пускали, но он уже два раза проносил кошку контрабандой в докторском саквояже. Томпсон купил его много лет назад, чтобы везде таскать своих питомцев. Таким манером он водил в кино ныне покойную чихуахуа по кличке Пеппи. Пеппи тихонько высовывалась из саквояжа и внимательно смотрела на экран, а Томпсон делился с ней поп-корном и пепси-колой. Собачка пила прямо с ладони. А вот Агата кино не любила. Зато ее неизменно приводила в восторг выставка костей беотуков. Этих несчастных индейцев, коренных жителей Ньюфаундленда, вырезали на корню первые поселенцы. Вот тут Агата, как говорится, была в своей тарелке. Самое милое дело не спеша побродить в субботу по музею. Так ведь нет! Проклятое любопытство расстроило все планы. Томпсону не терпелось взглянуть на тело Ллойда Фаулера. По-хорошему, надо бы позвонить миссис Фаулер и принести соболезнования. Дай бог, чтобы она не слишком убивалась. Вдовьих слез никакими словами не высушишь.

Где-то выла сирена. Джозеф взглянул на часы – без четверти восемь утра. Он вскочил с постели, подбежал к окну. «Это за мной?!» Джозеф ударился в панику. Он еще не до конца проснулся. Кошмар, душивший ночью, был таким ярким, таким отчетливым, что никак не рассеивался. Джозеф собрался было пуститься наутек, но вовремя пришел в себя.

Машина скорой помощи мчалась на запад в сторону нижней дороги. Она уже выезжала из городка. Заснуть удалось только под утро, Джозеф несколько часов вертелся с боку на бок в душной спальне. Не помогало даже настезь открытое окно со старинной сеткой от комаров. Дышать в комнате было нечем.

Джозеф неотрывно следил за машиной. Гроб на колесах. Пот тек ручьями, пахло немывтым телом. Наверное, от жары. Или от напряжения. Да и спал всего ничего – пару часов. А где Ким? В первое мгновение Джозеф был уверен, что она рядом, просто вышла из комнаты. Зачем вышла? Она хочет забрать Тари! Куда, домой? Да нет же. Ким ему просто приснилась. Мерзкий сон: здесь, в этой спальне, Ким развлекается с каким-то бородатым, а Джозеф, согнувшись в три погибели, прячется в углу. Ким знает об этом и поглядывает на бывшего мужа – то с тоской, то с вызовом. Ей всю жизнь нравились здоровенные парни, которые за словом в карман не лезут, которые прутся в горы, бороздят моря, бьют всяческие рекорды, преодолевая голод и холод. Эдакие герои приключенческих романов. Когда-то Ким и Джозефа считала одним из них. Морским волком, рыбаком в просоленной одежде. На первых свиданиях Джозеф с удовольствием рассказывал ей о своих предках. Ким ждала леденящих душу морских рассказов, но ничего кроме баек дяди Дага Джозеф предложить не мог. Авторитет его в глазах Ким стал падать. Еще бы: перебрался из рыбацкого поселка в город, оторвался от родных корней. Да и Ким оказалась не совсем такой, какой виделась

поначалу. В ней обнаружилась тяга к утонченности, изысканности, шику. «Люблю, чтобы все было по высшему разряду», – говорила она.

Они только начинали привыкать к недостаткам друг друга, когда Ким принесла домой тест на беременность. Супруги стояли рядом и смотрели, как проступают полоски. Беременна. Оба не знали – радоваться или горевать. Полгода спустя Ким положили на сохранение: начала сочиться околоплодная жидкость. Однажды она пошла в туалет, и ребенок просто выскользнул наружу. «Такая красавица, – чуть позже сказала Джозефу Ким. – Жалко, что ты ее не видел».

Но Джозеф не хотел смотреть. Он боялся, что образ мертвого младенца навсегда врежется в память. Морг находился в подвале больницы. Равнодушный санитар завернул тельце девочки в ткань, из которой должны были сшить покрывало на ее кровать. Джозеф нес дочь к машине, с трудом сдерживая слезы. Он никогда не думал, что такой маленький сверток может быть таким тяжелым. Больше всего Джозефа ужаснуло, что тело выдали сразу, без всяких формальностей.

Крошечная ямка совсем не походила на могилу. Священника не было, был только рабочий с лопатой. Из уважения к чужому горю он держался в стороне и ждал, когда можно будет засыпать землей гробик, сколоченный отцом Джозефа. Никто не сказал ни слова. Слова застревали в горле.

Джозеф давно подозревал, что он не тот, кем хотел казаться, и потеря первенца это подтвердила. Он старался быть сильным, старался быть опорой для Ким, но смерть ребенка отдалила их друг от друга. Все же они остались вместе, а потом Ким снова забеременела. Спустя шестнадцать месяцев после выкидыша родился второй ребенок. Девочку назвали Тари, это имя они выбрали еще для первой дочери.

Такими страшными воспоминаниями Джозеф старался разогнать тягостный осадок от ночного кошмара. Больше всего Джозефа расстроило, что во сне он совсем не сердился на жену за ее похоть. Он с каким-то отстраненным любопытством наблюдал, как лихорадочно сплетаются потные тела, как изнемогает от наслаждения Ким. Она громко стонала и крепко сжимала ногами бедра партнера, упиваясь его грубостью. Что теперь? Она забеременеет? Родит ребенка от могучего семени? В постели с Джозефом Ким была совсем другой. Образ распутной жены, сложившийся из фантазий и страхов, вызывал жгучее желание снова обладать ею. Внезапно Джозеф понял, что ему необходимо вернуться в Сент-Джонс.

Машина скорой помощи мчалась на запад в сторону нижней дороги. Километров через десять будет Потрошир. Джозеф не знал, кого везут. Вспомнились вчерашние похороны, толпа жителей, пришедших проститься с усопшим. Скорее всего, среди них был и дядя Даг. Весть о чьей-нибудь смерти быстро разносилась по Уимерли. Разумеется, на кладбище собирался весь городок.

Может, позвонить дяде Дагу? И что сказать? «Знаешь, дядя, мы тут заехали на денек. Даже дом сняли. Только жить в нем не будем: в сарае привидение завелось». В лучшем случае посмеется, а в худшем – опять вспомнит старые семейные дразги. Дяде и так скоро расскажут, что Джозеф в городе, если уже не рассказали.

Скорая скрылась из виду. Сирена умолкла. Может, выключили. Там, в машине, мертвое тело. И сердце у Джозефа тоже мертвое. Он нахмурился, зевнул и вспомнил Клаудию. Жалко, что они толком не познакомились. Минуту назад Джозеф окончательно решил, что надо возвращаться в Сент-Джонс. Нервы на пределе. И ведет он себя так, что самому странно. То часами говорит без умолку, то слова не вымолвит, то готов расплакаться. Бог знает, на кого он станет похож, если придется провести здесь еще хоть ночь. Ему нужна Ким, нужен их дом, а не холостяцкая квартира. Дом, который Джозеф сам купил, сам красил, сам обставлял мебелью. Ему нужна их спальня – обустроявая ее, они с Ким учились ладить. Так уютно, когда рядом спит родная женщина!

Джозеф посмотрел на океан. Двое аквалангистов в черных лоснящихся гидрокостюмах серебристым багром зацепили какой-то куль и, откинувшись, втаскивали в лодку. Куль был тяжелым на вид и очертаниями напоминал человека.

«Неужели кто-то утонул?» Из комнаты Тари донесся шум. Дочь потягивалась и что-то бормотала, просыпаясь.

– Пап! – голос у нее был совсем сонный.

– Я здесь, солнышко.

Вот огорчится, когда узнает, что надо уезжать. Они даже не встретились с дядей Дагом. Не видели родового гнезда, не листали пыльных страниц старого фотоальбома, не слушали вдохновенных рассказов о подвигах предков. Джозеф слушал, как Тари зевает. Конечно, она огорчится, но это пройдет. Можно будет в лес пойти с ночевкой. Хотя нет, в лесу слишком страшно. Ничего нет страшнее ночных шорохов. Лучше слетать в Торонто, там большой парк аттракционов. Покататься с горок, будет весело и страшно. Но это привычный страх. Его можно контролировать. Ты знаешь, чем он вызван, и знаешь, что он пройдет. За этот страх ты платишь деньги. Да, придется, конечно, потратиться, но главное – уехать отсюда. Остановились бы в гостинице. Тари была бы в восторге. Валялись бы в постели, смотрели телевизор и заказывали еду в номер. Там еще выдают такие маленькие кусочки мыла и бутылочки с шампунем. Рай для ребенка. Тут Джозеф представил унылую гостиницу в чужом городе, и ему стало еще страшнее и тоскливее.

По коридору лениво зашлепали босые ноги.

– Доброе утро, пап.

Джозеф отвернулся от окна – там все еще маячила лодка – и взглянул на Тари. Дочь в ночной рубашке стояла на пороге. Рубашка была похожа на платье сказочной принцессы. Просто прелесть.

– С добрым утром, красавица.

– Есть хочу. – Она нахмурилась. – И горло болит. – Подошла, повисла на Джозефе и обмякла, делая вид, что уснула.

– Пошли завтракать. – Он еще раз глянул в окно. Море спокойное, солнце уже палит вовсю, граница между светло-голубым небом и темно-синей водой словно прочерчена по линейке. Джозефу показалось, что рядом с лодкой плавает еще один тюк – то ли мешок с мусором, то ли бакен. Джозеф поднял Тари на руки. Она прижалась теплой щекой к его плечу. Глаза у нее все еще слипались. «Какое счастье быть отцом, – подумал Джозеф, подкладывая ладонь ей под голову. – чего еще хотеть от жизни?»

– Мне тут ужасно нравится, пап, – сказала Тари и погладила его по щеке.

– Правда? – Он поправил ей сбившуюся прядь.

– Побрейся. Ты колючий.

– Да вот не помню, взял я с собой бритву или нет. – Он вздрогнул при слове «бритва». Станок лежал в чемодане, но брать его в руки не хотелось. – Ничего, щетина у меня ломкая – сама осыплется.

Тари засмеялась и уткнулась в плечо.

– А можно, мы здесь останемся подольше? Не на три недели?

– Посмотрим. – Джозеф подошел к лестнице и начал осторожно спускаться, крепко прижимая к себе девочку. – Какая ты тяжелая стала!

По ступеням струилась красно-белая ковровая дорожка. Лестница поскрипывала. В прихожей было светло. Да, днем тут совсем не страшно. Все углы видны. Никаких тебе привидений, никаких ужасов.

– А когда позавтракаем, что будем делать?

– Ну, не знаю, куда-нибудь пойдем...

– Давай Клаудию с дочкой навестим?

– Нет.

– Ну дава-а-ай, пап! – Тари запрыгала у него на руках, Джозеф как раз спускался с последней ступеньки.

– Все, слезай, – скомандовал он, нагибаясь вперед. Но Тари вцепилась крепко. Тут же вступило в поясницу.

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! – Тари притворно нахмурилась и захлопала

ресницами; у Ким научилась. – Пожалуйста.

– Тари, слезь! – прикрикнул на нее Джозеф. Боль прострелила крестец и отдалась в коленях. – У меня спина из-за тебя разболелась.

Тари моментально отпустила руки и соскочила на пол. Глаза наполнились слезами.

Все, надулась. Придется мириться. В конце концов, девочка ни в чем не виновата. Ее-то за что лишать отдыха? Нужно посвятить ей весь отпуск, чего бы это ни стоило. Если для этого надо без конца пить таблетки – пожалуйста. Подождем еще денек. Может, этот чертов Уимерли даст, наконец, спокойно отдохнуть.

– Ладно, – согласился он, театрально вздохнув. – Уговорила. – Он присел рядом с дочерью на корточки, заглянул в лицо. Тари еле сдерживала слезы. Она вытерла глаза рукавом ночной рубашки.

– Ну прости меня, – сказал Джозеф и состроил смешную рожицу. – Мир? «Может, правда, все еще наладится? Просто надо держать себя в руках. Подумаешь, воображение разыгралось!» – уговаривал себя Джозеф. Не совсем же он с ума сошел. Или совсем? Как сказала бы мама, «с катушек слетел».

– Простила.

– Ты же у меня умница!

Они обнялись.

– Как ты вкусно пахнешь, пап, – сказала Тари, прижимаясь к отцу. – У нас дома твоя подушка осталась. Когда тебя нет, я ее нюхаю. Она тобой пахнет.

У Джозефа замерло сердце. Он стиснул Тари в объятиях и поцеловал в шею. «Какие беды надо преодолеть, через какие испытания пройти, – думал он, – чтобы все стало как прежде?»

По дому мисс Лэрейси растекался аромат поджаренного хлеба. Здоровенный ломоть еле пролез в тостер. Ничего, чем толще, тем лучше. Удобнее будет макать в чай. Вот только вкуса в этом хлебе никакого. Будто опилки натолкали. У мисс Лэрейси он получался гораздо лучше, но приходится довольствоваться тем что есть. Шестидесят лет кряду каждый четверг она пекла булки, а в прошлом году перестала. Месить тесто ей уже не под силу. Теперь изволь есть покупной хлеб. Он и близко не похож на ее пышные сдобные булочки – остывает в минуту. Но ничего не поделаешь. Старость не радость. «Вот ведь до чего дожила», – вздохнула мисс Лэрейси.

Разбудил ее звук сирены, в Уимерли его услышишь нечасто. Мисс Лэрейси сразу поняла, что едет скорая помощь. Пожарные машины воют устало и протяжно. Полицейские – те вроде как булькают. А вот у скорой помощи голос колючий, как чертополох. Кто же это занемог? Мисс Лэрейси тихонько покачала головой и густо намазала поджаренный хлеб маслом. Золотистая корочка заблестела и чудесно запахла.

Она взяла кружку, тарелку, повернулась к столу и только тут заметила большой лист бумаги. Это еще откуда? Похоже на картинку, что рисует Томми. Он их все время приносит. Но вчера Томми не появлялся. Может, сегодня забегал с утра пораньше? Он так часто делает, если что-то увидел и хочет другим показать. Томми, похоже, вообще никогда не спит. Вечно бродит по окрестностям, навещает соседей, проверяет, как у них дела. И рисует, рисует. Если у тебя на душе тоскливо, Томми тебе улыбнется, и хандры как не бывало. Больше никто так не умеет.

Рисунок изображал двух девочек. Они стояли словно за стеной падающей воды. Одна была очень похожа на ту светленькую, из дома старика Критча у верхней дороги. Мисс Лэрейси поставила завтрак на стол и внимательно взгляделась в картинку. Вторую девочку она не знала.

Из кухни донесся шорох. Тихонько скрипнула дверь. «Уж не духи ли», – с надеждой подумала мисс Лэрейси. Да нет, с какой стати – белый день на дворе.

– А?... – спросила старушка.

В дверях появился Томми. Он смущенно почесывался, запустив в растрепанную

шевелюру всю пятерню.

– Да я тут по вечерку, как Райну спать уложил – сразу сюда. Приткнулся на минутку, – он показал большим пальцем в сторону двери, – ну и задремал. Во! Прямо как маленький.

Мисс Лэрейси рассмеялась и потрепала его по руке. – Ах ты, золотце. Пойдем, чайку попьем.

Пока мисс Лэрейси подогревала чай, художник, согнувшись над столом, задумчиво разглядывал свое творение. К тому времени, как вода закипела, Томми успел набросать еще несколько портретов белокурой девочки. Вот она стоит, вот покачнулась, упала. Вот над ней склонился кто-то бородатый.

– Я ж ее знаю. А это вот та, которой папа в Критчевом доме остановился, – сказала мисс Лэрейси.

– Ну да. – Томми продолжал рисовать. Он страшно спешил, словно боялся, что у него отнимут карандаш. Пальцы так и мелькали. – Помните картинки мои, в прихожей висят? Ну, портреты. Там семьи целые. Они все поумирили давно.

Мисс Лэрейси положила руку ему на плечо. Томми отчаянно возил карандашом по бумаге.

– А скоро вернутся, – добавил он.

– Это как же?

– Вернутся, – убежденно сказал Томми. – Хоть и померли, а все равно. – Томми перевернул лист бумаги и начал рисовать на обратной стороне. Море. На поверхности воды один за другим показываются люди. Позади них – размытые очертания странных существ. Они стелятся густым туманом, постепенно принимая облик тех, кого давно уже нет на свете.

Клаудия стояла на пороге детской и в оцепенении смотрела на Джессика. Девочка сидела на разобранной постели лицом к стене и вся дрожала, волосы ее сбились в мокрые пряди. Некоторое время Клаудия озадаченно наблюдала за призраком дочери.

– Джессика?

Ребенок не ответил.

– Ты бы в сухое переоделась. У тебя ведь столько платьиц красивых.

Ни слова в ответ. Джессика не шевелилась, словно изображала свою же фотографию на стене. Как можно так долго сидеть неподвижно?

– Ты совсем замерзла, переоденься.

Мертвая тишина.

– Джессика?

Где-то рассмеялась девочка. Клаудия повернулась на звук. Смех раздавался почти у самого крыльца. Когда Клаудия вновь взглянула на постель, Джессика сидела в той же позе, только подвинулась чуть ближе к краю.

– Я пойду вниз, – Клаудия сказала это скорее себе, чем дочери. Над письменным столом висели фотографии. Их сделали, когда Джессика однажды промокла под дождем, получила нагоняй и, не переодеваясь, обиженно уселась на кровать лицом к стене. Клаудия открыла дневник, взяла карандаш и написала: *Я водила ее за ручку, я водила ее за ручку, я водила ее за ручку, я водила ее за ручку.*

Снова слышался детский смех. Клаудия встала из-за письменного стола и пошла к лестнице, ведущей на первый этаж. Одно удовольствие спускаться по таким ровным ступенькам. Этот дом построил Редж с друзьями восемь лет назад. Они перелопатили уйму книг о зданиях на солнечных батареях. Клаудия тогда была беременна Джессикой. Чертежи муж заказал в телемагазине. Грузовик привез огромные стеклянные панели, их пришлось поднимать и устанавливать подъемным краном. Клаудия поначалу возмутилась – это же так дорого! Но Редж заверил, что панели того стоят. «У тебя в мастерской всегда солнце будет, – подмигнув, сказал он, – вам, скульпторам, без света нельзя». Редж страшно гордился глиняными статуэтками Клаудии и всячески ее поддерживал. Но при посторонних никогда жену не превозносил – не хотел показаться хвастуном. В этом был весь Редж. Он старался со

всеми вести себя одинаково и никого не унижать. Поначалу семья жила у нижней дороги прямо рядом с заливом, в рыбацком домике мужниных родителей. Мать Реджа умерла и оставила хозяйство единственному сыну. Но в крошечной лачуге работать оказалось почти невозможно. Глиняные изделия не помещались на полках. Комнатки были построены с таким расчетом, чтобы легко отапливаться зимой, когда с океана дул холодный ветер. Скоро Клаудия начала получать заказы из-за границы, и пришлось сложить еще одну печь – для обжига глины. Стало совсем негде повернуться, и работа застопорилась.

В конце августа супруги перебрались в новый дом. Клаудии здесь сразу понравилось: из окон открывался чудесный вид на бухту. Второй этаж был поделен пополам, в передней части – просторная мастерская, сзади – две спальни.

Клаудия оглянулась на гостиную. Золотистые сосновые доски, высокие потолки. Столько света, столько воздуха. Когда-то здесь так легко дышалось! Картины в рамах. Морские пейзажи. Спокойное море, бурное море. Клаудия подумала, что душа человека похожа на океан – те же подводные течения, те же шторма и штили.

На последней ступеньке она резко остановилась. За стеклянной входной дверью стояла девочка.

– Джессика? – пробормотала Клаудия. Она никак не могла понять, каким образом дочь так быстро оказалась на улице.

Девочка улыбалась и прижимала нос к матовому стеклу. Та самая девочка из дома Критча. Сколько она там пробудет? Кто-то большой положил руку на плечо ребенка и потянул назад. Может, отец? Ну точно, это вчерашние знакомые. Только как их зовут? От резкого стука Клаудия вздрогнула и схватилась за горло. Придется открыть.

Она закрыла глаза и попыталась собраться с силами. Ребенок снова что-то зашебетал. Почему нельзя постоять тихо? Клаудия взялась за дверную ручку и глубоко вздохнула, прежде чем нажать на нее.

– Доброе утро, – поздоровался отец девочки, и улыбка сбежала с его лица. Он взглянул на часы. – Мы вас не разбудили?

– Нет-нет, что вы, – как могла приветливо сказала Клаудия. Прищурилась, отвела прядь волос за ухо и тут же вспомнила, что сегодня еще не причесывалась. «Значит, сейчас утро, – подумала она. – Интересно, который час?» И зубы не чищены, изо рта, наверное, пахнет. Ну и пусть. «Ни капли воды в рот не возьму. Ни за что. Уж лучше совсем высохнуть, как мумия». В присутствии посторонних Клаудия казалась себе некрасивой, нелепой и беззащитной. Вдали сверкали на солнце волны, бухта защищала берег от грозной стихии. Дальше к востоку, за горизонтом, океан правил жизнями людей.

– Тари очень хочет с вашей дочерью познакомиться. – Отец с любовью погладил ребенка по голове. – Было бы здорово, если бы они пообщались. Прекрасное утро, кстати.

– С моей дочерью? – Губы Клаудии задрожали, щеки побелели. Затуманенный взгляд остановился на Тари. – Ты что-то знаешь про мою дочь?

– Да, – пискнула девочка.

– Откуда? – Кожа на скулах натянулась. Клаудия чувствовала, что с каждым словом становится все уродливее.

– Мы не вовремя? – спросил отец.

Клаудия раздраженно взглянула на него, кровь прилила к щекам, в горле пересохло от гнева.

– Не вовремя.

Гости переглянулись.

– Простите, – сказал отец.

– Н-нет, я не это имела в виду. – Клаудия пальцем провела по губам и тревожно оглянулась на лестницу. – Просто...

– Она спит?

– Да, – с облегчением выдохнула Клаудия, уцепившись за простой ответ. Она опустила руку, стала видна надпись на рукаве. Клаудия нагнулась, стараясь заглянуть Тари в глаза. –

Где ты видела Джессику?

Девочка неуверенно махнула рукой:

– У вас в мастерской. В окне.

Отец нахмурил брови, он был явно смущен и озадачен.

– Мы как-нибудь в другой раз зайдем, – сказал он.

– В окне моей мастерской? – Перед глазами Клаудии сгустился туман, в ушах зазвенело. Ей хотелось схватить ребенка за руку, ощутить живую плоть. Если, конечно, Тари и правда живая. Клаудия потянулась к девочке, но потеряла равновесие и оперлась рукой о деревянные перила. – Джессика, – в отчаянии прошептала она, перед глазами закружились белые хлопья. Клаудия со стуком села на пол. Обхватила руками колени и спрятала лицо в подол. – Уходите, – сказала она. Ткань заглушала звук. – Пожалуйста... забирайте ее... и уходите.

Больница стала для доктора Томпсона вторым домом. Многие боялись этого заведения, он же отдыхал здесь душой. Раз и навсегда установленный порядок – заполнение форм, ежедневная рутина, осмотры – все это помогало справиться с мыслями. Доктору нравилось, что кругом царит чистота, и есть кому эту чистоту поддерживать. Врач должен во всем находить повод для оптимизма, а не переживать, что почва под ногами зыбкая, а любой результат непредсказуем. Иначе можно свихнуться. Надо нести людям надежду, хотя бы и призрачную.

Но вот морг – совсем другое дело. Даже у Томпсона начинало сосать под ложечкой, когда он отправлялся в подвал. Двери лифта открылись, и в нос сразу ударил запах формальдегида.

У входа за металлической стойкой сидел санитар, Глен Делэйни. На нем был белый лабораторный халат. Делэйни ковырял у себя в пальце чем-то, похожим на щипчики. Наверное, вытаскивал занозу. На секунду приподнял голову, взглянул на доктора и вновь погрузился в свое увлекательное занятие.

«Вот баран», – мысленно выругался Томпсон. Все работники морга какие-то странные. Он взглядом поискал патологоанатома, но того нигде не было видно.

– Доктор Питере у себя?

Делэйни пожал плечами. Нет, вы видели? Он пожал плечами! Будь Томпсон ровесником этому тридцатилетнему молокососу, непременно отпустил бы что-нибудь насчет недополученного воспитания. Но с возрастом становишься сдержаннее. Да и какой, собственно говоря, смысл воспитывать санитаров? Все рано не изменится. Такого ничем не проймешь, хоть по голове дубась. «Ушел в себя, вернусь не скоро».

Тело Фаулера еще не убрали со стола в морозильную камеру. Доктор подошел поближе, чтобы разглядеть надрезы, которые сделал патологоанатом. Все-таки вскрытие – это садизм и неуважение к умершему. В таких ситуациях Томпсону неизменно приходила в голову одна и та же мысль: «Ну, этот точно умер. Вы только полюбуйтесь. Его на части кромсают, куски отпиливают, а он молчит». Сильный здоровый человек стоял в кабинете у доктора всего два дня назад. Теперь его нет. Есть кусок разделанного мяса. И кто же из них настоящий мистер Фаулер? Вот он, главный вопрос бытия.

Сесть бы куда-нибудь, а то колени совсем замучили. Томпсон переступил с ноги на ногу. С Делэйни что ли поговорить? Живой голос, все-таки. Только о чем? О занозе в пальце? Можно было бы спросить, как умер Ллойд, но миссис Фаулер и так все по телефону рассказала. Нашла мужа в кресле. Мертвого. Он словно бы спал, вот только цвет кожи был неправильный. Серый. «Прямо вареная капуста», – рыдала вдова.

– Как жизнь? – Томпсон ожидал, что Делэйни ответит обычной шуткой: «Вскрытие покажет».

– Какая тут жизнь, – ответил санитар, яростно ковыряя несчастный палец. – Тут больница.

Томпсон нахмурился. Пристальное внимание, которое Делэйни уделял своей ручище,

начинало действовать на нервы. Что он там ищет, в самом деле? Доктор хотел было плюнуть на свои добродетели и как-нибудь так обозвать санитаря, чтобы его наконец проняло, но тут открылась дверь. В нее боком протиснулся высокий, под два метра, смуглый сержант полиции и застыл у входа, словно не решался войти.

– Это морг? – наконец, спросил он.

«Нет, – подумал Томпсон, – детский садик. Сам-то как думаешь?» Впрочем, зачем грубить? В конце концов, полицейский имеет полное право задать такой вопрос.

– Полагаю, что так, – сухо ответил Томпсон. Делэйни тихонько хихикнул. Доктор тут же возненавидел санитаря еще больше, насколько это вообще было возможно, и преисполнился симпатии к сержанту.

Полицейский пригнулся, чтобы не стукнуться головой о притолоку, хотя нужды в этом не было. Он встал рядом с Томпсоном и наклонился над телом Фаулера. Особенно сержанта заинтересовали шесть швов, стянутых белыми нейлоновыми нитками. Он снял фуражку, очевидно, из уважения к усопшему, и пригладил короткие темные волосы. Но и без того каждая прядка лежала на своем месте.

– На столе – покойник, – проговорил он, – верно? Этот вопрос Томпсона ошарашил.

– Верно, – ничего лучше доктор придумать не смог.

– Просто я сомневаюсь частенько.

– Можете не сомневаться, живых сюда обычно не привозят.

– Дай бог.

Делэйни с недоверием взглянул на сержанта и снова занялся пальцем.

– До чего же в моргах тяжело, – горестно сказал полицейский. Казалось, он разговаривает с мистером Фаулером.

Несмотря на серьезность ситуации, Томпсон еле сдержался, чтобы не захохотать. Слишком уж патетично это прозвучало.

– Помер, – вздохнул сержант. – Это ведь Ллойд Фаулер?

– Да, это он, – ответил Томпсон.

Полицейский протянул руку:

– Сержант Чейз.

– Доктор Томпсон.

– Отлично, – сказал Чейз, сжал губы и уверенно кивнул. – Очень приятно познакомиться. Он сам помер?

– Мистер Фаулер?

– Да.

– Что вы имеете в виду?

– Может, кто помог?

– Еще не все анализы готовы, но, похоже, умер он своей смертью.

– Хорошо. – Чейз повернулся к Делэйни. Тот продолжал орудовать щипчиками. Некоторое время сержант озадаченно следил за ходом операции.

– Чем это вы занозились? – спросил он наконец. – Одно железо кругом.

Томпсон заметил, что на лбу полицейского выступил пот.

– Костью, – отвечивал санитар.

Сержанта передернуло.

– Вы бы окошко открыли, – предложил он с таким видом, словно считал, что Делэйни это поможет. Чейз огляделся по сторонам, но никаких окон, разумеется, не было. – Тоже придумали – покойников потрошить, – пробурчал он себе под нос и оттянул пальцем воротник. – Жарковато у вас тут.

– Да не сказал бы. – Томпсону, напротив, казалось, что изо рта уже пар валит.

– Может, снаружи? – спросил Чейз и сглотнул.

– Снаружи чего? – Томпсон наслаждался происходящим, из вредности делая вид, что не понимает, о чем идет речь.

– Ну да, конечно. – Сержант слабо улыбнулся и облизнул пересохшие губы. – Я

говорю, может, снаружи побеседуем?

– Разумеется.

Чейз помахал санитару рукой:

– Приятно было поболтать. А кость не забудьте на место воткнуть, – на выходе он снова пригнулся. – Бедный мистер Фаулер и то живее, чем этот санитар. – Сержант замолчал, стараясь прийти в себя.

– Вы бы лучше присели, – сказал Томпсон.

– Ничего, постою. – Чейз привалился к стене и стал отковыривать горизонтальную деревянную планку. Отломил небольшой кусочек, потом еще два. Пошатнулся, смешно замахал длинными руками, но все-таки не упал и постарался сохранить невозмутимый вид. С удивлением поглядел на зажатую в кулаке гвоздистую щепку. Уронил фуражку, наклонился, чтобы подобрать. Аккуратно водворил головной убор на голову и как бы невзначай сел на корточки.

– Я когда в академии учился, – сказал он, пытаюсь приделать деревяшку на место, – нас на вскрытия гоняли. Сколько я всяких убийств перевидал, но такого... Сердце в руки брать заставляли. – Он стукнул кулаком по деревянной планке, зажмурился от боли и стал разглядывать руку. – Ах ты, батюшки... Доктора, мне, доктора! – Чейз улыбнулся Томпсону, глядя на врача снизу вверх. Улыбка была на редкость располагающей. Постепенно лицо сержанта стало приобретать здоровый оттенок. На смуглых щеках проступил румянец. – Больницы из меня всю душу вынимают. На убийство когда выезжаешь, вроде нормально. А тут не могу – в ушах звенит.

– Резко не вставайте. Я вас не удержу.

– Да нет, все уже. Порядок. – Чейз прислушался к своим ощущениям и медленно выпрямился.

– Вы расследуете смерть Фаулера?

– Я, по правде, пока сам не знаю. У нас теперь так: как смертность в городе подскочит, главный компьютер – р-раз – предупреждение. Автоматика. А наш брат уже думает, есть тут связь какая между этими смертями или нету. Такие нынче правила.

– Ох уж эти компьютеры.

– Где тут пожарная лестница? – спросил Чейз, оглядывая коридор. – А то я что-то запутался.

– За углом лифт.

Внизу Томпсон поговорил со старшей сестрой приемного отделения. За последние два дня поступили двое пациентов с затрудненным дыханием. Пожилая женщина из Порт-де-Гибля и семнадцатилетний парень из Уимерли. У женщины – предынфарктное состояние, ее оставили в больнице для наблюдения. Вроде ничего необычного. Парня зовут Эндрю Слейд. Томпсон Слейдов знает – он их семейный врач. В последнее время Эндрю стал совсем неуправляем. Живет с братом и его женой: родители погибли в автокатастрофе. Напились и сели за руль. Миссис Слейд, жена брата Эндрю, – типичный ипохондрик. Несколько дней назад приходила на прием. Что же стряслось с младшим Слейдом? Ничем особенным, кроме лишнего веса, Эндрю до сих пор не страдал. Дежурный врач решил, что у парня приступ аллергии, выписал аллерговит и отправил домой. Томпсон задумчиво уставился в пол. В голове промелькнула какая-то мысль. Донна Дровер. Масс Дровер. Ллойд Фаулер. Затрудненное дыхание. Эндрю Слейд. Если и с ним что-нибудь случится, то совпадением это уже не объявишь. Когда Томпсон вышел из регистратуры, сержант Чейз все еще околичивался в приемном покое.

– Может, чего надумали? – спросил Чейз.

– Сейчас у многих обострение аллергии. Июнь, все цветет, – ответил врач. Он не хотел раньше времени поднимать панику.

Чейз порылся в нагрудном кармане и вытащил оттуда бумажку с каракулями.

– А про... Массу Дровера что скажете?

– Внезапная смерть. Никаких внешних причин. Его мать сейчас у нас лежит.

– У нее-то что?

– Проблемы с дыханием, но признаков инфекции нет. Поэтому мы и забеспокоились.

Неожиданно приемный покой огласился детским плачем. Плакал мальчик лет пяти-шести. Его мать смотрела на сына так, словно собиралась как следует поколотить.

– Никакой респираторной инфекции, – пробормотал Томпсон рассеянно. Мать изо всех сил дернула ребенка за руку, обругала и влепила звонкую затрещину. Мальчишка заревел еще громче.

Чейз, который тоже внимательно наблюдал за этой сценой, тут же направился к ним. Томпсон хотел было двинуться следом, но вовремя остановился. Чейз – полицейский, это его работа. Доктор услышал, как сержант просит женщину предъявить документы.

По левую руку от мамы сидела девушка с перевязанным запястьем, а рядом – еще какой-то человек, по-видимому, ее отец. Он кровожадно смотрел на Томпсона.

Доктор снова устался в пол. Ему вспомнился подробный рассказ миссис Фаулер о том, как муж вел себя перед смертью. Ллойд был необычайно возбужден. Его характер резко изменился. Фаулер никогда не был ни жестоким, не агрессивным, а тут с ним стало страшно оставаться наедине. Барб даже начала потихоньку собирать вещи. «Как на духу, мистер Томпсон, – причитала она. – Я так боялась, так боялась! Думала, он меня убьет».

Томпсон поднял голову. Подошел Чейз. Закрыв блокнот, погладил пальцами глянцевою обложку, оглянулся и тихо сказал:

– Адресок я у ней посмотрел. Все записал – как зовут, где живет. Пускай социальная служба займется. Да и я на заметку возьму. Это ж рукоприкладство. Свидетелем будете, на случай чего? – Он сунул блокнот в нагрудный карман и снова оглянулся. Женщина не обращала на них никакого внимания.

– Само собой, – кивнул Томпсон. Женщина схватила сына за руку, крепко стиснула, потом отпустила, сторбилась и затряслась. На лице девушки с повязкой застыло умоляющее выражение, словно она просила о помощи. Человек рядом с ней по-прежнему не отрываясь глядел на Томпсона.

– Ну так как – ничего пока в голову не приходит?

– Пока ничего.

– Ну, так до скорого.

– До скорого.

Чейз протянул врачу руку и двинулся к выходу. Двойные двери автоматически разъехались перед ним.

Томпсон постоял немного, разглядывая посетителей, и вышел следом. Завел свой внедорожник и направился в сторону Порт-де-Гибля. Он решил доехать до Потрошира, а там свернуть на дорогу к Уимерли. Слейды живут на окраине у самой бухты, в небольшом одноэтажном домике на Слейдс-лейн. Надо посмотреть, как там у них дела. Если Эндрю дома, хорошо бы задать ему пару вопросов, а заодно и легкие проверить.

Доктор прислушался к собственному дыханию – вдох, выдох. Он так сосредоточился на этом процессе, что ему стало не по себе. Пытаясь отвлечься, Томпсон включил радио. Пел Гордон Лайтфут. «Загляни в мое сердце, оно тебе тайну откроет». Томпсон начал подпевать. «Пустяки, – убеждал он себя, – ничего серьезного». Но избавиться от ощущения, что в Уимерли появился неизвестный доселе смертельный вирус, никак не получалось.

Джозеф колебался недолго. «Уезжаем, – сказал он себе. – Укладываем вещи и дёру». Зря они приехали. Отпуск превратился в кошмар. От одного воспоминания о бородаче с рыбой бросало в дрожь. А чего стоит детский голосок, зовущий отца? А сообщение Клаудии, что ее дочь и муж уже полтора года как пропали без вести? Нет, делать тут нечего, вон отсюда.

– Поехали, – сказал он Тари, открывая багажник. – Собирай вещи. И никаких дискуссий. Вопрос закрыт, – нечего тут нам с тобой, девочка, делать. Тут одна дурь.

– Давай последний раз погуляем?

– Ты слышала, что я сказал?

– Да.

– А что Клаудия сказала – слышала? Дочка ее, которую ты видела в окне, давно пропала!

– Нет, не пропала.

– А я говорю – пропала! – Он указал на дом. – Вперед.

– Ну пап, ну пожалуйста! – Тари умоляюще сложила руки. – Один разочек.

– Нет! – Джозеф заметил у нее на тыльных сторонах ладоней какие-то линии, круги и дуги, красные и черные. Раскрасилась фломастерами.

Тари заплакала.

– Слушай, Тари. – Он присел на корточки и положил руки ей на плечи – не столько для утешения, сколько чтоб самому не упасть. – Тут творится что-то непонятное. Нельзя нам оставаться. Ну неужели тебе не страшно?

Тари замотала головой. Две слезинки скатились по щекам и остановились возле губ.

Джозеф мельком взглянул на море. Вокруг расстился чудесный городок, залитый ярким солнечным светом. Может, все дело в нервах, и вся эта муть привиделась только потому, что он так издергался в последнее время? Сейчас светло. Опасности никакой. Привидения среди бела дня не вылазят. Если чуть-чуть задержаться – ничего страшного не будет. Можно поехать и после обеда. Темнеет сейчас поздно. И без того кругом виноват – испортил Тари каникулы. А она их так ждала.

– Я ведь не свихнулся еще, как ты думаешь? – спросил Джозеф ласково. – Не свихнулся ведь, правда? – Он большими пальцами вытер ей слезы.

– Ладно, погуляем напоследок.

Тари заулыбалась и крепко обняла его.

– Спасибо, папулечка!

– Но потом сразу уедем.

– А давай к воде пойдем?

– Конечно. Пошли. – Джозеф захлопнул багажник и взял дочь за руку. Они стали спускаться по верхней дороге к городской пристани. Что скажет Ким? Как ей все объяснить? Рассказать о привидениях – решит, что у муженька крыша поехала. Ким же ученая, биолог. Ни во что сверхъестественное не верит. А вдруг Ким станет добиваться, чтобы ему запретили общаться с дочерью? Если он и вправду сходит с ума, его же к Тари и близко не подпустят!

Подул прохладный ветерок. Джозеф посмотрел на восток и увидел, что на горизонте клубятся серые тучи. Будет гроза. Если выехать в ближайшие часы, можно и проскочить. Вести машину в дождь не хотелось, но Джозеф был готов уехать отсюда во что бы то ни стало. Если потребуется, он поедет со скоростью два километра в час, поедет сквозь гром и молнии, под дождем, градом и снегом, поедет, даже если с неба начнут сыпаться жабы. Джозеф глубоко вздохнул. Чтобы опять не удариться в панику, надо глубоко дышать. Таблетки остались в доме. Может, сходить за ними, пока не очень далеко? Джозеф заметил, что дочь смотрит на верхний этаж дома Клаудии.

– Вон она, пап, – сказала Тари, показывая пальцем.

– Кто? – спросил Джозеф. Он обшарил взглядом окна, но в них отражалась только спокойная синева неба. Никакой девочки не было.

– Вон, видишь? – Тари отняла руку, помахала кому-то и помчалась назад по дороге.

– Тари! – крикнул Джозеф и кинулся следом. – Сейчас же вернись!

– Все, спряталась. – Тари встала как вкопанная и насупилась. – Ты ее напугал.

– Напугал? Ее?! – Он схватил дочь за руку. – Давай пойдем скорей к твоему морю. Надо выехать засветло. Хватит с меня. Можно ведь и еще куда-нибудь съездить. Или в поход сходить. Хочешь в Торонто? Или на Гавайи? Да хоть на Мадагаскар.

– Давай лучше здесь останемся. Здесь веселей.

– Веселей? – Джозеф вытаращил глаза. – Веселей?

– Мы еще к дяде Дагу не сходили.

– В другой раз. Не так уж это далеко от Сент-Джонса. Еще съездим. Стой, а ты откуда знаешь про дядю Дага?

– Мама рассказывала. А как же Джессика?

– Ей и без нас хорошо, – ответил Джозеф. Он хотел добавить: «Господи, да она же мертвая, она же теперь призрак. С ней-то уж точно ничего больше не случится. Это о нас, живых, надо беспокоиться».

– Она мне сегодня приснилась. Как будто мы с ней в сарае.

Ноги Джозефа приросли к земле.

– В сарае? В нашем сарае?

Тари молчала.

– Когда?

– Это просто мое отражение было. В старом зеркале. – Тари сморщила нос и покачала головой, делая вид, что это все ерунда. – Да не она это была. Фигня. Проехали.

– Когда ты ее видела?

– Не знаю. Вчера.

– Давай-ка помолчим. Болтать вредно, а пешком ходить полезно. Пошли быстрее. – Они скорым шагом двинулись вниз по дороге, слышно было, как шуршит гравий. В лесу постукивал дятел. Слева на дереве закаркали две вороны. Над головой пронеслась птица. По Тари и Джозефу скользнула тень, и на дорогу метрах в трех перед ними шлепнулась рыба. Джозеф задрал голову и увидел улетающую ворону.

«Что ж она не блестит?» – глядя на рыбу, подумал Джозеф. Он подошел ближе и увидел, что рыба чешуя совершенно черная и вдобавок шевелится. Оказывается, рыбу облепили мушки. Они жужжали, ели, гадили и откладывали яйца.

Джозеф резко втянул в себя воздух. Прищурился, потом до боли зажмурился и снова посмотрел под ноги. Рыба оказалась серой, а вовсе не черной. Серые мушки, обезумев, лезли друг на друга. Джозеф таких в жизни не видел.

Тари тоже посмотрела на рыбу и перевела взгляд на отца. Джозеф как раз собирался спросить, видала ли она серых мух, но дочь опередила его:

– Пап, – спросила она. – А что чувствуют, когда умирают?

«Ни черта себе», – подумал Джозеф.

Эндрю Слейд сжал в потном кулаке комок хлеба. Мякиш в ладони – странное ощущение. И приятно, и тошно. Смутно вспомнилась няня. Мелькнула и пропала. Толстые пальцы Эндрю пахли свежей выпечкой. Оплывшие щеки лоснились на солнце, сальные волосы спадали на лоб. В глазах отражались морские блики и три белые точки – это чайки кружились над бухтой, требовательно крича. Эндрю разжал кулак и внимательно изучил мякиш. Хлеб покрылся причудливым узором – отпечатались линии ладони, Парень злобно ухмыльнулся и скатал неровный шарик размером с бейсбольный мяч. Крючок десятый номер был уже на леске. Эндрю наклонился его поднять. Тут же голова налилась свинцом, глаза полезли наружу. Черт! И эти джинсы малы. Из всей одежды вырос, какая была. Свистя При каждом вдохе, он неуклюжими пальцами нацепил хлеб на крючок – сидит вроде крепко, – выпрямился, поднял удочку и посильнее размахнулся. Хоть бы всякая нечисть, что на глубине плавает, наживку не схавала. Эндрю угрюмо поглядел на птиц.

– Давай налетай, – пробормотал он. – Вам че его – маслом намазать?

Услышав плеск, одна из чаек спикировала к воде, зачерпнула клювом крючок и взмыла обратно. Катушка спиннинга бешено завертелась.

Эндрю оскалился, вцепился в ручку катушки, и леска перестала разматываться. Удилище заходило ходуном. Чайка закружилась, словно машина на льду. Она отчаянно била крыльями, пытаясь выровняться, а когда поняла, что попалась – громко закричала. Из всех сил птица рвалась в небо. Падать ей не хотелось.

– Ага, – процедил Эндрю. – Готова. – Он налег на ручку и стал подтягивать чайку к

себе. Та сопротивлялась, но тщетно. Ниже, еще ниже. Знатный будет обед. Говорят, на вкус что-то вроде курятины, только жиру побольше, а мяса поменьше. Чайка с жареной картошкой. И подливка. А может не дожидаться обеда? Просто вцепиться зубами в живую теплую плоть, выплевывая белые перья. Эндрю вытер губы и повернулся вправо. Ему почудилось движение. Точно. По причалу шла какая-то фря, а рядом с ней взрослый. Незнакомые. Они что-то вынюхивали возле лодок. Судя по виду – городские. Пришлые. Турье поганое.

Эндрю взглянул на чайку – та летела боком и телепалась, как воздушный змей. Потом он снова обернулся к приезжим. Вытащил из кармана нож, перерезал леску и отпустил несчастную птицу. Положил удочку, отошел от воды и посмотрел на свои серые кроссовки. Под ногами валялось до хрена всяких камней. Закидать этих городских, прогнать их начисто, чтобы духу их тут не было! Им только дай – понаедут и все изгадят, все на свой лад перекроют. Ничего так не хотелось Эндрю, как закричать: «Пошли вон, турье вонючее!». И швырять, швырять в них булыжники.

Он нагнулся и поднял камень поядренее. Теплый. А главное – увесистый, вполне можно вломить как следует. Эндрю сжал кулак, и вдруг накатила волна ужаса. Малый заметил, что дыхалка у него не работает. Словно из легких откачали весь воздух. От страха пот хлынул ручьем. В голове звучали слова старшего брата: «Городские, что сюда прутся, все кругом поганят. Рыбу нашу жрут. Всю треску повыловили своими траулерами, а мы – сиди без работы. Из-за них вся жизнь – в дырку! Моя воля – всех бы передавил».

В легких свистело. Едкий пот заливал глаза, и Эндрю зажмурился. Провел рукой по лицу. В голове звенела черная пустота, она пугала еще больше, чем ночные кошмары. Эндрю рванул вдоль бухты, словно хотел убежать от этого жуткого ощущения. Он стиснул в руке камень. Твердые грани впились в ладонь. Хлеб зачерствел, что ли? Эндрю поднес руку к глазам и понял что ничего не помнит. Как это так? Хлеб стал камнем? Парень совсем было растерялся, но тут он снова увидел девочку и мужчину. «Турье проклятое. Турье проклятое...»

Эндрю Слейд во весь дух помчался за чужаками. При таком весе бежать непросто, его мотало из стороны в сторону. Наконец он приблизился настолько, чтобы не промахнуться, и швырнул камень, словно гранату. Он хотел только напугать, попасть в мостки на пристани, но угодил девчонке в затылок и в полном обалдении кинулся к Слейдс-лейн. Легкие работать не хотели. Как набрать полную грудь воздуха – Эндрю не представлял. Что надо делать, чтобы дышать? Собственное тело показалось ему сломанной пластмассовой игрушкой. Он побежал еще быстрее, поскользнулся на повороте, упал и проехал плечом по асфальту. Кожу содрало как наждаком, в рану впились песок и мелкие острые камешки.

– Ой! – вскрикнула Тари и схватила за голову.

– Ты чего? – Джозеф быстро повернулся и увидел, что лицо дочери перекосило от боли, девочка упала на одно колено. Он кинулся к ней, но споткнулся о кусок толстого каната. Удержать равновесие не удалось. Схватиться за Тари – тоже. Ботинки поехали по скользкой пристани. Джозеф начал заваливаться назад, судорожно размахивая руками. Он еще успел увидеть растянувшегося на дороге подростка, заметил синий внедорожник, который вывернул из-за угла и с визгом затормозил в полуметре от парнишки. Пытаясь не упасть, Джозеф судорожно дрыгнул ногой, но из-за этого еще сильнее оттолкнулся от деревянных мостков пристани. Он рухнул плашмя в ледяную воду, больно ударившись о поверхность.

Дыхание сразу перехватило. Промежность свело от холода. Растопырив руки, он опускался все ниже, воздух рвался из легких. Наконец Джозеф понял, что больше не погружается, и открыл глаза. Светящиеся пузырьки мелькали вокруг. И тут на расстоянии вытянутой руки Джозеф увидел человека. Человек внимательно разглядывал его сквозь прозрачную зеленоватую воду. Белое сморщенное лицо ничего не выражало. Тяжелая куртка и толстый вязаный свитер висели мешком. Джозеф конвульсивно задержался, пытаясь выплыть. Неподалеку маячило еще одно тело. Женщина в белой ночной рубашке с широкой

шелковой окантовкой пристально смотрела на Джозефа. Она не двигалась, только пряди волос медленно шевелились.

Джозеф барахтался, раздвигая упругую воду. Больше всего он боялся, что костлявые руки схватят его за лодыжки. Но утопленники и не пытались его удержать, они по-прежнему спокойно висели у илистого дна. С их губ не сорвалось ни одного пузырька, и только глаза следили, как Джозеф поднимается на поверхность.

Суббота, вечер

Ким пошла в спальню. На лестнице валялась светловолосая дочкина кукла, ступенькой выше – книга сказок и белая футболка. Ким нагнулась к ним и вспомнила, как сегодня утром по всем каналам показывали субботние мультфильмы. У Ким они всегда были связаны с детством – и своим, и Тари. Хотя дочь мультики не любила, да и вообще телевизор смотрела редко. Ей нравились только передачи о животных. Ким привыкла, что Тари всегда рядом, без нее в доме стало пусто и тоскливо. Хорошо, конечно, пожить некоторое время исключительно для себя, но когда одиночество берет за горло, никакая свобода уже не в радость. А ведь Тари не будет считать целый месяц. Эта мысль отдалась почти физической болью, желудок скрутило в тугой узел.

«Ее не было всего три дня», – урезонила себя Ким.

Наверху она заглянула в комнату Тари. Там вся стена была завешена изображениями всяких сказочных существ, которых Тари сама придумала. Ким бросила вещи на кровать, застеленную оранжевым покрывалцем без единой морщинки. Каждое утро Тари сама аккуратно заправляла постель. Она была ответственной девочкой, может даже чересчур ответственной. Все принимала близко к сердцу. Часто она просыпалась в слезах: ей снилось, что она куда-то забрела или тонет, или кого-то из друзей сбила машина.

«Я была точно такой же», – подумала Ким. Она вошла к себе в спальню и начала раздеваться. Вспомнилось, какая в детстве накатывала жуть от одной только мысли, что и родители, и она сама могут умереть. Если родителей не будет, кто тогда станет о ней заботиться? Как же так можно без них?... Ладно, что толку ворошить давно забытые страхи. Лучше заняться насущными проблемами. Ким посмотрела на свои черновики. Журнал «Биология» заказал научную статью о влиянии гидролокатора на жизнь обитателей моря. Сдавать через две недели. Ким даже повесила внизу в кабинете календарь и сделала в нем отметку черным фломастером. До конца еще очень далеко, не говоря уже о том, что придется раз шесть или семь переписывать.

Ким сняла блузку и расстегнула лифчик. Поглядела на свое отражение в большом зеркале у двери и отвернулась, недовольная собой и своей теперешней жизнью. Расставание с Джозефом ни к чему хорошему не привело. На тот момент развод казался простым и естественным выходом, отношения летели ко всем чертям, каждый разговор заканчивался ссорой, и надо было срочно отдохнуть друг от друга. Пока утрясались формальности, Ким много думала ночами, уложив Тари спать, и неожиданно сделала простое, но очень важное открытие. Корень зла вовсе не в Джозефе, а в ней самой, в ее инфантильном нежелании решать проблемы взрослой семейной жизни.

Ким стянула джинсы, потом трусики и ногой отшвырнула их в сторону. Она стала спать голой всего несколько месяцев назад. Джозеф очень хотел, чтобы Ким ложилась без ничего, но она упрямо отказывала ему в этом удовольствии. С какой стати она это делала? Непонятно. Сейчас Ким не понимала своего тогдашнего упрямства. Она и предположить не могла, что без Джозефа ей будет настолько не по себе. Друзья уверяли, что со временем это пройдет. Но со временем – стало, наоборот, еще хуже.

Она забралась в холодную постель. Бр-р-р! Натянула на себя одеяло и стала придумывать повод, чтобы поехать в Уимерли, посмотреть, как Тари и Джозеф ловят с пристани рыбу, гуляют по проселочным дорогам, здороваются с пожилыми соседями и проводят время в компании дяди Дага. Задумчиво улыбаясь, Ким потянулась за книгой на

столике возле кровати. Так – на чем мы вчера остановились? Викторианская дама, в прошлом вся такая тонкая, артистическая, сидит у себя в спальне, глядя прямо перед собой. «Страх сковал холодом сердце. Ее глаза, два черных озера, утратили былой блеск; на некогда прекрасном лице проступили следы порока. Собрав последние силы, она встала и безмолвным часовым застыла у оконной портьеры со свечой в руке. Вот уже две недели ожидала она возвращения мужа и дочери. Вот уже две недели не приходило от них никаких вестей. И не было ничего, что стало бы ей утешением. Ее муж и дочь исчезли бесследно».

Ким вздохнула и с досадой захлопнула книгу. Вместо легкого, предсонного настроения из романа полезла густая зеленая тоска. Надо взять себя в руки. Отец и дочь вместе. Как хорошо! Разве нет? В доме – тишина и покой. Читай когда хочешь, ешь когда хочешь, а главное – что хочешь. Развод – это ведь не обязательно навсегда? Со временем они с Джозефом соскучатся друг по другу и забудут про разногласия.

Ким часто вспоминала счастливые часы, проведенные вместе, отпуск в Испании, беззаботный смех, мелочи, которыми Джозеф старался ее порадовать. Но от этих воспоминаний Ким начинала еще острее тосковать по мужу. Как же ей хотелось, чтобы Джозеф был рядом! Какой-нибудь массаж на ночь, какая-нибудь утренняя чашка кофе стали вдруг казаться немыслимо прекрасными проявлениями его широкой, щедрой души. Он варил самый лучший кофе на свете.

Конечно, разногласия никуда не делись, их еще предстояло преодолеть. Когда Ким и Джозеф жили вместе, у каждого был отдельный кабинет с компьютером. Как только выдавалась свободная минутка, супруги разбегались по своим углам. Тари оставалась одна. Она смотрела фильмы о животных или рисовала. Не то чтобы девочку оставляли без внимания – родители возились с ней постоянно, – просто компьютер незаметно расталкивал семью в разные стороны. Ким прямо-таки оживала, когда появлялась возможность заняться статьей или полазать по интернет-магазинам. И вот Тари уехала. Только теперь Ким поняла, как много времени уделяла работе. Нестерпимо захотелось увидеть дочь.

Конечно, она была не права. Слишком нажимала на мужа, пыталась им руководить, не давала встречаться с друзьями. Ким так ревновала, что скрывала свою любовь. И любовь постепенно скрывалась под многолетними завалами обыденности.

Разумеется, дело было не только в работе. Ким не собиралась себя обманывать. У них с мужем совершенно разные взгляды на воспитание дочери. Ким считала, что Джозеф балует Тари, что та вьет из него веревки. Нет, девочка не испорчена, просто, по мнению Ким, она растет папиной дочкой. Джозеф возится с ней, как с грудной. Ким хотелось, чтобы дочь стала человеком жизнеспособным, практичным. «Интересно – как это сделать? Отдать Тари в военное училище?»

Она повернула голову, посмотрела на ту часть кровати, где обычно спал Джозеф. Улыбка сбежала с лица. Ким снова взяла роман и вспомнила, как Джозеф когда-то читал ей вслух на ночь. Под его спокойный мягкий, спокойный голос так уютно было засыпать...

Сосредоточиться на романе никак не получалось, и Ким посмотрела на полуоткрытое окно. По черному стеклу бежали капли дождя. С улицы тянуло прохладой, лицо приятно обдувало ветерком. Ким взглянула на столик у кровати. Телефон. Она глубоко вздохнула и совсем уже набралась решимости позвонить Джозефу, чтобы узнать как дела, но тут аппарат зазвонил сам. Ким вздрогнула и отдернула руку. Удивленно воззрилась на телефон. Отвечать или не надо? Она подождала и решила, что трубку не возьмет. Если это Джозеф, пусть думает, что свободная женщина пошла куда-нибудь выпить в хорошей компании. А вдруг в Уимерли что-то случилось? После четвертого звонка сработает автоответчик. Ким схватила трубку.

– Алло? – сказала она с нарочитой непринужденностью.

– Привет, это я. – Голос был нервным и напряженным, Джозеф в последнее время всегда так разговаривал по телефону.

– Привет. – Ким подождала продолжения, но пауза затянулась. – Как там в Уимерли?

– Все нормально. Только у нас с Тари сегодня маленькая неприятность.

Ким вскочила.

– Что? – По спине побежали мурашки, перехватило горло. Трубка чуть не выскользнула из мгновенно вспотевшей ладони.

– Ей попали камнем по голове.

– По голове?! Вы были в больнице?

– Да, все в порядке. Там сказали, ничего страшного. Но теперь у нее температура. Мы доехали до Потрошира, хотели вернуться в Сент-Джонс...

– Высокая?

– Что?

– Температура.

– Тридцать девять и три.

– Господи, Джо, это же очень много! У вас таблетки с собой есть?

– Нет таблеток. Я только в Потрошире заметил, что у нее жар и глаза блестят, а в машине таблеток нет. И аптеки вокруг ни одной. Мы тут на всякий случай вернулись в этот...

– А в больнице вам что, никаких лекарств не дали? – спросила Ким.

– Нет, она себя нормально чувствовала.

– Возьми кастрюлю с холодной водой, намочи полотенце и положи ей на лоб...

– Да все я уже сделал. И врачу позвонил. Вообще, это все на глазах у доктора произошло. Он чуть не переехал этого парня, который бросил камень.

– Парня? Какого парня?

– Который бросил камень.

– Парня? – Она спустила ноги с кровати. – Взрослого?

– Нет. – Слышно было, что Джозеф злится. – Подростка.

– Почему он бросил в нее камень? Случайно?

– Откуда я знаю. – В трубке замолчали, и Ким услышала, как Джозеф говорит в сторону: «Это мама». Донесся голос Тари: «Можно, я с ней поговорю?»

– Тари! – позвала Ким.

– Привет, мамулечка. – Голосок был слабенький и слегка дрожал.

– Привет, зайка. Как ты себя чувствуешь?

– 3-3-замерзла...

– Хочешь, я приеду? Я прямо сейчас. Прямо сейчас!

– Не, мам, не надо. На улице ливень такой. Ты можешь в аварию попасть.

У Ким от страха пересохло во рту, прошиб озноб. Тем не менее, она улыбнулась – Тари так трогательно заботилась о ее безопасности.

– Если у тебя температура не упадет, я точно приеду. Поняла? Наплевать мне на дождь.

– Ладно, мам. Пока. Я тебя люблю.

– И я тебя.

В трубке затрещало. Там снова был Джозеф:

– Врач сказал, привезет детский анальгин.

– Если температура быстро не упадет, – строго сказала Ким и натянула на себя одеяло, – немедленно вези в больницу. У нее может быть сотрясение, это очень опасно.

– Да знаю. Через полчаса перезвоню.

– Отнесись к этому серьезно, Джо. И найди полотенце.

– Есть у меня полотенце. Я уже тут... все, что можно...

– Температура должна упасть, иначе начнутся необратимые изменения. Тридцать девять и три – это очень много.

– Ладно. – Голос звучал уже не так уверенно. – Ладно. Я перезвоню.

– Ты сам-то как?

– Никак.

Раздались короткие гудки.

– Джо!

Трубка все-таки выскользнула из потной ладони. Ким озабоченно прикусила нижнюю губу. Вспыхнуло раздражение. Чем они там занимались? Как он мог допустить, чтобы в Тари кинули камень? И вообще, с какой стати швырять камнями в маленькую девочку? «Что это за ублюдок был?» – пробормотала она, не попадая трубкой на аппарат. Ким никак не могла взять себя в руки. Откинула одеяло. Мокрое от пота тело тут же обдало холодом. Сунула руки в рукава халата, завязала пояс и поджала колени, чтобы согреться.

За окном был дождь, капли стучали по крыше. Ким понятия не имела, что предпринять. Вот тебе и повод приехать в Уимерли. У Тари, ее малышки, ее единственной малышки, опасная температура. Жгучий стыд охватил ее. Это она, она во всем виновата.

В дверь постучали. Джозеф сбежал по лестнице и распахнул входную дверь. Доктор Томпсон осторожно переступил порог: эти чертовы колени все не унимались. С желтого плаща капало. За окном лил дождь. Было слышно, как волны с грохотом разбиваются о берег. А может, это ветер шумел в ветвях елей.

– Спасибо доктор, что приехали. – От двери тянуло холодом, и Джозеф поежился. С тех пор, как он лез на пристань, ему так и не удалось согреться. От пережитого ужаса и долгого пребывания в ледяной воде Джозефа бил озноб. Перед глазами стояли утопленники, их мертвые пальцы тянулись к ногам, мертвые глаза неотрывно следили за его погружением. Там, под водой, совсем другой мир. На суше, в доме с окнами и стенами, Джозеф чувствовал себя в безопасности. Если бы только не дождь. Казалось, на крышу обрушился океан. Чего еще надо? По чью душу явился?

– Да ну что вы, – сонно пробормотал Томпсон. Он откинул капюшон и страхнул с черного чемоданчика воду.

– Давайте я повешу. – Джозеф принял у доктора плащ. Вид у Томпсона был усталый, под глазами залегли темные круги, двигался он вяло и неуверенно.

– Благодарю. – Доктор закашлялся. – Больная наверху?

– Да, проходите. – Джозеф аккуратно повесил плащ на крючок рядом с дверью. – Я положил ей на лоб мокрое полотенце.

– Прекрасно.

На лестнице Джозеф опередил доктора, тот еле карабкался.

– Ноги стали ни к черту. Хорошо вам на здоровых бегать.

Джозеф почтительно оглядел ноги доктора и провел его в комнату Тари. На столике у кровати горела лампа под розовым абажуром.

Девочка лежала с закрытыми глазами.

– Еще ведь не Рождество, – пробормотала она, словно поздоровалась с доктором.

Томпсон, от которого пахло чесноком и вином, удивленно поднял мохнатые брови и шагнул в комнату. Возле кровати в оцинкованном тазике с водой плавало синее полотенце. Доктор поставил чемоданчик на пол, открыл его и вздохнул.

Тари снова забормотала:

– Я и подарок еще не приготовила.

– Подарок? – Томпсон крикнув присел на кровать. – Проклятые колени. Чтоб вам!.. – Доктор повернулся к девочке и заговорил совсем другим тоном. – Привет, Тари. – Порылся в чемоданчике. – Меня зовут доктор Томпсон. Сейчас будем с тобой температуру мерить, ладно?

– Это же для индюшки, – не открывая глаз, пролепетала Тари.

Доктор хмыкнул:

– Так ты у нас индюшка и есть. Жареная. Температура у тебя как раз подходящая. Может, откроешь глазки? – Томпсон встряхнул градусник и попытался разглядеть деления. – Ни черта не вижу. – Джозеф взял градусник и, убедившись, что столбик ртути застыл ниже отметки «тридцать пять и пять», вернул доктору.

Вдруг Тари посмотрела на них. Мокрые пряди прилипли ко лбу.

– Ну-ка, птичка, раскрой клювик.

Девочка нехотя подчинилась. Томпсон вложил ей в рот градусник, встал и закричал, держась за поясницу.

– Я уже вам говорил: от шишки на голове температура обычно не поднимается. – Он повернулся к Джозефу. – Это больше похоже на грипп. Где-нибудь продуло, теперь организм с инфекцией борется. Кстати, дышит она как?

– Дышит?

– Ну дышит, знаете, вдох-выдох, – он пальцем показал на свой рот.

– Да нормально.

– Ну и славно.

– Может, ее опять в больницу отвезти?

– Смотрите, вам решать. На рентгене никаких изменений не видно. Камень попал вот сюда, – доктор похлопал себя по затылку. – Тут кость самая крепкая. Вот если бы в висок или в темя, тогда было бы из-за чего беспокоиться. К тому же шишка во-о-он какая, а это всегда хороший признак. – Доктор прищурился и внимательно посмотрел на Джозефа. Он вытащил из кармана очки и нацепил их на кончик носа. – Что это вас так трясет?

– Ерунда, одежда не до конца просохла. Сколько продержится температура?

– Недолго. Я вам что-нибудь выпишу. Если жар не спадет, положите ее в ледяную ванну. – Он понимающе улыбнулся Тари. – Вот дурацкое дело, такую штуку во рту держать. Да?

Девочка молча кивнула.

– Вы не передадите термометр? – попросил он Джозефа. – А то спина у меня тоже не гнется. «Врачу, исцелися сам».⁶ Черта лысого.

Джозеф и сам очень хотел посмотреть на ртутный столбик, но пришлось передать градусник Томпсону. Врач поднес его к глазам, встряхнул, сунул в чемоданчик, а взамен вытащил оттуда флакон с таблетками.

– Вишневые. – Он подмигнул Тари. – Эх, сам бы жевал! – Томпсон передал две таблетки Джозефу.

– Съешь, пожалуйста, зайчика, – попросил Джозеф.

Тари послушно открыла рот. Начала жевать пилюли, перекатывая их языком, закрыла глаза, передохнула, потом снова принялась за пилюли.

– Можно водички?

Джозеф взял с тумбочки стакан и поднес его край к губам дочери, осторожно приподняв ей голову. Тари сделала глоток. Порыв ветра ударил в стекло, дождь хлынул с новой силой, где-то перед домом о стену застучали провода...

– Порядок?

Тари кивнула.

– Вы сами-то как себя чувствуете? – Томпсон внимательно глядел на Джозефа.

– Никак не согреюсь. – Джозеф заметил, что все еще держит стакан, и аккуратно поставил его на тумбочку.

– Сплошные огорчения. Да и в сегодняшнем вашем купании тоже радости мало. – Томпсон посмотрел Джозефу в глаза, очевидно, ждал, что тот на что-нибудь пожалуется. Помолчали. По стеклу барабанил дождь. Томпсон повернулся и взглянул в темноту. – Ну и ночь! Да не переживайте вы так, Тари быстро поправится.

Они посмотрели на девочку. Похоже, заснула. Ее грудь мерно вздымалась.

– Ну что ж... – сказал Томпсон, поднимая чемоданчик.

– М-да-а... – протянул Джозеф.

– Если что, сразу звоните.

– Пап, расскажи ему про утопленников, – неожиданно бодрым голосом произнесла Тари.

⁶ Евангелие от Луки, 4:23.

Мужчины уставились на девочку, но она лежала совсем тихо, будто ничего и не говорила.

Джозефа затрясло.

– Боже! – выдохнул он.

– Это она во сне, – успокоил врач. – Когда жар, и не такое снится.

– Ну да, – выдавил Джозеф.

– Вообще-то я всегда любил смотреть такие сны, – признался доктор. – А самые интересные бывают перед тем, как лихорадка спадет.

«Солнечный дом». В ярко освещенном окне две темные фигурки – мать и призрак ее дочери. Они смотрят на отъезжающий от соседского крыльца внедорожник. В свете фонаря на углу бушуют косые струи дождя, на мгновение появляется лицо доктора. Машина спускается к рассыпавшимся по побережью огням поселка.

– Бедная девочка, – шепчет женщина. В соседском доме случилась беда. Ночь, отец наедине с больным ребенком. Бедняга, он, наверное, так беспокоится о дочери. Может, помочь? Надо пощупать лоб девочки, погладить по щеке, убедиться, что она выздоровеет, переживет эту страшную ночь. Но примет ли отец помощь чужой женщины, впустит ли, ведь он не звал ее?

Дочь-призрак отворачивается от окна и смотрит на темную комнату. Свет почти не проникает с улицы в дом. Затаив дыхание, девочка прислушивается к шуму на нижнем этаже. Вскоре под лестницей раздаются медленные неуверенные шаги. Слышно тяжелое мужское дыхание. Муж.

– Пришел, – испуганно говорит дочь-призрак.

Женщина не двигается, ее лицо почти сливается с темнотой, только на щеке играет лучик света от уличного фонаря. В доме тишина. Снаружи по крыше стучит дождь.

– Он уже поднимается, – девочка приглушенно булькает, словно ее сунули под воду и она изо всех сил борется с кем-то, пытаясь выплыть. – Ты должна... – вынырнула, наконец, – перестать любить его.

Женщина всхлипывает. Зажмурившись, она трет пальцем брови и качает головой. Ей очень страшно.

– Перестань, мамочка! – кричит девочка. – Перестань любить его! – она уже почти визжит. – Перестань, перестань его любить, перестань!

Женщина всхлипывает громче. Девочка забивается в угол, ее трясет от ужаса, с одежды капает вода. На ковре медленно возникает мокрое пятно, кажется, это просто от дождя протекает крыша. Женщина смотрит на потолок, там набухают серебристые капли, они с мерным стуком падают вниз.

За спиной рев:

– Ты с ним встречаешься! – Капли разом хлынули с потолка, она промокает до нитки. – С этим приедем!

Она качает головой и закрывает лицо руками. Плачет.

– Потаскуха! Ты думаешь, раз я умер, можно... можно...

– Я тебя не люблю, – бормочет она, – я тебя не люблю, я тебя...

– Любишь. Смотри, вот он я, здесь я.

Ни звука. Может, все, что она видит, – лишь плод воображения? Нет. Женщину хватают за волосы и тащат в темную глубину комнаты, она кричит от боли и ужаса. На нее с размаху наваливается огромная тень, женщина выставляет перед собой дрожащие руки, она пытается защититься от беснующегося мужа.

Клаудия уронила ручку и посмотрела в окно. Пальцы устали писать. В стекле отражалась Джессика, она стояла сзади, на границе между могучей тьмой и хрупким светом.

– Мамочка, ты уснула?

– Не знаю, деточка. Разве?

– Я иногда не могу понять, мам. Как ты думаешь, это важно?

– Что важно?

– Настоящая я или нет. Мам, я не знаю, то ли я есть, то ли нет меня.

Дождь монотонно барабанил по воде. Океан казался угольно-черным, миллионы искорок тускло блестели на поверхности. На бетонном причале у привязанных лодок скучали часовые, доски тихо поскрипывали всякий раз, как набегала волна. Военные в макинтошах защитного цвета осматривали в бинокли прибрежную зону.

– Ни черта не видать, – громко пожаловался один. Второй часовой промолчал.

Оранжевый предмет всплыл на поверхность метрах в тридцати от причала и поплыл, покачиваясь, в сторону утеса. Предмет слегка светился, наверное, из-за дождя, потому что луна давно скрылась за тучами. Первый часовой заметил, толкнул второго. Тот сразу же перевел бинокль влево.

– Дохлая рыба. Оранжевая дохлая рыба. Здоровенная.

Напарник кивнул, но все же продолжал вглядываться в море. Над предметом сгустился туман, а может дым. Вдруг рядом всплыл утопленник.

Часовые начали спускаться в лодку. Первый завел мотор, второй встал на носу и поднес бинокль к глазам. Лодку сильно качало, и стоять в ней удавалось с большим трудом.

Добравшись до утопленника, они с изумлением обнаружили, что тот одет по моде шестнадцатого века: парусиновые штаны, жилет, кожаные ботфорты. Мертвые, полные дождя глаза терпеливо смотрели в темное небо.

Мисс Лэрейси не спалось. По крыше стучал дождь. «Ветер с моря, ждите горя», – прошептала она. Ливень растревожил весь мир, небо и воздух, воду и землю. Снаружи накапливалось какое-то беспокойство. Мисс Лэрейси прямо чувствовала, как намокают стены, как жучки накидываются на гнилое дерево, жуют и бесено размножаются. Она сунула почерневший чайник с длинным носиком в печную духовку. Дождь заполнял водой все ямки, подгонял течение рек. Океан все больше вздувался.

Ветер ударил в окно. В щелке между тюлевыми занавесками мелькали неясные тени, снаружи явно кто-то бродил, но кто – не видать.

Она с детства любила дождь, любила грусть, которую он приносил с собой. Казалось, весь мир становится мягче и растворяется в небе. В такую ночь Элен любила забраться в теплую постель, нагретую двумя вынутыми из печи камнями, уютно закутаться в одеяло и слушать отца. Он рассказывал ей сказки или пел песни. Под мерный стук капель в памяти сами собой всплывали легенды. Отец рассказывал Элен о своих путешествиях на Лабрадор, об эскимосах и их странных обычаях, о том, как их женщины привязывают младенцев к спине и разжевывают для них пищу. Он рассказывал ей о Собачьем острове: летом туда на лодках свозили диких лаек и бросали на произвол судьбы. Зимой эскимосы забирали их для работы в упряжке. «Если подплыть поближе к берегу, то слышно, как ветер разносит звук, такой прекрасный и тоскливый, что плакать хочется». Отец садился на краешек кровати и накручивал на палец пушистые бакенбарды. Он продолжал рассказывать низким печальным голосом: «Это собаки выли от голода. Они собирались на берегу, когда мы проплывали мимо, лаяли, выли, грызлись между собой. Самые смелые бросались в воду и плыли за кораблем, они неотрывно смотрели нам в глаза, потом понимали, что не догнать, разворачивались и гребли обратно. Собаки били лапами по воде, рвались к берегу, но сил уже не оставалось». Отец продолжал рассказывать, он вспоминал о морях из дальних портов, с которыми вместе плавал, о страшных чудовищах и о призраках. Элен всегда с восторгом слушала такие истории. Ребенку они казались самой что ни на есть настоящей правдой, не то, что скучный мир вокруг. Отец ненадолго замолкал, потом начинал петь, голос у него был высокий и по-мальчишески звонкий, совсем не тот, каким он обычно говорил. От его пения комната мягко покачивалась в такт, будто Элен села в лодку и вышла в море вместе с отцом, а его голос успокаивал волны и мог, казалось, спасти от всех напастей. Отец пел любимую песню Элен о том, как в 1897 году ее дедушка, Томас Лэрейси,

замерз во льдах во время охоты на нерпу:

Помянем тех, кто не придет,
Ведь повезло не всем.
Тогда у острова Кабот
Нас было сорок семь.

Ловить удачу на лету
Ребятам не впервой.
Мы шли по морю и по льду,
Рискуя головой.

Мы били зверя как могли —
Добыли дюжин сто —
В такой отчаянной дали,
Где не бывал никто.

Все было так здорово, все были счастливы, много работали, морякам сопутствовала удача, но Элен уже знала, что грянет беда. Голос отца становился глуше и печальней, за окном было ненастье, сердце Элен начинало отчаянно колотиться.

Весна рвалась не в свой черед,
И ветер рвал волну.
И сорок семь сошли на лед,
А шлюп пошел ко дну.

А лед ломало и трясло,
Как черт свою кровать.
У нас крутое ремесло,
И нам не привыкать.

Отец ненадолго замолкал и заглядывал ей в глаза, словно сомневался, что дочь готова к рассказу о таком ужасном несчастье.

Покажем выдержку свою
Пустыне ледяной,
Где оступился в полынью
Наш славный рулевой.

Какую горестную весть
Несем в родимый край.
А ну – не плакать, сорок шесть;
Вперед, не отставай.

На нас проклятый снежный шквал
Бросался вновь и вновь.
И вот Том Лэрейси упал
И в нем замерзла кровь.

У Элен увлажнились глаза, она слушала страшную историю о смерти деда. Сострадание мешалось с восторгом, голос отца был невыразимо прекрасен. Слезы бежали по щекам девочки. Элен как наяву видит ледяную пустыню. Вот на снегу, словно брошенный

пес с Собачьего острова, лежит Том Лэрейси. На нем грубые шерстяные штаны, свитер и побитая молью куртка в белых хлопьях снежинок. Он лежит на боку, над ним склонились товарищи, они теснятся друг к другу, сами едва живые от пронизывающей стужи, и ничем не могут ему помочь. Тело засыпает снегом.

Его Господь к себе привел
В небесный теплый дом.
Зажег огонь, накрыл на стол:
«Согрейся, бедный Том».

Л нас убавилось число
И стало сорок пять.
Ну что ж – такое ремесло,
Не нам его менять.

Где нет земли и жизни нет,
Брели мы много дней.
И вот – встречай, Ньюфаундленд,
Своих простых парней.

Среди торосов и пурги
Не повезло двоим.
Но мы заплатим их долги
И память сохраним.

И станем жить, не зная дня,
Когда в неожиданный час
Теплом небесного огня
Господь согреет нас.⁷

Ужасная трагедия, и все же она заставляла поверить в силу человеческого духа, в силу, передающуюся из поколения в поколение, в способность преодолеть любые невзгоды. Элен не могла сдержать слез, и отец, закончив свое печальное повествование, склонялся к дочери и утешал ее.

Мисс Лэрейси смотрела на дождь за кухонным окном – через несколько месяцев он превратится в снег – и вспоминала. Отец заканчивал песню или рассказ, целовал Элен перед сном, его сильные руки разглаживали складки на детском одеяльце. Он проверял, тепло ли она укутана, и тихонько выходил из спальни, так обычно выходят из церкви. В комнате еще долго ощущалось его присутствие, след от его тела, почти светящийся в темноте, постепенно принимал другие очертания, и вот уже в ногах постели стоит Том Лэрейси, не тот, замерзший, скорчившийся на снегу, а теплый, живой, улыбающийся. Он смешно подмигивает Элен и приподнимает шляпу. Но вот его фигура постепенно тает в воздухе, словно он услышал любимую мелодию, которая зовет куда-то вдаль.

Том Лэрейси. Человек, которого Элен любила, хотя знала только по этой песне. Он умер много лет назад, но продолжал жить в ее сердце. Урия Слейни. Любовь всей ее жизни. Она знала его так же хорошо, как саму себя, у него была прекрасная душа, добрая и доверчивая. Мисс Лэрейси мечтала увидеть Урию снова, увидеть его дух, как раньше, когда он приходил из другого мира ее навестить.

Теперь духи куда-то исчезли. Если бы они только могли вырваться из своего заточения!

⁷ Перевод С. В. Шабуцкого.

«Выгляни, – пробормотала мисс Лэрейси. – Утешь старуху, скажи, что покоишься с миром». Она отвернулась от окна и посмотрела на печь. Вода в чайнике закипела, клубы пара начали собираться под потолком, и мисс Лэрейси радостно улыбнулась. «Покажись, – она прищурилась, стараясь разглядеть смутную фигуру жениха. – Ты ведь первый-то раз ко мне из пара пришел». Надежда блеснула и угасла. «Никогда теперь, – сказала наконец мисс Лэрейси, снимая чайник с плиты. – Никогда-никогда. Таков уж мой крест».

Джозеф обтер Тари мокрым полотенцем и осторожно промокнул лишнюю воду. Девочку била дрожь, она старалась укутаться, но Джозеф уже в который раз стянул с нее одеяло.

– Прости меня, солнышко, – прошептал он, – но нам обязательно нужно сбить температуру. Под одеялом тебе станет теплее, и она снова поднимется.

Тари трясло, но она храбро кивнула:

– Ладно.

Джозеф окунул полотенце в воду и отжал. Он боялся, что жар никогда не спадет. Он боялся, что произойдет непоправимое. Ему стоило большого труда делать вид, что он уверен в благополучном исходе болезни. «Зачем я ее сюда привез? Но откуда ж мне было знать? Мы поехали в отпуск. Откуда мне было знать?» Его преследовали воспоминания: вот Клаудия сидит на полу, уткнувшись лицом в колени, а Джозеф прижимает Тари к себе, чтобы она не видела этой ужасной сцены: вот бородатый человек машет ему из окна сарая, вот утопленники смотрят на него, в их глазах застыло терпеливое ожидание.

Было уже за полночь. Время сомнений и самобичевания. В голове шумело, одолевали мрачные мысли. Джозеф успокоился, только когда столбик ртути в градуснике остановился на отметке «тридцать семь и одна». Он вдруг заметил, какая тишина стоит в доме и на улице. Дождь перестал. Джозеф посмотрел на Тари. Она спокойно лежала на постели, озноб пропал, дыхание стало ровным, на лбу выступил пот. Кризис миновал.

Джозеф поднялся с колен. Было чему радоваться – опасности для жизни больше нет. Он так боялся потерять Тари, но теперь кошмар отступил, а вместе с ним изменилось и восприятие жутковатых событий последних дней. Надо позвонить Ким. Вот сейчас пойти и позвонить. Он поглядел на телефон у изголовья кровати. Позвонить или заставить ее еще немного помучиться? Пусть помучается, ей полезно.

Если уж говорить с Ким, то наедине. Не надо беспокоить ребенка. Он пошел вниз, по дороге включил свет в прихожей, потом на кухне и только после этого снял трубку и набрал номер жены.

– Упала до тридцати семи, – без всяких вступлений сообщил он, когда Ким ответила после первого же гудка.

– Слава богу.

Джозеф представил себе, как Ким качает головой, стряхивает с себя все горести и напасти, которые могли навалиться на нее в эту ночь. Еще бы чуть-чуть...

– Я с ней посижу, посмотрю, как пойдут дела...

– Ты совсем вымотаешься.

– Ничего. – В черном окне, все еще мокрым от дождя, отражалась кухня. Джозеф отвел взгляд: он боялся, что увидит там чье-нибудь ухмыляющееся лицо, боялся, что пудовые кулаки разобьют стекло.

– Завтра ты будешь совсем больной. Сил не останется.

– Сил? – он усмехнулся, потом надолго замолчал. – Мы завтра домой возвращаемся.

– Нельзя вести машину, когда не выспался. Я лучше сама за вами приеду.

– Да нет, не надо.

– Тари сейчас нужна мать.

Они снова помолчали. Джозеф уплыл мыслями куда-то далеко, хотя его рука по-прежнему сжимала трубку. Он вздохнул и снова вернулся на землю. Оглядел свои ступни на деревянном полу. Серые носки. Пососал нижнюю губу и украдкой взглянул в окно.

Никого. Темнота начала таять, черный цвет сменился серым, на улице как будто серый туман разливался. Джозеф обвел взглядом кухню. Стекла во встроенных шкафчиках, за ними сваленная в кучу посуда, черно-белая эмалированная плита, сразу видно, какая она старая: рядом крепкий деревянный стол. Джозеф выбирал дом с таким расчетом, чтобы он понравился Ким. Все-таки надеялся, что они преодолеют все противоречия и проведут лето вместе.

Так чего ж он тогда упирается? Наверное, хочет наказать Ким за то, что она выгнала его из дома и разбила семью.

– Джозеф?

– Не знаю.

– Чего ты не знаешь?

– А вдруг, когда ты приедешь, дела у нас с тобой пойдут еще хуже? Я не хочу, чтобы Тари расстраивалась.

– Наоборот, она обрадуется, когда увидит нас вместе.

– А потом что? Опять ее разочаровывать?

– Ну ладно, хорошо. Как скажешь. Договорились. Тебе решать. – Она повесила трубку.

Джозеф с минуту слушал короткие гудки, трубка выскальзывала из ладони. Он не ожидал, что Ким так быстро сдастся. Опять один. Нет, не один, он связан со своим родным поселком, с его людьми, с тревогой, поселившейся в этих краях. Ким отгородилась сетью телефонных проводов. А ведь когда-то была опорой и талисманом.

Джозеф медленно повесил трубку. Ничего не вышло, стало только хуже. Он повернулся к окну. Пусто. А что там, собственно, должно быть? Джозеф прижался к стеклу, словно хотел наказать себя страхом, словно ждал, что из темноты выплывет лицо одного из сегодняшних уопленников. Откуда они взялись под пристанью? И вообще, может, ему все только привиделось?

Внезапно дождь хлынул с такой силой, как будто по крыше застучали булыжники. Джозеф представил, как падают в океан капли, как все мертвецы поднимают головы и смотрят на круги, бегущие по воде. Грань между воздухом и морем становится все незаметнее. Мертвецы ждут. Они надеются, что дождь сольется с океаном и освободит их из заточения.

Томми Квилти было года два, когда его украли феи. Он вернулся совсем другим ребенком. Вскоре после этого он начал замечать вокруг людей разноцветные пятна. Младенцев окружали самые устойчивые и чистые цвета, но это случалось и с людьми постарше. У одних цвета по мере взросления тускнели, а у других оставались такими же красочными. Похоже, все зависело от того, как человек распоряжается своей жизнью. Тот, кто заботился о других, сохранял здоровые краски, а тот, кто думал только о собственной выгоде, терял даже самые основные цвета. Томми понадобилось совсем немного времени, чтобы понять: люди, лишенные цвета, всегда грубы и невнимательны к окружающим. Им не доставало какого-то внутреннего качества. Томми подозревал, что этим качеством было сострадание. Таких людей следовало избегать, в их присутствии он всегда чувствовал себя очень плохо. Мисс Лэрейси рассказала однажды, что красочные пятна называются аурами. Она и сама их видела, так что в даре Томми не было ничего плохого. В обществе мисс Лэрейси Томми всегда чувствовал себя уверенно, но в отсутствие этой удивительной женщины он начинал бояться своих способностей.

Больше всего расстраивало, что людей, от которых исходил свет, с годами становилось все меньше и меньше. При этом ауры деревьев, травы, океана и неба своих цветов не меняли. Томми не мог сказать наверняка: происходит ли что-то с людьми или он просто теряет свой дар. Мисс Лэрейси тоже заметила, что ауры бледнеют. Она объясняла это так: «Коли человек в сказку верить перестает, так и ауре его приходит конец». Может быть, мисс Лэрейси и права, но сомнения никуда не девались. Сколько бы мисс Лэрейси не называла его особенным, Томми по-прежнему боялся, что с ним что-то не так.

Все стало приходить в упадок десятки лет назад, а особенно после того, как исчезли духи и феи. Томми было восемь лет, когда это случилось. Однажды он вошел, улыбаясь, в лес, чтобы снова увидеть, как на поляне тайно собираются феи. Томми оглянулся, убедился, что за ним никто не следит, отодвинул еловую ветку и увидел россыпи голубики, митчеллы и клюквы. Яркие краски светились жизненной силой. Для маленького народца ягоды служили не только пищей, но и развлечением. Феи перебрасывались ими, словно мячиками, кидали высоко вверх, ловили, перелетая с места на место. Какая-нибудь ягода обязательно лопалась, и незадачливый игрок падал на землю, залитый соком. Томми с нетерпением ждал, когда начнется игра. Он даже взял с собой коржик. Феи всегда разламывали гостинец на кусочки, из которых складывали свои домики. Первый же дождь размывал кладку, но маленькие строители не огорчались, а просто возводили новые жилища. Феи никогда не унывали, и никакие трудности не могли заставить их пасть духом.

Томми раздвинул еловые ветви, но на поляне никого не было. Мимо пролетела стрекоза. Стрекот ее крыльев был очень похож на звук, который издавали феи. Томми ненадолго приободрился. Может, они просто в прятки с ним играют? Он шагнул на поляну, зажмурился и сказал: «Вылазьте, вылазьте». Томми открыл глаза, но никто не появился. Феи, которые никогда не расставались со своими домиками, ушли. Покинули место, где обитали веками.

В лесу царила тишина – непривычная, унылая. Воздух, где раньше искрился смех, потускнел, шум веселой возни больше не раздавался, листья словно покрылись пылью, некому стало протирать их каждое утро. Томми Квилти стоял посреди поляны. Здесь феи посыпали его волшебным порошком, здесь Томми стал другим. С тех пор окружающим он казался уродом, но зато приобрел чудесный дар. Томми стал чем-то вроде лакмусовой бумажки. В том, как люди обращались с ним, проявлялась их сущность. Так сказали феи. Правда, некоторые в задних рядах хихикали, пока другие беседовали с мальчиком. Томми считал, что они просто завидовали ему, ведь и среди фей попадаются не только добрые.

С тех пор прошло почти сорок лет. Феи по-прежнему не показывались, духи поднялись выше, в небеса, а людей с цветowymi пятнами становилось все меньше.

Томми сидел за столом, водя цанговым карандашом по белоснежной бумаге. Точными штрихами он набрасывал новую картинку. Море. В воде кишмя кишат прекрасные и удивительные создания. Аж дух захватывает. На пристани – давка и паника. Люди жмутся друг к другу. Многие указывают куда-то в море, не веря своим глазам.

Каждого из них Томми знал в лицо. Закончив одну из фигурок, он понял, что это Райна. Над ее головой сыпались звезды, в небе что-то мерцало.

Томми даже на секунду перестал рисовать. Почему на пристани Райна? Хорошо это или плохо? Похоже, что плохо. В последние месяцы пятна вокруг Райны очень потускнели. Она слишком много пьет, слишком углубилась в себя, все больше удаляется от мира.

Томми облизнул кончик карандаша и снова принялся за дело. Он марал и марал бумагу, он не мог остановиться. Рука начала дрожать от напряжения. И в туалет надо срочно. Но сначала – закончить рисунок. Отойти нельзя, вдруг за это время на картинке все изменится? Вдруг события станут разворачиваться сами собой? И Томми рисовал. Фигуру за фигурой, тень за тенью. О том, что будет дальше, о том, что не удалось изобразить, даже подумать страшно.

Все эти картины преследовали Томми уже несколько лет. Но теперь они воплотились на бумаге, а значит, наверняка сбудутся. Томми уронил карандаш. Больше добавить нечего. Нужно позвонить, узнать, как там Райна. Вот только дома ли она? Может опять пьет в «Карибских грезах»? Все-таки вечер, суббота. Томми ринулся через кухню в туалет. Неземное облегчение! Вода в бачке слегка волновалась и поблескивала. Томми нажал рычажок, но вода не ушла, лишь помедлила немного и снова стала подниматься. Бачок молчал. Томми еще раз нажал рычажок. Не помогло. Он дернул сильнее, вода поднялась до краев. Томми схватил ершик, но совать его в унитаз побоялся: расплещется. Он стоял с ершиком наперевес, пока вода, наконец, с громким урчаньем не просочилась в трубу.

Томми вышел на кухню и набрал номер Райны, с силой давя на кнопки. Четыре долгих гудка, потом щелчок. Трубку подняли, но по дороге к уху несколько раз обо что-то задели.

– Алле?

– Райна? – услышав ее голос, Томми сразу заулыбался.

– Я-то Райна, а ты-то кто?

– Томми.

На том конце забулькало – это Райна смеялась.

– Томми, Томми... Как дела? Молодец, что позвонил.

– Райна?

– Отлично, имя выучил. Хочешь, адрес скажу? – она призывно захихикала.

– Райна?

– Ну что? Говори уже.

– Я когда маленький был, меня феи забрали.

– А то я не знаю.

– Я ведь не всегда такой урод был.

– Томми, да тебе цены нет! Ты же принц настоящий.

– Неправда.

– Я разным принцам глазки строила, но ты круче всех. Я тебя обожаю.

– Скоро привидения придут. Опять булканье. Не верит.

– Это че-то новенькое.

– Вода поднимается. Как поднимется, придут привидения. Райна, что мне делать?

– Гони их ко мне, а то пить не с кем.

Томми невольно расхохотался. Райна всегда умеет развеселить, в каком бы состоянии ни была. Такой уж у нее дар.

– Я их тут в штабеля сложу. А че – стая пьяных привидений... Страсти-мордасти. Запугаем друг дружку до смерти. Супервечеринка, а, Томми? Как появятся, давай их сюда. Будет, с кем надраться.

Воскресенье

Вообще-то Чейз любил выходные. По воскресеньям он медленно проезжал по улицам Уимерли и наслаждался покоем. Тихие домики, солнышко припекает, тут и там пасутся лошади, коровы мирно щиплют траву. Никакой тебе спешки. Жители отдыхают от забот, на время оставили распри, примирились друг с другом и устремились мыслями к Богу. Во всяком случае, сержанту приятно было так думать.

Однако сегодня не до идиллий. В городке умер подросток, Эндрю Слейд. Бежал себе по дороге, споткнулся, упал, ударился головой о камень и перестал дышать. Врачи скорой помощи ничего сделать не смогли. Эндрю повезли в больницу в Порт-де-Гибле, машина неслась во весь опор. Не успели. Чейз звонил Томпсону на мобильный, хотел узнать подробности. Оказалось, доставили еще двоих с затрудненным дыханием. Состояние точь-в-точь как у Донны Дровер. Больные госпитализированы.

Как ни крути, а три смерти подряд совпадением не назовешь. Уж тем более в таком крошечном городке, как Уимерли. Почти наверняка дело в каком-то вирусном заболевании. Среди полицейских уже ходили слухи, что грядет специальное расследование. Еще одна смерть, и начальство точно пришлет комиссию. Понаедут умники. Сначала из Сент-Джонса, а потом и со всей страны, если дело не прояснится. Возьмут пробы воды, пробы воздуха, может, и землю перелопатят. Вирус! Чума! Кара Господня! Плач и скрежет зубовой! Да нет, совпадение это. Ну и что, что три смерти? Все там будем. Ерунда. Но как Чейз себя ни успокаивал, на душе все равно скребли кошки. Хоть бы паники не было, хоть бы Тереза не узнала.

Сержант включил радио. Передавали песню Брюса Спрингстина «Дни славы». Чейз погрузился в воспоминания. И у него бывали славные денечки. Еще до свадьбы. Этак

завалишься куда-нибудь с друзьями пропустить по кружечке пивка. Или чего покрепче. А по пятницам – бильярд. Придешь, тут же какая-нибудь девчонка симпатичная в узких джинсах. Глазки тебе строит. Женщины Чейза всегда любили. Прямо магнитом их тянуло. Еще бы: смуглый, высокий, широкоплечий. Сержант улыбнулся, вспоминая стук бильярдных шаров. Он прибавил громкость и опустил стекло. Мимо проплыл памятник воинам Второй мировой, потом почта с канадским флагом. Показалось длинное красное здание – городской клуб и добровольная пожарная дружина. В боковом зеркале Чейз разглядел два армейских джипа на стоянке перед входом. Этим-то чего тут надо? Слева открылась бухта. Вода. Над причалом кружили вороны и чайки. Вечно на падаль слетаются. И сейчас тут как тут. Сержанта замутило.

Впереди на обочине сгрудились машины. У причала толпился народ. Человек тридцать-сорок таращились на что-то большое и белое. Чейз выбрал свободное место, сехал на гравий, остановился, снял темные очки и бросил на приборную панель. Ничто так не раздражает, как полицейский в темных очках, пробирающийся через толпу. Он вылез из машины и нахлобучил фуражку. Кобура-то хоть застегнута?

Чейз поднялся на причал и подошел поближе. Доносились обрывки разговоров: «Ну и дела... Это ж надо... Вытащили...». Он стал протискиваться, наступая на ноги и без конца извиняясь. На него сердито оглядывались, но при виде формы дорогу все-таки давали. Наконец, Чейз пролез вперед. Отсюда было хоть что-то видно. На бетоне лежала белая акула. Ее бока так сверкали на солнце, что сержанту пришлось сощуриться. «Вот те раз, – подумал он и прикрыл глаза ладонью. – Чудеса...» Чейз наклонился над тушей. Ни одного темного пятнышка, только глаза розовые, как ветчина.

– Альбинос что ли? – пробормотал он.

– Да навряд ли, – ответил кто-то. Сержант удивленно поднял голову. На него пристально глядела старушка в косынке и домашнем платье. Она подмигнула Чейзу и приветствовала его кивком, как принято на Ньюфаундленде. – Видал-миндал?

– Сколько служу, а такого...

– Ясное дело.

– Откуда она взялась-то? – спросил Чейз. Какой-то мальчишка боязливо ткнул акулу палкой, явно на спор, и метнулся обратно к приятелям.

– А вон те ребятки привезли, – сказала старушка, показывая на бело-зеленый катер. – Они, понимаешь, крабов ловили, а она как вцепится зубами в сеть и не отпускает. Пришлось поколошматить как следует. Она поначалу-то белой не была, – старушка улыбнулась, обнажив розовые как у младенца десны, – а как отдубасили, так сразу и побелела.

Чейз вспомнил, что морской ерш тоже поменял цвет, когда его вытащили на воздух. Вдруг раздался глухой утробный звук, какой издает зверь, когда его рвет – не то рык, не то стон. Над причалом поплыл отвратительный запах, Чейз скривился и прижал ладонь ко рту. Старушка вцепилась ему в рукав. Кто-то попятился. Акула приоткрыла пасть, обнажив ряды острых зубов, и толпа разом ахнула. Из пасти хлынула мутная жидкость. Она смердела, как труп в подвале.

– Где ж голова-то от куклы? – прошептал Чейз, стараясь не дышать.

– Голова от куклы? – переспросила старушка. – Сынок, да ты часом не заболел?

Чейз, не отрываясь, смотрел на зубастую пасть. Огромная глотка то сжималась, то разжималась, словно акула хотела вывернуться наизнанку. Ему стало не по себе. Вот показались покрытые слизью волосы, а вот и вся голова целиком, похожая на помятую брюкву, выкатилась из пасти и замерла у ног сержанта. Никакая не кукольная, а вполне себе настоящая человеческая голова. На лице ее застыло изумление, волосы слиплись и мокро блестели.

Чейз старался держать себя в руках, но ослабел и попятился. Толпа в ужасе отхлынула, кто-то вскрикнул. Люди начали перешептываться. «Матерь Божья!» – одна из женщин перекрестилась. «Господи Иисусе!» – простонала другая и закрыла лицо руками.

Старушка выпустила, наконец, рукав Чейза, хлопнула сержанта по руке и объявила:

– Пресвятая Богородица, это ж Кэвин Поттл, муж Эдиты!

– Да ну, – возразила женщина помоложе.

– Ей-богу.

В толпе стали повторять имя несчастного, шум нарастал.

У Чейза заныло в животе.

– Как? – вымолвил он, наконец, и поглядел на старушку.

– Кэвин Поттл. Года три-четыре как в море ушел. И с концами. Такой тогда шторм был, такой шторм! Почитай половина команды утопла. А сколько теперь утонет, и сказать страшно. – Старушка убежденно закивала. – Голова-то мертвая у рыбы в брюхе – уж больно примета плохая.

– Примета плохая. – Чейз не верил своим ушам. В наши дни, и вдруг такое суеверие. Он вдруг заметил, что голова пристально смотрит прямо на него.

– Никогда не знаешь, чего ждать. – Старушка встала на цыпочки и жарко прошептала сержанту в ухо: – Злые времена настали.

Воскресенье воскресеньем, но главный врач больницы Порт-де-Гибля все-таки решил вызвать специалиста из Сент-Джонса. Приехал доктор Баша, светило патологоанатомии, темноволосый человечек с кожей цвета корицы и узким, но приятным лицом. Он потребовал, чтобы до его приезда тело Ллойда Фаулера оставили в морге. Баша повторно проделал все анализы, изучил результаты вскрытия и сравнил с результатами вскрытия Эндрю Слейда. Добился, чтобы на следующий день эксгумировали тело Масса Дровера. Кроме того, Баша обследовал Донну Дровер и других пациентов, страдавших этим странным заболеванием. Все они лежали в кислородных масках.

Доктор Питерс, местный патологоанатом, уже вскрывал тела Слейда и Фаулера. Ничего необычного он не нашел. В карте Ллойда Фаулера записали «внезапная остановка сердца». Слейд погиб от внутричерепной гематомы, он ударился головой о камень. У Донны Дровер тоже не нашли никаких признаков инфекции или вирусного заболевания. Лейкоциты в норме. Томография показала, что мозговые ткани не повреждены. Сосуды, отвечающие за процесс дыхания, сокращения сердечной мышцы, давление, глотательный рефлекс, сон и температуру тела, тоже в порядке. Персонал больницы облегченно вздохнул, все сплонули через левое плечо, надеясь, что больше смертей не будет. Не хватало еще паники в районе. И так уже диспетчеры скорой помощи с ног сбились. Все звонят, всем чудится то химическая, то бактериологическая атака.

Доктор Томпсон узнал, что назначено повторное вскрытие, и попросил разрешения присутствовать. Вместе с главным врачом они первыми выслушали вердикт Баши. Тела Фаулера и Слейда лежали на соседних столах. Патологоанатом взял у них образцы тканей.

– Повреждений в легких нет, – сказал Баша. Он отпилил верхушки черепов. – В коре головного мозга у обоих никаких изменений. – Баша быстро и умело исключал причины смерти. Он что-то отрезал, взвешивал и записывал результаты.

– Слейд погиб от гематомы. – Баша удовлетворенно улыбнулся. – Фаулер умер от остановки сердца. Все просто.

Диагноз, поставленный Питерсом, полностью подтвердился, но спокойнее Томпсону от этого не стало. Он вышел из больницы, сел в свой внедорожник и поехал в Уимерли, чтобы навестить Слейдов. Он ведь собирался сделать это еще вчера, когда Эндрю был жив.

Томпсон провел в больнице почти всю ночь, но вздремнуть все-таки исхитрился: часов в пять утра он, наконец, добрал до ординаторской. Хорошо бы, конечно, побриться и отдохнуть, как следует, но уж очень хочется поговорить с кем-нибудь об этих смертях. Надо понять, что происходит, а для этого нужны дополнительные сведения. Несмотря на утешительное заключение доктора Баши, Томпсон продолжал беспокоиться как всякий, кто живет заботами родного города. Двое из умерших были его пациентами. Ллойд жаловался на трудности с дыханием, Эндрю пришел в больницу с тем же самым. Его осмотрели и спокойно отослали домой.

Томпсон решил принести Слейдам свои соболезнования и заодно выяснить, не было ли в последнее время чего-нибудь необычного в поведении подростка. Если окажется, что в семье еще кто-нибудь плохо дышит, надо срочно доставить его в больницу и поместить под наблюдение.

Навстречу доктору по потроширскому шоссе пронесся армейский джип. Секунда, и машина скрылась. Томпсон посмотрел в зеркало заднего вида. Куда это военные так спешат? Может, позвонить на мобильный сержанту Чейзу, дескать, нарушают? А толку-то? Дай бог, чтобы ребенка по дороге не сбили.

Потрошир раскинулся на пустынном побережье. Деревья здесь почти не росли, на голых неогороженных участках стояли маленькие домики, за ними прятались покосившиеся сараи. Кое-где виднелись поленницы, у многих во дворах ржавели останки древних автомобилей. Казалось, городок вымер. Однако впечатление было обманчивым. Томпсон всякий раз ужасался местной нищете, но не переставал восхищаться волей потроширцев к жизни. Большинство здешних обитателей были его пациентами. Доктор знал, что они давно питаются одними полуфабрикатами и мясом убитых животных.

Томпсон сбавил скорость и повернул к Уимерли. Пейзаж сразу изменился. По сторонам дороги потянулись ели, клены и кусты волчьей ягоды. Домики здесь были ухоженные, сарайчики аккуратные. Местные называли их складами, потому что когда-то хранили в них рыболовные снасти и прочее снаряжение.

Томпсон мысленно сравнил два городка. «Небо и земля», как любила говорить его матушка. Впрочем, после того как закрыли рыбный завод, Уимерли тоже пришел в упадок. Правительство из каких-то высших соображений отказало людям в праве зарабатывать на жизнь так, как это делали их предки, в праве жить так, как они жили до сих пор. Одни потянулись на материк, другие озлобились, третьи смирились. Изредка еще можно было встретить рыбаков, сохранивших традиции и боевой дух жителей Ньюфаундленда, настоящих островитян. Но у большинства жизнь была сломана, в городке поселилась беда.

К Слейдам вела дорога, посыпанная гравием, вся в рытвинах и колдобинах. У заднего крыльца стояли две машины, старые, но еще на ходу. На траве ржавел снегоход, чуть дальше, у подножья каменистого холма кто-то бросил вездеходик. Вечерний воздух был наполнен отчаянием, словно Уимерли потихоньку начал превращаться в Потрошир.

Томпсон пристроил внедорожник на обочине и вылез из машины. Он оглянулся на поселок, на бухту слева, на ряды домиков в долине между двумя грядами высоких холмов. Отсюда был виден даже дом Критча, он стоял на холме на другом конце городка. Томпсон вспомнил, какая была буря вчера ночью, когда он навещал больную дочь Блеквуда. Сегодня на небе ни облачка. Наверное, девочке стало лучше. Иначе бы позвонили. На востоке из-за верхушек деревьев выглядывала колокольня старой церкви. Многие бы удавились за такой вид, а достался он тупицам Слейдам.

Томпсон тут же выругал себя за столь пренебрежительное отношение к людям и заковылял по деревянным ступеням крыльца. Вдруг у самой двери он чуть не упал – что-то громко хрустнуло, нога провалилась в дыру, и доктор растянул лодыжку. «Твою мать!» – Он запрыгал на одной ноге, возмущенно глядя на прогнившую половицу. Ух ты как больно! Небось и отек потом будет. «Мать, мать, мать!» – Томпсон прыгал, пока не устал, привалился к стене и волевым усилием попытался унять боль. Вроде, получается. Ага, сейчас пройдет. Он покрепче зажмурился. Сейчас. Сейчас-сейчас. Слава богу. Прошло. Томпсон вспотел. Он вытер лицо носовым платком и несколько секунд собирался с силами. Но едва поднял руку, чтобы постучать, как дверь, распахнутая чьим-то пинком, угодила ему прямехонько по лбу. Отчаянно ругаясь, он снова отпрыгнул и схватился за голову обеими руками, из глаз посыпались искры. «Да что ж такое, Господи!»

В дверях захихикал ребенок. Томпсон почувствовал, как в нем темной волной поднимается ярость, кровь приливает к щекам. Лоб болел отчаянно. Томпсон открыл глаза. У порога стояла Бонни Слейд, девчонка лет шести, толстобрюхая и без порток. Она вдумчиво исследовала недра своего грязного носа и таранилась на Томпсона. Наконец Бонни явила

миру долгожданное сокровище. Доктор отвернулся, он знал, что будет дальше. Девчонка снова хихикнула и убежала обратно в дом, нечленораздельно бормоча.

Джозеф ни на минуту не сомкнул глаз. Всю ночь он дежурил у постели Тари, ничего не ел, почти не двигался, только глотал таблетки. В каких количествах, припомнить не мог. Во всяком случае, достаточно, чтобы успокоиться и прийти в себя. Душа и тело оцепенели. Хорошо. Джозефпил ативан и еще что-то от сонливости. Таблетки спасут мир! Они – венец прогресса, памятник безграничным возможностям разума. Человечество изобрело малюсенькие белые кружочки, чтобы снимать стресс, который само же и вызывает. Гениально! Главное – на век Джозефа этих пилюль хватит.

На горизонте всходило солнце, постепенно заливая городок ярким рыжим светом. Вот она, квинтэссенция бытия, подумал Джозеф. Его охватило благоговение перед красотой мира. Комната, прежде темная и мрачная, наполнилась сиянием. Тяга к покою прошла. Да здравствует движение – символ свободы!

Тари крепко спала. Джозеф вышел на улицу и посмотрел на дом Клаудии. Удивительная постройка. Это тебе не старые легенды, уж скорее научная фантастика. Утренний воздух приятно охлаждал кожу. Невозможно представить, что где-то в мире, а тем более в таком волшебном городке царит несправедливость. Внезапно Джозеф понял, что не видит тропинку под ногами. Обзор закрывал огромный сверток у него в руках. Одежда. Он же хотел закинуть их в багажник, прыгнуть в машину и немедленно уехать из этого жуткого места.

Джозеф никак не мог взять в толк, почему его так занимает «солнечный дом». Вода в трубах, окна, балкон, панели, в которых отражаются небо и облака, – все казалось ценным и важным, потому что в доме жила Клаудия, похожая на умирающего лебедя. Джозеф несколько раз вспоминал о ней сегодня ночью. Часов в пять утра он даже собрался к соседке в гости. Джозефу на миг почудилось, что он встал и пошел. На самом же деле он продолжал спокойно сидеть на стуле возле кровати Тари.

Джозеф бросил одежду в багажник. Места осталось совсем мало. Интересно, как сюда влезет все остальное? Он оглянулся на дом Критча. Большой. Крепкий. А еще-то что надо собрать? Только то, что с собой привезли. Уж точно не мебель. Тут и грузовиком не обойдешься, если тащить все сразу. Да и стены придется ломать.

Джозеф снова посмотрел на соседский дом. Кто это там в окне? Кажется, Клаудия. Дочка-то у нее пониже ростом. Он отчаянно замахал рукой, но порыв остался без ответа. Нет, все-таки не Клаудия. Просто отражение в стекле – облака, небо или солнечный зайчик. В животе забурчало. «Ой-ой-ой, – подумал Джозеф. – Пора подкрепиться». Может, Клаудия как раз готовит завтрак. Блины с кленовым сиропом. Джозеф усмехнулся. Он представил, как соседка стоит посреди кухни в викторианских шлепанцах и жарит блины. Интересно, как выглядят викторианские шлепанцы? Наверняка, они ей жмут. Викторианская обувь для того и придумана, чтобы причинять боль и неудобства. Отшельнице Клаудии, с ее вечными страданиями, только такая и подходит. Разумеется, шлепанцы надо кроить из кожи бывших любовников, а сшивать жилами. Какая еще от любовников польза? Клаудия хранила бы эту тайну от всех, кроме Джозефа. Она посмотрит на него и прожжет взглядом две дыры в сердце, чтобы вся кровь вытекла. И они будут вместе, как торт и взбитые сливки, как мышь и кладовка, как пыль и семейный альбом. С покорной улыбкой на устах Клаудия растворится в Джозефе, а Джозеф в Клаудии. Так строфа растворяется в поэме. Клаудия будет печь блины из толченых пауков и личинок, варить сироп из колдовских зелий, а потом с пакостным удовольствием облизывать пальцы. «Брось!» – одернул себя Джозеф. Он что, выкрикнул это вслух? Или слово прозвучало только в голове? Брось. Похоже на воронье карканье. На резкий звонок телефона, на звук захлопнутой книги.

Но как же можно бросить, как же можно не думать о Клаудии? Ведь она такая таинственная, такая влекущая. В ней и трагизм, и сексапильность, и склонность к саморазрушению, свойственная тонким артистическим натурам. От такой смеси дух

захватывает. Джозеф улыбнулся. Если честно, он время от времени проявлял любопытство к тому, что читает его жена. Украдкой пробегал глазами пару страниц, а то и глав, когда дома никого не было. Очень помогает понять женскую природу. Ким обожает викторианские романы. Но Клаудия – сама героиня романа, этакая нервическая дама, несущая вечное бремя несчастий и тоски. Неотразимая женщина. Вкусить, вкусить запретный плод любви! Пасть вместе с Клаудией! Докатиться до дна! Почему бы нет? Что может быть прекраснее и трагичнее, чем растерзанное сердце?

Джозеф жил бы у нее в погребке – покинутый, безумный любовник. Клаудия выпускала бы его только по ночам, чтобы Джозеф, словно призрак, бродил по дому, по страшному лесу, хранящему свои чудовищные древние тайны. В гостиной Клаудия зажигала бы свечи в маленьких глиняных подсвечниках и огромных железных канделябрах по углам. Вот она встает посреди просторной комнаты, шелковая ночная рубашка блестит в ярком свете, руки воздеты к потолку. Клаудия призывает Джозефа назад из лесов, желает его, любит таким, каков он есть, со всеми его недостатками, любит за дикую и необузданную страсть. Они станут томиться в ожидании часа, когда смогут прикоснуться друг к другу, ощутить пальцами тепло любимого тела. Джозеф станет таким, каким Клаудия хочет видеть его: мрачным отшельником, несчастным страдальцем, страшным вурдалаком, лишенным даже возможности сосать кровь.

Война с Ким была слишком долгой и муторной. Круговерть юридических формальностей отняла последние силы. Адвокаты. Шакалы и свиньи. Хватит. Пора наслаждаться жизнью. Пора думать только о себе и, быть может, вновь ощутить сладкую боль утраты, если новая любовь тоже окажется несчастной.

«Остаюсь, – подумал он с вызовом, – да, остаюсь». Чудесное утро, в такое утро хочется прислонить колени перед новой возлюбленной, пойти наперекор обществу и прогрессу. Солнце только взошло, оно еще купалось в морской воде, по траве бежали мягкие оранжевые тени. Из моторки на причал выгружали что-то большое и белое. Собиралась толпа. Никаких загадок. Главное, чтобы все было ясно и просто, никаких загадок. Джозеф вдыхал чудесный запах травы и подсохшей земли. День обещал быть жарким. «Почему бы не остаться? Здесь есть все, что нужно. Реальность и грезы. Такой шанс. Не будь пуганой вороной. Найди в себе мужество принять этот дар».

Джозеф оставил багажник открытым и повернулся к солнечному дому. При слове «мужество» он подумал о презервативах. Брал он их с собой или нет? Скорее всего, не брал. Ему и в голову не пришло, что они могут понадобиться. Джозеф вытащил из кармана бумажник и стал рыться в нем. Несколько месяцев назад он купил презерватив из автомата в туалете какого-то бара после того, как завязал разговор с одной весьма привлекательной женщиной. Но пойти до конца не хватило духу. Джозеф не смог предать Ким. Вдруг из бумажника выпало фото жены и дочери. Двухлетней давности. Они сидели во дворе, Джозеф взял фотоаппарат, навел резкость и нажал на спуск. Теперь Тари и Ким застыли на карточке в кошельке. Ким устроилась в деревянном шезлонге, Джозеф когда-то сам смастерил его, Тари пристроилась у нее на коленях. Шезлонг поставили в тени под большим кустом волчьей ягоды. Мать и дочь сидели в обнимку и улыбались. Ким вышла очень красивой. Если бы Джозеф не был на ней женат, он сказал бы, что Ким самая прекрасная женщина на свете. Увы, он не был случайным знакомым, не мог увидеть ее такой, какой видели Ким другие, не мог забыть обо всем наносном, что скрывало ее красоту. Тари, как всегда, веселая и жизнерадостная. Интересно, она уже встала? Джозеф вышел с одеялами всего несколько минут назад, и дочь еще спала. Лоб у нее прохладный, дыхание ровное. Жар прошел. Что значит «прошел»? Разве он может ходить? Ведь жар – это просто тепло, энергия. Или нет? Главное, Тари не умерла. Это замечательно. Самое главное, что она не умерла.

Джозеф нашел презерватив, открыл картонную коробочку и зажал прозрачный квадратик между пальцами. Защита. От болезней. От беременности. От мороки. Он сунул презерватив обратно в кожаный кармашек и убрал бумажник. Вдруг пронзила мысль: надо немедленно уезжать! Грузить вещи и уезжать. Тоже мне, защита от мороки! Чушь. Глупость

какая.

Он вернулся на кухню и огляделся. Даже продукты не все распакованы. В животе бурчит. Джозеф взял со стола коробку овсяных хлопьев, разодрал, зачерпнул пригоршню и сжевал всухомятку. Пыль какая-то. Он распахнул дверцу холодильника в полной уверенности, что полки забиты головами утопленников. Лежат себе эти кочаны с пустыми глазами и ждут чего-то. Чего ждут? Бред какой-то. «Я, наверное, с ума схожу, – решил Джозеф. – А еще я, наверное, сейчас оторву эту чертову дверцу». Он с наслаждением скрипнул зубами. Сейчас бы укусить кого-нибудь или синяк поставить.

Полки оказались забиты едой, которую Джозеф взял с собой в отпуск, а вовсе не головами. Ни одной, даже самой малюсенькой! Расколотить бы ее, как тыкву. Джозеф достал пакет молока, поднес ко рту и начал пить. Холодное. Молоко. Коровье молоко. Почему коровье? Почему не человечесь? Женское. Ласковое. Странное состояние. Как в юности, когда до утра пил пиво и слушал музыку. Все чувства обострены. Джозеф знал, что эта яркость, эта почти маниакальная четкость сознания ненадолго. Через некоторое время все вокруг начнет раздражать. Поспать надо. Для нервов полезно. Если они еще есть, конечно. Если их не вытащили из-под кожи, нитку за ниткой.

Телефон на стене. Джозеф неизвестно зачем стал рассматривать аппарат. Чего пялиться-то? Телефон как телефон. Серый. А разве он был не синий? Ким. Она такая сексапильная на фото. Улыбается. Такая знакомая, такая родная. Надо бы ей позвонить. Только молоко допить сначала. Позвонить, помириться, вернуться... Может, они правда помирятся, посмеются вместе. В голове грянул смех из телепередачи. Все может быть. Джозеф снова подумал о Клаудин. Сидит одна-одинешенька. Дочь пропала. Дом пустой. И скрипки. Пилят и пилят что-то зловещее. Отчего ему кажется, что он предает Клаудию? Она-то здесь при чем? Джозеф продолжал глотать молоко. Господи, какое вкусное. Чьим бы оно ни было. Холодное, остужает нутро. Отчего ему кажется, что он предает себя? Все понятно. Он хочет остаться в Уимерли, но только не в этом доме. Он хочет остаться с Клаудией. Вместе построить новую жизнь, свободную от тягостного совместного прошлого. Новая возлюбленная. Новые открытия. Новое, непознанное тело. Можно вместе покупать в торговом центре плетеную мебель. Выбирать нижнее белье и охотничьи карабины к нему в комплект.

По ступеням зашлепала Тари. Джозеф поставил пакет, там едва оставалось на донышке, и кинулся навстречу. Дочь. Отец и дочь.

– Доброе утро, солнышко! – закричал он еще из кухни. – Отличный день, в такие дни стоит жить! – Джозеф улыбнулся и слизнул молочные усы. Но в прихожей было пусто. На лестнице тоже никого не было.

– Тари?

Он прислушался. Пилят эти жуткие скрипки. Поднялся и стих ветерок. Никого. Ничего. Только низкий рокот барабанов.

– Тари! – Джозеф поспешил вверх, цепляясь за перила, чтобы не упасть. Второй этаж. Налево. Спальня дочери. Постель пуста. – Тари! – Он кинулся в коридор, оттуда – в свою комнату. Вот она где. У него на кровати. Чему-то улыбается во сне, волосы разметались по подушке. Как она здесь оказалась? Кто ее перенес? Или сама пришла? Может, спряталась от кого-то?

Джозеф медленно опустился на край постели. Тари его разыграла! Это такая игра. Весело, конечно, но как насчет уважения к старшим? Джозеф невольно улыбнулся, глядя на дочь. Он улыбался, пока не свело челюсть, а потом потряс Тари за плечо.

– Врушка, нехорошо притворяться. – Сейчас она не выдержит и рассмеется. – Просыпайся, врушка! – Тари не просыпалась.

Джозеф снова потряс ее, на этот раз сильнее.

– Тари?!

Девочка в испуге села, шурясь спросонья.

– Чего? – Она возмущенно потеряла глаз.

– Доброе утро, – сказал Джозеф. – Уже утро.

– Доброе утро, пап. – Возмущение сменилось улыбкой, на сердце у Джозефа сразу потеплело. Тари зевнула. – Я устала.

Джозеф решил, что отвезет дочку домой, к Ким. Нет, лучше они поживут в его квартире. Хотя, если оставить Тари у Ким, можно вернуться к Клаудии и спокойно сходить с ума, ни о ком не заботясь.

– Как там здорово! – ахнула Тари, глядя в окно.

Джозеф тоже выглянул на улицу. У причала собралась уже приличная толпа. Наверное, пришли поглазеть, что там из лодки вытащили. Джозеф был почти уверен: эта находка как-то связана с красным ершом, которого поймала Тари. Ты смотри, даже полиция приехала, вон на обочине бело-синяя машина. Или утопленников из-под пристани выловили. А может, нашли и ерша, и утопленников. Через залив скользила маленькая моторка. Джозеф взглядом следил, как она взлетает на волнах. Опять всякая чушь в голову лезет.

– Что там, пап? – спросила Тари.

– Лодка, – ответил он, – лодочка в море выходит.

Даг Блеквуд надеялся поймать пару-тройку рыбин покрупнее, лучше всего, конечно, треску. Моторка медленно двигалась к устью залива, Даг крепко ежимал штурвал. Все-таки здорово вырваться, наконец, с суши и всласть порыбачить. Вода не обманет, вода накормит.

Рано утром он завел пикап, выехал из дома на Хрыч-лейн и двинул на запад в сторону центра. На причале Аткинсонов толпился народ, а чуть выше по дороге Даг встретил двоих военных. Они проводили машину глазами, но останавливать не стали, даже с места не двинулись. Просто стояли и смотрели. Этим крестинам вообще дай только потарашиться. Что ж получается, в город армейские части ввели, чтобы не давать рыбакам рыбачить? Неужто ублюдки до такого докатились? Даг побагровел. От ярости потемнело в глазах. Эх, жалко они не прицепились и насчет трески ничего не спросили. Уж он бы сказал кованым подошвам ласковое словцо, чтоб они покоробились. Колючка – белая лайка Дага – высунулась в окно и облаяла чужаков. Звали ее так потому, что когда-то Даг нашел ее в малиннике, она застряла в колючках и вопила как резаная. Чего это она так заливается? В жизни ни на кого не гавкнула, всегда была тише воды, ниже травы. Вообще, что-то собака чудит в последнее время. Целый день во дворе валяется, иногда только морду поднимет и воет. С чего – непонятно. А как солдат видит, прямо бешеная становится.

«Какого ерша они к нам понаехали», – снова спросил себя Даг, направляя нос моторки в открытое море. Он посмотрел на пустую скамейку, где обычно сидела Колючка, и загрустил. Собаку пришлось оставить в машине на переднем сиденье и открыть окно, чтобы не задохнулась. Уж до того она странная стала. Не дай бог начнет метаться по лодке – обоих утопит.

Вот и рыбозавод заброшенный показался слева под утесом. Не упомнишь, сколько раз тут проезжал, а все равно, как посмотришь на эту красоту, на эти скалы, мурашки по спине бегут. Причал Аткинсонов справа остался, там катера побольше. А какой был крабово-креветочный промысел! Ишь ты – толкучка на пирсе. Чего-то выловили и пелятся. Ахи-охи. Пустомели. Не, Даг не станет спрашивать, что случилось. Не доставит он им такого удовольствия. Наверняка затеяли какой-нибудь праздник тупой. Вечно в городе всякие ярмарки, фестивали, званые вечера с юбилеями. Может, у них день причалов, скажем. Небось монархисты, тупицы, пыжились-пыжились и придумали себе веселье. Всемирный Королевский День Причалов Британской Империи или еще того похуже. Муниципалитет, чтоб его растопырило, все туристов сюда зазывает, все красоты неземные сулит. А то все и так не знают, как тут красиво. Господи боже, да таких мест нигде не отыщешь, хоть сто лет ищи. Земля Обетованная. Нет, надо, чтоб эта красота из ноздрей полезла. Втемяшилось, понимаешь, идиотам, каждого сюда притащить и дурные деньжищи на Уимерли заработать. А богатства-то вот они, под носом. Какое там! Надо из жителей шутов гороховых сделать на потеху публике. «Спешите, спешите, последние три с половиной рыбака устраивают для вас

костюмированное представление! Дамы и господа, не стесняйтесь, подходите ближе, поглядите, как они корячатся. Какая чудесная наживка! Глотайте, глотайте, глотайте! А вот, извольте обратить внимание, ихние лодки. Глядите, как они красиво гниют! А вот ихние дети, которые трески в глаза не видали. А вот это вот – море, куда эти дети дороги не знают. Традиции? Дело отцов? Да тьфу на них!»

Дагу было десять лет, когда отец первый раз взял его с собой в море. Ночь стояла непроглядная, спереди и сзади шли другие плоскодонки, на каждой качался фонарь. Рыбаки покидали бухту. Берег остался далеко позади, вокруг – темень и тишина. Дагу стало казаться, что на самом деле они парят в воздухе, а не плывут по воде.словно чайки, носятся взад-вперед, вверх и вниз над волнами. Глаза учились видеть все по-новому.

Прошло часа два или около того, точнее сказать он не мог. Вдруг на горизонте появились пятнышки света, похожие на светлячков. Даг взглянул на отца, тот спокойно правил лодкой и смотрел вперед. Светлячков на Ньюфаундленде не водилось, но Даг слышал рассказы о феях, о том, что они светятся в темноте. Мальчик сидел на носу и представлял, как феи летят к скрытому от людских глаз поселку, где-то далеко в море.

– Феи, – сказал он. И отец улыбнулся.

Вскоре «светлячки» стали расти, лодка подплыла к ним совсем близко, а потом вошла в россыпь огней. За бортами все блестело и переливалось. Это горели лампы на плоскодонках, рыбаки бросали здесь якорь и тихо покачивались на волнах в ожидании рассвета.

Даг на всю жизнь запомнил голоса рыбаков, запомнил, как они перекликались между собой, какая крепкая дружба их связывала. Они вели себя так, будто просто собрались поболтать на кухне, только голоса слегка заглушало бархатистое море. Вокруг переговаривались, шутили, весело смеялись. Все ждали начала рыбалки, между ними не было ни тени соперничества. У каждого было собственное место, и все гордились, что принадлежат к плавучей артели.

Даг не заметил, как начал насвистывать какой-то мотивчик. Один за другим голоса стихли, наступила тишина, все замерло. Гробовое молчание, а он свистит. Огоньки фонарей покачивались, небо постепенно светлело, стали вырисовываться борта лодок. Казалось, что взрослые и дети растворились в предрассветном тумане, стали бесплотными тенями или просто притихли, чтобы послушать мелодию, которая далеко разносилась над водой. Даг парил вместе со своей песенкой, он наслаждался жизнью. Но тут кто-то крепко ухватил его за плечо. В свете лампы мальчик разглядел рассерженное лицо отца.

– Цыц, – мрачно сказал он. – Будешь свистеть на воде, удачу спугнешь. – И действительно, улов в тот день был гораздо меньше обычного. Винули в этом, конечно, Дага.

Ему не пришлось долго стыдиться своей ошибки. Через несколько дней он был великодушно прощен. Даг стал рыбаком и посвятил жизнь морю. Его брат Питер поначалу тоже рыбачил, но вскоре бросил это занятие, переехал в Сент-Джонс и заделался тупым горожанином.

Из семьи Блеквудов в Уимерли остался один только Даг. Последний рыбак. И – чтоб уж совсем отравить ему одинокую старость – племянник Джозеф, его единственный родственничек, не смог придумать ничего умнее, как пойти служить в рыбнадзор. Совсем охренел. А теперь этот Джозеф приехал и поселился неподалеку, чуть выше по дороге. Дагу об этом рассказала Аида Мюррей, а ей – женщина, которая купила дом Критча и каждое лето сдает городским. Подумать только: племянник Дага – ищейка из рыбнадзора. Кому служит!

Ну, правительство! Вон откуда наша рыба-то гниет – с дурной головы! Треску ловить запретили. Промысел закрыли! Вчистую! Одни патрули теперь шастают. Откуда их столько набежало? Следят, чтобы все на берегу сидели. Какие-то тупари, бюрократы будут всем указывать, что можно, чего нельзя. Рыбачить, например, нельзя. Вот так вот. Сушите весла. Учитесь новому ремеслу. В программисты идите. Или в коммерсанты. Или собак для выставки разводите. Даг представил, как причесывает пуделя. Бедный пудель. Даг его налысо побреет да еще пинка даст. Субсидии они, видите ли, рыбакам дают, чтобы новую жизнь начать. Да кому нужны эти подачки? Хуже пособия по безработице. Будь он проклят,

если позволит этим ублюдочным писакам всю его судьбу в папочку подшить! Сидят, понимаешь, в своих кабинетиках, сутками оттуда не вылезают, аж позеленели все, бедняжки. А толку чуть. Ну, так и нечего нос совать в чужие дела. Подавитесь своими деньгами вонючими. Вы нам не указ. Хотим ловить треску – и будем. Кто вы такие, забодай вас акула, чтоб за нас решать? Кто вам дал право?

Лосей вот тоже отстреливать нельзя. А если лось к тебе во двор забрел? Прикажете за лицензией бежать? Или сезона охоты дожидаться? Всякий нормальный мужик кладет на подоконник ружье двенадцатого калибра и хлобысь промеж рогов. Вот тебе и лось – на целый год хватит. Он и нужен-то всего один. Освежуй, раздели, заморозь, раздай друзьям и родным, чтобы тоже полакомились, и вся недолга. Для чего вокруг леса, природа? Чтоб пропитание добывать. Для того Господь и поселил – зверей на земле, а рыб в море. Чтобы было, чем брюхо набить. На хрена, скажите, такая жизнь, если питаться консервами, которые тебе ученые впаривают. Они теперь, оказывается, животных сами «создают». Создатели недоделанные. Попробуй, съешь, чего они там наизобретали – неизвестно, что с тобой будет. У самого хвост вырастет.

«Вы меня еще вспомните, – проворчал Даг, – да поздно будет». Ладно, хватит о ерунде. Он стал думать о здоровенной рыбе треске. Сейчас он ее выловит и домой принесет. Сварит уху. А ежели еще парочку поймать, то и Джозефу послать можно. Даг ухмыльнулся, представив, какую рожу скорчит племянник. Вот потеха-то будет. Или запустить треску в раковину на кухне. Авось Джозеф заглянет и увидит. Что он, интересно, будет делать? Дядю родного арестует? Надо после рыбалки позвонить племяншу. Номер-то у него какой? А, в телефонной книге найдем.

Солнце карабкалось все выше, оранжевые краски восхода уже пропали. Штиль. Даг миновал мыс, слева – открытое море. Вдалеке тянется пляж, еще дальше – дома Порт-де-Гибля. Справа, к востоку от лодки, серые скалы Уимерли. Даг улыбнулся. Красотища!

Если кто-нибудь спрашивал, куда это Даг собрался, хитрый рыбак неизменно сочинял, что идет ловить морскую форель. «Такие дела, паря, – говаривал он, причмокивая. – Форельки пожирнее наловлю, по самые борта загрузюсь». Но земляков так просто не проведешь. Лукавые глаза всегда Дага выдавали. Хотя в свое время он наловил форели немало. Здоровенная, серебристая как лосось, только хвост рогаткой. И весит килограмма два-три, не меньше. Размерчик что надо, в самый раз для сковородки.

В городке оставались еще рыбаки, которые исподтишка ловили треску. Ее в море до сих пор полно. Вон, иностранные траулеры тоннами воруют и ничего. Встают себе на якорь в приграничной зоне, и давай шуровать сетями. Ворюги. И закон ведь на их стороне. Им-то можно океан обирать, а вот простому честному рыбаку пару рыбешек поймать – ни-ни. Поколение за поколением только этим и жили, а теперь шиш с рыбьим жиром.

Даг добрался до небольшого скалистого мыса на самом краю Уимерли и заглушил мотор. Где-то там, наверху, за камнями скрывалась старая церковь. Порт-де-Гибль по-прежнему лежал по левому борту, впереди километрах в десяти виднелся Слепой остров, плоский, как блин. Раньше там добывали железную руду, городок процветал, островитяне купались в деньгах. В пятидесятые Даг частенько сюда наведывался. Вот уж где была цивилизация! Даже артисты из Штатов на гастроли прилетали. Руда шла на корабли. Во время войны немецкие подлодки часто совались к Ньюфаундленду. До сих пор немало канадских крейсеров покоится на дне океана. Теперь шахту закрыли, от города осталось одно воспоминание. Местные богачи пошли по миру, иностранцы и тут постарались.

Даг вытащил из-под скамейки удочку. Здесь, на воде, все другое. Кто на лодке в море не выходил, считай, моря не видел. Даг поправил кепку и перегнулся через борт – вода изумрудная. Специальную удочку для трески он больше не брал. Нечего подставляться, а то рыбнадзор мигом сцапает. Даг вытащил удочку для форели, три здоровенных крючка висели на толстой леске.

Даг подождал, пока утонет наживка. Поплавок шлепнул по воде, леска начала

разматываться, крючки пошли в глубину.

Все, хорош! Даг крутанул катушку, леска замерла. Несколько раз подергал удочкой, но быстро о ней забыл и стал глядеть по сторонам. Солнце палило вовсю. Хорошо, хоть кепку не забыл. Надо ее козырьком назад повернуть, а то шея сторит. Жара такая, что мама не горюй.

Что-то басовито зажужжало. Почти как муха, но уж слишком ровно. Скутер, наверное. Даг посмотрел в сторону Порт-де-Гибля. Так и есть, скутер. Нос торчит, днище по воде лупит. Куда прет, сам не знает. Каким дебилом надо быть, чтобы на этой дуре носиться? Океан уважения требует. Неужели нельзя тарахтеть потише и гонять помедленней? Ведь разобьется же – к бездетной матери. Звук затихал, скутер повернул к берегу. Жалко, что не муха – не прихлопнешь.

Опять воцарилась тишина, Даг медленно вертел катушку. За кормой плеснуло. Даг обернулся. Форель играет? Да нет, для форели рановато. Она ближе к полуночи скакать начнет. Может, камбала хвостом бьет? От нее всегда много шума. По воде пошли круги, лодка тихонько закачалась.

– Ни хрена себе рыбка, – восхищенно пробормотал Даг, присвистнув от удивления.

Еще один всплеск, теперь уже рядом с носом. Даг едва успел заметить огромный зеленый хвост с синим отливом.

Что там такое? Тунец? Нет, у тунца хвост короче, толще и не раздваивается.

– Даглас! – позвал призрачный женский голос. Позади снова плеснуло. Даг опять повернулся, да так резко, что чуть шею не вывихнул. Моторка заходила ходуном. Теперь волны шли то сзади, то спереди. С кормы, с носа, с кормы, с носа. И вот, наконец, появилось оно. Прелестное создание выпрыгнуло из воды. С гладких рыжих волос струится вода, карие глаза широко распахнуты, на высокой груди сверкают капли. Существо закинуло за голову нежно-розовые руки, выгнулось и нырнуло, мелькнул и исчез под водой бирюзовый хвост. Даг отпрянул, его окатило каскадом брызг.

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! – забормотал он.

Тари только встала, но ей снова хотелось в кровать. Она проспала всю ночь, видела яркие сны, и все равно смертельно устала. Подол ночной рубашки скатался жгутом, Тари расправила его и подошла к окну. На что это папа смотрит? Она окинула взглядом бухту. Ни одной лодки. Зато краем глаза Тари заметила зеленый армейский джип. Он взбирался по дороге. Отец повернул голову и тоже посмотрел на машину. У дома Джессики джип остановился. Правая дверца открылась, на землю прыгнул солдат с блокнотом в руках. Он быстро прошел по дорожке, повернул к крыльцу и скрылся из виду.

– Ты на что смотришь? – спросила Тари.

– Похоже, у нас гости. – Джозеф говорил как будто сам с собой.

Вскоре солдат появился из-за угла. Теперь он направлялся к дому Критча, джип медленно ехал за ним.

– Солдат, – сказала Тари. – Он сюда идет.

У крыльца раздались шаги, и в дверь постучали. Тари кинулась из спальни, но перед лестницей остановилась и пропустила отца вперед.

Солдат оказался совсем молоденьким. Худое лицо, весь лоб в веснушках, волосы аккуратно причесаны. Он стоял очень прямо, а руки держал за спиной.

– Доброго утра, сэр. Матрос первой статьи Несбитт, сэр. Морская пехота.

– Доброе утро. – Джозеф старался не выказать беспокойства. – Чем обязан?

Несбитт взглянул на Тари, улыбнулся и снова посмотрел на отца. Свет от парня исходил очень приятный – желтый и розовый.

– Мы просто навещаем жителей, проверяем, что все хорошо.

– У нас все замечательно. Лучше всех.

На самом деле, матрос видел гораздо больше, чем хотелось бы Джозефу. У него такое же зрение, как у Тари. И Тари это поняла. По розовому цвету. А еще такое же у старушки,

которая приходила за сиренью.

– А в чем дело? – спросил Джозеф. – В смысле, почему вы объезжаете поселок? Может, мы что-нибудь нарушили?

– В городе несколько случаев какого-то заболевания, и нас попросили проверить, не начинается ли эпидемия, – Несбитт снова ласково улыбнулся Тари и подмигнул. Это расположило ее еще больше.

– Какого заболевания?

– Точно пока неизвестно, сэр.

– Что вы говорите! Неужели чума? – Джозеф нервно рассмеялся и взглянул на джип. Мотор работал. Второй солдат сидел за рулем. Он смотрел на машину Джозефа и что-то писал в блокноте. – Только чумы нам и не хватало.

– Точно не знаю, сэр, но думаю, что не чума. Просто попросили проверить.

– Так я и говорю, у нас все замечательно. Самочувствие – лучше не бывает. Дочка, правда, ночью температурила. Но врач приехал, и теперь у нее даже горло не болит. Ни тебе плоскостопия, ни дырок в зубах.

– Я очень рад. – Матрос опять улыбнулся, достал из-за спины блокнот и сделал несколько пометок. – Не могли бы вы напоследок сообщить ваши имена, сэр?

– Зачем?

– Составляем перепись населения, сэр. Такой приказ.

– Чей?

– Просто приказ, сэр.

– Приказ?

Повисло молчание. Тари посмотрела на отца, потом на Несбитта.

– Мне всего-то и надо, что записать ваши имена, сэр.

Джозеф вздохнул.

– Меня зовут Владимир Зандмарк, а это Квинтата, – быстро произнес он и украдкой подмигнул Тари. – У нее мать мексиканка.

Несбитт записал имена, даже не спросив, как они пишутся.

– Это ваша дочь?

– Нет, она – мой отец. Это я ее дочь. – Добродушный смех у Джозефа не получился. Вышло неестественно.

– В доме кроме вас больше никого нет, сэр?

– Пока не видали, вроде. Ну, разве что парочка привидений. Сами понимаете, в таком старом доме, – он нервно облизнул пересохшие губы, – без привидений никак. Но мы над ними не издеваемся, вы не подумайте. Вы, кстати, как к привидениям относитесь? Надеюсь, я вас не обидел?

– Да что вы, сэр, вовсе нет. – Парень застенчиво улыбнулся и перечел свои записи. – Вы из Уимерли?

– Нет, мы из каникул. Тьфу, то есть на каникулах.

– Понятно. – Несбитт посмотрел на Тари. – Как тебе тут? Интересно? – спросил он ее. – Нравится городок?

Тари кивнула.

– Ну и славно. И еще, – он снова обратился к Джозефу. – Адрес ваш скажите, пожалуйста.

– Зачем?

– На всякий случай. Вдруг понадобится вас найти.

– Зачем нас искать?

Внизу по дороге вдоль бухты пронеслись машины. Много машин. Джипы. Такие же, как этот. Они собирались у клуба и уже забили крошечную стоянку. Матрос оглянулся через плечо и сказал, не глядя на Джозефа:

– Адрес, будьте добры.

Джозеф тоже следил за джипами. Он наскоро сочинил какую-то галиматью из букв и

цифр, и Несбитт ее записал. Тари увидела, как трое военных подошли к подъезду, а навстречу им вышел еще один. Те, что были втроем, остановились и взяли под козырек.

– В ближайшее время уезжать никуда не собираетесь, сэр?

Джозеф нахмурился.

– Уезжать? С какой стати?

– Дело в том, что мы всех просим оставаться в городе, пока не выяснится причина заболевания.

– Так это вирус какой-то? Может, нам на всякий случай не дышать?

– Понятия не имею, сэр. Честное слово.

– Значит надо сидеть здесь? Прямо в этом доме?

– Да, сэр.

– А приезжать сюда можно?

– В ваш дом, сэр?

– Нет, вообще в Уимерли.

– Да, сэр.

– А тогда какой смысл?

– Может, и никакого, сэр. Но у меня приказ.

– Понятно. – Джозеф кивнул. – Сочувствую. Та еще работенка.

– Спасибо, что уделили мне время. Извините за беспокойство. – Солдат пошел к джипу.

Он открыл правую дверцу и, прежде чем сесть, крикнул Тари: – Счастливых каникул!

Джозеф улыбнулся и помахал рукой. Потом, надеясь, что Тари не видит (кстати, совершенно напрасно), показал отъезжающему джипу средний палец и захлопнул входную дверь.

– Пап, ты зачем его обманул? – спросила Тари, матрос ей понравился.

– Я не обманывал, я выдумывал.

– А какая разница?

Отец пожал плечами.

– Каждый сам для себя определяет. И потом, они ж военные, – добавил он, словно это что-нибудь объясняло. – У них мораль совсем другая. Они людей убивают. А мы не убиваем. Поэтому их можно обманывать, и ничего за это не будет.

– А... – Тари немного подумала. – А я не Квинтата.

– Да что ты говоришь!

– А этот военный очень милый.

– Он военный.

– Он милый.

– Иди-ка лучше порисуй.

– Я хочу с Джессикой поиграть.

Отец помолчал.

– Сначала ее найти надо.

– Я знаю, где она.

– И где же?

Тари подняла руку, собираясь куда-то показать, но потом передумала, и постучала пальцем по виску. И еще постучала. И еще. И еще.

– Иди, порисуй, – повторил Джозеф и помрачнел.

– Уже, – сказала она. – Ты что, не видишь?

Ким тупо смотрела в монитор. На экране светилось начало статьи для журнала «Биология». До срока сдачи – меньше двух недель. Глаза болели, Ким в десятый раз перечитала написанное: «На поведение морской флоры и фауны постоянно влияют внешние факторы, такие как токсины, чрезмерный рост популяции одних видов, резкое уменьшение популяции других, колебания температуры воды и радиосигналы. Понижение активности китовых ученые связывают с локационными исследованиями. Наблюдается снижение

игрового поведения, киты меньше поют». По-дурацки написано, а главное, не пригладишь никак. Это все из-за дочкиной болезни. Какая теперь работа! Ким взяла кружку с холодным кофе и отхлебнула. Сколько ни пей, толку не будет. Работать не хочется. Хочется, чтобы зазвонил телефон, чтобы это был Джозеф, чтобы он уговаривал приехать в Уимерли. Чтобы стало ясно: все путем, все тебя ждут. «Усе путем», как любил повторять Джозеф. Тогда и в самом деле будет повод к ним махнуть. А не свалиться, как снег на голову.

Ким поставила кружку на стол, вздохнула и принялась гипнотизировать телефон. Рядом с аппаратом – деревянная рамочка, а в ней открытка со стишком. Тари написала его, еще когда ходила в детский садик:

Кит большой и синий,
Мама всех красивей.

Фон заштрихован цветными карандашами. Море, кит, над китом сияет радуга.

Прошлой ночью, когда у Тари поднялась температура, Джозеф сказал, что хочет вернуться в Сент-Джонс. Ерунда. У него всегда семь пятниц на неделе. В любой экстренной ситуации, если требуется срочно принять решение и действовать быстро и четко, Джозеф непременно все сто раз переиграет. Да еще и не выспался наверняка. Он каждый раз, как о чем-нибудь беспокоится, мучается бессонницей. Небось, всю ночь героически дежурил у постели, слушал, как Тари дышит, мерил температуру. Что ни говори, отец он и впрямь заботливый.

Знать бы точно, что Джозеф и Тари все еще в Уимерли. Тогда можно было бы прыгнуть в машину и помчаться туда. Господь с ним, с приглашением. Неужели нужно приглашение, чтобы увидеть дочь? Свою собственную дочь. Да что ж это такое, в самом деле? Конечно, ехать надо! А если они разминутся на шоссе? Тогда сначала позвоним. Позвоним.

Ким оперлась на выдвижную подставку для клавиатуры. Это Джозеф приспособил полку от шкафчика к старинному письменному столу. Стол когда-то принадлежал прабабушке Ким, она была суфражисткой, боролась за права женщин-избирателей в Сент-Джонсе. Джозеф сам придумал, как смастерить подставку. Стало очень удобно. «Все дешевле, чем новый покупать», – заявил он, довольный собой. Джозеф всегда радовался, когда удавалось сэкономить. Ким просто трясло от его скупердяйства. А вот сейчас она вдруг подумала, что за старым столом работать гораздо уютней. Ким, оказывается, любила эту подставку: ведь это Джозеф делал. Своими руками. Она с удовольствием представила, как возьмет да и выключит компьютер, и текст стирается. Стереть и забыть. Если бы. Ким фыркнула. Нет, нельзя. Она покрутила головой, размяла затекшую шею и потеряла затылок. «Вот бы сейчас хороший массаж шеи, – подумала Ким. – Ну так что, ехать или нет?»

Она почти решилась, и тут раздался телефонный звонок. Ким схватила трубку.

– Алло!

– Привет, Ким!

Нет, это не Джозеф.

– Люк?

– Точно.

Люк Тобин, коллега и бывший любовник. Снова стал названивать, как только услышал о разводе. Ким даже пару раз согласилась пойти с ним выпить, но на первом же так называемом «свидании» поняла, насколько Люк стал ей безразличен. От бывшего обаяния не осталось и следа. Даже чудно. Ну ни малейшего интереса. Как она с ним спала целых полгода? И сложен хорошо, и характер волевой, а все равно, представишь его в постели, так сразу тошнить начинает. На последнем «свидании» им до такой степени не о чем было говорить, что пришлось обсуждать знакомых. Докатились. Ким терпеть не могла сплетен.

– Что делаешь?

– Работаю.

– Над чем?

– Над статьей.

– О чем статья?

– Долго объяснять. – Она взглянула на припиленный к двери календарь, потом на экран, перечитала несколько строк, и стало противно. Где-то в голове шевельнула щупальцами мигрень. Надо съесть три таблетки ибупрофена, а не то день пойдет насмарку.

– Неужели дольше, чем меня послать?

– Гораздо дольше. Послать как раз нетрудно. – Она хихикнула, стало полегче. Ким уже и забыла, что Люк умеет рассмешить.

– По голосу слышу: тебе не терпится вернуться к работе, так что буду краток. Я тут за город собираюсь.

– Ладно, увидимся, – сказала Ким. Она развернулась в кресле и обшарила взглядом книжные полки. Где-то тут был пузырек с ибупрофеном. Точно был. Специально поставила на случай, если голова от работы затрещит.

– Ничего ты не поняла. Я тебя не этим порадовать хотел. В Уимерли такое нашли – закачаешься.

– В Уимерли?

– Да. Ты там бывала?

– Пока нет.

– Знаешь, где это?

– Знаю, на северо-западе. Джозеф оттуда родом. Они с Тари как раз там отдыхают. Так что нашли-то?

– Акулу-альбиноса. Белую, как наволочка. Самую что ни на есть настоящую. Глаза розовые как...

– Да ладно. Быть не может.

– Зуб даю. Информация из достоверных источников. Бойд там живет поблизости. Он ее видел, трогал, нюхал и автограф взял.

Ким не нашлась, что ответить. Она, конечно, слышала байки об акулах-альбиносах. Все-таки гидробиолог. А вчера в «Морской природе» попала статья на эту тему. С рассказами рыбаков, которые эту тварь видели. Вот только доказательств пока никто не предоставил. Даже странно, как солидный журнал такое напечатал. Хотя оно и понятно: опускают планку, чтобы побольше читателей привлечь. За сенсацией гонятся.

– Ты чего там, уже в обморок упала?

– Я?... Нет.

– Съезжу погляжу. Вперед, навстречу сказке!

– Да это ж наверняка липа. – Ким перебирала в уме правдоподобные объяснения. За окном зеленела лужайка, светило солнце. Несколько зябликов сустились у кормушки. Тоже Джозеф смастерил. Ким поглядела в монитор – слова, слова, слова.

– Не, похоже правда нашли. Хочешь, вместе смотаемся? Прокачу с ветерком, пыль свою научно-популярную порастрясеешь.

Ким невольно улыбнулась. Вот тебе и предлог, чтобы в Уимерли поехать. Акула-альбинос! Нет, конечно, болезнь Тари сама по себе повод, но тут совсем другое дело. Сегодня воскресенье. Сгонять за город, проверить, как там у дочки дела, успокоиться, а вечером – обратно.

– Скрипишь мозгами?

– Ага.

– Это еще не все. Ты, главное, сядь. – Люк откашлялся и продолжил торжественным голосом: – Меня назначили главным по перевозке акулы. Велено грузить на платформу и тащить в центр.

Ким задумчиво смотрела на секретер в углу. За ним она писала письма друзьям. На крышке – дочкина школьная фотография в рамочке. Ким колебалась. Нельзя, чтобы Тари видела ее в компании Люка. Девочка расстроится. Но на акулу-то страсть как охота взглянуть. Разве можно сидеть дома, когда в Уимерли ждут дочь и акула? Да Ким и сама

может вести машину. Заодно дом увидит, где живут Джозеф и Тари. Интересно, какой он?

– Ким! Ты меня слышишь? Борт двадцать один – восемнадцать, опуститесь на тридцать метров!

– Да, извини. Ты во сколько выезжаешь?

– Вообще-то через полчаса, но если тебе нужно собраться...

– Я сейчас перезвоню.

– Ладно. Договорились. Сиж и жду.

– Пока. – Она повесила трубку, потянулась за номером «Морской природы», открыла его и посмотрела на рисунок. Так, по мнению художника, выглядит гигантская акула-альбинос. Кстати, а та, что в Уимерли, часом не дохлая? Ким даже спросить не догадалась. Нет жизни, нет пигмента. Пленка-то хоть осталась в фотоаппарате?

Что делать, если Тари увидит, как мама вылезает из машины Люка? Там, на месте-то, возле акулы, можно с Люком общаться сколько угодно, в конце концов, они коллеги. Но вот приехать надо одной. Ким захлопнула журнал, перезвонила Люку и сообщила, что встретит его в Уимерли.

– А как же поездка с ветерком?

– Знаешь, мне что-то вдруг пожить захотелось.

– Я буду ползти как улитка. Если хочешь, можешь идти сзади и держать меня за бампер.

– Спасибо, в другой раз.

– Ну ладно. – Люк шумно вздохнул, это означало, что он сдался. – Буду ждать на пристани.

– Договорились. Через пару минут выезжаю.

– Ну что ж, увидимся там.

Ким повесила трубку и с отвращением взглянула на экран. Потом придвинулась к столу, закрыла файл, сохранила изменения и выбрала «завершение работы». На экране появились оранжевые буквы: «Теперь питание компьютера можно отключить». Ким нажала на большую круглую кнопку, монитор погас. В кабинете внезапно стало тихо, и она немного успокоилась.

Доктор Томпсон смотрел вслед голозадой дочери Слейдов. Он немного подождал в надежде, что покажется кто-нибудь еще. Лодыжку жгло и дергало. Наверняка сустав распухнет. В глубине дома работал телевизор. Заиграла музыкальная заставка к мыльной опере. Потом канал, видимо, переключили, из динамика раздался крик, люди орали друг на друга, выплевывали обидные слова, аудитория улюлюкала или одобрительно смеялась. Томпсон снова постучал во внешнюю дверь, затянутую противомоскитной сеткой. Терпение кончалось.

– Глянь, кого там принесло, – крикнул мужской голос.

Ему никто не ответил, тогда врач отозвался сам:

– Это доктор Томпсон.

Кто-то закашлялся, однако не слышно было никаких признаков движения.

Томпсон еще раз постучал, на этот раз сильнее и резче. Внутри чертыхнулись, и на пороге появился Уэйд Слейд. На вид не больше двадцати пяти, все тело поросло густым волосом странного цвета. Не поймешь, не то блондин, не то рыжий. И усы такие же. Глаза грустные, по лицу рассыпаны пригоршни крупных веснушек, нос явно сломан, а сколько раз, одному богу известно. На черной футболке нарисована свирепая рожа под надписью: «Международная ассоциация по вольной борьбе», а чуть ниже – цитата из Библии.

– Это надо заклеить, земляк, – сказал Слейд и показал на лоб Томпсона веснушчатым пальцем.

– Меня дверью ударило.

– Пружина слетела. – Слейд усмехнулся, обнажив два сломанных передних зуба. – Выходит, лоб расшибли.

– Похоже, что так.

– А у меня пластыря нету.

– Это кто там? – из-за спины Слейда раздался пронзительный женский голос. Уэйд не обратил на него ни малейшего внимания, привык, наверное. Не узнать жуткого визга Эгги Слейд было невозможно. О какой бы болезни ни рассказывали в новостях, она неизменно обнаруживала ее у себя, причем в последней, неизлечимой стадии. Томпсон представил, как она сидит перед телевизором и слушает с таким интересом, будто объявляют результаты лотереи. Вот диктор сообщает слушателям, что в Нью-Йорке разразилась эпидемия малярии. «Ну точно! – Эгги вскакивает из кресла. – У меня малярия! Она самая!».

– Я пришел выразить соболезнования, – выдавил Томпсон. Боль в лодыжке понемногу стихала.

Улыбка сползла с лица Слейда, он молча опустил глаза, поник головой и начал всхлипывать. Уэйд даже не пытался закрыть лицо руками, просто повернулся и скрылся в доме. Томпсон немного подождал, но никто так и не вышел. Он собрался постучать, и тут дверь опять распахнулась. На этот раз Томпсон успел отскочить и увернуться от удара. Никого. Он прислушался. Неужели сквозняк? Тишина. Пришлось постучать еще раз.

– Да кто ж там все ломится? – снова заорала женщина.

Доктор уже подумывал, не пора ли сматывать удочки. Терпение лопнуло. В этот момент из кухни, громко топая, вышла Эгги Слейд. На лице – милая улыбка. Роста Эгги была небольшого. Никто бы в жизни не поверил, что эта маленькая хрупкая женщина со своими полутора метрами могла наделать столько шума. Миссис Слейд была очень религиозной и прилежно посещала все службы. Она могла, не моргнув глазом, зарезать кошку, если та мешала спать, а потом спокойно пойти в церковь и списать свое зверство на временное помутнение рассудка.

– Доброго утра, доктор, – сказала Эгги.

– Миссис Слейд, примите мои соболезнования. Она тупо уставилась на Томпсона.

– Вот глупость-то, а? Спотыкнуться и помереть. Здоров был, как бык, не то, что я.

Томпсон не нашелся, что ответить. Он обратил внимание, что открыл рот. «Это у меня, наверное, челюсть отвисла», – подумал Томпсон и вздохнул.

– Я хотел узнать, может, вы заметили, Эндрю не болел в последнее время?

– Жирный был, как боров.

– Нет, я имел в виду, его удушье мучило?

– Чего?

– Вы не замечали, чтоб он задыхался?

– Пыхтел?

– Да.

Она покачала головой:

– У него ж аллергия была.

– Возможно. Но приступы асфиксии наблюдались?

– Чего? – Эгги повернула голову и заорала: – Уэйд, Эндрю задыхался?

Из глубины дома раздался всхлип.

Доктор Томпсон откашлялся. Миссис Слейд подозрительно взглянула на него.

– Что-то мне нынче неможется, – призналась она. – Дрянь какая-то высыпала. – Эгги подняла руку и показала расчесы. – Это от мышей. Как там эта хворь по-научному? Сыпилис?

– Похоже на раздражение, миссис Слейд. Может, у вас новое мыло или лосьон?

– Я на толкучке в Порт-де-Гибле жидкое мыльце прикупила. По пять центов пузырек.

– Понятно. Скорее всего, аллергическая реакция.

– Во-во. Она самая. У меня на все аллергия.

– А у Эндрю когда последний раз был приступ аллергии?

Миссис Слейд немного подумала.

– Дня три-четыре назад. У него когда это началось, так он аж разревелся. Чуть со

страху не обделался.

Томпсон сдержанно кашлянул.

– Ну что ж, мои соболезнования. Если что, приходите ко мне на прием.

Эгги кивнула.

– Надо проверить, что за сыпь такая. А вдруг от нее помирают?

– Еще как помирают. Придется руки ампутировать. – Доктор осторожно отступил на шаг, лодыжку все еще дергало, кожа горела. Он посмотрел под ноги на гнилые половицы. Как бы так добраться до машины, чтобы шею не сломать?

Джозеф большим пальцем набрал на мобильнике номер давнишнего своего приятеля, Кевина Баттера. Когда-то они вместе ходили по барам, а потом Кевин стал юристом в Сент-Джонсе. После нескольких гудков раздался голос механического оператора, и Джозеф начал плутать по лабиринту идиотских инструкций. Наконец он добрался до автоответчика Кевина, но когда пришло время оставить сообщение, мозги заклинило. Слишком много информации. Джозефа охватила уверенность, что едва он откроет рот, начнется такой словесный поток, – Кевин месяц расшифровывать будет. Джозеф немного постоял, сжимая в руке мобильный, и, должно быть, задремал. В трубке неожиданно раздался мужской голос. В ухе зазвенело, словно ручку громкости радиоприемника выкрутили до упора. Джозеф испугался, по коже побежали мурашки. Он прислушался. В мобильнике – тишина. Джозеф дал отбой и набрал домашний номер Кевина. Длинные гудки. Никого. И автоответчика нет. Куда мир катится? Джозеф всего лишь хотел выяснить, насколько законно требование не покидать пределы Уимерли. Конечно, армии и флоту закон не писан, но даже они в таких случаях сначала объявляют чрезвычайное положение. Или нет? Накатила дурнота. Джозеф с силой потер глаза, под веками замельтешили белые и серые искорки. Как будто «снег» в телевизоре. Стало немного легче. Снежинки постепенно исчезали, картинка прояснялась. Кухня. Дом Критча. Уимерли.

Джозеф взглянул на телефон в руке. Кого бы еще спросить? Дяде Дагу он пока так и не звонил. Несколько раз собирался набрать номер, но всякий раз что-нибудь либо просто отвлекало, либо пугало до чертиков. Джозеф оперся на стул. Ноги подкашивались, в памяти пронеслись лица утопленников. Мертвые, и все-таки не мертвые. Глаза двигаются. Следят за ним. «Это, наверное, от пилюль, которые я принимаю», – успокоил себя Джозеф.

Он вытащил бумажник и начал перебирать визитки и вырванные из блокнота странички. Наконец, листок с номером Дата Блеквуда отыскался, и Джозеф трясущимся пальцем потыкал в кнопки, каждый раз сверяясь с каракулями. Как же к нему обращаться? Дат? Дядя Даг? Папин брат.

Хриплый голос отозвался после пятого гудка:

– Да.

«Здравствуй, папин брат».

– Даг... Блеквуд? – неуверенно спросил Джозеф.

– Допустим, – ответил голос. – Кто говорит?

– Джозеф Блеквуд. – Он хотел добавить «ваш племянник», но решил, что это звучит как-то панибратски и настырно.

– Джозеф Блеквуд. Ты, значит, мой племянник Джозеф?

– Да.

– Инспектор рыбнадзора?

– Да.

– Из Сент-Джонса?

– Да.

– Хм. – Даг помолчал. – Я так припоминаю, что мы с тобой ни разу не созванивались?

– Мы сейчас в Уимерли с Тари, дочкой моей.

– Да, слышал. Значит, у тебя дочь?

– Да.

– Оно и понятно. Сколько ей?

– Восемь.

– Восемь. М-м-м... Отличный возраст.

«Отличный возраст»! Можно подумать, он закуску выбирает», – подумал Джозеф.

– Да, отличный.

– Ну так что, ты меня навещать собираешься? Или сычом будешь сидеть до морковкиных заговен?

Поразительно, до чего голос Дага похож на отцовский. Как будто с отцом говоришь, только простуженным.

– Да мы как раз хотели зайти.

– Вы у Критча поселились? На верхней дороге?

– Да.

– Приехали в отпуск?

– Точно.

– Тут для таких, как ты, самое место. – Даг оглушительно расхохотался, и Джозефу пришлось отодвинуть трубку от уха.

Дядя долго не мог успокоиться, наконец хохот перешел в глухое бульканье. Джозеф переждал и спросил:

– Вы слышали, военные ходят по домам...

– Ясное дело, слышал. А ты не слышал про двух приятелей из Сент-Джонса? Они в кинотеатр под открытым небом приехали, да так в машине и замерзли.

– Нет, я...

– Смотрели «Сезон закрыт».

Джозеф остолбенел. Это что, передавали в новостях? Сейчас вроде не зима. Как же они замерзли? И про что этот фильм «Сезон закрыт»?

– Шучу, – сказал Даг. – Ты там чего, совсем обалдел?

– А-а... Так к вам солдаты приходили?

– А то. Несут какую-то ерунду. Полтора человека в городе чихнули, так правительство думает, что надо перекрыть здесь все ходы-выходы. Теперь чуть что – сразу эпидемия, эпидемия! В мое время такого не было.

– То есть можно уехать?

– Откуда?

– Из Уимерли.

– А чего тебе уезжать? Вроде, только приехал. Я тут трески пару штучек заначил, на случай, если все-таки заглянешь. И потом, завтра я рыбачить еду, так что, если дочурка твоя со мной захочет, буду рад.

– Тари сейчас спит. Она слегка недомогает. – Интересно, где это Даг взял треску? Или это он просто так, дразнит?

– Слегка недомогает? Что это, вообще, такое? И потом, я ж тебе про завтра толкую. Она что, до завтра спать будет?

– Нет.

– Ну так заходите в гости, когда надоест трястись от страха и «слегка недомогать». Купите витаминов или еще какой-нибудь ерунды, книжками запаситесь, целебниками всякими. Короче, как сопли жевать закончите, заходите, потрындим.

Потрындим. Джозеф не смог сдерживать улыбки. Чувство юмора у дяди Дага было совсем как у отца, такое же сермяжное.

– А где вы живете?

– Да спроси любого, тебе покажут.

– Ладно.

На том конце повесили трубку.

Джозеф захлопнул крышку мобильного, сунул его в карман и решил, что пора будить Тари. Вот она обрадуется, когда узнает про рыбалку. Только непонятно, дядя Даг что,

возьмет с собой ее одну? Джозефа вроде не приглашали. Неужели в лодке места не хватит? Даже в самую маленькую три человека уж точно влезут.

Господи, какая рыбалка! Совсем размяк на солнышке. Как только настанет ночь, галлюцинации снова наружу вылезут. Звонил ведь совета спросить, да так ничего и не добился. Чем мы там до звонка занимались? Джозеф повернулся и увидел, что часть продуктов уже упакована. Вот этим и займемся. А дядя Даг подождет.

Джозеф присел на корточки у нижнего шкафчика и начал доставать оттуда консервы. Может, всю еду просто здесь бросить? Они уедут, а когда через неделю вернутся, дом по-прежнему будет в их распоряжении, плата ведь за три недели вперед внесена. Джозеф не знал, на что решиться. Снова накатила тошнота. Он зажмурился. Зазвонил телефон на стене. Когда Джозеф открыл глаза, комната покачивалась. Он снял трубку.

– Алло?

– Привет. – Женский голос. Ким.

– Привет.

– Я еду в Уимерли, хочу посмотреть на акулу-альбиноса. Заодно взгляну на Тари. Как она?

– На какую акулу?

– Ну, Люк Тобин сказал, у вас в заливе нашли акулу-альбиноса.

– Неужели? – Джозеф обвел взглядом кухню. Акула. Люк Тобин. Люк Тобин живет с Ким, вот в чем дело. Наверняка уже переехал к ней. Подстригает ей газон, подравнивает кусты. Дарит подарки. Может, ездит с Ким на прогулки в спортивной машине. Улыбаются до ушей, машут прохожим, поют дурацкие песенки, время от времени случайно сбивают кошек и собак, но никогда не останавливаются. Да и зачем им останавливаться?

– Я прямо сейчас выезжаю, – сообщила Ким. – Хочу заскочить к вам и посмотреть на Тари.

– Ты едешь сюда? Мы вообще-то собирались в Сент-Джонс. – Он никак не мог избавиться от образа Люка Тобина. Лицо – само совершенство. Да и волосы тоже. Прямо с обложки журнала. – Я сейчас пакую вещи. Мне некогда.

– Почему? Что с Тари?

– С ней все хорошо. Здесь просто... творятся всякие странности.

– Странности? – Она рассмеялась. – Подожди меня, ладно? Хочется на дом взглянуть.

Джозеф выдержал паузу.

– Ты с новым другом приедешь?

– Я приеду одна.

– Я не хочу, чтобы он общался с Тари.

– Кто, Люк? Не переживай. За кого ты меня принимаешь?

Джозеф хотел сказать: «Тебя могут даже в город не пропустить», но решил не волновать ее. К тому же он точно не знал, впускают сюда людей или нет. Никаких заграждений не видно, хотя солдаты, похоже, иногда останавливают машины на нижней дороге и задают водителям вопросы. Джозеф был почти уверен, что этот матрос Несбитт ему не приснился. Тем более Тари рядом была. Уж она-то этого парня точно видела.

– Джозеф?

– Договорились, – сказал он. – Но как только ты сюда доберешься, мы возвращаемся.

– Почему?

– Потому...

– Да что случилось?

– Ничего. Я просто хочу вернуться домой. Лечь в свою постель.

Молчание. Слово «дом» о многом говорило обоим. Как и слова «своя постель».

– Ты спал сегодня?

– Да, – соврал он.

– И сколько? Десять минут?

– Нет, секунд пять, не меньше.

Ким рассмеялась, напряжение спало. Когда они вместе смеялись, им всегда становилось легче жить. Если б только можно было смеяться без остановки, рты разинуты, гланды трясутся, внутрь залетают мухи и откладывают яйца. Личинки. Головки личинок трясутся от смеха. Смех как в мультфильме. Какофония. Гнилые шеи ломаются, головы отваливаются. О господи, опять!

– Пойду посмотрю на Тари. Она вздремнула.

– Вздремнула? Тари?

– Да.

– Джозеф, она никогда не спит днем!

– А здесь спит. Наверное, от свежего воздуха.

– Я скоро приеду.

– Счастливо.

– Пока, – мягко сказала Ким, и Джозеф сразу повесил трубку.

Это «пока» наполнило его сердце теплом. Если Ким приедет, и они не поругаются, то можно было бы и на ночь остаться. Джозеф показал бы ей окрестности. Запер в сарае с бородатым привидением. Отвел ее к заливу и толкнул в воду, чтобы она своими глазами увидела утопленников. Разжал челюсти акулы-альбиноса и сунул бы туда голову Ким. Туристическая фирма «Джозеф и смертяшки». А как же Клаудия? Что если она придет и начнет заниматься с ним любовью прямо у Ким на глазах? Кошмар, Содом и Гоморра покажутся райским уголком. Нет, надо немедленно возвращаться домой. Пора умирать. То есть не умирать, конечно, а удирать.

Джозеф вернулся в гостиную и посмотрел в окно. С первого этажа ни причала, ни акулы-альбиноса было не разглядеть. Он бесшумно поднялся по лестнице. Ковровая дорожка расплывалась перед глазами смутным пятном. Джозеф остановился на пороге спальни Тари. Постель аккуратно заправлена. Никого.

– Тари, – позвал он, вбегая к себе в комнату. Простыни под покрывалом сбились в кучу. Может, Тари просто не видно под ними или она прячется, как всегда? Джозеф откинул одеяла, пусто. Подошел к окну. На причале собрался народ. Довольно большая толпа. На акулу глазеют.

Джозеф опрометью кинулся вниз. На последней ступеньке он поскользнулся и чуть не упал. Пол, что ли, мокрый? Джозеф промчался по коридору. Ванна налита до краев, здесь тоже никого. На полу лужи, влажные следы ведут на кухню, а оттуда на крыльцо. Может, Тари решила искупаться? Или он сам ей велел? И наполнил для нее ванну? Джозеф никак не мог вспомнить и насмерть перепугался. Хватая ртом воздух, он вылетел на заднее крыльцо. Пустырь, заросший высокой травой, за пустырем – лес. В жизни не боялся деревьев, а вот теперь страшно. Господи, а вдруг она заблудилась в лесу? Паника растет, во рту – металлический привкус. Тари! Да брал ли он ее вообще с собой? Или приехал один, и все это время с ним никого не было? Забрался в глушь, чтобы отгородиться ото всех. Ото всех на свете.

– Тари! – испуганно звал Джозеф. В лесу перекликались две птички, одна из них слетела с ветки, зашуршала листва. Джозеф сбежал с крыльца и краем глаза заметил справа сарай. – Тари!

Она тихо стояла в дверях спиной к нему и даже не пошевелилась, когда Джозеф окликнул ее.

– Тари, – сердито повторил Джозеф, страх быстро сменялся гневом. Он кинулся к дочери и схватил ее за плечо. Она не реагировала. Ее рубашка совсем промокла. Джозеф услышал, как она монотонно шепчет: «Рыба в море. Рыба в море...»

– Тари! – Он развернул ее к себе и увидел белое как мел лицо, кожу, покрытую цыпками, дрожащие синие губы. – Тари!

«Рыба в море, – монотонно повторяла она, зубы стучали как игральные кости в стаканчике. – Рыба в море...»

Последний раз Ким выезжала на шоссе больше года назад. Раньше они с Джозефом часто ездили за город по выходным. Сворачивали где-нибудь на пустынную двухполосную дорогу и катили по ней все дальше и дальше, пока не добирались до приморского поселка. Джозеф и Ким смотрели, как толпятся у бухты или лепятся к высоченным скалам дома, как притаились валуны у подножия утесов, как бьются о берег волны, как изгибаются вдоль береговой линии пыльные улочки. Солнце катилось над океаном, мягким светом заливало окрестности, все казалось таким ясным, таким простым. Ким всегда поражали эти бесконечные нити дорог, соединявшие поселки, когда-то доступные только с моря.

После развода Ким с головой окунулась в рутину: готовка, уборка, работа, воспитание Тари. Никаких поездок. Свободное время они с Тари проводили в магазинах или парках. Но теперь Ким снова почувствовала себя вольной птицей, она ехала мимо бескрайних полей и перед глазами у нее были пустоши с валунами, а не осточертевшая мебель. Вместо четырех стен – хвойные леса. Ким и в голову не приходило, до чего здорово просто ехать по дороге.

Когда Джозеф рассказал, что собирается снять на лето дом в Уимерли, Ким захотелось немедленно все осмотреть самой. Старые городки всегда ее завораживали. Она с удовольствием бродила по когда-то процветавшим поселениям, по пустырям, окружавшим покинутые дома. Многим постройкам было не меньше ста лет. Она заглядывала в окна – домотканые ковры на полу, старинная мебель, керосиновые лампы, посуда. Все, теперь уже никому не нужное, продолжало стоять на своих местах. Руины чужой жизни. Некому заявить на них свои права. Разоренные гнезда. Иногда задняя дверь оказывалась незапертой, и тогда Ким осторожно входила, она двигалась медленно, словно шла по чужому, романтичному и покинутому всеми миру древних легенд. Ким погружалась в туманное прошлое, во времена, когда эти дома были молоды, когда их любили. Теперь здесь поселились тлен и сырость. Дома горевали и продолжали преданно ждать возвращения старых хозяев.

Ким включила радио. «Итак, сейчас на Ньюфаундленде без двадцати три. На дворе июнь. Погода стоит прекрасная. А у нас впереди двадцать минут музыки...» Ким взглянула на часы, не отстают. До Уимерли она доберется ближе к вечеру. Может, даже Джозеф, если хорошенько на него надавить, пригласит на ужин, а еще лучше – разрешит остаться на ночь. Спать в незнакомом доме! Ужас как интересно! У Ким была любимая эротическая фантазия: секс в незнакомой обстановке, среди развалин чужих жизней. Она улыбнулась. Вот бы дом оказался с привидениями.

По радио зазвучало бурное вступление к песне Вэна Моррисона «Кареглазая девчонка». Ким прибавила звук, впервые за долгие месяцы она снова почувствовала вкус к жизни. Приоткрыла окно, нежный ветерок растрепал волосы. Ей казалось, что машина летит навстречу лучшим временам, назад к семье, к Джозефу и Тари, к миру и согласию.

У Ким никто не отвечал. Джозефу не хотелось оставлять сообщение на автоответчике. Что говорить? Тари ведет себя так, словно превратилась в умершую девочку, а у меня в голове белый шум. Ловлю сигналы. Я даже не уверен, что все происходит наяву. Может, я снимаюсь в кинокомедии? Или в ужастике? Или в документальном фильме про свою жизнь? Как бы то ни было, я страшно зол. А почему, не знаю.

Когда Джозеф вытер Тари полотенцем и спросил, где она так промокла, девочка ответила просто: «Играла с Джессикой». С Джессикой! Он позвонил доктору Томпсону. Соединили с секретарем. Джозеф оставил короткое сообщение. На это он пока что способен. Имя. Номер телефона. «Помогите». Джозеф повесил трубку и посмотрел на Тари. Она лежала на диване, переодетая во все сухое, и спокойно рисовала. С виду, целая и невредимая. Вдруг злополучный камень что-то повредил в детской головке? Судя по последним событиям, похоже. От горя и возбуждения у Джозефа ломило суставы.

– Как дела, кис? – ласково спросил он и вытер потные ладони о джинсы. Брюки влажные. Он что, опять в воду падал или просто вспотел? Джозеф ощупал себя. Сухой. На миг его обдало жаром. Чужая энергия вливается в тело. Кто-то кашлянул. А, может, и он сам. От этой мысли стало полегче.

– Хорошо.

– Посиди пока дома, – твердо сказал Джозеф, стараясь не смотреть на рисунок. Картинка у Тари получалась слишком яркой и живой. Джозеф надеялся, что дочь рисовала не его. Или она просто вырезала из журнала фотографию?

Тари нахмурилась.

– Почему?

– Потому что я так сказал. Как бы не пришлось опять в больницу ехать. И потом, я ведь тебя просил не выходить на улицу. Сиди...

– Но ты ж сказал, можно.

– Что? – Виски сдавило. Джозеф почесал левое веко, оно заметно дергалось. В ушах шум, словно кто-то смеется или аплодирует. Или это чайник свистит? Он разве ставил чайник? – Что «можно»?

– Я сказала, что пойду на улицу, а ты сказал, иди.

– Неправда, я такого не говорил.

– Нет, говорил. Я к тебе подошла, а ты с кем-то болтал по телефону.

– Когда это было?

– Перед тем, как я пошла на улицу. – Тари сидела на диване и держала на коленях книжку, чтобы удобнее было рисовать. – Ты с кем-то разговаривал.

– С мамой?

– Нет.

– Да с мамой, с мамой! – Для пущей убедительности Джозеф деланно рассмеялся. – Точно. С кем же еще.

– По-моему, с Клаудией.

– Тари, да ты что?!

– Ты называл ее по имени и еще много чего говорил. – Тари покраснела, отвела глаза и начала рассматривать полированное пианино у стены. Наверняка оно скоро само заиграет. Только не сейчас. Дождется ночи. Полуночи. Кровь на белых клавишах. Человек без лица.

– Много чего?...

– Ты шептал нехорошие слова.

– Неправда! – Джозеф выпрямился и оскорбленно посмотрел на дочь. – Что ты болтаешь? У меня даже номера ее нет.

– Так ведь телефон звонил.

Во входную дверь постучали. Джозеф подпрыгнул от звука, Тари хихикнула. Или это снова белый шум? Он взглянул на девочку, лицо ее было совершенно спокойным. Тари серьезно смотрела на дверь.

– Кто там? – спросил Джозеф. – Смешно тебе? Ха-ха. Я, значит, смешной.

– Ничего смешного. Это Клаудия.

Откуда ей знать, кто за дверью? Шишка на затылке. Она что, теперь ясновидящая?

– По-моему, пора в больницу.

– Тебе?

– Тебе, – резко ответил Джозеф.

– Тебе?

– Тебе. – Он распахнул дверь. На пороге стояла Клаудия, огромные зеленые глаза смотрели прямо на Джозефа. Длинное кремовое платье закрывало щиколотки. Она обеими руками прижимала к груди коробочку в белой подарочной бумаге. На бумаге – ручная роспись, серые киты в синих волнах.

– Я принесла вам подарок по случаю вашего приезда. – Клаудия протянула сверток. От нервной улыбки кожа на лице натянулась, глаза еще глубже запали. Со вчерашнего дня соседка, похоже, потеряла не меньше трех килограммов, и все же животик слегка выпирал из-под тесного платья. Может, она беременна?

– Что можно спрятать в такую маленькую коробочку? – спросил Джозеф, представляя, как целует Клаудию в губы. На худощавом лице они казались полнее. Протолкнуть сквозь них язык, упереться в зубы, дальше, дальше, вот и ее язык, почему-то страшно холодный и

сухой.

– Я не вовремя? – спросила Клаудия.

– Да. – Джозеф немного подождал, надеясь увидеть продолжение этой сцены. – Нет.

– Можно войти?

– Да, – ответил он и живо отступил в сторону. – Проходите. – Джозеф нервно заглянул ей за спину. – Вы одна? – он старался скрыть тревогу в голосе.

– Да, – ответила Клаудия, – одна.

– Чудесно. Это хорошо, что одна. Когда-то и у меня никого не было. Это ничего, просто надо привыкнуть. – Джозеф еще раз выглянул на улицу, но там не было ничего, что могло насторожить сильнее, чем подступавшее безумие. Он захлопнул дверь.

Доктор Томпсон разволновался больше обычного, когда зазвонил мобильный телефон. Даже спокойствие воскресного дня не могло рассеять атмосферы смерти, сгустившейся над Уимерли. Доктор только что дохромал до своего «шевроле блейзера». Ходил смотреть на акулу-альбиноса. Вот уж чудеса. Ехал от Слейдов, заметил толпу на причале, остановился узнать в чем дело, а тут такое!

Томпсон открыл крышку мобильного и нажал на кнопку, одновременно разглядывая в зеркале заднего вида шишку на лбу и недобрым словом поминая дитяtko Слейдов. Порез неглубокий. Даже скорее царапина. Правда, здоровенная.

– Алло?

– Доктор Томпсон, это Бетти. В вашу приемную поступил звонок от женщины из Уимерли. Кажется, она очень расстроена. У ее сына затруднено дыхание, и она хотела узнать...

– Как ее зовут?

– Эдита Поттл.

– Это на Поттл-лейн?

– Да, я уже вызвала скорую. Еще был звонок от Джозефа Блеквуда. Сразу следом за первым. Мистер Блеквуд оставил сообщение: «Помогите». Но там, вроде бы, ничего срочного. Не кричал, и более у него, похоже, нет. Даже странно как-то.

– Он оставил телефон?

– Да.

Бетти продиктовала цифры.

– Хорошо, спасибо.

Томпсон набрал номер Блеквуда.

– Алло? – трубку взяла маленькая девочка.

– Здравствуй, папа дома?

– Нет, у папы не осталось дел. Он ушел в море.

– Как ушел? На чем? – Молчание. Наконец, Томпсон не выдержал и спросил: – А когда он вернется?

– Он не вернется. Он со мной.

– Так где же все-таки папа? Это доктор Томпсон. Ответа не было.

– Алло!

– У папы легкое недомогание.

– Плохо. Как поживает твоя шишка на затылке?

– У меня нет шишки.

– Отлично. Значит, тебе уже лучше.

– Намного лучше. Я отлично себя чувствую. Мне уже не так холодно.

– Рад слышать. Передай папе, что звонил доктор Томпсон.

Девочка начала что-то тихонько напевать.

– Договорились? – спросил врач.

Пение не прекращалось.

– Договорились, – наконец ответил ребенок. – До свиданья, доктор Томпсон.

– До свиданья.

Он захлопнул крышку мобильного телефона и некоторое время оцепенело смотрел на толпу за ветровым стеклом. Мальчишки показывали пальцами в сторону моря. Один из них подпрыгивал на месте и что-то кричал, сложив ладони рупором. Что именно привлекло их внимание, Томпсон так и не выяснил. Он завел мотор и задом выехал на дорогу. Несколько человек проводили машину взглядом. Томпсон развернулся и быстро поехал к дому Эдиты Поттл. Он подозревал, что в этой ситуации главное вовремя подключить кислородную маску. В противном случае, как показала практика, наступает смерть. Почему? А кто его знает. У всех, кто оказался в больнице под наблюдением врачей, состояние стабилизировалось. Пока стабилизировалось. Во всяком случае, медицинский персонал ухудшений не заметил.

Поттл-лейн располагалась чуть западнее пристани. Ехать не больше минуты. Это прямо напротив клуба. Томпсон задумался, поэтому деревянное ограждение и двое солдат возникли перед капотом совершенно неожиданно. Один из них пытался знаками остановить машину, но доктор слишком поздно понял, что происходит. Он вывернул руль, ударил по тормозам, внедорожник вынесло на обочину, где он смаху пристыковался к заднему бамперу армейского джипа. Хорошо хоть ремень пристегнул. Вроде цел, разве что шея болит. Ну что ты скажешь! Только этого нам и не хватало. Томпсон начал опускать стекло, потом передумал и решил выйти. Он повернулся, дернул за ручку, но не смог оторваться от кресла. Это еще что?! Ах да, ремень. Томпсон замычал, отстегнулся и толкнул дверцу машины. Солдат сунулся не вовремя. Дверца ударила его аккурат между глаз. Томпсон выскочил и наскоро осмотрел пострадавшего. Нет, все в порядке. Ни царапины. Военный никак не мог оторвать взгляд от шишки на лбу доктора.

– С вами все хорошо, – сказал Томпсон и заковылял по дороге. – Я врач, – крикнул он и прикусил губу от боли в лодыжке. – У меня срочный вызов, посторонитесь. – Он обогнул ограждение.

Впереди на шоссе показался зеленый знак «Потрошир, Уимерли, Порт-де-Гибль, съезд 44 – 1 км». Такую вывеску трудно пропустить. Белые буквы, стрелка указывает направо наискосок. Ким повернула руль белого «фольксвагена» и выехала на потроширское шоссе. Ну до чего ж тут красиво! Зеленые пастбища, пруды... Ким восхищенно покачала головой. На Ньюфаундленде пейзаж меняется каждую секунду. Только что остался лунный ландшафт с его серыми валунами, а теперь вокруг потянулись луга, прямо как в Ирландии. На склоне небольшого холма паслись серые кудлатые овечки. Равнины стелились по обеим сторонам дороги, и видно было очень далеко. Раскинувшиеся на пологих склонах луга сменились густыми хвойными лесами. Кое-где проступали скалистые участки, но в целом земля в этих местах была плодородной.

Через несколько минут начался спуск в долину, дорога резко пошла под уклон, пришлось притормаживать. Картина снова изменилась. Вокруг царило запустение. Между полуразрушенными домами и сараями тянулись каменистые пустыри. Шоссе снова повернуло влево на холм. Здешние постройки почернели от непогоды. Вид у них был еще более обветшалый, даже зловещий. Никаких признаков жизни. Ни коров, ни овец. На поселок наступал густой мрачный лес. Ким вдруг решила, что заблудилась. Стало очень страшно. Не дай бог застрять в таком месте. Ладони, вцепившиеся в руль, вспотели. В затылке тяжесть, значит, голова скоро заболит. Ким заметила, что изо всех сил стиснула зубы. Она постаралась расслабиться и посмотрела на спидометр. Ну зачем так гнать? Впереди показался зеленый дорожный знак с надписью: «Уимерли», белая стрелка указывала вправо.

«Уимерли», – облегченно произнесла Ким и рассмеялась.

За окнами побежали живописные поля, Ким ехала и сама себе удивлялась. Чего было так пугаться? Страх постепенно таял. Ким покрутила головой, разминая мышцы в плечах. Вредно долго сидеть за компьютером. Совсем дуреешь. К тому же дорога незнакомая. Вот и

сдали нервы, ничего удивительного. Теперь уже недалеко. Можно сбавить скорость, устроиться поудобнее, снова почувствовать вкус к жизни и хорошенько рассмотреть дома и окрестности. Торопиться некуда.

Вдалеке возвышался огромный утес. За ним синел океан. Потрясающе! Давно она не видела океана. Промежутки между постройками становились все меньше, Ким катила мимо старых рыбацких домов к центру городка. Сколько там, наверное, всяких сокровищ! Вот бы взглянуть хоть одним глазком. Какой симпатичный белый домик. Вот только спутниковая антенна у него на крыше совершенно не к месту. Ким всегда огорчалась, когда уродовали старую архитектуру. Серые тарелки, нацеленные в небо, попадались все чаще.

Но вскоре Ким забыла про антенны. Она стала заглядывать в окна домов, высматривая старинную обстановку. Занятие оказалось таким увлекательным, что Ким чуть не врезалась в армейский кордон. Вот уж солдатам точно нечего делать в старинном городке. Они что, акулу охраняют? Это явный перебор. Один из солдат махнул рукой, чтобы Ким остановилась и опустила окно.

– Извините, въезд закрыт. – Возле рта у него был прикреплен маленький микрофон.

– Почему?

– Мера предосторожности, мэм.

– Это из-за акулы?

Солдат не ответил. Он показал на засыпанную гравием площадку перед клубом.

– Там можно развернуться.

– Я от биофака университета. По поводу акулы. Нам поручили доставить ее в лабораторию. К тому же... – Ким капризно вскинула голову, – у меня здесь дочь и муж.

– Вы тут живете?

– Да, летом.

– Можно ваши документы?

– Разумеется. – Ким полезла в сумочку и взглянула в зеркало заднего вида. Позади остановилась еще одна машина. Второй солдат переговорил с водителем, машина тотчас развернулась и поехала обратно. Ким нашла бумажник и передала патрульному водительское удостоверение. Он посоветовался с товарищем, тот что-то записал у себя в блокноте. Солдаты перебросились парой слов, второй патрульный скорчил презрительную гримасу. Первый что-то сказал в микрофон, послушал, снова заговорил, потом вернулся и отдал Ким удостоверение.

– Вам – в дом старого Критча, – солдат указал на вершину холма.

«Вообще-то мне полагается самой знать, где мой дом, – подумала Ким. – Я же сказала, что мы здесь живем каждое лето. Значит, он знает, что я соврала». Она нервно заглянула в спокойные глаза военного.

– Вашего мужа зовут Джозеф. А дочь Тари, так?

– Да.

– Передайте мужу, что в следующий раз, когда он захочет поиграть в прятки с властями, пусть первым делом поменяет номера на машине. Хорошо, мэм?

– Что?

– Все в порядке, миссис Блеквуд, проезжайте. Мы пока пропускаем родственников местных жителей, – солдат похлопал по крышке капота, отступил на шаг и оглядел дорогу.

– Спасибо. – Что там Джозеф наболтал военным? Ким оставила окно открытым, в лицо подул свежий морской ветерок. Она проехала почту и городской клуб. Здесь что, военная база поблизости?

В двадцати метрах впереди на обочинах стояли машины. Значит, причал где-то рядом. Из-за встречи с солдатами Ким разнервничалась и никак не могла успокоиться. Они откуда-то знают мужа. И при чем тут прятки? Скорее всего, Джозефа попросили назвать имя и адрес, а он соврал. Джозеф вообще не любил рассказывать о себе представителям власти.

Вот и причал. Пришлось оставить машину в хвосте длинной очереди и идти пешком. Чем ближе Ким подходила к толпе, тем больше волновалась. Здоровенный полицейский

стоял на обочине, прислонившись к «лендкрузеру». Другой сидел за рулем, выставив локоть в окно. Ким все больше сомневалась, стоило ли приезжать в Уимерли. Дорога-то удалась на славу, посмотреть на новые места всегда приятно, но вот ходить по чужому городу – совсем другое дело. Теперь, когда Ким добралась-таки до Уимерли, ей стало не по себе.

На краю причала собрались старики. Они болтали, следили, кто пришел и кто ушел, гадали, кто откуда приехал и кто с кем в родстве. Один посасывал трубочку и поправлял выдавшуюся шляпу. Ким услышала: «Встречал я одну такую. В море, а как же. Говорю потом мужикам – никто не верит». Другой старикашка дымил самокруткой. Дужки очков прихвачены проволокой, пальцы совсем пожелтели от никотина. Этот тянул свое: «Уж мне ли не знать. Как плеснет, понимаешь, тварюга у самого борта! Тому лет пятьдесят, не меньше».

На самом причале яблоку негде было упасть. Протиснуться между людьми и не свалиться в воду оказалось задачей не из легких. Ким просочилась мимо двух старух. Бабки тараторили и то и дело убежденно кивали. «Да-а, – сказала одна и поцокала языком. – Вот несчастье, вот беда-то какая».

Ким ужом ввинчивалась в толпу, стараясь добраться до эпицентра событий. Она заметила, что люди вокруг оборачиваются и разглядывают что-то у нее за спиной. Интересно, что там такое? Сзади к причалу подъехал желтый подъемный кран, водитель явно не знал, где встать. От толпы отделился какой-то человек, решительно направился к крану и по дороге перебрался парой слов с полицейским. Ким узнала Люка еще до того, как он повернулся. У нее было время выучить наизусть его походку и жесты.

– Сюда, сюда, деточка, – прокрипели у Ким над ухом. Плеча коснулась мягкая лапка. Ким повернулась и увидела беззубую старушку. Зеленое платье в белую полоску, косынка с узлом под самым подбородком. Старушка широко улыбалась, живые голубые глазки смотрели ласково и внимательно. – Смотри, не спотыкнись. – Она кивнула на освободившееся место у края причала, приглашая Ким пролезть поближе. – Хочешь на привидение глянуть?

– Так это привидение? – Ким добродушно улыбнулась.

Старушка рассмеялась и взяла Ким за руку.

– Мне жених мой когда-то много порассказал. И про белую акулу, и про красного осьминога, и про русалок.

– Неужели? – ответ получился натянутым, и Ким стало неловко. С другой стороны, как еще реагировать на такие заявления? Акула лежала метрах в трех. Ким видела ее сквозь просветы между плечами людей. Чтобы подойти ближе, придется толкаться. Зачем обижать местных? Если бы Ким приехала с Люком, ее считали бы частью команды биологов. Тогда можно было бы даже наклониться и погладить скользкий блестящий бок. Но Ким никогда не нравилось находиться в центре внимания, она стеснялась чужих взглядов. Здесь, за людскими спинами ей было как-то спокойнее. Ким поискала глазами Джозефа и Тари.

– Ты с Сент-Джонса, – уверенно сказала старушка и закивала в подтверждение своих слов. – Городская.

– А что, заметно?

– А как же: ты ж вон не можешь сообразить, чего делать и куда приткнуться. Городские – они всю жизнь так.

«Вот это точно», – про себя хмыкнула Ким.

– Далековато, поди, ехать от города-то.

– Да, не близко. – Ким продолжала разглядывать толпу.

– Небось такого и не видала, а? – Старушка покачала головой. – Видок у ней тот еще...

Ким опустила глаза – новая знакомая цепко держала ее руку в своей морщинистой ладони, задумчиво и нежно поглаживая.

– Нет, ни разу, – призналась, наконец, Ким.

– И бак рыбачьих не слыхивала.

– Что-то слышала. Мой муж... – Ким замолчала, ей не хотелось рассказывать, что

Джозеф – инспектор рыбнадзора. В конце концов, это ведь никого не касается. В животе заурчало от голода, да так громко, что Ким испугалась, как бы старушка не услышала.

– Так что там с твоим мужем?

– А? Нет, ничего. Мы расстались.

– Ой-ой-ой, – горестно сказала старушка и сильнее сжала руку Ким. – Мне-то с моим тоже пришлось расстаться. Давно, давно это было. Говорили, потом легче будет, да что-то не шибко мне полегчало.

Ким вздохнула.

– Ты, ласточка, не печалься. Все образуется, все наладится у вас, будете как иголочка с ниточкой. Ты ж настоящая красавица, а это дар Божий. Радоваться надо.

– Спасибо.

Заработал подъемный кран, Ким повернулась. Над ними нависла желтая стрела. Она выдвигалась все дальше, люди отступали к концу причала или сходили на берег, стараясь освободить для крана место.

– Так по нам и поедет, чертова колымага, – усмехнулась старушка.

– Очень может быть. – Ким рассмеялась и отступила вместе со всеми. Ее спутница, чтобы не упасть, ухватила Ким за локоть и, шаркая, отползла назад.

– Разойдитесь, граждане, очистите пристань, – кричал в толпу Люк и размахивал руками.

Ему никто не внял. Некоторые презрительно заворчали, другие стеклянными глазами смотрели на Люка, как будто он заговорил на суахили.

– Мой жених много бак рыбацких записал, книгу собрать хотел.

– Правда?

– Как Бог свят. Не сойти мне с этого места, разрази меня гром. Хочешь глянуть?

– Я...

– Пойдем ко мне, поужинаем, чайку попьем. А потом я тебе его листочки покажу. У тебя, дочка, глаза на лоб полезут, ты уж мне поверь.

Ким ужасно проголодалась. А еще очень любопытно зайти к старушке, у нее наверняка полно старинных вещей. К тому же, если уйти прямо сейчас, не придется общаться с Люком. Он уже так раскомандовался, что смотреть противно. «Я ведь акулу еще сто раз увижу, когда ее к нам в центр привезут, – убеждала себя Ким. – И своим можно от старушки позвонить».

– Конечно, – ответила она, – с большим удовольствием. Спасибо.

– Самого наилучшего заварю, – подмигнула старушка и снова протянула морщинистую лапку. – Такая красавица любой дом украсит. – Добрые с хитринкой глаза смотрели прямо на Ким. – А ты мне про свои несчастья расскажешь, золотко.

– Он инспектор рыбнадзора.

Это голос Тари. Она в гостиной. Джозеф наливает из-под крана воду в чайник. Синий чайник в белый горошек. Телефон на стене. Может перезвонить доктору Томпсону? А сколько времени прошло? Несколько часов? Или дней? Или недель? Надо позвонить. Сориентироваться. Станет легче, если рядом будет врач. Он остановит безумие. Он профи. Он объяснит. Он успокоит. Раковина. Чайник. Вода. Слишком много воды. Через край. Чайник тяжелый. Джозеф закрыл кран, уронил чайник в раковину и вздрогнул от ужасного скрежета алюминия по нержавеющей.

Чайник устроился в раковине. Это не чайник. Это якорь, по нему струятся капли, его втащили на борт. Поднять чайник! Есть поднять чайник! Слить воду. Открыть кран. Все сначала. Заполнить трюм. Из пустого в порожнее. Так можно годы провести. Сизифов чайник.

Вскипятить воду. Зачем? Чтобы горячее. Чтобы кожу обварить. Какой идиот станет греть для этого чайник? Море. Черные валы, белые барашки. Закрыть кран. Выплеснуть лишнее. Опять перестарался. Но чайник все равно тяжелый.

– Вы ведь все сами знаете, – продолжала Тари в гостиной. – Вам Джессика

рассказывала, правда же?

Клаудия не ответила. Джозеф стоял над электрической плитой и выворачивал ручку конфорки. Нагрелась. Светится. Значит, работает. Стала разъяренно красной. Вот, наконец, побелела. Кажется, будто пламя рвется наружу. Тари, пока была маленькой, много раз рисовала раскаленную спираль. Может, боялась плиты? Или огня?

Джозеф с такой силой припечатал чайник к плите, словно хотел расплющить. Он повернулся и посмотрел в окно. Никого. Только трава, лес да солнечный дом. Никаких мертвецов, никто не машет гнилыми руками, никто плотоядно не скалится. Никто не зовет рвать живых на части. Никто не хрипит: «Теперь ты один из нас, господин Фуфло». Над кромкой леса летят вороны, по дороге несется бело-коричневая гончая, уши полощутся по ветру. Замерла, понюхала землю и скрылась. Никаких чудес. Все спокойно в городе Уимерли.

– Джессика знает про моего папу какой-то секрет. И не рассказывает. Она говорит, вы тоже знаете. В смысле, про то, зачем мы здесь.

– Что она там болтает? – насторожился Джозеф. Он повернулся к открытой кухонной двери. Прихожая пуста. Клаудии и Тари не видно, они в гостиной. И в окне пусто. Ни ворон, ни собаки. Где же покойники? Даже хочется на них поглядеть. Эй, трупачи! Кто тут самый смелый? Давай, выходи! В самом деле, чего их бояться, они ж мертвые. Прах. Плесень. Что они могут сделать? Пустить изо рта пузыри? Помахать дырявыми портками? Откуда взяться силе в белковых ошметках?

– Джессика сказала, скоро мама приедет. Но вы с ней не будете дружить. Вы должны спать с моим папой. Она говорит, у вас целый план, как его охмурить.

Джозеф помрачнел, прошел через прихожую в гостиную и сердито посмотрел на Тари. Она спокойно рисовала женский портрет. Похоже на Клаудию. Платье такое же. На животе оранжевая завитушка. Женщина стоит над обрывом, внизу вода омывает плоские камни. С обрыва сыплются домики, странные морские чудовища глотают их целиком.

– Тари, ты плохо себя ведешь, – сказал Джозеф и обвел взглядом комнату в поисках Клаудии. Где же она?

– Почему? – спросила Тари, бесстыдно глядя на него поверх рисунка. Она сдула со лба белобрысую челку и убрала за ухо непослушную прядь.

– Где Клаудия? – забеспокоился Джозеф. Комната то появлялась, то исчезала, а может, просто глазные нервы работали с перебоями.

– Кто?

– Клаудия. – Он нервно рассмеялся и хлопнул себя по бедрам, как будто славно пошутил. – Ну, знаешь, соседка.

Тари пожала плечами и снова склонилась над картинкой. С неба метеоритным дождем падали оранжевые лучи. Она рисовала карандашами с блестками.

– Я хочу во двор, – сказала Тари, не отрываясь от картинки.

– Не стоит, пожалуй.

– А я хочу поиграть.

Смутная тень пересекла порог гостиной, и Джозеф подскочил от неожиданности. Клаудия подошла. Повяло ароматом ее духов. Ароматом роз, и лимона, и тысяч других цветов, и молнии, и дождя, и тумана, и яркого одуряющего солнечного света. У Джозефа подкосились колени, сердце словно проткнули, и тугая струя желания ударила в голову и в пах.

– Я воспользовалась вашей ванной.

– Ничего страшного. Меня-то, вроде, там не было.

– О нет, вы были там. – Клаудия проскользнула мимо Джозефа. Как близко, ох, как близко. Голос такой болезненный, такой усталый. С ума сойти можно от ее белого платья, от вышивки по лифу, от пуговичек на воротничке. А какая грудь! Как обтягивает ее ткань! Какой круглый животик! Приложить к нему ладонь. Почувствовать под пальцами движение. Пусть это будет наш ребенок. Он породнит нас.

Намерения Джозефа ясно читались в его глазах. Клаудия укоризненно и беспомощно посмотрела на него, присела на диван с грацией великосветской дамы позапрошлого века и взяла с журнального столика коробочку в подарочной бумаге. Положила сверток на колени. Джозеф смотрел на нее и думал: трясогорлица. Разве не так называется эта птичка? Ну та, у которой клюв никогда не закрывается? У нее еще такой красный язычок и розовое небо. Трясогорлица.

Клаудия устроилась поудобнее, подоткнула подол и словно в экстазе откинула голову назад. Платье натянулось, края от второй до третьей пуговицы разошлись, обнажив шелковый лифчик и прелестную белую ложбинку между круглыми чашечками.

Джозеф повернулся к Тари.

– Ладно, поиграй, только в сарай не ходи, – велел он, не отводя взгляда от гостьи. – И со двора ни шагу.

Тари довольно кивнула, вскочила и показала ему портрет Клаудии.

– Смотри!

– Обещаешь? Поклянись. – Джозефа вдруг поразило, что дочь выглядит намного старше, чем утром. Она казалась взрослее и умнее его самого. – Не забудь, клятву нельзя нарушить, она священна. – Джозеф еле сдержался, чтобы не схватить дочь за горло и не выжать обещание. К счастью, Тари быстро ответила:

– Клянусь, – и бросилась из комнаты в кухню. Хлопнула задняя дверь.

Один. В чужом доме. Наедине со странной и слабой женщиной. Запах духов. Чужая комната. Чужие вещи. Хозяева их любили, берегли. А теперь хозяева умерли. И, должно быть, не прочь вернуть свое.

– Простите. – В глазах у Джозефа вспыхнул бешеный огонек. На плите засвистел чайник. Сейчас начнет булькать, кипеть и плеваться паром.

– Простить? – Клаудия разглядывала обои и старинную полированную мебель. Увидела пианино и явно обрадовалась. Похоже, присутствие музыкального инструмента придало ей сил. – Чудесная комната.

– Вы бывали тут?

– Нет, – спокойно ответила Клаудия. – Критчи умерли до того, как мы здесь поселились. – Она на миг замолчала и облизнула потрескавшиеся губы. Во рту у Клаудии пересохло, словно от волнения, язык распух. – Этот дом потом многие снимали, но никого из них соседи не интересовали. Обычно приезжали немолодые пары. – Она снова замолчала, на этот раз, чтобы положить пальцы правой руки на левое запястье, как будто хотела нащупать пульс. – В последний раз здесь жила пожилая иностранка. Она повсюду таскала корзину с младенцами, их извлекли при аборте, потому что была сестрой милосердия на покое, насколько я понимаю. – Клаудия задумчиво пробежала пальцами по коробочке, которую крепко сжимала коленями. – Хозяйка не разрешает приезжать сюда с маленькими детьми. Сами понимаете, слишком много мороки, когда эти живчики носятся по дому. С живыми вообще одна морока.

– А-а – Джозефу нестерпимо хотелось расквасить ей рот кулаком, а потом целовать разбитые губы. Ей бы стало от этого лучше. Нет, ему стало бы лучше.

– Я полагаю, такие почтенные люди, как ваша хозяйка, не находят в детях никакой радости. Им кажется, что дети способны только носиться по дому и все кругом ломать. – Она задумчиво водила ногтем по обертке, царапая краску. Цветные крупинки забивались под ногти и размазывались по складкам кремового платья. Краска. Пигмент.

Из чего делают краску? Из плоти животных, растений, людей, минералов?

На плите свистит чайник. Слава богу, не в голове.

– Вскипел, – сказала Клаудия и потеряла сознание, рухнув на валик дивана. Джозеф жадным взглядом ощущал обмякшее тело. Пусть мы недостойные мерзкие черви. Но да свершится наша воля. Святотатство из святотатств. Пальцы Джозефа извивались как змеи. Он упал на колени и прижался к Клаудии.

Вскоре она открыла глаза и застонала.

Джозеф смотрел, как соседка медленно приходит в себя. Романтичное зрелище! Какая отличная жертва из нее получилась бы. Стараясь говорить нежно, но не похотливо, Джозеф спросил:

– Принести воды?

Клаудия оперлась рукой о подлокотник и с трудом выпрямилась.

– Нет, – ответила она.

Чайник надрывался.

Джозеф встал с колен и направился в кухню. Черт побери, что там говорила Тари насчет приезда ее матери? Если Тари она мать, то ему жена? На мгновение Джозеф забыл имя, внутри все оборвалось.

Кто-то истошно вопит. Совсем рядом. Чайник. А почему тостер выключен? Надо сунуть вилку в розетку. Вроде немного полегчало. Ишь ты как быстро добрался до кухни. Прямо метеор. Ким. Вот как ее зовут. А вон и Тари в окне. Стоит возле дома и смотрит на залив.

Свист. Это чайник. Из носика валит пар. Как его заткнуть? Как его прихлопнуть и не обжечься?

В руке телефонная трубка. Значит, зачем-то он ее взял. Может, кто-нибудь подскажет, что делать? Джозеф спокойно набрал номер Ким и взял с полки две чашки. На четвертом гудке... Или это был первый гудок? Кто знает? Вдруг четвертый звонок прозвучал первым, за ним третий, потом второй, а уж потом и первый? Ведь могло быть и так? Так вот, на четвертом, допустим, гудке голос Ким объявил, что она сейчас занята или не может подойти к телефону. Равнодушный механический голос. Для всех одинаковый. Даже для мужа.

Он выругался, бросил трубку и застыл. Свист перешел в рев. Джозеф поморщился, закрыл и снова открыл глаза, немного постоял, потом дрожащей рукой схватился за ручку чайника. Чайник затих, задохнулся, умер. Джозеф достал пакетики с чаем. Залил кипятком. Медно-красные клочки заварки разбегались по чашке, кружились, отравляли чистую воду, портили ее цвет. Если бы только вернуть все назад. Что там говорила Тари? Джозеф посмотрел в окно. Тари куда-то делась. Один. Наедине с Клаудией. Ха! В груди клокочет злорадство. Толчками рвется из сердца и клешнями впивается в горло. В легких щекотно. Если кашлянуть, вылетят сотни крошечных варваров на малюсеньких лошадках. Поскачут галопом у ног, потрясая оружием. Потащат с собой, на праздник насилия и грабежа. Нет, не то. Все дело в страхе. Было очень страшно. Мерзавцы сбежали и украли дочь. Хаос отступил, но теперь он снова здесь. Какое облегчение – дрожь пробирает! Скоро хаос воцарится в постели. Нет, надо стряхнуть наваждение, скорее к задней двери. Но тут в дом ворвался ребенок и чуть не сбил Джозефа с ног.

– Я уже шел тебя искать, – рявкнул Джозеф.

Ребенок-то вроде сделался больше, чем был. Нет, меньше. Ей лет пять или шесть. Стоит себе, улыбается. Двух передних зубов недостает. Все сначала. Она снова будет расти. Только картинка теперь черно-белая. Экран, в верхнем углу зеленый номер канала. Это фильм. «Для семейного просмотра».

– Мама приехала, – сказала маленькая актриса, голос ее звучал нерешительно. «Когда это случилось? – подумал Джозеф. – Когда же, когда же это случилось?» Девочка радостно захлопала в ладоши. – Она там, на причале, а с ней тот, с работы, которого ты хотел убить.

При слове «убить» Джозеф довольно хмыкнул. Он слишком долго не выпускал это слово из сердца. А ведь оно могло стать таким большим и сильным. Совсем заплесневело в груди. Надо его проветрить.

Томпсон по-прежнему хромал. Вот она, спасительная тень от дома Поттлов. Ноздрей коснулся аромат еды, на кухне готовили ужин. Вечерело, и Томпсон изрядно проголодался. В дверях ждала миниатюрная миссис Поттл в расшитом цветами домашнем платье. Волосы совсем седые, глаза покраснели от слез, нос и губы распухли, в углу рта запеклась кровь, как будто ее ударили. Она придержала деревянную наружную дверь, дожидаясь, пока Томпсон

пройдет в дом.

– Доктор, – поздоровалась Эдита, не поднимая глаз.

– Что с вами, миссис Поттл? – участливо спросил Томпсон. «Что же здесь произошло?» – подумал он.

– Все хорошо. – Она смиренно отступила в сторону. – Проходите, сэр.

Доктор вошел в дом и потянул носом запах воскресного ужина: вареной капусты и других овощей, цыпленка и солонины. Великолепно! Воздух и даже стены были влажными. Справа на плите погромыхивала крышкой кастрюля с кипящей водой, окно запотело.

– Что случилось? – спросил доктор, он заметил на лбу у Эдиты несколько ссадин. Томпсон поставил на пол чемоданчик и хотел ощупать лицо миссис Поттл, но она увернулась и испуганно отступила. Видно было, что хозяйка дома смущена.

– Пустяки... Вот Дэрри, – голос миссис Поттл дрожал, – он там, наверху, в своей комнате. Не хочет спускаться. – Эдита показала на лестницу в прихожей. Томпсон нагнулся и поднял свой чемоданчик. Черт, забыл разуться, даже ботинки не вытер о коврик. Теперь уж поздно. Дело срочное, тут не до вежливости. Миссис Поттл проводила его до лестницы и там остановилась, как будто боялась идти дальше.

– Он в сознании? – Томпсон разом перескочил через две ступеньки. Страшная боль пронзила лодыжку, он испугался, что сейчас упадет. Колени тоже ужасно ныли. Однако раскисать не время.

– Да. Дэрри не разрешает вызвать скорую.

– Он агрессивен?

– Да нет, ну что вы, сэр. Дэрри такой хороший мальчик. Вы ж знаете, какой он тихий.

– Вызывайте полицию, – велел Томпсон. Он карабкался вверх по ступеням, цепляясь за потертые перила. Оглянулся. Миссис Поттл отступила на шаг и прижалась спиной к стене. Сколько страха. Томпсон пожалел, что оставил мобильный в машине. Мог бы сам позвонить. Где же та неотложка, которую вызвала секретарша? – Звоните в полицию.

Миссис Поттл кивнула, потом покачала головой. Еще два шага.

– Как у него с сердцем?

Пожилая женщина стиснула ворот платья и посмотрела сначала на доктора, потом на ковер. Снова покачала головой:

– Никогда не жаловался, сэр. Ему ж только двадцать два.

Наконец, Томпсон добрался до самого верха. Он знал, где комната Дэрри. За годы работы в этом районе доктор бывал здесь несколько раз. Детские болезни, отравления, обычная мелочь. Он прошел мимо первой, притворенной двери и шагнул ко второй, слегка приоткрытой. В комнате тихо, в окно льются солнечные лучи. Сквозь щелку Томпсон разглядел цветной телевизор. Передавали новости, беспорядки в какой-то далекой стране. Звук выключен. Доктор просунул голову в дверь. Дэрри лежал на постели в выходном костюме, руки по швам. Наверное, лег сразу, как вернулся из церкви.

– Здравствуй, Дэрри, – сказал Томпсон. Пахло нафталином. В стену рядом с выключателем вделан сосуд для святой воды. Раньше такие были у всех в каждой комнате.

Дэрри не взглянул на Томпсона.

– Сэр, – произнес он и при этом даже не пошевелился. Лежал как привязанный, только глаза скользили по голубым цветочкам на обоях.

– У тебя что-нибудь болит?

– Нет, сэр.

В наступившей тишине слышно было, как Дэрри тяжело вздохнул.

– Я тут присяду на краешек, ладно?

Дэрри кивнул, он упорно смотрел в потолок.

«Да ему ж стыдно, – подумал Томпсон, пристраиваясь на кровати. – Смертельно стыдно».

– Я хочу взглянуть на твое горло, – доктор осторожно положил пальцы на шею Дэрри, проверяя гланды. Припухлости нет. Открыл чемоданчик и достал оттуда стетоскоп. Вставил

дужки в уши. — Я послушаю. — Он сунул Дэрри мембрану за ворот рубашки. Томпсон напряженно вглядывался в лицо больного, стараясь предугадать его следующее движение — резкое смертоносное движение. Отступить некуда. Сердце Дэрри стучало ровно, разве только слегка чаще обычного. Но это, несомненно, от страха. На щеке у парня Томпсон заметил небольшой порез. Наверное, брился перед тем, как пойти в церковь.

— Вдохни поглубже.

Дэрри вдохнул.

— Еще раз. — В легких чисто. Никакой жидкости. — В груди не болит?

Дэрри по-прежнему не шевелился, двигались только глаза: он избегал смотреть на Томпсона.

— Нет, сэр.

— Господи, да у вас тут просто баня! — Томпсон помахал ладонью на лоб и покосился на запотевшее окно. Кто-то по-детски неумело нарисовал пальцем рыбку на конденсате. По рисунку сбегали капли. В телевизоре замелькала реклама кошачьего корма. Томпсон сразу вспомнил об Агате. Сидит бедняга одна, голодная.

— Воскресный ужин варится. — На губах Дэрри появилась слабая нервная улыбка. — Жарища страшная.

«Он же мальчишка совсем, — подумал Томпсон, — и хороший мальчишка, это все знают». Он сложил стетоскоп и убрал его в чемоданчик.

— Когда это случилось, ты дремал?

— Нет, сэр, мы с матерью возвращались из церкви. — Дэрри глубоко вдохнул, его мышцы напряглись, пальцы вцепились в покрывало. Из горла вырвался тоненький щенячий скулеж.

— А тогда у тебя что-нибудь болело?

Дэрри стиснул зубы, закрыл глаза и помотал головой.

— Сердце не колотилось?

— Нет, сэр.

— Не казалось, что ты на самом деле совсем в другом месте? Жуткое ощущение, как будто таешь, расстаешься с телом, сходишь с ума?

— Нет, сэр.

Так, значит, панический приступ можно исключить.

— Газы не мучают? Или тяжесть в животе?

— Нет, сэр, просто...

— Что?

— Я никак продохнуть не могу.

— Жжения в легких нет?

— Нет, сэр.

— Ну тогда расскажи сам.

— Просто мне чтобы вдохнуть, надо об этом думать. Само не дышится. Лежу на кровати, жду, а вдоха нет. И...

— И что?

— Да нет, ничего. Злит меня все. Мама... — По щеке побежала слеза и застряла в волосах. Он даже не стал ее утирать. — Я сам не свой, сэр.

Томпсон посмотрел на Дэрри. Молодой человек растерян и напуган. Доктору и раньше приходилось видеть такое выражение лица, но обычно у пациентов, которым сообщили, что они тяжело больны. А здесь поди пойми, что за напасть такая. Вдали послышался вой сирены скорой помощи. По странному стечению обстоятельств на экране телевизора в это время мчалась полицейская машина.

— Давай-ка мы в больницу съездим. Просто так, чтоб подстраховаться. Скорее всего, ничего серьезного, но надо проверить.

Дэрри сглотнул.

— Шкипер Фаулер умер, так ведь?

– Мистер Фаулер был старик, – успокоил его Томпсон, – а тебе умирать незачем. Ты, главное, дышать не забывай.

Кран поднял акулу над толпой. Старушка крепче уцепилась за руку Ким. Из пасти рыбины что-то текло, по причалу разлилась большая розовая лужа, зеваки отпрянули.

– Пресвятая Дева Мария, – запричитала старушка, выпустила ладонь Ким, вытащила из рукава зеленого платья носовой платок и прикрыла им рот. – Вот вонища-то, аж наизнанку выворачивает.

Рот Ким наполнился слюной, в желудке и в горле начались спазмы, она попятилась.

Кран повернул стрелу к платформе грузовика. Там стоял пластмассовый контейнер для транспортировки грузов. Акула медленно плыла в воздухе. У дороги стояли брошенные машины, носом к причалу были пришвартованы три лодки. Подвешенную акулу неотступно сопровождали чайки, они легко скользили по воздуху, словно их ниточками привязали к огромной туше.

– Отвернись, деточка, не надо смрадом дышать.

Ким повернулась к воде. Она взглянула на часы и вздохнула. Без пяти пять. Поздно.

– Что такое? Опаздываешь куда?

– Да вот, хотела с дочерью повидаться.

– А где она?

– Не знаю. Ее муж забрал.

Женщина взволнованно схватила Ким за руку:

– Украл?

Внимание окружающих переключилось на Ким, все стали на нее таращиться.

Ким отвернулась. Старушка, шаркая, обошла ее и заглянула в лицо.

– Нет, – ответила Ким. – Они сюда приехали на каникулы. Вы их наверняка уже видели.

Старушка довольно улыбнулась, обнажив розовые десны. Она пошамкала челюстями и закивала:

– Да, вроде как видала. Дочурке лет семь, а он этаким красавчик с соломенной шевелюрой. И малость лысеть начал со лба.

– Да. – Ким с любопытством взглянула на старушку, а та ткнула пальцем в холм на другой стороне дороги.

– Наверху, милая. Наверху твои живут. В доме Критча. Они уж тут рыбачили с этого самого причала. Вон, видишь синий домик? Там еще один рядом есть. Чудной такой, в нем художница живет, у которой муж с дочкой пропали. Так она теперь от всего света заперлась. – Старушка прищурила один глаз, чтобы точнее показать направление. Какой-то человек посмотрел сначала на нее, а потом на дом. Ким стало ужасно неудобно.

После минутного раздумья старушка протянула Ким руку.

– Звать меня мисс Элен Лэрейси, я тут всех знаю.

– А я Ким Блеквуд. – После развода Ким часто пользовалась девичьей фамилией, но тут ей почему-то показалось, что для такого случая больше подойдет фамилия мужа. Ким пожала мягкую лапку.

– Ишь, какое имя-то у тебя. Хоть и ненашенское, а красивое.

– Спасибо, – Ким осторожно высвободила ладонь из цепкой хватки мисс Лэрейси.

– Меня мисс называют, потому что я невенчанная. То есть в церкви не венчалась, перед лицом Господа. Только в сердце своем. Никого больше так не любила, как милого моего. Он в море сгинул.

– Бедный!

Мисс Лэрейси тихонько кивнула в знак того, что принимает соболезнования.

– Раньше жених мой часто ко мне приходил. Из могилы, значит. А потом... с остальными ушел. – Она замолчала, отвернулась и вздохнула. Видно было, что ей нелегко

справиться со своими чувствами. – Пойдем-ка, голуба, выпьем по чашечке, да заодно и пообедаем. – Мисс Лэрейси вытянула шею и быстро зашагала к шоссе. Ким не ожидала от нее такой прыти. Старушка отпихивала людей, те живо уступали ей дорогу. Выскочить из толпы удалось прежде, чем Тобин успел заметить Ким. Она оглянулась. Люк внимательно слушал старого хрыча, который как раз подзывал своего товарища. Товарищу на вид было лет сорок-пятьдесят, под мышкой он держал большую тетрадь и смущенно озирался. Явный чудик.

– Это Томми Квилти, – сказала мисс Лэрейси. – Он рисует все, чему быть суждено. Томми акулу эту уж года два или три как нарисовал.

– В самом деле? – произнесла Ким. Человек с тетрадью вырвался из рук старика и затерялся в спасительной толпе. Старик что-то горячо говорил Люку. Тот, судя по его виду, не понимал ни бельмеса. Ким тоже не всегда разбирала слова мисс Лэрейси. Странный говор у местных: они тараторят, часть звуков глотают, а часть вставляют, где не надо. Наконец Люк скептически улыбнулся и покачал головой. Он извинился перед стариком, дескать, дела. Весь из себя занятой. После этого Люк окончательно Ким разонравился.

Мисс Лэрейси упорно тащила ее за собой. Они прошли по дороге, миновали армейский пост и деревянное заграждение. Вскоре показался заросший цветами сад. Старушка двинулась в обход старого двухэтажного дома, Ким старалась не отставать. Что ни говори, очень живая бабуля.

– Заходи, милая. – Мисс Лэрейси уже стояла на заднем крыльце. – Звездочка ты моя ясная.

Томми наблюдал за крановщиком. Тот переключал рычаги. Мало-помалу акула-альбинос опускалась в контейнер. Поначалу хвост свисал через край, но вскоре скрылся. Взлетел фонтан брызг. Кран подцепил серую крышку и водворил ее на место. Контейнер обмотали цепями, продетыми сквозь толстые железные кольца в бортах грузовика. Водитель и второй приезжий договаривались, куда и во сколько доставить акулу. Все это время мотор работал вхолостую. Потом водитель стянул краги и залез в кабину.

Томми уже успел пройти несколько шагов, когда мотор взревел, заскрежетала коробка передач, и грузовик поехал на запад, в сторону основной трассы. Он доставит акулу в Сент-Джонс, на университетскую кафедру морской фауны. Томми своими ушами слышал разговор приезжих.

Машина выехала за пределы городка, кран тоже скоро тронулся, обочины потихоньку пустели, толпа рассасывалась. Томми так и стоял посреди дороги, пока его не отвел в сторону полицейский. Томми глядел на то место, где только что стоял грузовик, он видел даже пыль из-под колес машины, хотя она уже скрылась за холмом.

А еще он видел, как в контейнере, полном морской воды, болтается мертвая акула. На хвосте, словно синяки, периодически проступают бледно-серые пятна в тех местах, где рыба ударяется о стенки. Пятна исчезают и появляются, снова исчезают, снова появляются и уже не исчезают.

Чем дальше от Уимерли отъезжает грузовик, тем больше становятся пятна, они растекаются по всей туше, от носа до кончика хвоста, густеют, и в конце концов акула приобретает естественный темно-серый цвет.

Джозеф умиротворенно прихлебывал чай, не отводя глаз от Клаудии. Его неприкрытая похоть плохо вязалась с атмосферой воскресного благочестия и чопорной обстановкой гостиной. Перед глазами снова и снова пробегала одна и та же картина. Джозеф мысленно видел, как грубо и неуклюже овладевает Клаудией, как набрасывается на нее, словно маньяк. Ведь так нынче ухаживают? Сезон гона, сезон безумия. Блики телевизора. Занавес уже поднят, передачу пустят в самое лучшее время. Аудитория с нетерпением ожидает выхода Ким, заранее предвкушает ее крик, предвкушает, как она беззаботно входит в комнату и видит их – они сплелись на полу, отделились во власть животным инстинктам. Зал взрывается

дружным «ой-е...» или просто испуганно ахает. Ким вскидывает руки к округлившемуся рту, к щекам приливает кровь. Нет, все слишком быстро, слишком чувственно. Слишком легко будет уговорить Ким простить его. В конце концов, вся сцена займет несколько секунд. Секунд или минут. Что в нашем сумасшедшем мире найдется такого, чего нельзя было бы простить или забыть?

Клаудия притворяется, что ничего не замечает. Еще бы, она человек несовременный. Ей подавай слова, а не дела. И мужика, для которого закутанное в одежду тело более сексапильно, чем обнаженное. Она тоже явно не прочь, но виду, стерва, не подает. Просто молча сжимает между коленей свою коробочку, до которой никак не дотянуться. Нет, Клаудия не из болтливых. Не так она проста. Редко смеется. Волосы ни разу не осветляла. Интровертка. Скорее всего, предпочитает французские фильмы пестрым комедиям. Субтитры – записанному смеху. Есть в ней этакое отчаянье, которое только и ждет своего часа, ждет, когда можно будет вырваться наружу, пролиться потоком слез, вцепиться ногтями в горло. Гнев, опустошительный словно буря, пронесшаяся по болотам. Такие чувства для нее.

Кажется, она опять в обморок собралась. Хорошая взбучка пошла бы ей на пользу. Сперва треснуть кулаком, потом взбодрить ударом пряжки, бить, пока не очнется окончательно, пока не раздуется, как воздушный шар. Пусть тогда ляжет сверху, пусть расплющит. Ну вот, опять Эдипов комплекс полез. Все к мамочке хочется. Чтобы сначала раздавила, а уж потом обняла. Какие чары Клаудия пустит в ход? О каком танце под луной грезит? Изящное сплетение конечностей, зов природы. Молодые побеги прорастают из мертвых пустых стволов. Корни все выше взбираются по ее лодыжкам и душат, душат. На ее хрупких плечах чирикают птички. Настает страшный час, и она приветствует его душераздирающей улыбкой.

Джозеф заерзал на стуле и пососал нижнюю губу. Перед глазами стоял туман, он погружался в бред с головой и снова выныривал на поверхность, он представлял себе самое худшее. А самое худшее, это что? Вскрыть ее, вспороть и рыться внутри в поисках яблок. Джозеф боялся, что запас таблеток скоро иссякнет. Тут-то ему и конец. Он снова шумно отхлебнул из чашки. Остывает.

Клаудия как будто почувствовала, что Джозеф не доверяет сам себе, и сняла с колен коробочку.

– Совсем забыла, – сказала она и подалась вперед. Теперь Джозеф был к ней еще ближе, он мог бы дотянуться до нее. – Подарок на новоселье, – объявила Клаудия. Или она сказала: «под аркой наловим сельди»? Или еще хуже: «подранку не до веселья»?

Джозеф дрожащими руками принял у Клаудии сверток, тот еще хранил тепло ее бедер. Джозеф обратил внимание, что пальцы у Клаудии длинные, тонкие и без колец.

– Спасибо, – сказал он, – хотя на самом деле это не их дом. То есть не наш. Не мой, я имел в виду.

– На какое-то время он ваш. – Клаудия выпрямилась и сложила руки на коленях. Щеки ее слегка порозовели, и она выглядела очень женственно. – Впрочем, может, и надолго.

Надолго, отозвалось в голове у Джозефа. Надолго. Всегда можно остаться надолго. Наверху что-то упало с глухим стуком. Наверное, Тари пытается сбежать через окно спальни. Смышленная девочка. Умненькая. Тут Джозеф вспомнил, что мать Тари должна вот-вот приехать. Жена. Он представил себе ее лицо, все в синяках и ссадинах. Кто догадается, почему ее убили? Джозефа терзало чувство вины, хотя никакого преступления он вроде бы не совершал.

– Жалко рвать обертку. Все-таки ручная работа. – Джозеф встал и кивнул в сторону кухни. Он надеялся, что Клаудия поймет его намерения, поймет, сколь кровожадные мысли роятся в его голове. – Возьму-ка лучше нож... Или я это уже говорил? – Если Клаудия не пойдет сама, ей придется стать жертвой.

Но Клаудия повиновалась и тенью последовала за Джозефом. Она побледнела еще больше.

– Знаете, – через плечо сказал Джозеф и осекся. Он чуть не выболтал свою мечту о поцелуе и разбитых в кровь губах, – я боюсь своего отражения. Это не тот случай, когда случайно видишь себя в зеркале и вздрагиваешь. Нет, я боюсь смотреть на него. Мне кажется, что он – это я. – Джозеф замолчал и прислушался к себе. Вроде тихо. А легкие? Легкие пустые. А если вдохнуть? Работают. Все работает.

– Да, у меня был знакомый могильщик, он думал точно так же, – согласилась Клаудия.

Джозеф вспотел. И рассмеялся. Они уже перешагнули порог кухни.

– Что же с ним случилось?

– Он сам себя похоронил.

Джозеф снова деланно рассмеялся. Жар прошел, промокшая рубашка холодила тело. Опять кухня. А он вообще отсюда выходил? И что с чаем? Джозеф положил коробочку на стол, выдвинул ящик буфета и выудил острый нож для разделки мяса. Зачем? Чтобы из большого куска сделать маленький и сунуть в рот? Разнести в щепки мост в голове? Мост между двумя половинками «я»? Чтобы никогда не добраться до самого себя?

– Режьте. – На лицо Клаудии легла печать вселенской катастрофы, сухие губы слегка приоткрылись.

Гигиеническая помада. Влага для губ. Надо молчать, не говорить ни слова. Надо строить византийский дворец. Пусть под сводами, словно стая голубей, носится молчание. Надо из двух голубей слепить одного и не потерять при этом ни перышка. Магия без трюков и зеркал.

Надо вскрыть эту коробочку. Хватит самоанализа. Пора переходить к делу. Клаудия подошла и встала рядом. Джозеф сжал деревянную ручку и поднял нож, чтобы соседка полюбовалась острым кончиком.

– Да, – промурлыкала она, поглаживая лезвие пальцем. Клаудия затрепетала, ее дыхание стало глубже, ткань платья на груди натянулась.

Джозеф осторожно разрезал скотч, и бумажные уголки сразу же распрямились. Он стал медленно разворачивать подарок. Дело оказалось сложным и увлекательным. Джозеф даже растерялся и на мгновение остановился. Оригами наоборот. Он собрался с мыслями, начал заново и наконец добрался до коробочки. Джозеф поднял крышку. Скомканная папиросная бумага. Синяя. Он запустил в коробочку пальцы. Дно. Глубоко вдохнул, попробовал еще раз и нащупал какой-то предмет. Клаудия подошла ближе и улыбнулась, не разжимая губ. Эта улыбка сулила поездки на пустынные пляжи, поездки, которых ждут месяцами. Для таких поездок одевают детишек в лучшие платья, а платья шьют из тканей, каких теперь уже не найдешь.

Джозеф осторожно убрал папиросную бумагу. Черная черепичная крыша, голубые стены с черными полосками. Точная копия дома Критча в миниатюре. Джозеф вынул домик из коробки и положил на ладонь. Попробовал заглянуть в окно и увидеть там себя. Не вышло. Он повернулся к Клаудии.

– Крыша снимается. – Тонкие белые пальцы потянулись к подарку. – Это подсвечник на случай, если отключат свет.

Она стоит в полуметре. Она все понимает. Она согласна. Надо поцеловать. Куда? В щеку? В губы? Или в мягкий выпирающий животик? Положить на него голову и уснуть, вдыхая аромат тела. Такой легкий аромат, так легко расступится плоть под ножом, расплзется как тесто. Джозеф протянул руку, и Клаудия нежно ее пожала. Погладила ладонь, кончики пальцев. Погладила и отпустила. Нож. В руке нож. Она сильно порезалась. Клаудия посмотрела на руку, но ни капельки крови не выступило.

– Ой, – сказала она испуганно и коснулась пореза.

Клаудия закрыла глаза, затаила дыхание, лицо ее просветлело. Прекрасный образ. Розовые веки такие тонкие, что видны синие прожилки сосудов. Губы обветренные, но все еще полны чувственности. В них столько влаги, они ждут, когда кто-нибудь ее выпьет. Ни у кого нет таких губ. Они возвращают любви непорочность.

Раздались шаги. В кухню вошла Тари с окровавленными руками. Может, порезалась

стеклом, когда пыталась вылезти в окно спальни? Но звона не было. Нет, это не кровь, а красный фломастер. Вечно Тари что-нибудь рисует прямо на коже, бумаги ей не хватает.

– Смотри, что я для мамули сделала, – сказала Тари и показала алые руки.

Звук студийного смеха оглушил Джозефа.

Мисс Лэрейси сидела на сиреновом диване. Обивка расшита разноцветными завитушками, на валиках кружевные салфеточки. На коленях старушка держала фотоальбом и водила скрюченным пальцем по черно-белому портрету девочки лет одиннадцати или двенадцати.

Ким тоже склонилась над фотографией. Но старинная конфетница на журнальном столике была гораздо интереснее. Клюквенно-красная, полная твердых, как камень, конфет всех мыслимых цветов. Ким представила, что конфеты слиплись в один большой комок. В животе сразу забурчало от голода.

– А это вот сестра моя, Тэймер. Тоже ясновидящей была. – Мисс Лэрейси задумчиво покачала головой. – Да вишь ты, кровь у ней потекла не туда. Царствие ей небесное.

– Потекла не туда?

– То-то и оно. Как дочку первую родила, кровь возьми да поверни в другую сторону. Бедняжка и заболела. А ведь тоже духов видела. – Мисс Лэрейси спокойно перекрестилась. Не отрывая взгляда от фотографии, подняла руку и вытащила из-под воротничка изящный золотой крестик на тонкой цепочке. Поцеловала его и снова спрятала. – Тэймер нервная была шибко. Она потом, после смерти уже, частенько ко мне заходила.

– Неужели?

– А то. Придет под утро, сядет на сундук у меня в головах и смотрит. За все время ни словечка не сказала. А ребенком уж на что ласковая была.

Ким тряхнула волосами.

– Теперь привидений никто не видит.

Мисс Лэрейси искоса взглянула на Ким, морщины на лбу собрались гармошкой. Она прищурилась, словно на ум пришло что-то чрезвычайно важное:

– Ты, я гляжу, знаешь, отчего это? А, деточка?

– Нет, не знаю.

Мисс Лэрейси захлопнула альбом, накрыла ладонь Ким своей и набрала в грудь побольше воздуха.

– Я ведь и день помню, когда духи уходить от нас начали.

– Правда?

– Да, как сейчас помню. В пятьдесят втором это было. – Мисс Лэрейси помолчала, ожидая вопроса.

– Почему в пятьдесят втором?

– В городок первый телевизор тогда привезли. Черно-белый. Поначалу-то духов еще полно было, почитай в каждой семье кто-нибудь привидение видел. А потом как стали все телевизоры покупать, так духов и не стало. Один за другим ушли. А дело все в воздухе. – Она кого-то поискала глазами под потолком.

– Может, у людей притупилось воображение? Я одну статью читала, по-моему...

– Оно конечно, да только завелась в воздухе одна штуковина. Она духов на кусочки кромсает. Больно им. – Мисс Лэрейси показала руками, как это происходит. – Поднимаются, бедные, все выше и выше, прямо к небесам. Стонут, плачут, и утешения им нету. А проклятая штуковина вернуться не дает. Говорят, они теперь к нам только во сне приходят.

– Вы имеете в виду высокочастотное излучение?

– А что, это так называется, золотко?

Ким кивнула:

– Его производят телевизоры, мобильные телефоны, компьютеры. По-моему, вся электроника.

– Эта гадость еще и тело сушит. Человек жаждой мучится, злится на всех. Я как-то

телевизор посмотрела разок, давно еще, так потом все никак опомниться не могла. Пить страсть как хотелось. Тебе-то водички принести? Что-то ты бледненькая.

У Ким от разговоров пересохло во рту. Она сглотнула и поняла, что в самом деле хочет пить. — Да нет, что вы. — Ей не хотелось беспокоить пожилого человека. Ким оглядела комнату. Старая мебель, безделушки... От них на сердце тепло и уютно. Тут она снова вспомнила о Тари. Надо скорее Джозефу позвонить. Ким поискала глазами телефон, но его нигде не было. Над буфетом со стеклянными дверцами висела картинка в рамочке. Картинка изображала Христа, его сердце светилось сквозь хитон.

— Так принести попить-то?

— Нет, спасибо. Простите, а телефон у вас есть?

Мисс Лэрейси сняла с колен альбом и, кряхтя, начала подниматься с дивана. Ким вскочила и подала ей руку.

— Да я сама найду. Вы только скажите, где он.

— Ничего, ничего, я уж поднялась. — Мисс Лэрейси заковыляла на кухню. — Обед пока разогрею, — крикнула она с порога. Загремели кастрюли, зашумела вода. Вскоре старушка вернулась с радиотелефоном и протянула его изумленной Ким. — Вишь, чего себе завела. А то очень уж колени ноют, иной раз сядешь да не встанешь. — Мисс Лэрейси осторожно присела на диван и согнулась над трубкой. — Сперва вот эту кнопочку нажми, — сказала она, тыкая пальцем в панель, — а уж потом другие.

— Спасибо. — Ким сделала, как было велено, и набрала номер Джозефа. — Вы не беспокойтесь, я по местному номеру звоню.

Мисс Лэрейси равнодушно махнула рукой:

— А, какая разница. Мне все равно пенсию тратить не на что. Звони хоть в Китай.

Ким прошла к окну гостиной, оттуда сквозь тюлевые занавески открывался вид на бухту. На причале уже практически никого не осталось, только несколько старых хрычей по-прежнему болтали у воды. После трех долгих гудков на том конце ответили.

— Привет, мам, — Тари взяла трубку обеими руками и поднесла к самым губам. Сразу ясно, что звонит мама: больше никто этого номера не знает.

— Привет, зайчика. Как дела?

— Хорошо.

— Как ты себя чувствуешь, малыш?

— Нормально.

— Точно?

— Ага.

— Чем занимаешься?

— Да ничем. — Тари носком кроссовки поковыряла кухонный пол и покрутила шнур.

— Как голова?

— Затылок болит немножко. У меня там шишка.

— Бедняжка, я знаю. Ну ничего, пройдет. Ты как, не горюешь? Тебе там весело?

— Типа того.

— У вас наверняка полно занятий. На рыбалку уже ходили?

— Да. Мы ерша поймали, а он стал весь красный, как будто в крови.

— Правда? Фу, гадость какая! Так все-таки, чем занимаешься?

— На домик игрушечный смотрю. Нам его Клаудия подарила.

— Какая Клаудия?

— Художница.

— Да? А откуда она?

— В соседнем доме живет. — Тари понизила голос до шепота и оглянулась, не слышит ли Джессика. — У нее дочка умерла. Клаудия думает, что дочка пропала, а на самом деле она не пропала.

— Да? Хм. Позови, пожалуйста, папу.

– Па-а-а-п! – крикнула Тари в сторону кухни. А когда повернулась, вздрогнула от неожиданности. Позади стояла Джессика, белая рука тянулась к телефонной трубке. Тари прикрыла ладонью микрофон. – Чего тебе? – спросила она.

Джессика кивнула на аппарат, словно это все объясняло.

Тари покачала головой:

– Я с мамой говорю.

Джессика улыбнулась, обнажив желтые зубы. В промежутках между ними скопилась бурая гадость. Девочка наклонилась к Тари и что-то прошептала ей на ухо. Та игриво охнула, потом постаралась сделать серьезное лицо, но не сдержалась и прыснула. Потом покачала головой и сказала:

– Нет.

– Тари!

– Джессика хочет, чтобы я кое-что сказала. Плохое слово.

– Кто такая Джессика?

– Подружка моя. Та девочка, которая на самом деле не пропала. Дочка Клаудии.

– Позови, пожалуйста, папу.

– По-моему, он занят.

Джессика снова зашептала, Тари снова охнула и покачала головой, на этот раз более твердо. Обе захихикали.

– Крикни ему, Тари.

– Джессика говорит, что папа и Клаудия собираются делать кое-что на букву «е».

– Тари!

– Это не я, это Джессика сказала.

Тари услышала, как отец спускается по лестнице и бормочет что-то насчет фундамента. Если фундамент сделать из сланцевых плит, уложить их одну на другую, тогда дом вырастет до неба.

– Что? – переспросила Ким.

– Ты приедешь к нам? Я видела, как ты...

– Тари, будь добра, позови отца. Немедленно.

– Пап, тебя к телефону. – Тари передала ему трубку, выбежала из кухни и поскакала на второй этаж. – Это мама. Пошли, Джессика. Мама скоро приедет.

– Алло? – сказал Джозеф, пытаясь понять, кому это он в такой момент понадобился.

– Что у вас происходит, черт возьми? Что с Тари такое?

– Кто это?

– Что значит кто?! Черт тебя раздери, как ты думаешь, кто?

– Никто.

– Я уже приехала, Джозеф. Я приехала в Уимерли и сейчас заберу Тари. Немедленно, Джозеф. Немедленно, ты слышишь?

Дрожащий от ярости голос умолк. В трубке стало тихо.

Джозеф покачал головой. Интересно, где сейчас Ким? Разве он ее не убил еще? И не похоронил под полом в сарае? Он взглянул на руки. В одной телефонная трубка, в другой игрушечный домик Клаудии. Одно должно влезть в другое, подумал Джозеф.

Сверху раздалось хихиканье. Две девочки пели:

У папы не осталось дел.

Сидел и на воду глядел.

Сидел, глядел, не ждал беды...

Джозеф тихонько подпел:

Теперь глядит из-под воды.

Подъехала скорая, и фельдшер с медбратом уложили Дэрри на носилки, не обращая внимания на его возмущенные вопли. Они закрепили у Дэрри на лице кислородную маску.

– Этот еще ничего, – сказал медбрат, стриженный бобриком коротышка с подбитым глазом. – Предыдущий-то мне в табло засветил!

Доктор Томпсон внимательно следил, как затягивают ремни безопасности на теле больного. Мать Дэрри стояла поодаль, не зная, что предпринять. Она всхлипнула и протянула руку вслед носилкам, которые уже спускали вниз. Дэрри пронесли через прихожую и загрузили в машину.

– Никакой опасности для жизни, – Томпсон старался успокоить миссис Поттл. – Я просто хочу, чтобы за ним присмотрели. Так, на всякий случай. – Он подмигнул Эдите и обнял ее за плечи. – Мы с этим уже сталкивались. Дадим кислород, и все будет хорошо.

Доктор решил ехать следить за состоянием больного и кое-как скрючился рядом с Дэрри. От неудобной позы боль в лодыжке усилилась. Ничего не поделаешь, надо контролировать ситуацию, чтобы не пропустить осложнений. Причина болезни неизвестна.

Машина помчалась, Дэрри уставился в потолок. Сквозь задние окна Томпсон увидел миссис Поттл. Она стояла на дороге, смотрела им вслед и быстро уменьшалась, превращаясь в маленькое черное пятнышко. Скорая неслась через Уимерли по направлению к потроширскому шоссе. В кабине фельдшер говорил с диспетчером по радио. Разговор отличался от обычного. Фельдшера попросили сменить частоту. Томпсону показалось, что на том конце кто-то представился и назвал свой армейский чин. Кажется, майор. Замечательно. Сначала перекрывают дороги, а теперь армейская шишка беседует со скорой помощью. Фельдшер перечислил симптомы заболевания Дэрри. Через несколько минут машину обогнал джип и поехал чуть впереди. Эскорт, значит.

Состояние больного вроде бы не ухудшалось. Давление стабильное. Сердце бьется как часы. Дэрри закашлялся под маской и сжал кулаки. Грудь поднялась и опала. Пауза. Снова поднялась. Нет, это не от боли, подумал Томпсон, а от страха. Непонятно – что хуже.

Они прибыли в больницу. Двери приемного отделения разъехались в стороны, и парня немедленно увезли на каталке. Доктор заковылял следом. Джип стал разворачиваться. В кабине сидели двое военных. Ни один не оглянулся, видимо, получили новое задание.

У входа в больницу стоял еще один солдат. «Армия-то, видно, настроена всерьез», – сказал себе Томпсон. Знать бы еще, что именно. Если, конечно, они здесь из-за этой новой болезни.

Дежурный врач осмотрел Дэрри и не нашел признаков ни сердечной, ни легочной недостаточности. Он назначил общий анализ крови. Томпсон вернулся из столовой, где успел на скорую руку перекусить бутербродом с яичным салатом и выпить молочный коктейль. Тут как раз подоспели результаты анализа. Никакой инфекции, никакого воспаления. Никакого заражения крови. Сделали рентген грудной клетки. Ничего. Следующей в списке стояла томография мозга.

По настоянию Томпсона Дэрри оставили под кислородной маской, дабы исключить появление осложнений. Во взгляде дежурного врача читался немой вопрос: «Еще один? Что происходит?» Он согласился с мнением Томпсона, и Дэрри отправили наверх, в бокс. Там уже лежали три других пациента с предполагаемым диагнозом «угнетение дыхания». Еще раньше Томпсон потребовал, чтобы все посещения больных согласовывались непосредственно с ним, а на дверях бокса повесили табличку «карантин». В соседней палате лежала Донна Дровер. Проводив Дэрри, Томпсон дохромал до сестринской и туго перевязал эластичным бинтом лодыжку.

– Вам помочь? – спросила проходившая мимо медсестра.

– Спасибо, моей квалификации достаточно, – пропыхтел Томпсон и с трудом разогнул спину.

Покончив с самолечением, он прошел по коридору к палате Донны Дровер. С бинтом стало легче. Заглянуть к миссис Дровер и сразу домой, кормить Агату.

Шторы в палате были плотно задернуты, и только из коридора проникал тоненький

лучик света. Больная лежала под простыней совершенно неподвижно. В трубке шипел кислород. Маску заменили аппаратом искусственного дыхания. Так подавать кислород удобнее, вреда для связок немного, а вероятность развития воспаления или инфекции в легких куда меньше. Миссис Дровер смотрела на занавески. Томпсон встал рядом с ее постелью и кашлянул. Донна медленно повернула голову.

– Как вы себя чувствуете? – тихо спросил доктор. Взгляд миссис Дровер ничего не выражал. Похоже.

Томпсона она не узнала. Доктор заходил к ней три дня назад. Лицо ее с тех пор сильно изменилось. В тот раз она спросила: «Кто я?» Томпсон назвал имя, и она вроде бы начала вспоминать, кто она такая и что с ней происходит. Тогда он решил, что Донна просто не сразу пришла в себя спросонок.

С тех пор она заметно похудела. В металлическом кармашке на спинке кровати лежала ее медицинская карта. Томпсон открыл последние записи. Все жизненно важные показатели в норме. Отмечена потеря веса. Он вздохнул и сунул карту обратно.

– Принести вам чего-нибудь?

Миссис Дровер тупо смотрела на него. Сухие губы шевельнулись, но слов слышно не было. Томпсон наклонился к самым губам.

– Вода, – сдавленно просвистела Донна.

– Конечно, сейчас.

Томпсон сходил к автомату в конце коридора и вернулся с бумажным стаканчиком. Вода со льдом и синяя детская пластмассовая ложечка. Он зачерпнул льдинку и попытался положить ее в рот Донне, но больная повернула голову и плотно сжала губы.

– Вода, – повторила миссис Дровер.

– Это ледяные кубики, – объяснил Томпсон, поднимая ложку, – замороженная вода.

Объяснение не помогло. Пришлось поставить стаканчик на тумбочку у кровати.

– Я... – Миссис Дровер издала хлюпающий звук и с трудом сглотнула, – ... где-то?

– Вы в Порт-де-Гибле. В больнице.

Томпсон с трудом разобрал следующую фразу, нечто вроде «я... не вижу».

– Включить вам свет?

Донна, похоже, не поняла, что он имеет в виду.

– Что, – спросила она и скосила глаза на пол, – это такое?

И снова посмотрела прямо на доктора. «Со зрением вроде все в порядке, – подумал Томпсон, – зрачки фокусируются».

– Что...я?

– Вы в больнице. Вас доставила сюда скорая помощь.

– Что я?

– Не совсем понимаю.

Миссис Дровер замолчала. Глаза ее потухли, из них пропало всякое выражение, потом зрачки вдруг расширились, поглотив все глазное яблоко, и снова сузились до обычных размеров.

Боже! Томпсон в жизни такого не видел. Он повернулся, лодыжку опять пронзила боль. Томпсон нашел глазами кнопку вызова медсестры.

– Миссис Дровер? – позвал он.

Но Донна не сказала ни слова. Зрачки ее снова были в норме.

– Я завтра к вам зайду.

В ответ только шипение трубки.

– Договорились? – Томпсон ждал хоть какой-нибудь реакции. Только бы убедиться, что больной не стало хуже. Хотя и так понятно, что ухудшение наступило. У него разрывалось сердце при мысли о том, что станет со всеми пациентами, пораженными этой болезнью. – Договорились, миссис Дровер?

– Я его убила?

Томпсон не ожидал такого вопроса. На секунду в комнате повисло напряженное

молчание.

– Кого?

– Моего сына. Вижу его...

– Масса?

Донна затуманенным взглядом уставилась на что-то за спиной Томпсона.

– Я вижу его...

Доктор оглянулся. Пусто.

– ...Когда закрываю глаза.

– Это просто ваше воображение.

– Что я?

– Вы женщина. Донна Дровер, – он мягко положил руку на ее ладонь, – Донна Дровер.

– Нет. Что я?

Доктор вгляделся в глаза пациентки. Бездонная чернота. У него по коже побежали мурашки. Томпсон с трудом сдержался, чтобы не броситься вон из палаты. Ему показалось, что он задыхается.

– Я зайду завтра.

Доктор вошел в лифт и нажал кнопку первого этажа. Все. Пора домой. Кормить Агату. В голове засел странный вопрос Донны: «Что я?». Не «кто я?», а «что я?». Раньше от больных такого слышать не доводилось. В животе забурчало. Бутерброда с яичным салатом явно недостаточно. Нужна хорошая порция макарон. Обильно политых маслом. С чесноком. И большой стакан каберне. Ожил мобильный. Томпсон сухо ответил. Звонил сержант Чейз. Он напряженным голосом сообщил, что находится на причале.

– Что на этот раз? Треска заговорила?

– Нашли тело.

– Еще одна акула?

– Нет, человек. На дороге лежит. Волной на берег выбросило.

– Что?

– Это...

– Выбросило?

– ...старое тело.

– На дорогу? Старика?

– Не, я не про то. Вы лучше приезжайте. Намного старше.

– Хорошо. – Томпсон захлопнул крышку мобильного, двери лифта открылись. «Намного старше». Что это значит? «Намного старше». «Что я?», «Что я?» Он хотел выйти из лифта, но услышал крик, вернее, вздох предупреждения. Доктор замер. Он только сейчас заметил, что лифт не доехал до земли сантиметров семьдесят. Снизу таращились трое.

– Ё-моё! – Томпсон попытался спустить одну ногу и дотянуться до пола, но быстро понял, что будет больно. Оставалось только сидеть на дне лифта.

– Давайте руку.

Томпсон потянулся вниз к врачу и медбрату, они помогли ему слезть.

– У меня лодыжка растянута, – сказал доктор, – а не то бы я отсюда как Тарзан спрыгнул. – И он удалился, в доказательство своих слов преувеличенно хромая.

На улице Томпсон оглядел стоянку, стараясь припомнить, где бросил свой внедорожник. Черт! Он же разбил машину об армейский джип. Ну елки-палки! Теперь надо идти кланяться, чтобы кто-нибудь из медперсонала подбросил. В животе снова забурчало. Бутерброд с яичным салатом явно не пошел. Может, майонез был тухлый.

– Чудесно, – пробормотал Томпсон, – просто чудесно. Давай теперь от голода помирать. – Он направился назад к больнице, искать кого-нибудь, кто согласится подвезти. Но тут скрутило желудок. И кишки. В любую секунду могло случиться непоправимое. Томпсон выпучил глаза и помчался вниз по коридору. Спасительная дверь находилась рядом с киоском «подарки». Хромая и пыхтя, Томпсон влетел в кабинку за секунду до катастрофы, которой его штаны не пережили бы.

Даг Блеквуд читал книжку ньюфаундлендского писателя о превратностях зимы на Лабрадоре. Книга была посвящена искусству выживания в лесах. Довольно убедительно описывалось, как зарывают еду в снег, чтобы звери не нашли; как всю ночь поддерживают огонь в костре, чтобы не обморозиться; как следят за тем, чтобы одежда непременно была сухой. Герои книги регулярно не высыпались, хищники караулили их день и ночь. Жизнь в чаще леса. Никаких тебе современных изобретений. Красота. Даг с удовольствием представил, как хорошо жить одному среди деревьев. Он бывал в тех местах, а потому скупал всю доступную литературу на эту тему. Большинство книг выходило в местных издательствах, но Дагу довелось прочесть несколько романов, написанных на большой земле. Смешно, когда какой-нибудь зазнайка с материка тужится описать жизнь на Ньюфаундленде. Все переверет, перевернет с ног на голову, но гонору сколько!

Даг невидящими глазами смотрел в книжку. Последнюю строчку он прочел уже раза два, а то и три, но так ни слова и не понял. Из головы не шло сегодняшнее существо. Называть ее русалкой не хотелось, русалки попадают только в глупых детских сказках, но, с другой стороны, это ведь она и была! Да еще вояки остановили по дороге домой. Колючка совсем ошалела, облаяла солдата, даже цапнуть его пыталась через окно машины. Даг еле ее обратно упибал.

Интересно им, понимаешь, не видал ли мистер Блеквуд чего странного, пока на лодке ходил. А ни хрена мистер Блеквуд не видал. Море он видал. Большое-большое, синее-синее. И небо. Большое-большое, синее-синее. Солдаты попялились-попялились и отпустили с миром.

Морды козлиные.

Да плевать на них, на этих уродов. Вот русалка... Кому бы рассказать? Может, племянке внучатой позвонить, Тари? Вот обрадуется. Да, ребенок поймет. Только кто ж такое по телефону говорит? И потом, надо же сперва придумать, как такую историю подать покрасивей. Вот в чем штука. Хороший рассказ – это тебе не выпуск новостей, тут надо с подходом, чтобы до костей проняло. «Сижу это я в своей лодке, денек самый что ни на есть для рыбалки подходящий, солнышко припекает, все чудесненько, даже слишком, ясно, что скоро погода переменится. Сижу, жду, когда клюнет, ловлю, понимаешь, треску и ничего такого не подозреваю. Военных-то я, конечно, сразу приметил, еще когда от причала отходил, а что они мне? Я себе снялся потихонечку, только меня и видели. А вода гладкая, ни морщинки на ней, что на твоём покрывальце. На горизонт, стало быть, поглядываю. Тихо так, ветра нет совсем». Погоди-ка, так что там с этими армейскими-то? Они ж спрашивали, не было ли чего странного. Выходит, знали они, что было, было странное. И вовсе не о треске пеклись, бог с ней, с треской. Неладно что-то, Даг это нутром чуял, всеми своими селезенками.

Он снова представил, как выходит из залива, как плещется за бортом океан, как светит солнышко. «Лодочка плывет себе тихохонько, скользит по волнам красавица моя, слева скалы нависают, им, поди, годков столько же, сколько позапрадедушке нашему Адаму, вода их порядком уже пообточила, времени-то у нее для этого хоть отбавляй, а только стоят они, держатся. Поглядишь, аж дух захватывает – эка, думаешь, силища. Ну, отвлекся я, а в воде-то, в воде чтой-то там меня дожидается. Там, в глубине для человека всегда что-нибудь да сыщется – кому рыба, а кому и погибель».

Даг с головой погрузился в свое повествование. И тут во дворе раздался звонкий хлопок. Похоже, дверь в сарае. Колючка проснулась и вскочила со своей подстилки возле камина.

– Кто это там, а, Колючка?

Даг взглянул на занавешенное окно, потом на дверь в прихожую. Тихо. Ветра нет. Гроза собирается? В прогнозе вроде ни о чем таком не предупреждали. Или в сарай кто забрался? И дверь захлопнул. Не может быть, заперта она. Даг ее сам утром закрывал, когда проверять ходил, сколько краски осталось. У сарая-то южная стена совсем за зиму облезла,

надо красить. А то смотреть стыдно. И заодно по макету кисточкой пройтись. Даг мастерил модель деревянной церквушки для парня из Услайдина.⁸ Тот ехал мимо, заметил на лужайке Даговы поделки: лодочки, домики разноцветные. Остановил свой драндулет и давай стучать в дверь, вырежи мне, мол, такую церковь, какая у тебя во дворе стоит. Даг цену назвал, парень сразу согласился. К Дагу многие приходили, просили какую-нибудь фигурку продать. Он все время что-то мастерил: то пугала, у которых руки от ветра вертелись, то мебель из толстых сучьев или корявых стволов.

Даг поднялся, подошел с книжкой к окну. Свет на улице стал мягче, через двор протянулись тени. Дело к вечеру. За окном никого, только поделки расставлены на траве, да скамеечка с той стороны беленого забора. Скамеечку когда-то попросила сделать Эмили, жена Дага, чтобы усталые прохожие могли сесть и отдохнуть, если им вздумается. Эмили сама вывела надпись: ПРИСЯДЬ, УТОМЛЕННЫЙ ПУТНИК. ДАЙ ОТДОХНУТЬ НОГАМ. Каждый год Даг, скрепя сердце, подновлял табличку любимым цветом Эмили – голубым.

Даг опустил занавеску и пошел в кухню. Гостей он сегодня не ждал. Конечно, Джозеф с Тари могли заглянуть, но тогда слышно было бы, как подъезжает машина и хлопает дверца. Может, они пришли пешком? Колючка неотрывно следовала за Дагом по пятам, потом проскочила вперед и заскулила – запросилась на улицу. Они уже поужинали, и в кухне пахло кроличьим пирогом. Даг всегда что-нибудь пек по воскресеньям. Оставалось еще немного теста, как раз на булочки к чаю. Самое милое дело намазать их как следует маслом и завернуть с чайком.

Даг выглянул в окно кухни и обомлел. Дверь сарая открыта настежь. Неужто Джозеф и Тари решили сунуть туда свои носы? Дагу не раз приходилось выгонять из сарая городских. Приезжают, понимаешь, из своего Сент-Джонса и давай рыться в чужих вещах, искать старые бутылочки из-под лекарств, деревянные инструменты, в общем, всякие безделушки. Даг как-то продал одному мешок этой ерунды. И получил кучу денег. По правде сказать, Даг даже ухмыльнулся тогда про себя, решив, что здорово надул дурака. Толстенная пачка наличных за старый хлам. А потом Вилли Бишоп рассказал, что весь «хлам» тот парень продал в Сент-Джонсе по бешеной цене. С тех пор Даг отшивал любых «старьевщиков», сколько бы эти наглецы не предлагали.

– Бог ты мой, – пробормотал старик. Он бросил книжку на кухонный стол, распахнул внутреннюю дверь, откинул крючок на внешней, с силой толкнул ее и выскочил на заднее крыльцо. Колючка ринулась во двор, понеслась прямо к сараю и прыгнула через порог. Даг глубоко вдохнул свежий вечерний воздух и полюбовался темными елями вокруг участка.

– Колючка, – позвал он, – а ну, давай назад.

Даг взглянул в темноту за дверью сарая, внимательно осмотрел двор. На только что скошенной траве лежали длинные тени, солнце висело низко над горизонтом. Видать, воображение разыгралось. Никогошеньки тут нет.

В сарае загрохотало. Не иначе как псина перевернула банки с краской.

– Колючка, – взревел Даг, – вылезай, тебе говорят!

Обуться, что ли? А южную стену точно придется подновить. Все облупилось. Стыд и срам. Завтра первым делом надо этим заняться, если, конечно, погода будет подходящая. Он посвистел собаке, но в сарае было тихо, как в морге. Даг в носках прошел по траве и поморщился, наступив на камешек. Встал в дверях. Пахло свежими сосновыми досками. У задней стены слева от верстака Даг разглядел в полумраке перевернутые банки с краской. Рядом что-то переливалось, словно ртуть. Колючка деловито принялась и попятилась. Серебристое пятно тихонько хлопало по полу и выгибалось дугой. Прямо на Дага глядел маленький круглый глаз. Старик нащупал рукой выключатель и врубил свет. Помещение сияло чистотой, у Дага все содержалось в идеальном порядке. Рядом с банками на полу блестела лужа, а в ней – громадная треска. Веса она, судя по виду, килограммов девять.

⁸ Heart's Delight – город на Ньюфаундленде.

Голова у рыбы была едва ли не больше, чем у Дага. Колючка тарасилась на хозяина и ждала, что будет дальше.

Даг глазам не поверил. Подошел поближе. Присел на корточки. Рыба билась об пол и разевала рот. Даг оглянулся, стараясь понять, откуда в сарае могла взяться треска. Непонятно. Все вроде на месте. Колючка осторожно потянулась розовым носом к рыбине. Странно, треска-то целехонька, как будто только что из воды. Даг подсунил под нее руки и с трудом поднялся, прижимая рыбу к животу. Вообще-то, на вес она оказалась гораздо легче, чем ей полагалось, учитывая размеры. Надо ее почистить, выпотрошить и заморозить. Даг двинулся к дому, Колючка вертелась под ногами.

В кухне он положил треску в раковину, голова и хвост не влезли и торчали наружу. Даг открыл ящик, вытащил длинный тонкий нож. Рыбина дернулась и свесилась через край, Даг метнулся назад, но она выскользнула из рук и шлепнулась на линолеум. Хвост замолотил по полу. Даг в жизни не видал, чтоб рыба билась с такой силой и отчаяньем. Треска запрыгала к нему. Даг отскочил, Колючка гавкнула, присела на задних лапах, попятилась и гавкнула еще раз.

«Что за черт?» – изумленно пробормотал он.

Рыба крепко вмазала по распахнутой дверце буфета, и та захлопнулась. Даг получил по ноге и вылетел из кухни. Треска выгнулась дугой, ненадолго замерла в таком положении, потом зашлепала в другую сторону и высоко подпрыгнула. Ударилась об пол, снова выгнулась, снова подпрыгнула, теперь уже метра на полтора. Даг повертел головой. Вроде, дома. Вроде, не сон. Новый удар. Такой, что стены задрожали. Старик опасно переступил порог кухни.

Треска лежала тихо. Из рта ее сочилась кроваво-красная жидкость. Лужа уже подступала к лапам Колючки.

Даг кинулся к рыбе, схватил за жабры, швырнул на стол и тут же вспорол ей брюхо, не давая опомниться и снова впасть в буйство. Нож вошел подозрительно легко. Пахнуло розами. Даг развернулся, пытаясь понять, откуда бы это? Вдруг его охватила уверенность, что за спиной стоит Эмили. Никого там, конечно же, не было. Жена умерла больше двадцати лет назад. Просто повеяло ее любимыми духами. У Дага по спине побежали мурашки. Колючка, видно, тоже что-то учуяла. Она села, завывала и завертела головой. Через секунду собака поднялась и потрусилась в прихожую. Даг решил не ходить за ней. Глупости. Он снова занялся разделыванием рыбы и полоснул ножом от головы до кончика хвоста. Как в масло. Даг ждал, что брызнет сок, но нет. Он раздвинул края разреза, запах духов усилился. В брюхе у трески были цветы. Цветы всех мыслимых форм и оттенков: фиолетовые с желтой серединкой, красные в оранжевую крапинку, зеленые с черной каемкой... И аромат. Восхитительный пьянящий аромат. Даг аж замычал от удовольствия.

Он немного постоял в тишине кухни. Только сейчас до старика дошло, какие странные звуки он издавал. Седые брови изумленно поднялись, щеки запылали от стыда. Колючка поставила белые лапы на стол и понюхала треску.

– И мне еще будут говорить про здравый смысл? – пробормотал Даг и обалдело покачал головой. Он сунул два пальца рыбе в брюхо и достал шелковистый бутон. Точно такого же цвета, каким было погребальное платье жены.

– Эмили, – прошептал старик и покрутил в пальцах стебелек. Глаза застилала теплая влага.

Томпсон сразу заметил полицейский «ленд крузер». Машина стояла поперек дороги и преграждала путь зевакам. Рядом на обочине были припаркованы два армейских джипа. Между деревянными заграждениями натянули желтую ленту, чуть дальше маячили еще две полицейских машины. Одна из них мигала синими и красными огнями на подъеме дороги. За лентой поставили солдата, он смотрел на инспектора, который, размахивая руками, разворачивал подъезжавший транспорт. Второй автомобиль подогнали к противоположной обочине, чтобы перекрыть подход к причалу. «Ну, а на беса столько солдат понаехало?» –

подумал Томпсон. По каким, кстати, правилам вводят чрезвычайное положение? Давным-давно, еще в университете, что-то об этом рассказывали. Вроде как армейские части входят в зону бедствия только в крайнем случае, когда есть угроза массовой гибели людей. Карета скорой помощи подъехала к заграждению. Водитель, который согласился подбросить Томпсона до причала, опустил стекло. Он сказал, что везет врача по просьбе самого сержанта Чейза. Полицейский забормотал что-то в рацию и посмотрел на стоявшего поблизости солдата, тот слегка кивнул и показал на свободное место позади фургона судебных медиков.

– Спасибо, – сказал водителю Томпсон.

– Пустяки. Меня сюда все равно бы скоро вызвали.

Доктор снял с колен свой черный чемоданчик и выбрался из машины. Поморщился от боли в лодыжке, прислушался к работе кишечника. Только бы живот не подвел. Где, интересно, у них тут ближайший туалет? Томпсон оглядел дома на той стороне дороги и заковылял вперед. Из окон торчали любопытствующие. Перед желтой лентой собрались местные жители, они тихо переговаривались между собой, с уважением поглядывая на полицейских. Все пребывали в мрачном настроении. Когда поймали акулу-альбиноса, люди радовались, удивлялись странной находке. А здесь совсем другое дело. Человека нашли все-таки.

Солдат за деревянным заграждением быстро задал Томпсону несколько вопросов и пропустил за желтую ленту, туда, где молодой фотограф в армейской форме складывал аппаратуру в кофр.

Сержант Чейз беседовал с военным, лицо которого, казалось, было вырублено из гранита шестью могучими ударами. «Как пить дать, большая шишка», – подумал Томпсон. Военный внимательно слушал и кивал, то и дело поглядывая на дорогу. На голове у него был прикреплен радиомикрофон, к наушнику тянулся тоненький проводок. Чейз махнул рукой в сторону океана. Его собеседник посмотрел на воду и прищурился. Похоже, закончат они не скоро. Томпсон встал метрах в трех от них, сержант заметил его, извинился перед военным и подошел к доктору.

– Что происходит? – спросил Томпсон. Он только теперь обратил внимание на железные прутья посреди дороги, на них висели прямоугольные куски материи цвета хаки, вся конструкция образовывала нечто вроде тента. Наверное, ширму поставили, чтобы скрыть тело. А откуда оно вообще взялось на асфальте? Может, машина сбила?

– Вон там, – сказал Чейз, глаза его возбужденно горели. – Утопленник.

– Как он сюда попал?

– Кабы я сам знал. Тут свидетель есть. Старичок один. Говорит, волной выбросило.

– Да, я помню, вы сказали «выбросило».

Чейз прочертил в воздухе предполагаемую траекторию, по которой утопленник попал на берег.

Томпсон крепче сжал ручку чемоданчика.

– Значит, утопленник?

– Да, но есть одна закавыка.

– Какая такая «закавыка»? И вообще, как это его могло выбросить?

Чейз молча подвел доктора к тенту. Военный отдернул полог. Томпсон вошел и согнулся над телом на асфальте. Он ожидал увидеть раздутый труп, морщинистый и посиневший, а вместо этого увидел бледную и гладкую кожу. На всякий случай доктор потрогал горло утопленника. Холодное. Пульса нет. Томпсону сразу бросилась в глаза одежда покойного. Складывалось впечатление, что бедняга был актером и собирался играть в исторической пьесе. Или может, оделся в дорогой костюм для Хеллоуина.

– От него ничего уже не должно было остаться, – сказал Чейз.

– Это почему? – Томпсон встал и повернулся к сержанту, который по-прежнему мялся у входа. Ему явно не хотелось внутрь. Позади него военный разговаривал с молодым солдатом, тот докладывал что-то, время от времени заглядывая в блокнот.

Сержант Чейз кивнул на тело:

– Вы только поглядите, как он одет.

– Да уж. – Томпсон посмотрел на утопленника: толстая бархатная куртка с меховым воротником, серый шерстяной свитер грубой вязки, теплые черные штаны, подпоясанные толстой веревкой и ботинки из плохо выделанной кожи, скорее всего тюленьей.

– Давно утоп, – заявил Чейз.

– Откуда вы знаете? – Томпсон перевел взгляд на сержанта. Шутит он, что ли? – Это же невозможно. Мало ли, почему парень так вырядился.

Чейз покачал головой и улыбнулся, словно и в самом деле пошутил.

– Что?

В этот момент внутрь шагнул тот самый военный, как будто услышал их разговор и решил прийти сержанту на помощь. Он протянул врачу руку:

– Доктор Томпсон?

– Да. – От его крепкого рукопожатия Томпсон даже поморщился. И так-то кости болели в последнее время. Наверное, артрит пополз уже по всем суставам. Надо бы еще раз сделать рентген.

– Майор Рамси. Меня назначили командовать сухопутными частями и морской пехотой в этом районе.

– Очень приятно познакомиться.

Томпсон слышал о Рамси. Это с ним говорил по радио фельдшер скорой помощи, когда они везли Дэрри Поттла в больницу. В левой руке майор сжимал полиэтиленовый пакетик с застежкой, в котором лежала маленькая книга в потертом кожаном переплете с золотым тиснением. Страницы совсем пожелтели от старости.

Рамси долго не отпускал руку Томпсона. Намного дольше, чем этого требовали правила приличия. С моря подул прохладный бриз. Кольца занавесок загромыхали о металлические прутья.

– Нам сообщили, что вы знаете все местное население и прожили здесь двадцать три года. Это так? – спросил он.

– Да, я врач...

– Вот именно, – перебил его Рамси, – было бы очень хорошо, если бы вы оказали нам помощь при опознании.

– Я его первый раз вижу... – Томпсон нехотя перевел взгляд на тело. – Откуда мне...

– Разумеется, не сами. С помощью городских стариков. Они вам доверяют. Попросите их помочь. У них могли сохраниться фотографии или портрет этого человека.

– Я, конечно, сделаю все, что смогу. Но, вы что же, и в самом деле полагаете, что этому телу... Ведь такую одежду можно достать в музее или в театре.

За отдернутым пологом Томпсон увидел катер, который дрейфовал между причалом и мысом. Два аквалангиста на борту осматривали прибрежные воды в бинокль. Выше по дороге раздавались тяжелые мерные удары. Вдоль всего пляжа солдаты строили забор из фанерных щитов. Наверное, чтобы не допускать людей к морю. Загородка уже почти добралась до тента. Доктор снова посмотрел на пакет в руках Рамси. «Что я?», вспомнил он.

Ветер понемногу стихал. Майор подошел поближе. Он поднял свой мешочек, внимательно оглядел его и зашептал:

– При теле нашли бортовой журнал. По нему можно определить год смерти. Середина восемнадцатого века.

Томпсон невольно крикнул:

– Не может быть. Это ничего не доказывает. Журнал можно достать в музее, так же как и одежду. У нас вечно ставят исторические пьесы про Ньюфаундленд.

Чейз шагнул вперед, полог за ним опустился. Они встали тесным кружком.

– Тут в журнале целая история. Написано, что три дня за кораблем гналось многоголовое чудовище. Я тут малость почитал, до того, как майор Рамси приехал.

– Это актер, – упрямо повторил Томпсон и уставился на тело с веселым недоверием. –

Неужели нет?

Чейз продолжил:

– Похоже, чудище их потопило. Последняя запись – 1746 года.

Майор тоже взглянул на утопленника.

– Это просто смешно. – Томпсон снова нагнулся над телом и двумя пальцами пощупал горло. Такое же холодное, и пульса нет. – Он умер не так уж давно, – пробормотал доктор и посмотрел на Рамси и Чейза снизу вверх. Ни один не ответил. – Неужели вы верите тому, что...

Майор Рамси откашлялся, нащупал на поясе кнопку и выключил рацию.

– Найдено еще несколько тел, – майор повернул высеченное из камня лицо в сторону рыбозавода. – Они лежат там, в холодильной камере.

Ким была в такой ярости, что даже не заметила, как вылетела на улицу. Поднялся ветер. Он немного остудил горевшие щеки.

На причале снова собиралась толпа, приехали полиция и военные. Акулу уже увезли. Некоторое время назад по улице мимо дома мисс Лэрейси прогрохотал грузовик. Может, нашли еще что-нибудь странное? Ким остановилась на краю двора и обшарила сумочку в поисках ключей от «фольксвагена», даже встряхнула ее. В сумочке пусто, не звенит. Наверняка оставила в машине. Ким спиной почувствовала взгляд и обернулась. На пороге стояла мисс Лэрейси и прижимала к уху трубку радиотелефона. Старушка показала рукой в сторону причала:

– Там на нижнюю дорогу упокойника выбросило.

В этот момент порыв ветра сорвал с Ким шарфик. Потoki воздуха подхватили шелковую тряпочку и опустили на острую верхушку дерева. Ким некогда было гнаться за сбежавшим платком. Его подарил Джозеф, а в данный момент Ким мужа ненавидела.

– Если что, давай, возвращайся, – крикнула старушка.

– Спасибо, – ответила Ким и помахала мисс Лэрейси рукой. Быстро пошла вниз по дороге к тому месту, где бросила машину. Через улицу тянулась желтая полицейская лента. Перед лентой толпились зеваки. Пять-шесть человек повернулись и посмотрели на Ким. Она открыла дверцу и нагнулась, опершись руками о водительское сиденье. К огромному облегчению, ключи торчали в замке зажигания. Однако долго радоваться не пришлось. Внезапно накатил волна страшной боли, голова начала раскалываться пополам где-то в районе переносицы, Ким сощурилась, ее передернуло. Мигрень. Несколько лет не было. Надолго этот приступ? Боже! Так можно с ума сойти. Ким удалось сесть в машину и втянуть ноги в салон. Едва хватило сил захлопнуть дверцу. Если сидеть здесь слишком долго, да еще зажмурившись и положив голову на руль, кто-нибудь наверняка подойдет, спросит, в чем дело, и отправит назад в Сент-Джонс или в больницу.

Ким вслепую нащупала ключи и завела мотор. Медленно сдала назад, выехала на обочину и развернулась. Впереди метрах в десяти начиналась верхняя дорога. Добравшись до нее, Ким свернула влево, выровняла машину и начала взбираться на холм. Из-за верхушек елей выглядывал шпиль церкви. Заходящее солнце слепило глаза. Боль усиливалась по мере того, как машина поднималась все выше и выше. Ким боялась, как бы не вырвало. Слева показался солнечный дом, а потом и «дом старика Критча», так, кажется, его называли солдат и мисс Лэрейси. Ким разглядела автомобиль Джозефа. Боль все глубже вгрызалась в переносицу, она уже добралась до темени, веки сами собой закрывались. Предметы перед глазами начали двоиться и перемещаться в пространстве. Нет, здесь нельзя останавливаться. Джозеф не должен видеть жену в таком состоянии, не должен видеть ее слабой и хрупкой, не должен понять, как она нуждается в нем. Ким медленно проехала мимо, вскоре асфальт на дороге сменился гравием. Терпеть не было уже никаких сил.

Дорога шла вдоль кладбища. «Очень кстати», – подумала Ким. Она остановила машину капотом к цепи ограды и заглушила мотор. Ким замерла, пережидая нечеловеческую пытку. Перед закрытыми глазами пульсировала белая сверкающая пелена. Ким боялась, что в

любую минуту может потерять сознание.

Томпсон смотрел на утопленника. С берега раздался крик.

Сержант Чейз, майор Рамси и доктор дружно повернулись. У серых скал размахивал руками солдат, он что-то нашел на пляже, что-то мокрое, темное, размером с человека.

Толпа зевак уставилась на берег, все разом заговорили.

Майор вздохнул: «У него что, рации нет?» И незаметно от всех нажал кнопку на поясе. Просто он забыл включить передатчик. Только признаваться в этом не хотелось.

Доктор Томпсон пробормотал под нос: «О господи!». Чейз кивнул, его явно не радовала перспектива осматривать еще одно тело.

По берегу разносился стук молотков. К солдатам, соорудившим забор, присоединились еще трое, и работа пошла быстрее.

Томми Квилти стоял у себя во дворе и увлеченно глядел на ограждение перед клубом. Стоял он, надо сказать, под тем самым кленом, на котором повис шарфик Ким. Налетел ветер, и шарфик закружился у Томми над головой.

Чайка заинтересовалась ярким предметом и попыталась определить степень его съедобности. Томми открыл тетрадь с рисунками. На одной из картинок были изображены он сам, клен и птица. Заметив над головой какое-то движение, художник поглядел вверх. Шелковая ткань мягко опустилась на лицо.

Шелк приятно охлаждал кожу, Томми замер. Какое восхитительное ощущение! От шарфа веяло духами. Перед глазами возник образ милой темноволосой женщины. Она с кем-то спорила и от этого казалась еще красивее. Томми знал, что ссора бессмысленна. Новое видение: мисс Лэрейси стоит на пороге своего дома и машет рукой все той же красавице. Теперь понятно, как ее найти. Мисс Лэрейси – лучший друг, надо к ней навестись. Он по-прежнему стоял, откинув голову назад, и вдыхал аромат чудесных духов. Из груди рвался смех, остановиться было невозможно, даже губы защекотало. Пришлось сорвать с лица платок и почесать рот.

Голова болела нестерпимо. Ким не понимала, где находится, ее мутило. В глазах опять все двоилось: кладбищенская ограда, могилы, белая церковь. Такие приступы с Ким случались трижды, и всякий раз выбивали из колеи на целый день. По интенсивности боли с мигренью мог посоревноваться разве только свищ, подкосивший Ким пару лет назад. Свет слепил. Звуки сверлами врезались в уши. От малейшего движения глазам становилось невыносимо больно.

Ким дрожащими руками открыла сумочку, нащупала пузырек с ибупрофеном, открыла крышечку и вытряхнула на ладонь сразу три таблетки, хотя знала, что толку уже не будет. Жалко, запить нечем. Во рту совсем пересохло, таблетки чуть не застряли в горле. Казалось, в голову лупят молнии, выжигая мозг. Пришлось закрыть глаза.

Больно, слишком больно. Ким протянула руку, немного повозилась с замком и открыла дверцу. Свежий воздух хлынул в салон и слегка освежил лицо.

Она скорчилась на сиденье. Снова затошнило. Ким открыла рот. Вот сейчас, сейчас... Нет, обошлось. От боли шумело в ушах. Перед глазами колыхалось белое марево. Сознание уплывало. Ну и пусть.

«Если не вылезу из машины, упаду в обморок, – подумала Ким. – Надо на воздух». Вот только сил на то, чтобы выбраться, уже почти не было. Так, перетащить ноги через порог и опустить их на гравий. Теперь встать. Впереди – ворота кладбища. Там можно посидеть. Там трава. Может, от движения станет легче? Ким добрела до железной опоры ворот, повисла на ней и закрыла глаза.

Она снова разлепила веки. Белая пелена не только не пропала, но стала еще гуще. Шум в ушах нарастал. «Давай, давай, не стой, – сказала себе Ким. Она сделала три шага по дорожке. Впереди простирались ряды серых камней. – Отвлекись. Читай надписи».

«Ньюэлл», «Бишоп»... «Блеквуд» – было выбито на третьей плите. Ноги у Ким подкосились. Она споткнулась о камень и упала на могилу Эмили Блеквуд.

Джозеф смотрел в окно гостиной, он ждал Ким. Вид океана, что раскинулся вдали, вызывал смутное беспокойство. На воде качались катера, мелькали военные аквалангисты, на причале толпились зеваки, приехали полиция и армейские машины, набежала ребятня. Со дна один за другим всплывали тюки, очень похожие на человеческие тела. Интересно, утопленники наябедничают, что Джозеф уже видел их и никому не сказал?

Он посмотрел на часы. Цифры должны что-то означать. Их для того и придумали. Джозеф долго шевелил губами, пока не решил, что Ким звонила пятнадцать минут назад. Мимо проехала машина, с виду очень похожая на ее «фольксваген». Да и женщина за рулем смахивала на Ким. Тари хотела выскочить на улицу, но Джозеф ее не пустил. Снаружи опасно. Нельзя никуда выходить. И нельзя никого впускать, пока не убедишься, что это свой. Хотя, конечно, всегда легко ошибиться и принять подделку за настоящие чувства, а подменыша за близкого человека. Ким. Как она выглядит на самом деле? Как ее опознать? Можно ли верить собственным глазам? Она – мишень, это ясно. Но других сведений нет.

– О чем вы с мамой говорили? – спросил Джозеф. На этот раз Тари не рисовала, а играла на ковре с темноволосой куклой.

Дочь пожала плечами.

– Да так, ни о чем.

– Но она ведь звонила.

Тари рассмеялась:

– Да. Она только что проехала мимо на машине. Наверное, разворачивается. Ты сам так сказал.

– Сказал, и совсем недавно.

Тари покачала головой и поднялась на ноги. Она держала куклу за волосы, та молча болталась в воздухе. Обе они, Тари и кукла, посмотрели на Джозефа, потом повернулись, словно собрались выйти из комнаты.

– Иди перекуси, – сказал он нервно. Перед глазами мельтешили белые точки, все время хотелось отмахнуться. – У тебя голодный вид. Мама скоро приедет.

– А можно мне овсяных хлопьев?

– Конечно. Сегодня день вкуснятины. Все, что в рот ползет, – твое.

– Ура!

Тари поскакала на одной ножке из гостиной в прихожую, оттуда – на кухню. Джозеф снова повернулся к окну. Миска с хлопьями и стакан сока. Они могут разбиться, Тари порежется. Осколки вопьются в тело. Надо самому зарезаться, чтобы защитить дочь. Или навредить ей. Что выбрать? Он пососал нижнюю губу. Кусочек кожи оторвался, Джозеф осторожно разжевал его и потер ямочку на подбородке. «Я очень страшный? На кого я похож? Что подумает Ким, когда меня увидит? И где она? Я же с ней говорил. Или это была Клаудия? Нет, Клаудия просто заходила, чтобы отдать подарок. У нее полные губы, чувственные губы. У Ким губы тоньше, но тоже красивые. А где Клаудия? Или они с Ким теперь одно целое? Если они меня дурачат, – Джозеф страшно разозлился, – если они меня дурачат, убью обеих, и да поможет мне Господь».

– Прекрати шуметь, – крикнул он через плечо.

– А я ничего и не делаю, – ответила Тари. Она уже стояла рядом и рисовала синим фломастером на тыльной стороне правой ладони свое имя: ТАРИ.

– Ты поела?

– А я не хочу, пап.

– Ты же сказала, что хочешь...

– Что?

– Ничего. – Джозеф почувствовал, как на израненном сердце нарастает тоненькая корочка. Он посмотрел на дочь. Теперь Тари казалась чересчур маленькой. Столько

беспокойства от такого крохотного тельца. У нее лицо Ким. Джозеф сжал кулаки. Ему хотелось ударить Тари по голове за то, что она чертовски умело прикидывается собой.

– Убирайся, – сказал Джозеф.

Тари попятилась.

– Убирайся! – закричал он. Держать себя в руках было невероятно трудно. До дрожи. До судорог. – Убирайся, убирайся...

Даг Блеквуд частенько прогуливался мимо церкви. Каждый раз он заново переживал день их с Эмили свадьбы и похороны некоторых знакомых. Шесть лет назад церковь закрыли и у залива построили новую. Даг приходил на кладбище и читал на могильных плитах имена тех, кого знал когда-то. Имена на камнях, имена в сердце. В памяти вставляли поминки, продолжавшиеся до утра. Играли аккордеон и скрипка. Потом народ потихоньку расходился, оставались только самые стойкие, они собирались в прокуренной кухне и начинали петь. Сердце разрывалось от грусти, звучали старинные баллады, передававшиеся от поколения к поколению. «Мой старик», «Голуэй», «Еду на Ньюфаундленд», «Прощай»... под конец в кухне не оставалось уже никого с сухими глазами.

К могиле жены Даг подходил в последнюю очередь. Эмили. Она умерла от рака груди двадцать лет назад. Тогда еще доктора не умели этого лечить. Сейчас бы Эмили, может, и спасли. Она была самой лучшей на свете.

На середине Хрыч-лейн, где дорога круто взбиралась на холм и откуда видна была только верхушка церковного шпиля, Колючка вдруг кинулась вперед. Даг удивился и прибавил шаг. Чуть дальше подъем стал не таким крутым, показалась старая черепичная крыша, а потом и сама церковь. У кладбищенских ворот старик заметил белую машину. Ее бросили явно второпях: дверца открыта, за рулем никого. Даг оглядел кладбище. Родные и близкие усопших часто оставляли машины на стоянке. Он посмотрел на могилу жены и обомлел. У самого надгробия лежала женщина.

– Матерь Божья! – Даг помчался в ворота. Колючка уже стояла рядом и ждала хозяина, свесив розовый язык.

Женщина не шевелилась. Первым делом надо узнать, бьется ли сердце. Старик протянул было руку к ее груди, но раздумал. Чужим рукам там делать нечего. Вместо этого он поднес ладонь ко рту незнакомки и почувствовал слабый ток воздуха. Да у нее кровь на виске! Нашла, каким местом удариться. Ладно, хоть дышит, и то спасибо. Даг вытащил из заднего кармана штанов носовой платок и приложил к ссадине.

Он пытался решить, стоит ли трогать женщину с места. Как назло, по верхней дороге никто не ехал. Рана все еще кровоточила. Колючка начала вылизывать лицо пострадавшей.

– Отвали. – Даг отпихнул собаку и потер щеку незнакомки. – Эй! – в отчаянии позвал он.

Женщина даже не пошевелилась. Колючка снова сунулась и получила пинка.

– Да отстань ты! Убери свой поганый язык.

Лайка обиженно заскулила.

– Дамочка! – Даг потер сильнее, и, наконец, сомкнутые веки дрогнули. Он довольно улыбнулся и снова позвал:

– Дамочка! Эй, дамочка!

Женщина приоткрыла глаза, хрипло застонала и попыталась повернуться. Похоже, ей было очень больно. Незнакомка непонимающе уставилась на Дага.

– Г-где? – сказала она. Слова давались с трудом. – Где...я?

Колючка снова лизнула ее в щеку.

– В Уимерли, – таким тоном, словно это само собой разумелось, ответил Даг. Он оглянулся на брошенную машину. Может, там есть сотовый телефон? – Никуда не уходите. Вообще не двигайтесь. – Он пошел к машине, Колючка осталась сторожить пострадавшую.

Даг перегнулся через водительское сиденье. На шнурке под зеркалом заднего вида болтался пропуск на автостоянку. Старик потянулся к карточке и прочитал фамилию.

– И тут Блеквуд, – изумился он. – Вот расплодились-то.

Клаудия стояла у окна мастерской. Внизу старик осторожно вел в дом Критча молодую женщину. «Это, наверное, Даг Блеквуд с женой Джозефа, – подумала художница. – Красивая... Чудесная фигура, каштановые волосы до плеч». Жалко. Клаудия так надеялась, что у нее снова будет семья. Они с Джозефом, Тари с Джессикой. Девочки уже подружились и вместе играли. Чем не сестры?

Клаудия пару раз видела Дага Блеквуда. И дом его видела. И газон, захламленный всякими кустарными поделками. Несколько лет назад к ней в гости приезжал друг, художник из Сент-Джонса. Даг в это время возился у себя во дворе с какой-то деревянной фигуркой. Художник был очарован морщинистым лицом старика и даже хотел сделать пару фотографий, но Даг отказался наотрез. Этому типу везде чудится подвох.

Клаудия повернулась к столу. Игрушечный городок почти готов. В домиках горят свечи. Уютно. Сколько она лепила этот макет? Такое ощущение, что долгие годы.

– Кто там, мамуль? – спросила Джессика. Она играла с малюсенькими человечками. Клаудия их только что слепила, глина еще не просохла. Девочка взяла крышу с желтого домика и заглянула внутрь.

– Не знаю, – тихо ответила Клаудия и рассеянно взглянула на дочь.

– Плохо, – вздохнула Джессика и вернула крышу обратно.

– Что плохо?

– К Джозефу жена приехала, да? Это плохо. – Она подняла раскрашенную фигурку женщины, повернула лицом к океану и снова поставила на место.

– Почему?

– Не знаю... Ты ведь его убьешь?

– Я никому не хочу зла...

– Папа говорит, убьешь. Из-за того, что с нами случилось. Со мной и с папой. Это Джозеф виноват. – Джессика придвинула игрушечную корову поближе к лошадке.

– Он не виноват, Джессика.

– Это все он...

– Джозеф обычный человек. Такой же, как все. Даже после смерти твой папа никак не хочет признать...

Джессика посмотрела на глиняные домики, потом – на мать:

– Ты ведь все равно убьешь Джозефа. А я – Тари.

– Хватит! – закричала Клаудия с такой ненавистью, что сама испугалась. Разве можно ненавидеть дочь? Но это – не дочь. Это не может быть ее дочерью. Джессика изменилась, в ней появилось что-то новое. Неприятное. Гнилое.

– Если я убью Тари, то смогу с ней играть всегда. А когда ты умрешь, Джозеф станет твоим другом.

– Прекрати, Джессика. Пожалуйста, перестань.

– Это только сначала больно, а потом появляется такое приятное ощущение, словно ты все время паришь, поднимаешься, но остаешься на месте. Тебе понравится, вот увидишь.

Клаудия взглянула на дочь и рассеяно улыбнулась:

– Ночью, – сказала она, чувствуя, что перехватывает горло, – тебя так хорошо видно.

– Раньше духи приходили по ночам. Им мешал только дневной свет. Теперь все по-другому, гораздо хуже.

– Хуже?

– Теперь кругом сигналы. Миллионы сигналов. Они и сейчас проходят через твою голову. Хотя ночью их немножко меньше.

– А я ничего не чувствую.

– Ты просто не знаешь. Вода их разносит по телу. И ты болеешь. Становишься беспокойной, места себе не находишь, и сама не знаешь, отчего.

– Тебе они тоже вредят?

Джессика кивнула:

– Я ведь только сгусток энергии, мама. Я меняюсь от этих сигналов. – Она ненадолго замолчала, а потом продолжила со слезами в голосе: – Поэтому иногда ты меня даже не узнаешь.

– Узнаю, Джесси.

– Нет. Сигналы прошивают меня насквозь. А люди все говорят, говорят по телефону. Боже, сколько они говорят! А телевизор! А радио! Передачи, передачи, передачи... Такой шум! – Она зажала уши ладонями. – Я не могу быть твоей дочерью! – крикнула Джессика. – Здесь, внизу, никак не могу.

Клаудия снова повернулась к дому Критча.

– Не бывать нам одной семьей, – прошептала девочка, она поняла, о чем думает мать. – Ничего не выйдет. Надо тебе, наверное, умереть, мама.

Они погрузились в горестное молчание, наконец, Клаудия вздохнула:

– Да, наверное, надо.

– Уже скоро. Потому ты меня и видишь. Часть твоего тела уже умерла. Там пустота, ее надо чем-то наполнить. Я как раз в нее помещаюсь. Но, чтобы мы были вместе по-настоящему, ты должна умереть целиком.

– Я знаю, – простонала Клаудия. За окном в доме Критча горел свет. Там внутри целая семья. Когда-то этих людей разлучили, но теперь они снова вместе, и от этого стали еще сильнее. Больше они темноту на порог не пустят.

Судя по одежде, женщина утонула лет шестьдесят назад. Короткая стрижка, вечернее платье из бархата и шифона и одна длинная перчатка. Вторая потерялась. меховое боа промокло насквозь, сваялось и выглядело отвратительно. Женщина была босиком. В сгущающихся сумерках мертвое тело наводило ужас. Утопленница казалась героиней гангстерского фильма, которую убили и бросили на берегу в назидание другим.

Вокруг собрались полицейские и солдаты, они смотрели на тело и негромко переговаривались. Доктор Томпсон чувствовал себя как на выставке сюрреалистов. Может, это просто дурацкий сон? Вот что значит есть на ночь жареную свинину. Солнце медленно погружалось в океан. Стучали молотки. Забор становился все длиннее. Томпсон тихонько уцепился за свою руку. Больно. Нет, это явно не сон.

Вдалеке что-то застрекотало, словно включили газонокосилку. Рамси тут же начал бормотать в микрофон. Выслушал ответ, закрыл глаза и как-то сразу снился. Городок окружали скалистые холмы, поэтому казалось, что звук идет отовсюду. Шум нарастал, люди на пляже поворачивали головы и смотрели в сторону мыса. Над скалой показался большой оранжевый вертолет, скорее всего, он вылетел с новой военной базы в Прямборо.

На пляже и на дороге военные побросали свои дела и следили за вертолетом. Машина зависла над причалом, из нее по канату спустился военный в темно-синей форме и летном шлеме. Похоже, армейская шишка. Он сразу же начал раздавать указания направо и налево. Первым делом военный ткнул пальцем в сторону дороги и приказал перекрыть движение транспорта. Кто-то из полицейских чинов попытался спорить, но тщетно. Пришлось отправить регулировщицу выполнять приказ. Военный в шлеме посмотрел сначала на море, потом на тент. Томпсон, Чейз и Рамси молча наблюдали за этой сценой.

Из-за вертолетного грохота разговаривать было совершенно невозможно. Доктор удивленно приподнял брови, Чейз лишь пожал плечами.

Машины отогнали, и вертолет начал медленно садиться на дорогу. Во все стороны полетели пыль и мелкий гравий, края тента захлопали. Шасси коснулось асфальта.

Лопасты перестали вращаться. Стих и рев двигателя.

Доктор Томпсон вопросительно взглянул на Рамси.

– Это командор Френч, – сказал майор. – Морская пехота. Специалист по чрезвычайным ситуациям. – Он смотрел на командора с уважением и тревогой. – Раз вызвали Френча, значит дело плохо.

Все посмотрели на причал. Френч стягивал с головы шлем. Никто не заметил, как в центре бухты всплыл еще один утопленник. На лице водолазная маска, за спиной ржавые баллоны.

Воскресенье, вечер

На причале было светло как днем. Два вертолета висели над водой и ощупывали черные волны прожекторами. Три небольших катера военно-морских сил патрулировали прибрежную зону, четвертый стоял на якоре у выхода из бухты. Вдруг один из катеров взлетел вверх тормашками и ударился палубой о воду. Какая-то сила подбросила его, словно мячик.

– Ты видел? – изумленно спросила Тари. Они с Дагом стояли рядышком у окна в комнате Джозефа. Отсюда причал хорошо просматривался.

– Наверное, кит, – сказал Даг. Над перевернутым катером завис вертолет, ветер от лопастей рвал пену с гребней волн. Из дверцы спустили трос и страховочные ремни. – Киты в бухту за мойвой приплыли, – объяснил Даг Тари. – Она всегда тут нерестится.

– Нерестится?

– Икру мечет.

– Давай завтра сходим посмотрим?

– А и верно. – Даг подмигнул. Вертолет снова спустился, зацепил тросом какой-то мешок и потащил в сторону рыбозавода у подножия утеса. Там на стоянке для машин оборудовали временную посадочную площадку.

Катера продолжали деловито сновать в лучах прожекторов, подбирая что-то с поверхности. Внезапно перевернулся еще один. Мокрый черный хвост выбросил его из воды.

– Что это? – вскрикнула Тари.

– Не знаю, – мрачно ответил Даг, хотя на самом деле начинал понимать, что происходит. Утопленники поднимаются со дна. Море возвращает мертвецов. Киты почему-то никого не подпускают к телам. Да еще и русалка... На лице Тари смешались удивление и восторг. Даг вдруг почувствовал, как дорога ему эта малышка. Вот чудеса! Знакомы-то всего пару часов, а вишь ты – родственные души. Старый да малый. До чего же с ней уютно и спокойно.

Тари подняла глаза и улыбнулась, словно догадалась, о чем он думает.

– Так интересно!

Из комнаты внизу раздались голоса взрослых, девочка прислушалась и перестала улыбаться.

– Не дрейфь. С твоей мамой все чики-поки, – сказал Даг. – У нее просто шишка на голове.

– Что значит чики-поки?

– Значит, будет как огурец. Как новенькая. Как... в общем, все будет хорошо.

– Я знаю.

– Подумаешь, шишка. Делов-то.

– У меня тоже была шишка. – Тари повернулась и подняла волосы на затылке. Даг увидел маленький лиловый синяк. – Теперь мы с мамой одинаковые. Только не трогай. Больно.

– Не буду. – У Дага защемило сердце. – Храни господь твою бедную макушку, – сказал он.

Какая все-таки славная девочка! Не то, что другие теперешние дети. Трусы и скандалисты, Даг таких навиделся. Вечно они ноют, вечно стараются заграбастать все, что приглянулось, взрослых ни в грош не ставят. А Тари воспитанная и добрая. Даг еле сдержался, чтобы не обнять внучку. Вместо этого он повернулся к окну.

– Городишко-то наш знаменитым становится, – пробормотал он, глядя на запад.

По верхней дороге со стороны потроширского шоссе тянулись машины. Мерсерову Пустошь заливал яркий свет. Небось, журналюги слетелись, будут репортажи свои вести «с места событий». Охочи эти стервятники до людского горя! И давно они тут? Из Дагова дома виден был только причал Аткинсонов. Телевизор старик почти никогда не смотрел с тех самых пор, как умерла Эмили. Площадку заволокли фургоны. Софиты пепелили океан. На Мерсеровой Пустоши собралась приличная толпа, тут тебе и пресса, и зеваки.

– Сегодня прямо день чудес, – сказал Даг.

– Каких?

– Да я, понимаешь, нынче утром на рыбалке видал кой-чего... – таинственно прошептал он. Выдержал театральную паузу, потом повернулся и взглянул на девочку. – Уж и не знаю, стоит ли о том болтать.

Тари улынулась:

– А что ты видел?

– Видел – не видел, а такое только в сказках бывает.

Тари аж засветилась в предвкушении рассказа и села на краешек отцовской кровати. Даг отошел от окна. Надо унять тревогу. Что бы в городке ни творилось, надо держать себя в руках. Хотя бы ради внучки. Нельзя, чтоб она считала дедушку трусом.

– Ну расскажи, – канючила Тари.

– Ишь ты, расскажи. Тайны-то хранить умеешь?

– Лучше всех. Ну пожа-а-а-луйста, расскажи. – Она заболтала ногами и умоляюще сложила руки.

Даг облюбовал старое деревянное кресло-качалку в углу спальни. Он вздохнул и оглядел пространство между собой и девочкой, помедлил, словно собираясь с мыслями, и погладил тускло блестевшие подлокотники. Несколько поколений одной семьи отполировали их локтями.

Даг покачался в кресле и, наконец, начал:

– Собрался я сегодня наловить трески.

– Треску нельзя ловить.

Даг изобразил испуг:

– Да ты что? – Он перестал качаться, наклонился вперед и внимательно посмотрел на Тари. – Кто это тебе сказал такую глупость?

– Папа.

– Ах да, он же у нас главный рыбак! – Даг махнул рукой, откинулся назад и снова начал раскачиваться. – Не то, что я или мой отец...

– Он даже лучше, чем рыбак. Он за океаном следит.

– Кто тебе сказал? – резко спросил старик. Кресло замерло.

– Папа. Он говорит, это семейная традиция. Так, по-моему.

– Хм.

– Он рыбу охраняет.

– Ну так вот, – продолжил Даг, качнул кресло и начал тихонько кивать головой в такт рассказу, – плыву это я на лодке, море вокруг спокойное, вода синяя-синяя. Погода сегодня была – прямо загляденье, ну, ты и сама помнишь. Никакого тебе ветра, полный штиль.

– И что ты видел?

– Терпение, мормышка, терпение.

Джозеф включил на кухне радио. Передавали новости. Сегодняшняя сенсация взбудоражила его. Такого Джозефу слышать еще не приходилось. Каждые пятнадцать минут шли репортажи о найденных в бухте Уимерли телах. Предполагали, что произошел какой-то несчастный случай на воде. То ли катер затонул, то ли самолет упал. Значит, утопленники под пристанью – не бред. По последним данным, тел было не меньше девяти, хотя точную цифру никто назвать не мог. Голос репортера звучал взволнованно. Если даже журналисты нервничают, значит, дело плохо. Джозеф чувствовал, как с каждой минутой в нем

поднимается волна ярости. Он был прав. Прав во всем. Ничто так не убеждает человека в своей правоте, как галлюцинация, обернувшаяся реальностью. Убедительней не бывает.

Новости перемежались музыкой, такой слащавой, что аж челюсти сводило. Джозеф клацнул зубами и яростно потер рукавом рот. По радио сказали, что число таинственных смертей в городе достигло трех. Какая-то некруглая цифра. Надо бы побольше для ровного счета. Врачи зафиксировали эпидемию нового вирусного заболевания, оно поражает дыхательную функцию легких и приводит к неизвестной пока форме амнезии. Сегодня заболели еще четверо. В больнице оборудован специальный бокс. Со всех концов страны в Порт-де-Гибль пересылают кислородные баллоны. На место событий прибыли военные и взяли ситуацию под свой контроль. Они-то и вылавливают из залива утопленников.

«Как сообщают наши источники в Уимерли, тела предположительно относятся к середине двадцатого века, а некоторые даже к прошлым векам. Информация о затонувшем судне или самолете пока не подтвердилась».

Чувствовалось, репортерша сама не верит в то, что говорит. Девушке явно хотелось вернуть обычную для утренних передач шутку, но она пересилила себя, потому что такие новости положено излагать озабоченно и с достоинством. Да расшевелись ты! Скажи какую-нибудь хорошую глупость, чтобы все до икоты ухохотались. Джозеф и сам бы ржал, как идиот.

«До тех пор, пока не будет точно установлен источник инфекции, в город допускаются только машины военных и медицинских служб».

Джозеф стоял рядом с раковиной, его бледное худое лицо отражалось в темном окне. Он пригляделся и заметил, что нижняя челюсть слегка отвисла. Джозеф захлопнул рот и фыркнул. «Ненавижу свое отражение. Фантом, иллюзия. А ведь я – это он».

Джозеф рассвирепел и выдернул из розетки шнур радиоприемника, потом схватил телефонную трубку и стукнул ею себя по голове. Он не ожидал, что будет так больно. Недавно Джозеф звонил на мобильный доктору Томпсону, но напоролся на автоответчик. Даже оператор не подошел. Голос Томпсона сообщал всем желающим, что линия занята. Джозеф хотел поговорить о Ким. О Тари. О себе. Вот только какие задавать вопросы? Чем вообще может помочь доктор? Ничем. Поддержит морально. Или помолится за Джозефа, больного, бесстыжего и кругом виноватого. Пилюли, пожалуй, пропишет. Наверняка Томпсон сейчас в больнице, борется с загадочной эпидемией. Со всеми несчастьями сразу. Непостижимыми несчастьями. Разыгрывается какая-то трагедия, но совершенно непонятен сюжет.

Он повесил на место трубку и проверил, не осталось ли на пластмассе крови. Не осталось. В свободной комнате наверху лежит Ким. Дядя Даг привез ее домой, а теперь болтает с Тари. Хорошо бы старый хрыч поскорее убрался отсюда.

Как здорово, что Ким снова рядом, но сейчас это некстати. Кстати было бы, если бы она умерла. И этот дом, и этот город поразила какая-то болезнь. Джозефу хотелось обнять жену и дочь. Крепко обнять. Сжимать все крепче и крепче, пока не задохнутся или пока все три тела не сольются в одно. Джозеф смахнул рукавом слезы и сделал вдох. Чувства накрыли его с головой. Почему он все время ощущает вину? Нет, это не он ощущает, это они считают его виноватым во всем сразу. Его охватил душераздирающий приступ любви к семье. Джозеф всхлипнул, но тут же взял себя в руки, снова вытер глаза и еще раз вдохнул. «Заболеваю, – подумал он. – Уже заболел».

Вся болезнь от них. Их бы всех отправить отсюда, но с сегодняшнего вечера дороги перекрыты. Новый вирус. Ничего удивительного: в воздухе и воде накопилось столько ядов. Ученые творят с природой не пойми что. Это они должны умереть. А вдруг Тари подхватила новую болезнь? От этой мысли сжалось сердце. С самого приезда в проклятый город Тари ведет себя странно. Девочка все глубже и глубже уходит в мир своих рисунков. Ну вот, опять выступили слезы. Джозеф отер их запястьем и вышел из кухни, всхлипывая, как младенец. Он понял, что находится на враждебной территории, в чужом доме. Не его территория. Не его дом.

Над головой зазвенел голосок дочери. В мире слишком много горя. Ребенка с таким нежным голоском нельзя оставлять в живых. Пусть ее минуют боль и страдания, которые ожидают каждого.

– Врешь, – изумлялась наверху Тари.

– Нет, – твердо отвечал ей Даг. – Вот чтоб мне прямо здесь провалиться.

Дядя Даг. Яркий персонаж. Перевертыш. На самом деле, он обыкновенный человек с преступными желаниями и злыми помыслами. Не может он быть лучше других.

Джозеф крался по коридору и постепенно укреплялся в своем решении. Добравшись до лестницы, он положил руку на перила и взглянул вверх. Может, стоит сначала проверить, как там Ким? Убедиться, что она цела. Что она неподвижна, холодна, мертва, но цела. Взять ее за руку и уладить все разногласия. Удавить ее подушкой. Самое время начать все заново. Пора Интересно, она все еще сердится? У Ким ужасный характер, но с характером Джозефа ей теперь не тягаться.

Джозеф поднялся на первую ступеньку, и тут в заднюю дверь постучали. Он вздрогнул. Кто бы это мог быть? Клаудия? Шлюха беременная. Викторианская шлюха. Хватит ей мозгов не являться сюда? Она обычно ходит через переднюю дверь, как все горожане. Только деревенщина претя через кухню. Деревенщине главное – внутрь залезть, подсмотреть, что ты там готовишь, палец в тесто сунуть. Кто бы сейчас ни стучал в заднюю дверь, это точно не горожанин. А может, этот кто-то не хочет, чтобы его видели с Джозефом? Клаудия? Неаккуратненько.

Он развернулся и пошел на кухню. Свет пару раз мигнул и погас совсем. Джозеф замер на месте.

– Чудесно, – прошептал он, скрипнул зубами и нашарил в кармане спички. Припас специально для такого случая. Он чиркнул серной головкой. В ладони зажегся желтый огонек. Сразу стало уютно, и Джозеф расслабился.

На улице, похоже, похолодало. Дуло по ногам. Снова раздался стук, но не такой громкий, как в первый раз. Словно гость почувствовал, что Джозеф уже рядом. Рука, освещенная спичкой, казалась чужой, нарисованной. Мерцающий огонек завораживал. Джозеф нащупал ручку, осторожно потянул на себя внутреннюю дверь и вздрогнул от неожиданности.

Внешняя дверь была открыта, на пороге стояла старушка. Где-то он ее уже видел. Морщинистое лицо оведала ночная мгла. Пламя спички колыхалось на ветру, и вместе с ним колыхалось лицо гостьи.

Старушка ухмыльнулась, потрогала узел косынки на подбородке, шамкнула челюстями и подмигнула Джозефу. В руке она держала красивый шелковый шарфик. В этот момент порыв ветра задул огонь.

– Супружница ваша потеряла, – раздался голос из тьмы.

– Уж не в воде ли вирус? – предположил Чейз, глядя на Томпсона.

Они сидели за складными квадратными столиками в здании городского клуба. Здесь военные разворачивали полевой штаб и двигали мебель туда-сюда. Стоял ужасный шум, в длинной пустой комнате звук многократно усиливался. Эта кутерьма мешала Чейзу сосредоточиться.

У дальней стены солдаты быстро сооружали перегородки, натягивали материю защитного цвета на железные прутья, точно такие, какими отгородили тело утопленника на дороге. Теперь его уже увезли на рыбозавод. Чейз решил, что за ширмами, скорее всего, разместятся комнаты начальства. В углу закончили приколачивать фанеру, там сооружали командный пункт. Двое солдат вкатили в помещение черную доску на колесиках, наверное, позаимствовали в местной школе. На исцарапанной поверхности белели каракули: $2 + 2 = 4$; $2 + 3 = 5$.

Сержант рассматривал цифры, когда свет мигнул и погас. У окна столовой тускло загорелась надпись «запасной выход». Все замерли, но вскоре загудел дизельный генератор. Лампы загорелись ярче прежнего, суэта возобновилась.

– Быстро починили, – сказал Чейз, щурясь.

– Похоже, у них автономные генераторы. С таким сложным оборудованием, – Томпсон кивнул на школьную доску, – без генераторов никуда.

– У них наверняка и пара компьютеров найдется. Хотя, конечно, всяко бывает. – Сержант раскрыл блокнот и начал читать фамилии тех, кто заболел и кто уже умер. Ему не давала покоя одна деталь: все пациенты перед тем, как начать задыхаться, становились агрессивными.

– С чего бы этим беднякам злобиться?

– Такую картину мог бы дать рак мозга. Он часто меняет характер больного. Вот только при вскрытии никаких новообразований мы не нашли. Еще агрессия бывает при отеке мозга и химическом дисбалансе.

– И утопленники, – задумчиво произнес Чейз, – все прибывают и прибывают.

– Вы правы, дело, очевидно, в воде, – сказал Томпсон. – Я все думаю о той акуле-альбиносе. – Доктора передернуло, он громко чихнул. – Как-то у них тут не жарко.

– Да вроде ничего.

– Наверное, я простуду поймал.

Сержант сразу вспомнил жену. «Простуду поймал». Странное выражение. Тереза тоже так говорит. Известие о телах и эпидемии уже достигло ее ушей. Сегодня вечером, когда Чейз вернулся домой после дежурства, он даже не стал переодеваться, зная, что его скоро вызовут снова. От волнения сержант не находил себе места. Когда он вошел в комнату, Тереза лежала на диване перед телевизором и смотрела новости. В халате. У Чейза защемило сердце.

– Что показывают? – спросил он. Тереза подняла голову и посмотрела на него пустыми бессмысленными глазами.

– Тела, – ответила она. – Теперь они добрались сюда, Брайан.

Томпсон отвлек сержанта от грустных мыслей:

– Вы, помнится, про красного ерша что-то говорили.

– У него тоже изо рта голова выкатилась. У акулы – человечья, а у ерша – кукольная.

Чейз попытался сосредоточиться. Перед глазами мелькали фамилии из списка. Шум чертовски действовал на нервы. Сержант отхлебнул кофе из кружки и поморщился:

– Помойка. Да еще и остыла...

Томпсон заглянул в список. Чейз подвинул блокнот, чтобы доктору было удобнее читать:

– Тут и мужчины, и женщины.

– Так.

– Молодые и старые.

– Так.

– Все из одного района, все местные.

Томпсон задумчиво кивал, но смотрел при этом совсем в другую сторону.

Проследив за его взглядом, Чейз увидел разложенную на столе еду. Городские дамы принесли в штаб бутерброды, печенье и холодные закуски. Сержант удивился, что все это вот так запросто выставили на всеобщее обозрение. Неразумно, учитывая опасность эпидемии. А если жители городка случайно эти продукты заразили?

– Есть хотите? – спросил Чейз.

– Умираю с голоду.

– А чего бутербродов не возьмете?

– Нет уж, спасибо. Одному богу известно, сколько им лет. – Томпсон показал на живот. – У меня там и так уже революция.

– Я тут подумал... – Чейз взглянул на школьную доску. Возле нее командор беседовал с ужасно взволнованным молодым солдатиком. Френч был весь какой-то неприметный: среднего роста, среднего телосложения, и лицо такое, что нипочем не запомнишь. Он повернулся к Чейзу и Томпсону, солдатик тоже немедленно посмотрел в их сторону.

– Так что вы подумали? – спросил Томпсон.

– Если эта хворь заразная, – сказал сержант, переводя взгляд на доктора, – разве бы они стали выкладывать еду, которую местные принесли? – Он оглянулся на командора через плечо. Френч уже стоял лицом к доске и изучал школьные записи, оставшиеся от урока математики. Солдатик, глядевший на доктора и сержанта, двинулся в их сторону.

– Источник у заразы должен быть один. Это такое место, где народ собирается, – задумчиво произнес сержант.

– То есть там, где все были одновременно?

– Ну да. Скажем, церковь.

Чейз ткнул пальцем в первую фамилию и прочитал ее.

– Этот ходит в англиканскую, – вспомнил Томпсон, – а следующий – католик.

«Тела», – подумал Чейз. Он вспомнил слова Терезы: «Теперь они добрались сюда». Сержант заметил, что молодой солдатик стоит позади него, сложив руки за спиной.

– Я просто любопытствовать, – сказал молодой человек. – Матрос первой статьи Несбитт, сэр.

– Присядьте, – предложил Томпсон и подцепил ботинком железную ножку стула.

– Я лучше постою, сэр. – Несбитт облизал губы и нервно огляделся по сторонам. – Благодарю вас, сэр.

– Для спины вредно, – сообщил доктор, – мышцы устанут.

Несбитт молча устался на имена в блокноте.

Чейз, который тоже сосредоточенно изучал список, повернулся к Томпсону:

– Так, стало быть, не в церкви. Как насчет работы? – Сержант вытащил из нагрудного кармана ручку. – Донна Дровер?

– Безработная.

Чейз поставил отметку «безр.» против фамилии Донны.

– Масс Дровер?

– Безработный.

– Ллойд Фаулер?

– Безработный.

Они продолжали называть фамилии. В списке оказались одни безработные.

– Нет здесь такого места, где бы все бывали, – заметил Томпсон.

– Зато все как один без работы.

– А чем они раньше занимались? – встрял Несбитт.

– Они... Давайте-ка посмотрим, – заинтересованно сказал Томпсон. – Донна рыбачила. Ее сын тоже. Мистер Фаулер был рыбаком. Дэрри – рыбак... Рыбак... Рыбак... Рыбак...

– Все рыбаки, – сказал Несбитт и облизнул губы. Он быстро потер лоб, словно сгонял муху.

– Да, но не все они мужского пола, насколько я понимаю.

– Ну и что? Все равно ведь рыбачили, – предположил Чейз. – Раз они рыбаки, значит, в море заразились.

В этот момент Несбитт повернулся и быстро подошел к Френчу, который размашистыми движениями стирал с доски остатки школьных примеров. Командор выслушал матроса, на лице его ничего не отразилось. Он взял с полочки мел, подбросил его на ладони, а потом начал выводить большими буквами: РЫБАКИ. Под этой надписью он сделал другую, буквами поменьше: ЛОВЦЫ ЧЕЛОВЕКОВ. Френч подчеркнул эти слова, слегка дернув плечом.

«Выпендривается, – подумал Чейз. – Тоже мне, пират голливудский».

– Ловцы человеков, – тихонько повторил Томпсон.

Сержант повернулся к нему:

– Что это хоть значит?

Томпсон пожал плечами.

– Сперва Томми Квилти рамки для картин продавал, – терпеливо объясняла мисс Лэрейси. Она сидела на деревянном стуле, вплотную придвинутом к постели Ким. – А еще картины про святых апостолов. У него малость не все дома. – Она постучала по виску морщинистым пальцем и посмотрела на свечу – подсвечник поставили прямо на столике у кровати. – В городе болтали, что малец в детстве головенкой ушибся. – Старушка повернулась к Джозефу. Тот с трудом помещался в плетеном кресле рядом с дверью. Джозеф смотрел на мисс Лэрейси, и лицо его сияло улыбкой. Он кивнул, приподнял брови, потом подмигнул и стал вытирать ладони о брюки с таким старанием, что задрались штанины. Джозеф никак не мог справиться со своим лицом. Он то улыбался, то кривился, то широко открывал рот и растягивал губы, словно они затекли. Мисс Лэрейси снова повернулась к Ким и сказала вполголоса:

– Слышь, голуба, муж у тебя чудноватый какой-то, а?

Ким взглянула на Джозефа, и старушке вмиг стало ясно, как сильно эта женщина переживает за мужа. Мисс Лэрейси продолжала повествование:

– Феи нашего Томми из колыбельки украли. Подержали у себя, подержали, да и обратно вернули. Только уж такого косоморденького, ну прям страх божий. Еще говорили, что матушку его, когда на сносках была, чем-то ужаснуло. Оттого наш Томми с большущим пятном родился во всю щеку. А как бедняжка умерла, так мы с ней парня от пятна-то избавили.

– Избавили? – Ким осторожно повернулась на бок, чтобы видеть лицо мисс Лэрейси. Сразу же заболела переносица, и Ким на секунду застыла.

– Я его подвела к кровати, на которой покойница лежала, да и приложила ручку ее мертвую к пятну. Такое только мертвым касанием выводится. Покойничек в могилке тлеет, а пятно бледнеет. Как покойничек совсем пропадет, тут и пятно пройдет. – Старушка поджала губы и уставилась на Ким широко открытыми глазами. – Вот те крест, так все и вышло.

Ким заерзала, устраиваясь поудобнее, и прикрыла глаза.

Мисс Лэрейси подалась вперед и продолжила таинственным шепотом:

– Томми чудеса всякие видит, как я да моя сестричка, царствие ей небесное. Помнишь, дочка, ту белую акулу? Я ж ее давным-давно в море видала. Плавает там в темнотище кромешной, светится вся. Теперь-то ее все видят. Да и про то, как рыба летать учиться, толковать стали. Сколько мы, те, кому Бог дал, страстей навидались! А нынче, ишь ты, все дивятся, что за твари такие в море завелись. Да это не твари завелись, а глаза у людей на судьбу открылись.

– А кто такой Томми Квилти? – срывающимся голосом спросил Джозеф.

– Да тот, который шарфик твоей жены нашел, – не оборачиваясь, ответила старушка. – Говорит, ветром принесло. Томми Квилти тоже акулу ночью видал. Он-то мне и шепнул, что без меня тут никак.

– А кто еще видел акулу? – Джозеф нервно кусал губы. – Вы все видели?

Мисс Лэрейси повернулась к Джозефу и смерила его суровым взглядом, потом снова посмотрела на Ким. Помолчала, вспоминая что-то.

– Видал один.

– Он жив?

– Жив. – Морщинистая старушкина рука расслабленно висела на спинке стула. – Я тебе вот что скажу. Знала я одного шкипера, родом из Голлоу-Вешкинга. Как-то он захворал. До того ослаб, что хоть «караул» кричи. Прямо места себе не находил, никак не мог поспать по-человечески. Ну, а про меня слух шел, будто я с такими делами справляюсь, вот шкипер этот ко мне и заглянул. Сразу на меня его хворью-то и повеяло... – Мисс Лэрейси выудила из рукава носовой платок, раскатисто высморкалась, сложила платок пополам, высморкалась еще раз, внимательно изучила результат и удовлетворенно хмыкнула. Голова ее поникла, и старушка задремала.

– Чем повеяло? – спросил Джозеф.

– А? – встрепенулась мисс Лэрейси.

– Ну, вы сказали, повеяло.

– Чем?

– От шкипера.

– Ах, от шкипера! – Она собралась с силами и продолжила: – Шпангоутами он пах. Я прямо сразу костяк корабельный увидела и как обшивку набивают. Ну, я шкипера и спрашиваю: «Ты корабль, что ли, строишь?» «Да, – отвечает, – почти закончил уже». Я ему и говорю: «Это ты гроб себе строишь». Шкипер весь белый сделался, встал и ушел. Больше он в тот корабль гвоздя не вбил и продавать тоже побоялся. Бросил на суше гнить. Так и пропало все, только эти самые шпангоуты остались. А потом возьми да и сколоти себе из обрезков гроб. Каждую ночь в него укладывался, прежде чем на перину лечь. И что ты думаешь, три гроба сносил, пока дуба не дал от старости, старый хрыч.

– То есть корабль бы утонул? – уточнила Ким. Мисс Лэрейси повернулась к ней, мягко улыбнулась и кивнула:

– Ясное дело, голубонька. Пошел бы ко дну, что твой топор.

Ким улыбнулась в ответ.

Джозеф весело рассмеялся.

Ким и мисс Лэрейси дружно уставились на него.

– Не понял, – сказал он.

– Ты, – обвиняющим голосом произнесла старушка, – что ты строишь?

– Не знаю что... Отношения?

– Корабля ты, может, и не строишь, а вот гроб себе точно наладил.

– Заснула, – неожиданно донесся из коридора низкий голос. Джозеф подскочил, Ким и мисс Лэрейси тоже вздрогнули. Огромная фигура Дата Блеквуда заслонила дверной проем. Старик держал свечу, видно было, что рука у него крепкая, обветренная, вся в глубоких рубцах и шрамах.

– Сморило ее. Малыши рассказы любят.

Джозеф снизу вверх посмотрел на дядю.

Мисс Лэрейси впервые заметила, какое у Дага волевое лицо. Морщины, оставленные непогодой, при свете огарка стали еще заметнее. Аура Джозефа сжалась. Остро он чувствует дядино превосходство!

– Как голова? – спросил Даг у Ким и шагнул через порог. По стенам побежали огромные колеблющиеся тени. В комнате сразу стало тесно.

– Уже лучше, спасибо. – Ким приподнялась на подушке и попыталась улыбнуться. – В голове звон, но это ничего. Зато уже не так болит.

– Принеси-ка деточке чайку покрепче, – велела Дагу мисс Лэрейси.

– Спасибо, не надо, – сказала Ким.

– Как насчет перекусить? – Джозеф по-прежнему говорил высоким нервным голосом. – Тебе надо поесть.

– У меня желудок болит, – холодно ответила Ким, давая понять, что заслужить прощение мужу будет непросто.

Мисс Лэрейси наклонилась к ней и погладила по животу.

– Разве ж дело в желудке, ягодка. Тебе бы из мозгов городской хлам вытряхнуть. Тогда и здоровье на лад пойдет, и напасти кончатся. Сколько дорог на свете есть, все твои будут.

Над домом Клаудии густо синело чистое вечернее небо. Звезды плыли по своим небесным путям. Уимерли погрузился во тьму, хотя Порт-де-Гибль на другой стороне бухты сиял яркими огнями. Клаудия только что вернулась с балкона мастерской. Она ходила смотреть на вертолеты. От клуба все время отъезжали машины. Дальше к западу вдоль дороги через каждые тридцать метров мигали красным и синим полицейские автомобили. На Мерсеровой Пустоши бурлила жизнь.

Клаудия равнодушно смотрела на суету в городе. Ей показалось, что на берегу залаяла собака. Вертолеты что-то тащили из воды. Похоже, случилось несчастье, возможно, даже

кораблекрушение. Тогда понятно, почему собралось столько народу. Выходит, в фургонах приехали телевизионщики. У Клаудии не было ни телевизора, ни радиоприемника, так что при всем желании она не могла узнать, что происходит.

От двух домов в разных концах Уимерли отъехали кареты скорой помощи. Что-то произошло, беда какая-то. Отсюда они казались маленькими красными точечками. Были сирены, машины мчались по нижней в направлении потроширского шоссе. Клаудии все происходящее представлялось естественным продолжением ее собственных страданий. Так ей и надо, и пусть будет еще хуже, пусть будет невыносимо. С того самого момента, как пропали Джессика и Редж, Клаудия надеялась, что мир вокруг нее погибнет, и чужая трагедия принесет хоть какое-то облегчение.

Клаудия оглядела мастерскую. Электричество отключили довольно давно, в окошках пяти игрушечных домиков горели свечи. Она подошла к столу, села и взяла в руки глиняный сарайчик. На серовато-белой крыше играли оранжевые отблески пламени. Клаудия открыла несколько баночек с цветной глазурью и начала иссиня-черным цветом прорисовывать грани обшивочных досок. Ей вспомнились руки матери. Девочкой Клаудия любила смотреть, как мама вышивает гарусом по шелку. Отец тоже часто вытачивал что-нибудь из сосны или каштана, а потом полировал фигурку маслом. Клаудия помнила запах масляной тряпки, помнила въевшуюся черную краску у отца под ногтями.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказала Джессика из темноты.

– О чем? – подумала, а может, пробормотала Клаудия. В последнее время это уже не имело значения.

– Ты жалеешь, что не утонула, как мы, например.

Клаудия продолжала наносить на глину маленькие аккуратные штришки. Она окунула кисточку в банку с краской и отжала лишнее о стеклянный край. При свечах движения художницы казались особенно грациозными, пламя колебалось в такт биению ее сердца.

– Ты так стараешься, – сказала Джессика. Клаудия поболтала кисточкой в стакане, черенок застучал о края, вода помутнела и взволновалась. Клаудия взяла горчично-желтый тон и стала аккуратно наносить его на карниз и наличники.

– Ты так стараешься найти мою любовь в своих фигурках.

Рука Клаудии замерла.

– Ты чувствуешь, правда, мама? Ты когда делаешь что-нибудь своими руками, я возвращаюсь к тебе.

Клаудия продолжила раскрашивать игрушечный сарай, мазки получались неровными.

– Я пойду поиграю с Тари.

Клаудия покачала головой и отложила кисть.

Голос Джессики стал громче и капризнее, пламя заколебалось.

– А я хочу поиграть.

– Не надо, – прошептала Клаудия, – пожалуйста, не надо.

– У нее все равно родители перегрызлись и про дочку забыли.

Клаудия прислушалась. Тишина. Сколько она длится? Может, этого разговора и не было? Голос маленькой девочки рассеял сомнения.

– Я заберу ее, – сказала Джессика, – заберу себе.

Рядом с кроватью Тари на маленькой полочке стоял игрушечный сарайчик, подарок соседки, внутри тускло горела свеча. Тари лежала лицом к стене. В доме и на причале столько всего произошло. Столько волнений! Заснуть никак не удавалось. Бедная мама, скорее бы она поправилась. Тари хотела забраться в постель к Ким, но папа не дал. Он сказал, маме надо отдохнуть и набраться сил. Только это была неправда. Тари все поняла, когда посмотрела на облачко у него над головой. У девочки на глазах выступили слезы. Почему папа не дает побыть с мамой?

Уложил в постель и ушел. Наверное, решил прогуляться. Тари так хотелось забраться к маме в кровать! Вскочить и побежать по коридору к маминной комнате.

В комнате напротив раздался шум. Дядя Даг, наверное. Заскрипели ступеньки, дядя начал спускаться по лестнице. Он хороший. Он спас маму и привез ее к папе. А сейчас с мамой сидит та старушка. Мисс Лэрейси.

Вечером она спросила про летучую рыбу, но Тари ничего такого не видела с самого первого раза. Зато мисс Лэрейси очень обрадовалась, когда узнала, что дома, в Сент-Джонсе, пару недель назад Тари нарисовала парящих в воздухе рыбок. А еще городок с бухтой и старыми рыбацкими домиками и скалы вокруг. Вышло ужасно похоже на Уимерли.

Девочке хотелось взять карандаши, которые она втайне от всех спрятала под одеяло вместе с блокнотом, но у нее устала рука. Слишком долго пришлось заштриховывать картинку синим цветом. Папа, когда уходил, подоткнул одеяло. В мягком гнездышке лежать было тепло и уютно. Чем бы заняться? Тари решила дышать ртом. Это развлекло ее на несколько минут. В перерыве между двумя вдохами было слышно, как по дому разносится ровный голос мисс Лэрейси.

В окошке сарайчика свеча разгоралась все ярче, тени плясали на потолке, на стене прямо перед глазами Тари появилась огромная голова. Тихий голос напевал: «У папы не осталось дел...».

Тари повернулась, прямо на нее смотрела Джессика. Она нежно коснулась волос Тари.

– Ты такая теплая, – прошептала Джессика.

– Привет. – Тари улыбнулась. – Ты чего не спишь? Уже поздно.

Джессика тоже улыбнулась:

– Я сплю.

– Нет, не спишь.

– Я лежу в постели на морском дне, разве не видишь? – Она подняла руку, по коже побежали маленькие искорки. Джессика потерла ладошки, и на пол посыпалась куча песка. Она похлопала руками по скользкой одежде, из карманов побежал песок.

– Пойдем со мной на детскую площадку играть. – Джессика кивнула в сторону окна.

– А где? – Тари приподнялась на локте. Она посмотрела на дверь, в комнате напротив горела свеча. – Где эта площадка?

– В воде, – ответила Джессика, – самая-самая лучшая. Таких чудес, как там, нигде не увидишь.

– А я плавать не умею.

– Я тоже. Ну и что. Надо только все время на плаву держаться.

Томми Квилти жил один, но ему никогда не бывало одиноко. Хотя в городе про него говорили: «Бедняга, все-то его бросили, все покинули». Когда Томми родился, повивальная бабка решила, что младенец мертвый, и начала готовить тело к погребению. Ребенок лежал совсем тихо и не дышал. Повитуха и еще одна пожилая тетушка перенесли его на буфет и начали оплакивать. Совсем было собрались позвать отца и сообщить ему печальную весть, но тут младенец забулькал, а потом закричал.

Томми был еще совсем ползунком, когда нацарапал свою первую картинку. Каракули быстро превращались в умелые наброски. Мальчик рисовал остро отточенными цветными карандашами, на картинках появлялись море, суда и суденышки всех возможных видов и размеров, всякая подводная живность, в том числе невиданные страшилища.

Отец Томми решил не отправлять ребенка в школу. «На кой ему башку забивать?» – говорил папаша. Томми оказался предоставлен самому себе и мог спокойно оттачивать мастерство. Его хвалили больше, чем он того заслуживал, даже напечатали в районной газете «Компас» статью: ТОММИ КВИЛТИ – ХУДОЖНИК-ВУНДЕРКИНД. Ненадолго Томми стал знаменитостью, на его картины появился спрос, их выставляли на продажу в одном магазинчике в Порт-де-Гибле. Томми тогда было десять лет.

Мальчик рос, о его таланте заговорили по всему острову, другие магазины тоже начали продавать его работы, а две художественные галереи даже подписали с ним контракт. Томми отсылал заработанные деньги в фонды помощи детям, адреса этих фондов часто

публиковались в журналах по искусству. Многие книги он покупал в лавке уцененных изданий. Владелец привозил их из Сент-Джонса специально для мальчика.

Когда Томми исполнилось двенадцать, он впервые вышел в море ловить треску вместе со своим дядей Эдвардом. Отец мальчика к тому времени уже повредил спину и передвигался по дому в инвалидной коляске. За ним ухаживала мать Томми, Агнесса.

Долгие годы Томми рисовал картины и ловил рыбу, а потом правительство закрыло рыбозавод. Томми ужасно скучал по поездкам на лодке, он вспоминал, как вглядывался в темную глубину, в которой скользили странные создания. Только тем, кто верил в сказочных чудовищ, было под силу их увидеть.

Хотя Томми обзавелся фургончиком, Райна раз в месяц сама отвозила приятеля в Порт-де-Гибль. В местном банке Томми обналичивал чеки, которые присылали четыре картинные галереи. Его картины продавались по всему Ньюфаундленду, и Томми неплохо зарабатывал. Он закупал продукты, оплачивал счета за свет и телефон, посылал деньги благотворительным фондам, а оставшееся тратил на пастель, уголь, акварель и бумагу. Больше всего ему нравилось писать пастелью. Приятно было крошить ее и размазывать по листу, изменяя картину до неузнаваемости. Тогда на кончике пальцев появлялось то, что он видел внутренним зрением.

Поначалу Томми страшно пугался, что все его сюжеты сбываются, но потом привык. Вот и сегодня ночью шум вертолетов над бухтой не испугал его.

Томми устроился за столом в гостиной. Уютно светила керосиновая лампа. Он зажег ее, как только отключилось электричество. Томми старался убедить себя, что бояться нечего. Конечно, кругом ночь, и он в доме один, но ведь можно представить себе лицо Райны. Скоро Томми ей позвонит. Позвонит и спросит, как дела. Если все хорошо, он и сам успокоится. Томми пересчитал альбомы для рисования – семь. Остальные лежат в ящиках буфета и в гардеробе на втором этаже. Томми потянулся и вытащил из стопки второй снизу блокнот. Открыл. Акула-альбинос на причале, рядом на дороге стоит желтый подъемный кран, вокруг собралась безликая толпа. Люди все одинаковые, лишь над некоторыми из них светятся облачка аур – сиреневые, розовые или бледно-желтые.

Томми прижал перепачканный красками палец к следующей страничке. На картинке женщина лет сорока, его ровесница. Вокруг нее не было сияния, и Томми расстроился. На глаза навернулись слезы. Он утер их рукавом.

«Райна», – пробормотал Томми и перевернул страницу. В ночном небе над заливом носятся вертолеты, прожекторы ощупывают воду, в кругах света видны лица и руки. Одежда на телах утопленников прорисована нечетко. На следующей странице больничная палата, все койки заняты. У медсестры розовато-желтая аура. Но ни у кого из больных ауры нет, даже самой слабенькой, темно-лиловой.

Томми взглянул на следующий набросок, быстро захлопнул блокнот и сунул его на место. Томми точно знал, где должен лежать каждый альбом, и помнил, когда какую картину нарисовал. Эти рисунки он сделал больше месяца назад.

Томми видел, что будет дальше. В большом железном здании – наверное, это рыбозавод – лежат тела. С неба идет дождь из золотистых лучей, похожих на падающие звезды.

А потом волны и чернота. Томми перевел много бумаги, пытаясь точно передать ее оттенок. Чернота стояла перед глазами и слегка отливала синевой, словно вороново крыло. Может, это небо? Подробностей Томми не знал. Только тьма, черная и блестящая, как дождливая ночь.

Тари и Джессика рука об руку шли по дороге к заброшенной церкви. Джессика остановилась и посмотрела на темное кладбище.

– Нету в земле ни убежища, ни утешения, – сказала она.

– Мне тоже на кладбище ужасно грустно бывает, – ответила Тари.

– Ничего ты не понимаешь.

– Почему?

Тари замерзла: ночью похолодало, а она не захватила ни куртки, ни свитера. Надо было взять тот, белый, вышитый розовыми цветами спереди и сзади. Его носила мама, когда была маленькой.

– Тела в земле гниют и превращаются в грязь, – Джессика заговорила таким странным голосом, что Тари растерялась. – Дождь, проходя через слои почвы, понемногу смывает ее, подземные ключи тоже делают свое дело. Грязь попадает в реки, а оттуда – в океан.

– Ты говоришь как взрослая.

– Дождь – это часть великой мировой воды, – продолжала Джессика тем же тоном. – Она обнимает все. Вода сливается с водой и на пути увлекает за собой грязь. Со временем все и вся попадает в океан. – Джессика кивнула в сторону бухты. – Что раньше, что позже, исключений нет. Дело только в высоте над уровнем моря.

Тари вглядывалась в темноту. Объяснений Джессики она не поняла, на кладбище ей совсем не нравилось. Джессика подошла к цепочке ограды и погладила чугунный столбик. Тари оглянулась на дорогу. Джессика схватила ее за руку влажной холодной ладошкой и повлекла вперед, к Хрыч-лейн. Улица упиралась в бухту. Дорога была неровная, и Тари внимательно смотрела под ноги, чтобы не наступить на кротовую норку.

– Ужас, как темно.

Вдали над океаном застрекотал вертолет. Звук стал громче, приблизился, а потом снова затих.

– Вовсе нет, – уверенно сказала Джессика. – Это так весело! Вон в кустах дикие звери. Видишь зеленые и красные глаза? Звери притаились. К нам принимают. – Джессика остановилась, посмотрела на темные верхушки деревьев и довольно промурлыкала: – Там, на деревьях, живут страшные существа. Они светятся в темноте. Ты такого в жизни не видала.

– Видала. У меня книжки про животных есть...

– Этих в книжке не найдешь. Чтобы их заметить, надо умереть. Или чуть не умереть. Или сильно испугаться. Испуг – почти то же, что смерть. Умерла, увидела странных созданий и опять ожила... Давно я не была в лесу. Давным-давно.

– Почему?

– Я одна не могу. Надо пойти с кем-то, кто меня любит, кто даст мне свою силу. А сама я не могу. Сама я хожу только в места любви.

– А что это такое?

– Места любви?

Тари кивнула. Под кроссовками зашуршали мелкие камушки, и снова все стихло. Только гудели провода над головой. Звук то появлялся, то исчезал. Джессика занервничала и крепче сжала ладонь Тари. Потом гудение совсем прекратилось.

– Места... – пробормотала Джессика едва слышно. Она оторвала взгляд от проводов и скривилась.

– Места любви, – терпеливо повторила Тари. Джессика казалась растерянной.

– Места, где меня любят. Места, где тепло от маминых рук... Или не от маминых, а того, кто рядом. Возмись крепче, пожалуйста.

– Зачем? Ты что, не можешь ходить, куда захочешь?

– Нет. Здесь не могу.

– А почему?

Вернулся вертолет, заквакал мегафон. Тари повернулась на шум. Неожиданно ей вспомнилась ярмарка: цирк, карнавал, огни карусели.

Джессика пожала плечами:

– Потому что я умерла. Нам так полагается. – Она улыбнулась.

Тари неуверенно улыбнулась в ответ. Непонятно все-таки, подруги они или как?

– Пошли скорей, там тропинка. – Джессика потянула Тари к обочине. – Видишь прогалину? Я на ней когда-то играла. – Она кивнула на проход между двумя разлапистыми ветками огромных елей и нырнула в непроглядную темень кустов. Тропинка оказалась

хорошо утоптанной. Пахло ночной землей, а еще нагретым за день, но уже остывающим деревом.

– Мне страшно, – сказала Тари, ее начала бить дрожь, но Джессика упорно рвалась вперед. Все вокруг было таким странным, и Джессика говорила так чудно, что Тари подумала, не сон ли это.

– Ну, что ты как маленькая.

Вскоре узкая тропинка вывела их из леса, в воздухе запахло солью и морем. С залива дул бриз, здесь, на берегу всегда ветрено. Внизу раскинулся черный океан. Девочки стояли высоко над обрывом. У Тари даже голова закружилась. Далеко-далеко, с другой стороны бухты, горели окошки Порт-де-Гибля, как маленькие звездочки в темно-синем ночном небе.

– Вон там, – печально сказала Джессика. У нее с подбородка побежали струйки какой-то густой серебристой жидкости. В лунном свете они казались живыми. Джессика показала пальцем в сторону ярко освещенного Порт-де-Гибля. – Вон там все и случилось.

– Что?

– То самое, – ответила Джессика. Она вдруг начала давиться. В горле забулькало, изо рта хлынула вода. Джессика кашляла, содрогаясь всем телом, вода лилась на траву.

– Джесс? – Тари испугалась. Ей пришлось отступить на шаг, чтобы не замочить кроссовки.

Джессика снова закашлялась, выпучив глаза и растопырив руки. Она тряхнула головой, и в зубах у нее сверкнул оранжевый огонек.

Блестящий чешуйчатый хвост.

Джессика давилась еще несколько минут. Наконец, изо рта выпало что-то оранжевое.

Это была рыба, яркая, как электрический фонарик. Темно-зеленая трава вокруг осветилась. Стало тихо, только шуршали плавники и хлопали жабры. Колотя хвостом, рыба зашлепала прочь. Она добралась до края обрыва, сделала последнее усилие и полетела в спасительные волны. Тари прислушалась, но всплеска не было. Повернулась к подруге и обомлела.

Глаза у Джессики стали неестественно огромными. На левой щеке налип сгусток коричневой слизи, похожей на опавшие листья вперемешку с грязью. Кожа позеленела и натянулась, вот-вот расплзется. Тари от изумления открыла рот.

– Во мне их полно, – грустно сказала Джессика, помедлила и выплюнула еще одну серебристую рыбешку. Лицо девочки вздувалось и опадало, по нему волнами пробегали судороги.

– Хочу домой, – испуганно сказала Тари.

– Рыба в море, – пробулькала Джессика. Глаза становились все больше и больше, лицо превратилось в бесформенную массу, по нему расплзлись черные пятна.

– Рыба в море, – повторяла Джессика, при каждом слове изо рта вырывались брызги. – Рыба в море.

Тари закричала бы от ужаса, но горло перехватило. Она попятилась к обрыву. Джессика пошла прямо на нее.

«У папы не осталось дел. Сидел и на воду глядел...»

Тари кинулась бежать, но поскользнулась на мокрой глине и поехала по склону, хватаясь за кусты и обдирая ладони. Ветки были слишком тонкими, в руках оставались только листья. Девочка цеплялась изо всех сил, но движения было уже не остановить. Склон стал отвесным. Тари полетела вниз. Истошный вопль разнесся по окрестностям и смолк. В тишине удар о воду прозвучал, как пощечина.

Командор Френч выдал Томпсону специальный светоотражающий пропуск на лобовое стекло. Эмблема вооруженных сил Канады и несколько белых и красных цифр. Томпсон опустил стекло: во-первых, проветрить машину, а во-вторых, убедиться, что хотя бы свежий летний воздух никуда не делся. Доктор ехал по дороге. Над головой шумели вертолеты, в море ревели катера, по сторонам дороги темнели окна домов. Кое-где горели керосиновые

лампы и свечи. Кто-то включил электрический фонарик. «Интересно, – подумал Томпсон, – когда дадут свет?» Доктор уже спрашивал об этом командора, но в ответ услышал невразумительное: «Мы пытаемся выяснить причину». Френч, не отрываясь, глядел в монитор, компьютер только что распаковали и поставили на стол.

Томпсон подозревал, что свет отключили сами военные. Доктор без обиняков поделился с Френчем своей догадкой.

– Мы здесь, чтобы оказать жителям помощь. Если для этого нужно будет отключить электричество, рука не дрогнет, – ответил командор.

– То есть я угадал? – Томпсон вызывающе улыбнулся. Он надеялся на искренность, а самое главное, на сотрудничество военного.

– Я ничего не утверждаю, но в какой-то степени – да. В какой-то степени. – Френч скривил губы, прокашлялся и повернулся к экрану компьютера, давая понять, что аудиенция окончена. На столе командора Томпсон заметил громадный том морских легенд.

– Ищете зацепки в фольклоре?

– Нет, это я для удовольствия читаю, – ответил Френч, не поднимая головы. – Печатать, – сказал он в микрофон, и на другом конце комнаты ожил принтер.

– У вас есть хоть какое-нибудь представление о том, что происходит?

– Вполне вероятно, что дело в новом штамме гриппа.

Томпсон язвительно засмеялся. Френч даже бровью не повел. Он встал, подошел к принтеру и взял распечатанные листы. Доктор успел разглядеть надпись жирным шрифтом: «Электромагнитная гиперчувствительность».

– Можно полюбопытствовать? – Томпсон указал на книгу.

– Пожалуйста, – равнодушно позволил Френч, сел и углубился в чтение распечатки.

Доктор взял со стола том, пролистал несколько страниц. Старые рисунки, сделанные со слов моряков. Странные существа поднимаются из воды. Гигантские осьминоги, трехголовые чудовища, рыбы с человеческими головами...

– Вот загадка, так загадка, – задумчиво сказал доктор.

– Загадка. Тайна. Секрет. Это все пораженческая лексика. Мне больше нравится слово «задача». Мы ведь ее решим, правда, доктор?

На середине пути между клубом и Хрыч-лейн поставили второй кордон. Машина Томпсона осветила фарами лица военных. Один из них, стоявший на левой обочине, поднял руку и включил фонарик. Томпсон прищурился. Постовой увидел пропуск на лобовом стекле и махнул рукой, дескать, проезжайте.

– Все в порядке, доктор.

– Добрый вечер, – бросил Томпсон через открытое окно.

– Добрый вечер, сэр.

В чем конкретно состояла задача Томпсона? Френч велел ему патрулировать район и выявлять заболевших. То ли командор хотел от него поскорее избавиться, то ли верил, что доктор видит сквозь стены. Как узнать, есть ли в доме больной? С точки зрения Томпсона, от него было бы куда больше пользы на рыбозаводе, где сложили все тела, найденные в воде. Он сказал об этом Френчу, но тот ответил: «Там врачи не нужны. По крайней мере, сейчас. Мертвым уже не поможешь. Я и сам доктор. Доктор экологии. Могу заверить как специалист: медицина ничего не приобретет, изучая утопленников. А вот следить за ситуацией в городе необходимо. Этим вы и займетесь. Я на такую роль не гожусь: фуражка смотреть мешает».

Томпсон проехал мимо двух домов с темными окнами. Кто же здесь живет? Попробуй понять в темноте. Следующий дом был ярко освещен. В каждой комнате горел свет, за занавесками туда-сюда сновали огромные тени. Перед домом на лужайке, с которой открывался прекрасный вид на залив, расставили деревянные шезлонги. Люди сидели на улице почти в полной темноте, изредка их лица освещали прожекторы вертолетов. Входная дверь постоянно хлопала. Вдоль дороги носились дети. Со двора выехал задом пикап и с трудом развернулся: кругом было полно машин. Томпсон уступил дорогу, и пикап поехал к

другому дому, тоже сиявшему огнями.

Доктор, наконец, сориентировался. Здесь жил Уилф Мюррей. Понятно, почему в доме столько народу. Уилф – отличный рассказчик, источник вдохновения для всех остальных рассказчиков в городе. Старикану было никак не меньше восьмидесяти, но он сам заготавливал себе дрова и делал плоскодонки, да такие, что их приезжали покупать со всего района. В этом деле Уилфу не было равных. Даже в самые лучшие времена сюда рекой стекался народ, чтобы послушать, как Мюррей травит байки.

Томпсон поставил машину сразу за серым фургоном. Несколько автомобилей стояли вдоль обочин дороги, на дорожке перед домом негде было повернуться. Томпсон по привычке потянулся было к своему чемоданчику, но решил, что это ни к чему, и вышел из машины. Чего зря сумку таскать? В животе забурчало. Доктор вспомнил, что у него с собой есть таблетки. Вот только какую принять? И, кстати, что за рецепт надо выписать, чтобы исправить сюрреалистическую ситуацию в городе? Доктор надеялся, что миссис Мюррей уже приготовила воскресный ужин. Нет, электричества-то нету. С другой стороны, у них, вроде, имеется старая дровяная плита на кухне. Мюррей так и не озаботился покупкой современной техники, они сознательно не пользовались плодами прогресса. В последний раз Томпсон был здесь, когда на Уилфа напал тяжелый приступ подагры. В тот раз доктор победил, и подагре пришлось отступить от старика.

Томпсон заковылял по дорожке. Он шагнул в круг света от керосиновой лампы, ее повесили за крючок на ветку дерева, с доктором здоровались, ему кивали: «Здравствуйте, док», «Доброго вечера, док».

Томпсон ответил на приветствия и на минуту остановился, чтобы еще раз взглянуть на залив. На западе занялось зарево, утес ненадолго стал малиновым. За спиной врача открылась дверь, он отступил, пропуская кого-то вперед. Стало слышно, что в доме звенят посудой и разговаривают. Томпсон заметно приободрился. Он шагнул через порог и вытер ноги о коврик в прихожей, потом с трудом согнулся, чтобы развязать шнурки, живот сразу сдавил легкие, над ухом раздался взволнованный голос:

– Не вздумайте разуваться. У нас тут за день целый табун побывал.

Врач поднял голову. Миссис Мюррей стояла прямо перед ним, лицо ее было полным и розовощеким. Она была в простом синем платье, поверх которого повязала передник с вышитым большим красным омаром. За ее спиной наперегонки промчались трое детишек, они, громко топая, взлетели по ступеням лестницы, сверху раздалось счастливые вопли.

– Просто ужас, что творится, – сказала миссис Мюррей и покачала головой. – Да говорю же вам, оставьте обувь в покое. – Она стащила с плеча кухонное полотенце и шлепнула доктора по руке.

– Да я уже развязал, – запротестовал Томпсон, он резко выдохнул, оперся рукой о стену, чтобы не потерять равновесие, и один за другим стянул ботинки.

– Нет, вы видали такого упертого осла? – вознегодовала хозяйка. – У меня там на кухне все парится и жарится. Солянку будете есть?

Томпсон выпрямился, облегченно вздохнув:

– Господи, вы просто не представляете себе, какой я голодный.

Миссис Мюррей повернулась и, страшно довольная, повела его по коридору.

– Пойдемте, – сказала она, махнув рукой, чтобы он следовал за ней, – все сидят на кухне.

Мимо пронеслась еще одна ватага ребятишек и чуть не сбила доктора с ног.

– Мы тут приглядываем за детьми, у кого родители заболели, – пояснила миссис Мюррей. – Бедные малыши.

На кухне было душно, тесно, пахло вкусной едой. Стекла в окне над столом запотели, по ним стекали капли воды.

– У вас тут довольно тепло, – сказал Томпсон. С ним здоровались, привставали из-за стола, кивали из угла, подмигивали и улыбались.

– Да уж, ничего не скажешь, довольно-таки тепло, – засмеялся кто-то, остальные весело

хмыкнули.

Томпсон опомниться не успел, а у него в руке уже дымилась тарелка с горой солянки. Миссис Мюррей встала перед ним, кивнула и вытерла руки о передник.

– Ешьте, ешьте, мой дорогой.

– Спасибо. Очень вкусно. – Доктор вдруг понял, что у него в буквальном смысле слюни потекли от запаха пищи, ему стало страшно неловко. «Эх, сейчас как натрескаюсь!» – подумал он и вытер рукавом подбородок и рот.

Миссис Мюррей ухмыльнулась, щеки гордо округлились и стали похожи на персики. Она подошла к столу, чтобы забрать у одного из гостей пустую тарелку с размазанной по ней подливкой.

Томпсон любовался на горку дымящихся овощей и капусты, на гороховый пудинг со сметаной, на красные кусочки жесткой солонины. Из-под этой груды торчала ножка жареного цыпленка, хрустящая подрумяненная корочка выглядела очень аппетитно. И все это великолепие было сдобрено потрясающе пахнущей подливкой. Он открыл рот, чтобы спросить вилку, миссис Мюррей тотчас же сунула ему в руку столовый прибор. Она успела бросить тарелку в раковину, вернуться к доктору и теперь стояла против него, улыбаясь и сдувая челку со лба. Миссис Мюррей еще больше раскраснелась.

– Эта жара меня в могилу сведет, – сказала она, обмахиваясь рукой, как веером.

– Большое спасибо! – Томпсон широко улыбнулся и вспомнил, что у хозяйки дома повышенное артериальное давление. Он принялся за еду, не двигаясь с места и не разговаривая. «Чудо, – подумал он, вкусовые пупырышки встали дыбом. – Чудо. Чудо».

– Уилф тут рассказывает про бурю и снег с дождем в шестьдесят пятом, – пояснила миссис Мюррей и кивнула на мужа. Только сейчас Томпсон заметил Уилфа. Старик сидел за столом у самой стены. Он поправил козырек бело-красной бейсболки, помахал доктору рукой и снова вернулся к разговору. Томпсон ел, стараясь прислушиваться к беседе, но его собственное чавканье заглушало все звуки. Он даже постанывал от удовольствия. Стыдно, конечно, за такое обжорство, но уж очень вкусно. Надо не брюхо тут набивать, а съездить в больницу, поговорить с другими врачами, провести исследования, определить источник заболевания. Томпсон оглянулся – все взгляды прикованы к Уилфу. Каждый на этой кухне в любую секунду может перестать дышать. Хотя непохоже. Какие-то они все бодренькие. На лицах ни малейших признаков агрессии. Улыбаются, ждут новой шутки, чтобы разразиться хохотом. Томпсон ел и наблюдал за собравшимися. Ему вспомнились слова «Что я?». Надо немедленно вернуться в больницу. С другой стороны, тот факт, что никто здесь не заразился новой болезнью, так же необъясним, как и причина ужасного состояния пациентов в Порт-де-Гибле. Уилф Мюррей в красках описывал, как обледенели деревья, как ломались ветки и стволы под тяжестью замерзшей воды. – Падали, что твои сосульки с крыши, – объяснял он. – Провода все пообрывало, концы по земле скачут и огнем плюются. Ну, прямо живые, – Уилф щелкнул пальцами, изображая, как сыпались искры. – Их хватают, а они шипят, вырываются, дескать, вы что, ребята, совсем сдурели? Куда вам с нами тягаться! А ведь и правда. У кого есть власть над такой силой? Ни у кого нету. – Он переводил взгляд с одного слушателя на другого. – Ни у кого.

Дядя Даг стоял в дверях спальни Тари и напевал старинную ирландскую песенку. Одеяла и простыни на кровати сбились в кучу. Даг задумчиво созерцал этот беспорядок и тихонько басил:

У старикашки беда с головой:
Помер давно, а чудит, как живой.
Доктор сказал: «Не сходите с ума»,
Вскрыл ему череп и вынул сома.

На полке в глиняном подсвечнике в виде сарайчика тускло горела свеча. До нее только

сейчас добрался ветерок от движений Дата. Пламя заколыхалось, тени на одеяле пришли в движение. Дагу показалось, что голова на подушке какая-то чересчур маленькая.

Он забеспокоился и шагнул в комнату. Впрочем, Тари вполне могла затеряться под одеялами. Она же еще совсем кроха. Старик подошел поближе к кровати. На подушке лежала кукольная головка.

Даг сорвал с постели покрывало, чтобы убедиться в своей правоте. Кукла, а рядом коробка с карандашами и несколько рисунков. Старик схватил верхний листок. Он был целиком покрашен темно-синим. Даже почти черным. С белыми пятнышками. Даг изумленно отбросил картинку и повернулся к двери. Никого. Ему захотелось позвать девочку, но он решил сначала проверить, нет ли ее в комнате Ким. Незачем людей понапрасну пугать. Может, Тари просто пробежала по коридору и забралась к маме под бочок, пока Даг ходил вниз за стаканом воды.

Старик прошел в комнату Ким и встал над ее постелью. Он наклонился, чтобы получше рассмотреть пространство между женщиной и стеной. Пусто. У Ким дрогнули веки. Даг отступил на шаг, Ким открыла глаза.

– Тари у тебя? – спросил он.

Ким приподнялась и похлопала руками по одеялу.

– Нет, – хрипло ответила она. – А что?

– Ее нет в спальне.

Ким вскочила и кинулась в коридор. Ее шатало, на ней все еще была вчерашняя одежда. Ким пробежала мимо мисс Лэрейси, задремавшей в плетеном кресле. Даг даже до порога не успел дойти, а Ким уже вернулась, сон как рукой сняло, глаза расширились от ужаса.

– Где она? – Ким метнула взгляд на темное окно, потом на свечу в глиняном подсвечнике. Даг покачал головой:

– Я не...

– Тари! – изо всех сил закричала Ким и прислушалась. Ни звука. Старушка проснулась, выпрямилась в кресле и подслеповато прищурилась. Ким схватила с подоконника свечу. Побежала к двери.

– В воде она, – пробормотала мисс Лэрейси.

– Что? – переспросила Ким. Уже стоя в коридоре, она уцепилась свободной рукой за косяк и втащила себя назад в комнату.

– В воде.

– Что? – Ким посмотрела на Дага. – Что?

– Хватит чепуху молоть! – одернул старушку Даг.

– Да какая ж тут чепуха! Дите-то целехонько. – Мисс Лэрейси широко улыбнулась беззубым ртом. – Жива, жива девчоночка.

Ким некоторое время ждала продолжения, потом, не дождавшись, повернулась и вылетела из комнаты.

– Тари! Джо! – закричала она.

Даг возмущенно покачал головой.

Ким одну за другой обыскивала все комнаты в доме. Повсюду разносился ее отчаянный крик: «Джо!». Даг продолжал испепелять взглядом мисс Лэрейси. Но упрямую старушку это не смутило. Она подмигнула и ухмыльнулась:

– Чего ж на суше искать-то? На суше ее нет. Ее призраки в воду уволокли. Ух, они это любят.

– Да уймешься ты когда-нибудь! – Даг сердито выскочил из комнаты и скатился по лестнице. Открылась входная дверь, в прихожую вошел Джозеф. Он удивленно оглядел взволнованную жену.

– Тари с тобой? – спросила Ким.

– Нет. – Джозеф и раньше был не слишком розовый, а теперь совсем побелел, стал почти бесцветным.

– Где она? Ее уже убили? Чья теперь очередь?

– Что?! – Ким в ярости выбежала на улицу, со всей силы толкнув Джозефа в грудь. – Что ты несешь? – Она скрылась в темноте, продолжая звать Тари. Своим криком Ким перекрыла даже шум вертолетов у залива.

– Рановато ее убили, – сказал Джозеф, – представление еще не окончено.

В столичных новостях передавали, что в Уимерли отключилось электричество, осложнив и без того непростую ситуацию в районе.

Чейз вышел из душа с влажным полотенцем на бедрах. Он сел в кресло за рабочим столом и надел наушники, чтобы тайком от жены послушать через интернет информационные выпуски. Когда-то эта комната была спальней, но Чейз заявил на нее свои права и оборудовал здесь кабинет. Стены прямо поверх бесчисленных слоев пожелтевших от времени обоев он обшил гипсокартоном. В тех местах, где крепились картонные щиты, на стенах еще остались дырки, их предстояло замазать гипсом, но в целом помещение стало вполне пригодным для работы. Тереза осталась внизу, она смотрела передачу о садоводстве.

Чейз своими глазами видел, что в Уимерли нет электричества, и заявление министра энергетики прозвучало для сержанта полным бредом. «Технических причин прекращения подачи электроэнергии в город не обнаружено. По сведениям местной электростанции, электричество в район поступает». Вот так вот. И это говорит сам министр.

Чейз зашел на другой сайт. Общенациональные новости. Даже здесь была небольшая заметка о событиях в Уимерли, седьмая или восьмая строчка в списке репортажей. Сержант щелкнул мышкой по заголовку «У ПОБЕРЕЖЬЯ НЬЮФАУНДЛЕНДА НАЙДЕНЫ ТЕЛА» и посмотрел передачу. Ничего нового. Повтор местных новостей. Просто выкупили репортаж. Чейз напомнил себе, что уже поздно и пора ложиться. Бог знает, сколько он просидел в интернете. С другой стороны, идти спать неохота. Чего там делать, лежать одному в холодной пустой постели и пялиться в потолок? Тереза смотрит телевизор часов до трех-четырех утра, а то и вовсе остается спать на диване. Что толку высыпаться, когда впереди такие дни? Нет, спать совсем не хочется. Вот душ – другое дело, но ведь не будешь его принимать каждые пять минут.

Чейз открывал и закрывал окошки сайтов, везде передавали одно и то же. Информации мало, ответов на вопросы и того меньше. Интервью с врачами. Авторитетные специалисты раздуваются от гордости и собственного профессионализма, вот только сказать-то им нечего, они тоже ни черта не понимают в происходящем. Одни говорят, инфекция распространяется по воде, другие – по воздуху. Никакой определенности. Сплошные догадки.

Все-таки странно видеть знакомые места на экране компьютера. Особенно, когда только что вернулся с места событий. Да в конце концов, можно просто выйти на задний двор, и вон он, городок, на другой стороне залива, а вон и огромный мыс. А в интернете при этом идут репортажи из Уимерли. Можно никуда не ходить и все-таки быть в курсе. Прямой эфир. Или, как это еще называется, «вживую». Сколько тел уже выловили? Даже это толком неизвестно. Чейз покачал головой. Он открыл следующий сайт, стащил с одного уха наушник и прислушался. Из гостиной не доносилось ни звука. Ради чего, спрашивается, они сбежали от кошмара Саскачевана? Ради того, чтобы оказаться в эпицентре невиданной катастрофы? Там, в Саскачеване, Чейза всегда утешала мысль о том, что остальной мир живет по нормальным человеческим правилам. Пусть по свету разгуливают серийные убийцы, пусть в газетах пишут об их кровавых преступлениях, жизнь все равно продолжается. Но вот это уже чересчур. Такое в страшном сне не приснится. При этом никто, никто не знает, что будет дальше. Новая эпидемия вполне может перекинуться и на Порт-де-Гибль.

Чейз снова надел наушники. Журналисты выдвигали теории, пытались дать хоть какое-нибудь разумное объяснение происходящему. Сержант знал то, чего не знали репортеры. Командор Френч поделился с ним некоторыми данными. Потому-то сержанту и разрешили покинуть Уимерли. Заболевание не инфекционное, и заразиться им нельзя.

Больше Френч ничего объяснять не стал. У Чейза сложилось впечатление, что командор знает больше, чем говорит. Сержант негодовал. Это надо же, предложить ему, дежурному инспектору канадской полиции, съездить домой и отдохнуть! В такое-то время! Может, Френч просто не хотел, чтобы полиция болталась под ногами? Чейз стал возражать, дескать, сейчас не до отдыха, тем более что в городе карантин. Тут-то Френч его и ошарашил: болезнь незаразная, а посты на дорогах оставили для виду. Вот идол! Сидит, как каменный, по лицу не поймешь, что он там себе при этом думает. Одно только ясно: лишнего слова из него не выжмешь.

Еще один сайт. Тот же видеоролик. Панорама ночного залива. Над волнами летают вертолеты, прожекторы ощупывают поверхность воды. На горизонте вспыхивают и снова гаснут красные точки. Похоже на репортаж с места военных действий. Причем корреспонденты спокойны, как удавы. Подумаешь, нашли тела. Ну и что такого, что некоторым из них много лет?

На экране замигал значок телефонного вызова, и Чейз быстро нажал кнопку «ответить». Он понимал, что телефон громко звонит на кухне, а Терезу беспокоить не хотелось.

- Алло, – сказал он в микрофон над монитором.
- Сержант Чейз? – Звонила диспетчер из полицейского управления в Сент-Джонсе.
- Да.
- Нам доложили, что в Уимерли пропал человек. Девочка. Восемь лет. Волосы светлые, глаза голубые. Рост и вес пока не уточнили. Поскольку вы назначены дежурным по этому району, мы решили в первую очередь оповестить вас.
- Кто заявил?
- Джозеф Блеквуд, отец ребенка. Записывайте адрес: Уимерли, Верхняя дорога, дом старика Критча. Это все, более точного адреса он не дал.
- Ничего, разберусь, – сказал сержант. Он сразу вспомнил парня на причале, который помогал дочери вытащить из воды ерша.
- Давно она пропала?
- Час или два назад. Так мне записать, что вы приняли вызов?
- Да, позвоните мистеру Блеквуду. Скажите, выезжаю.

Джозеф позвонил в полицию, там ему сообщили, что оператор свяжется с дежурным инспектором, и тот сразу же выедет на место. Голос в трубке был какой-то механический, бездушный, укоризненный. Словно дочь пропала по вине Джозефа.

Джозеф выругался и бросил трубку. Дядя Даг оттер его в сторону, снова набрал номер и прислушался. Потом нажал на рычажок, подождал, снова отпустил. Опять нажал, послушал.

- В чем дело? – спросила Ким.
- Нет гудка. – Даг повесил трубку.
- В телефоне? – Ким в отчаянии выхватила у старика трубку и посмотрела на мужа. – Нет гудка. – Она повесила трубку и повернулась к Джозефу. – Так ты, что ж, ни с кем не говорил на самом деле?

- Да говорил я! – крикнул он и сжал кулаки. – Только они меня не слышали.
- Что?
- Пошли. Надо самим искать. – Даг быстро двинулся к входной двери, Ким и Джозеф последовали за ним по пятам. Мисс Лэрейси сидела на диване в гостиной, накрыв колени бело-желтым вязаным одеялом.

– Живехонька, – приговаривала старушка. Никто, кроме Джозефа, не обратил на нее внимания.

Они вышли во двор. По воде сновали катера, над волнами трещали лопастями вертолеты. Джозеф решил вернуться и прибить старушенцию. Она уже старая, смерть ей в радость. Бабуся легко концы отдаст, хотя будет только лучше, если она немного

побрыкается. Наверху есть подушки.

Огромные прожекторы освещали холмы с запада, два вертолета опускали на тросах что-то большое и металлическое. Дядя Даг встал рядом с машиной Ким. Джозеф смотрел, как на дороге то появляется, то исчезает луч света. Фонарик. Наверное, старик куда-то собрался. Ну и чудненько. Без него гораздо лучше. Все-таки родственник. При нем надо сдерживаться, вести себя подобающе. А это сейчас не годится. Сейчас годится кому-нибудь навредить. Прямо распирает, как хочется все на ком-нибудь выместить.

– Кто за руль сядет? – спросил Даг.

– А куда ехать-то? – Ким сердито переступила с ноги на ногу. Ей хотелось двигаться, искать, вернуть то, что у нее отняли. – Тари где-то тут, поблизости. Куда она могла пойти? – Ким сложила ладони рупором и закричала:

– Та-а-а-ри!

Никто не ответил. Джозеф подумал, что Джессика, дочь Клаудии, могла бы кое-что порассказать. Покойница. Небось, потащила Тари куда-нибудь играть. Мертвые всегда так поступают. Они жадные, никого, кроме себя, не любят. Вот только, если они мертвые, как же они могут быть жадными? Сто пудов, Тари слиняла с Джессикой. Только куда? В сарае их нету. В лесу темно, не очень-то погуляешь. Ребенку по такому лесу далеко не уйти, вмиг застрянет в кустарнике. Может, жене сказать? Если, конечно, эта женщина и вправду жена. А еще дяде Дагу. Бывалому рыбаку. Командиру. Сказать ему, что Тари пошла играть с утопленницей? Семейка всплеснет руками, все скажут: «Что ж ты раньше молчал?! Тогда можно не беспокоиться. С Тари все в порядке, она играет с мертвой подружкой». Подружка ведь и вправду мертвая. Мертвее некуда. Какой от нее может быть вред?

Эти поймут. У местных вообще крыша на привидениях поехала. Вот большой город – дело другое. Там никто в сказки не верит. Веки Джозефа дрожали, дорога перед глазами все время мерцала. На тыльной стороне ладони откуда-то взялась капля. Джозеф поднял руку и посмотрел на кожу, туго обтянувшую кости. Прозрачная капля. Он лизнул. Вода. Посмотрел в небо. Ни облачка. Ослепительно яркие звезды. Еще одна капля упала на голову и медленно растеклась по волосам. И еще одна, теперь уже на щеке. Все. Больше не капает. Джозеф вспомнил о старушке в доме. Пока есть время, надо убить ее, порезать на кусочки. В доме ведь столько подходящих инструментов. И все подробно заснять. Потом продать снимки издательству. Можно даже поторговаться, найти самое богатое. Вроде в машине есть фотоаппарат? Старушке давно пора очокуриться. Зажилась. Убить ее. Убить. Молодые поймут, молодые оценят. В герои произведут.

– Та-а-а-ри! – Ким прошла вперед по дороге.

Джозеф смотрел на нее и решал, сломать ей шею или пробить затылок разводным ключом? Размахнуться и... ХРЯСЬ! Очень нужно сделать что-нибудь отвратительное. Нет, лучше не ключом. Лучше удушить, повалить на землю и разможить ей башку о камень. Джозеф представил, как жена отбивается, кричит, в изодранную блузку уже напозли личинки. Сучка бездетная. На что она годится? Не смогла младенца в брюхе удержать. И Тари из-за нее пропала. Надо было не дрыхнуть, а следить за ребенком.

Джозеф повернулся к дому Клаудии. Сходить, что ли, к ней? Такие, как она, не сопротивляются, они умирают легко. Клаудия будет ждать смерти, выйдет на порог в погребальном платье, в руках цветы, к бледным губам прижато распятие. Может, Тари у нее? Одна девчонка уже умерла, и слава богу: работы меньше. Но Джозеф совсем недавно подглядывал в соседские окна и Тари не видел. Только Клаудию. Она вплыла в гостиную, встала у окна, тени метнулись к ее лицу. Неземная красота! Глаза Клаудии запали еще глубже, она смотрела на Джозефа так печально, что ему стало жаль соседку, жаль разбитого сердца и загубленной жизни. Надо ее убить, чтоб не мучилась. Она же этого хочет. Так пусть, наконец, получит то, к чему стремится. Взять ружье и вставить ей дуло в рот. А что, очень даже сексуально.

Джозеф заметил, что дядя Даг подозрительно смотрит на него и щелкает кнопкой фонарика. Луч бил в глаза, пришлось поднять руку и заслониться от света. Старик поправил

козырек бейсболки и тихо выругался.

– Ты идешь?

Даг спрашивал племянника, но откликнулась Ким:

– Иду. – Она пошла вверх по дороге, потом оглянулась на мужа через плечо и поразилась, до чего он стал ничтожным и никчемным. Впереди над верхушками деревьев темнел шпиль старой церкви.

Джозеф грубо схватил жену за руку.

– Никуда ты не пойдешь, – прошипел он.

Ким вскрикнула и вырвалась. Джозеф злобно ухмыльнулся.

– Да что с тобой такое? – закричала Ким, чуть не плача.

– Ты что делаешь? Обалдел? – резко спросил Даг.

Джозеф скривил губы и представил себе, как сверлит в жене дырки – уж тогда она точно станет мягкой и покладистой. Он шумно выдохнул и прислушался к своим ощущениям. В легких чего-то не хватало. Чего-то очень нужного.

– Я в ту сторону. – Даг кивнул на городок у подножия холма. – На вот, возьми. – Старик отдал Ким фонарик. Она щелкнула кнопкой, луч осветил деревья.

Джозеф неотрывно смотрел на гряду холмов. Три стройплощадки, три разных проекта, три чудовищных сооружения. Что если вернуться домой, спрятаться в шкафу и подкараулить первого, кто войдет? Да, есть ведь еще старуха. Можно на ней попрактиковаться.

Ишь ты, разбрелись. За кем идти-то? За стариком? Или за этой, как ее, женой? Надо быть мужчиной, сердцеедом. Вырвать у нее сердце и съесть. Так поступают победители.

Даг вернулся, чертыхаясь себе под нос. Подошел, снял бейсболку и стукнул Джозефа по затылку козырьком.

– Догоняй жену, – рявкнул дядя. – Не стой столбом, дубина.

Ким уходила все дальше и дальше. Она уже почти скрылась в темноте, наконец, не выдержала, повернулась и сердито крикнула:

– Так ты идешь?

Джозеф решил, что женщина обращается к нему. Но у него же вроде другие планы? Или нет? Кажется, надо кого-то искать. Так ведь он уже все нашел. Чистую ярость. Без всяких прикрас. Они потеряли, а он нашел.

Старик спускался по дороге, вертел головой, поднимал ветки кустов и кого-то звал. Джозеф шагнул вперед. Ноги подгибались, он тонул, все глубже погружаясь в ил. Перед глазами стояли лица утопленников, их тусклые бессмысленные глаза. Нет – внимательные, требовательные. Одна утопленница подплыла поближе, и Джозеф узнал ее. Когда-то он был к ней привязан, теперь это не имело значения. Когда-то она звалась его «дочерью».

Женщина впереди светила фонариком себе под ноги. Джозеф пошел следом. За этой дурой красться легко: все время кричит. Кто ж так прячется?

Сержант Чейз подъехал к дому Критча, прошел по темному двору, поднялся на крыльцо, постучал и прислушался. В окне гостиной горела свеча, от этого тюлевые занавески стали оранжевыми. Чейз оглянулся на уличный фонарь. Фонарь не горел. На крыльце солнечного дома сидела большая черная собака. Сержант снова постучал. Никто не ответил. «Наверное, девочку искать пошли», – подумал он и вдруг услышал дребезжащий старушечий голос:

Плачет невеста: «Где ты, мой милый?»
Милому воды стали могилой.
Под одинокую песню кита
Рыбы целуют немые уста.

Чейз не был уверен, что песня доносится из дома, но все-таки повернул ручку, и дверь подалась. Он неуверенно заглянул в прихожую. В гостиной действительно горела свеча.

Пламя отражалось в полированной крышке старого пианино у дальней стены. Поначалу сержант решил, что в комнате пусто. Седенькую старушку на мягком плюшевом диване он заметил не сразу.

– Здравсте, – сказал сержант. Он даже немного испугался: уж больно пронзительным был у старушки взгляд.

Старушка кивнула, улыбнулась и запела:

Помнят ветра, как шептал, умирая,
Парень вдали от родимого края:
«Не хороните в пучине меня,
Там не бывает сияния дня».

Она выжидающе замолчала, словно ждала, что Чейз будет горевать вместе с ней.

– Это отсюда девочка пропала? – спросил сержант. Он переступил порог и захлопнул входную дверь. Сразу стало уютно и спокойно. Может, призрачный свет напомнил о годах юности, когда Чейз любил зажигать свечи и ароматические палочки? Или дело в песне, в красивой и печальной песне, которую он никогда раньше не слышал?

– Отсюда, милый.

– Новости есть какие? – Чейз снял фуражку и покрутил ее в руках, он чувствовал себя неловко в присутствии пожилой женщины.

– А у нас одна новость. Дите потерялось.

– Я говорю, не нашли пока? – Он шагнул в гостиную, сразу запахло старинной обивкой и деревянной мебелью.

– С ней-то беды не будет.

– Так что, нашли? – с надеждой спросил Чейз. Он заметил на столике синюю вазу с букетом полевых цветов, а рядом карандашный портрет женщины с длинными рыжеватыми волосами. Если это нарисовал ребенок, то ребенок очень талантливый.

Старушка не отвечала.

– А где все?

– Ищут.

– Понятно. – Чейз оглядел комнату. – Какое время назад пропал ребенок?

– А время, красавчик мой, назад не идет. – Старушка хихикнула, потерла губы пальцем и снова хихикнула. – Если бы назад шло, я бы сейчас молодая была.

Ее несуразные речи начинали действовать Чейзу на нервы.

– Вы бабушка ее? – спросил он.

– Надо же, на суше ищут! – озабоченно сказала старушка. – Чуть что, давай на суше искать. А дите-то в море. И все там будем.

Понедельник

Райну разбудил резкий звонок телефона. Она зевнула и потянулась. В голову будто мокрого картона напихали, и притом никак не меньше тонны. Сейчас, стало быть, полдесятого утра По понедельникам Томми Квилти всегда звонит в это время, проверяет, как она себя чувствует. Муж Райны, Грегори, утонул шесть лет назад. С тех пор Томми взял над ней шефство. Райна не знала, радоваться ей или горевать, что у нее такой ангел-хранитель. Томми был очень милым, но иногда излишне навязчивым, особенно по утрам, когда Райну терзало похмелье.

По Грегу Райна не слишком тосковала. Он был грубым и жестоким, чуть что, распускал руки. Томми с самого начала знал об этих выходках. Однажды Грег и его побил: нечего, дескать, жене с кем попало чай пить. Схватил «придурка» за шиворот и выволок на улицу. «Придурак». Грег всегда его так называл. У Райны чуть сердце от жалости не разорвалось, пока Томми катался по земле и скулил. Райна хотела Грега оттащить, а он и ей пару синяков

под глазами повесил. Муженек всегда был скор на расправу. И все-таки без него Райне чего-то недоставало, а чего, она и сама сказать не могла. Не Грег, это уж точно. Разве только ощущения, что он дома. Не пьяница и хам, а тот веселый парень, каким Грег был когда-то.

Телефон не умолкал. Вечером Райна прикончила целую бутылку рома, и голова теперь раскалывалась. От выкуренных сигарет во рту стояла горечь. Вчерашний день вспоминался с трудом. Вроде бы Райна споткнулась, когда шла через двор, и упала. Нет, не шла. Она за кем-то гналась. Может, за кошкой? Пыталась заманить в прихожую? Или прогнать? Так или иначе, кому-то какую-то пакость она творила. Ой, как нехорошо.

Райна обняла подушку, прижалась к ней лицом и застонала. В последнее время Томми звонил уже через день, и Райна подозревала, что причина – во всех этих странных смертях и находках.

Вчера вечером она смотрела репортаж про Уимерли. Интервью давали все кому не лень, даже Кларенция Пайк и Алиса Фицпатрик. Вот уж клуши. Как будто их пыльным мешком стукнули. Одна кудахчет, что у нее в чайнике рыба: «такая мерзость, такая мерзость!», другая вообще ничего кроме: «ужас, ужас!» придумать не может. А журналисты со всей Канады слушают, кивают с умным видом, хотя сами понимают еще меньше. И такое переживание на рожах, ну прямо сейчас разрыдаются от сочувствия. Тут как раз свет вырубился. До сих пор, кстати, не дали. Телефон тоже не работал. Райна вспомнила, что пыталась кому-то позвонить. Кому? Томми?

Электронные часы-радио на тумбочке у кровати так и показывали пол-одиннадцатого со вчерашнего вечера. Райна нащарила трубку и поднесла к уху.

– Алле, – просипела она и схватилась за голову. Голова трещала немилосердно. Райна тяжело вздохнула.

О том, чтобы пошевелиться, не могло быть и речи. Лучше всего тихонечко полежать. На том конце запыхтел носом Томми.

– Томми?

– Я, – сразу откликнулся он. – Вставай, красотуля! Птички давно проснулись, тебя одну все ждут.

Райна расплылась в улыбке и прикрыла глаза. Осторожно кашлянула и тут же об этом пожалела: затылок чуть не лопнул. На столике воняла переполненная пепельница. От одного вида окурков Райну затошнило. Она привыкла, что Томми подолгу молчит, а потому не торопила его и спокойно ждала продолжения.

– Что поделяваешь? – спросил он через некоторое время.

– Лежу. Скоро встану... кажется.

– И я.

– Тоже лежишь?

– Не-а.

Райна умилилась. Томми как ребенок. Он один никогда ничего от нее не требует. Просто заботится, хочет быть рядом, скучает по ней.

– Знаешь, чего?

– Чего?

– Я тут в Порт-де-Гибле вчера была. В продуктовой лавке. Ну, и зашла в галерею к Максайну. У них картинки твои новые висят. – Томми молчал. Райна потянулась за сигаретой и вдруг заметила, что не дышит. Она изумленно выпрямилась, сделала вдох и прислушалась к ощущениям. Все вроде нормально. Разве что вспотела, хоть выжимай. Так это с похмелья. Бр-р-р, вонь! Срочно в душ. – Томми?

– А?

– Пойду я.

– Давай. А можно я, того... загляну?

– Спрашиваешь!

Райна сделала глубокий вдох и запаниковала. Ей не дышалось.

- Господи, – пробормотала она и приложила руку к груди. – На улице духота?
- Как?
- Тут дышать нечем.
- А?
- Да нет, ничего, – задумчиво произнесла Райна, – приходи, как соберешься.

Она положила трубку и спустила ноги на пол. Вылезла из-под простыни, натянула красную футболку, которую с вечера бросила в ногах кровати. Воздух ощущался кожей при каждом движении. Райне стало страшно. А вдруг она подцепила этот вирус, о котором все болтают? Стало еще страшнее. Нет, просто курить надо меньше. Райна встала. Ноги служить отказывались. Пришлось снова сесть. В голове – одна звенящая пустота.

На лбу выступили капельки пота, потекли по бровям. Надо выпить. Подлечиться. Райна утерла пот краем футболки, прижала ткань к лицу и закрыла глаза. Пустота.

– Надо выпить, – вслух произнесла она.

Только что сказанные слова моментально стерлись из памяти. Райна огляделась. Что это за комната? Чей это дом? Чужой? Несколько секунд она не могла понять, где находится. Наконец Райна вспомнила. Она эту комнату знает, как свои пять пальцев. Это же ее спальня.

Доктор Томпсон вошел в приемный покой и оглядел очередь. Это наверняка родственники тех, кто подхватил новый вирус. Люди стояли и сидели вдоль стен. Несчастные родители. Хотя какие ж они родители, если среди заболевших нет ни одного ребенка. Ни одного. Только взрослые. Почему, позвольте спросить? Есть, конечно, заболевания, характерные для определенного возраста. Вот только какие? Сразу и не вспомнишь.

Донна Дровер больше не разговаривала, а у Дэрри начались провалы в памяти. Странная какая-то амнезия. Обычно она наступает в результате травмы или сильного переживания. А тут – едва ли не на пустом месте. У всех пациентов одно и то же: умственная деградация без признаков патологии мозга.

Томпсон провел в больнице всю ночь. Вчера вечером, когда он сидел у Мюрреев, наслаждался роскошным ужином и едва сдерживался, чтобы не застонать от удовольствия, зазвонил мобильник. Тринадцатый раз за день. Разговоры на кухне сразу стихли. Все обернулись к доктору. Телефонные трели напомнили собравшимся, что Томпсон вторгся в их маленький тесный мирок. Доктор вскочил, сорвал с пояса мобильник и застыл посреди кухни с набитым ртом. В комнате воцарилась тишина, Уилф Мюррей поправил козырек бейсболки и выставил вперед колючий небритый подбородок. Телефон снова зазвонил. Томпсон одной рукой открыл крышку мобильного, а другой продолжал держать полную тарелку. Пытаясь одним махом проглотить все, что было во рту, он едва не подавился. Одновременно кашлять и слушать собеседника было трудно, но Томпсон все-таки понял, что Донна Дровер только что впала в кому.

Томпсон ненадолго заехал домой и покормил Агату. Несчастную, голодную и брошенную. Пришлось взять беднягу с собой. Последние метры по больничному коридору доктор преодолел бегом. Естественно, опять до тошноты разболелась лодыжка. Пришлось выбирать: сбавлять ход или расставаться с ужином гостеприимной миссис Мюррей.

Теперь в палате лежали еще две женщины из Уимерли. Обе с кислородными масками, трубки в трахеи пока не вводили. У одной глаза были закрыты, другая, привязанная к койке, кровожадно смотрела на доктора. В ушах у Томпсона снова зазвучал вопрос Донны: «что я?», а еще слова командора Френча: «ловцы человеков».

– Как вы себя чувствуете? – спросил доктор у привязанной. Она покачала головой, выражение ненависти на ее лице постепенно сменялось отчаяньем и беспомощностью. Томпсону стало искренне жаль пациентку. Он осмотрел Донну и отправился в ординаторскую. Там тихонько беседовали два незнакомых врача, наверное, приехали на помощь из другой больницы. Хрупкая темноволосая женщина средних лет считала, что какое-то ядовитое вещество поражает мозговые клетки обитателей Уимерли. Ее коллеге,

курчавому шатену в очках с толстыми стеклами, на вид было не больше тридцати. Он полагал, что речи о заражении местности быть не может, поскольку ни одно ядовитое вещество в телах умерших найдено не было. Он считал, что дело в психологическом состоянии пациентов, какой-то разновидности массового помешательства.

– Физически они были совершенно здоровы, – утверждал он.

– Как тогда вы объясните их смерть? – не соглашалась женщина. – Как можно умереть от истерии?

– Не знаю, – ответил молодой человек. – А вы знаете? Ну вот, в этом все и дело. Никто ничего не знает.

Томпсону уже приходила в голову мысль о массовом психозе, но эта версия не выдерживала никакой критики. К тому же доктор слишком устал, чтобы вмешиваться в обсуждение. Врачи посмотрели в его сторону, ожидая, что он присоединится к спору, но быстро поняли, что Томпсону не до них, и тут же о нем забыли. Доктору действительно было не до них. Он беспокоился об Агате. Как она там в машине? Не задохнулась бы. Нет, вроде водительское окошко приоткрыто. Томпсон вернулся к рассуждениям о болезни. Итак, что мы имеем? Сначала агрессия, потом угнетение дыхания, распад личности и амнезия. А теперь еще и кома. При этом среди заболевших – ни одного ребенка. Он так и сяк вертел в голове эти симптомы, пока засыпал. Вскоре по ординаторской разнесся его храп.

С тех пор прошло два часа, и вот он стоит в приемном отделении и ждет чего-то. Чего? Томпсон вспомнил, что уже был здесь пару дней назад вместе с сержантом Чейзом. Доктора еще тогда поразило, с какой злобой мужчины и женщины смотрели на него. В их глазах читались очень недобрые намерения. Сегодня в стеклянных дверях отделения поставили охранника: руки за спиной, ноги на ширине плеч. И никакого оружия. Разве охранникам оружие не полагается? Город на чрезвычайном положении, беспорядки могут начаться в любую минуту, даже от больничных стен веет хаосом. Из глубин организма поднялась отрыжка, во рту появился привкус вчерашнего ужина. Хотя что-то приятное.

Приемный покой был забит до отказа. Повсюду сидели взрослые и дети. Пустые, равнодушные лица. Старики и старухи жались друг к другу, перешептывались, качали головами. Эти люди не в первый раз сталкивались с бедой, и теперь сравнивали новую болезнь с былыми несчастьями. Попадались тут и обычные больные с простудами, порезами и растяжениями. От толпы несло тяжелым человеческим духом, жара стояла невыносимая.

Томпсон переводил взгляд с одного лица на другое. Никаких признаков агрессии. Может, позавчера все просто почудилось? Вдали послышался вой сирены. Доктор обернулся к раздвижным стеклянным дверям.

Люди в очереди тоже повернули головы. Посещения инфицированных запретили, но никто из родственников не расходился, все ждали хоть каких-нибудь новостей. Томпсона со всех сторон спрашивали о состоянии больных. Увы, ничего определенного он сообщить не мог. Приходилось отвечать доброжелательно, но уклончиво. Шестой этаж больницы уже целиком закрылся на карантин.

Двойные двери разъехались перед Томпсоном, и он вышел на улицу. Снаружи оказалось довольно-таки прохладно. Утренний ветерок бодрил. Доктор посмотрел на еловый лес вдаль. Над верхушками деревьев плыла одинокая ворона. Сирена взвыла совсем близко, и наконец замолкла. В больничный двор въехала карета скорой помощи. Машина заслонила от Томпсона лес, перед глазами остался только белый борт с оранжевой надписью. Фельдшер с водителем прыгнули на асфальт и бросились к задней дверце вытаскивать носилки. Они привезли девочку лет семи или восьми. Санитары подогнали каталку.

– Что у нее? – спросил Томпсон.

– Гипотермия. Температура не повышается, – ответил один из санитаров. Каталка с грохотом въехала в вестибюль. Томпсон старался не отставать.

– В воде нашли?

– Военный катер из моря выловил. Ее сначала на рыбозавод отвезли, думали, еще один труп. А потом смотрят – одета по-современному. – Санитар взглянул на врача и покачал

головой, словно и сам не верил своим словам. Процессия быстро двигалась по коридору. Томпсон смотрел на лицо ребенка, скрытое кислородной маской. Где-то он эту девочку видел. Пациентка? Точно. Та самая, в которую камнем попали! Как же ее звать? Имя у нее какое-то зверушечье. Нет, птичье. Доктор бормотал названия птиц до самых дверей реанимации. Там уже ждали врачи. Медсестры в синих халатах стояли по сторонам коридора. «Тари, – вспомнил он, когда прямо перед его носом захлопнулись двери. – Ее зовут Тари».

За несколько часов до этого на Хрыч-лейн Ким наступила в кротовину, споткнулась и уронила в кусты фонарик. Она чуть не упала, но все-таки удержала равновесие. И тут на нее налетели сзади. Ким покатила по камням, кто-то тяжелый придавил ее к земле. После короткой борьбы этот кто-то перевернул Ким на спину. Из-за веток выглянула луна, осветив нападавшего. Джозеф. Лицо перекошено, глаза превратились в узкие щелочки. Ким с омерзением попыталась увернуться от его смрадного дыхания. Джозеф крепко схватил ее за руки.

– Ах ты, шлюха! – прошипел он сквозь зубы. – Ты ему дала! Рыбаку!
– Пусти! – Лечь было трудно: падая, Ким ударила бедром. – Больно! Да пусти же ты!

– Теперь не уйдешь...
– Пусти! – Ким продолжала сопротивляться, забыв о боли, но Джозеф был слишком тяжел.

– Шлюха. – Он помусолил палец и потер ей щеку. – Наштукатурилась! А внутри-то что? Ну-ка, покажи зубы. – Он влил ей оплеуху. – Сейчас просверлим тебе пару дырок в черепушке. Поглядим, кто ты на самом деле. – Он схватил Ким за горло, но душить не торопился, а лишь слегка сдавливал и отпускал, будто проверяя упругость.

Ким схватила камень и ударила мужа в висок. Джозеф ослабил хватку, глаза помутнели, голова начала клониться. Было непонятно, то ли он сейчас потеряет сознание, то ли укусит. Ким снова подняла камень. Но Джозеф лишь поцеловал ее, уколол щетиной. Этого Ким никак не ожидала. Поцелуй был нежным, так целуют на прощанье. Джозеф вскочил на ноги и пропал за деревьями. В тишине еще долго раздавались треск сучьев и почти звериное рычанье.

Ким осталась лежать. Гравий впивался в тело, бедро снова напомнило о себе. Она зарыдала от бессилия, но потом рассердилась и взяла себя в руки. Ким с трудом поднялась, поискала в кустах потерянный фонарик, но так и не нашла. Джозеф, ее Джозеф, напал на нее, а потом скрылся в лесу!

От боли и потрясения ее вырвало в придорожную канаву. Ким, всхлипывая, пошла вниз по Хрыч-лейн и снова начала звать Тари. Боль становилась сильнее, перед глазами все плыло, голова кружилась. Но Ким упрямо продолжала идти.

В конце улицы открылся кошмарный (другого слова Ким подобрать не смогла) вид на бухту. Недалеко от берега на темных волнах качалась лодка, двое тащили из воды что-то тяжелое, видимо, очередное тело. Прожекторы вертолета освещали высокий борт, водолазов в блестящих черных гидрокостюмах и утопленника у них на руках.

Ким вдруг показалось, что она ищет дочь в незнакомом, чудовищном мире, порожденном не силами природы, а чьим-то больным воображением. Дочь пропала. Или, может, ее украли. И Ким никогда ее не найти, не понять и не разгадать этой ужасной, ужасной загадки. Кто мог знать, что случится такое несчастье? Ким почувствовала себя маленькой и никчемной. Она никак не могла понять, почему пропала Тари. Не могла заставить себя обдумать происходящее, а могла только продолжать поиски.

Ким сделала несколько шагов по нижней дороге и остановилась. В лесу под чьей-то тяжелой ногой хрустели сучья. Она повернулась и заметила тень, кто-то шел по пятам и шагнул в лес, как только Ким повернулась. Джозеф. Он что, совсем из ума выжил? Выслеживает ее, как хищник добычу, снова готовится напасть. Ким пошла быстрее, внутри

все сжалось от страха. «Та-а-ари!» – отчаянно звала она.

Никто не отвечал. Ким все отдала бы за то, чтобы найти дочь, спасти ее. «Господи, – умоляла Ким снова и снова. – Господи, помоги мне, помоги моей девочке!».

Ким дошла до первого кордона и хотела пройти дальше на запад, но солдаты с фонариками преградили ей путь. Они не сжалились даже тогда, когда Ким закричала, перекрывая шум вертолетов над головой:

– Мне нужно! У меня пропала дочь!

Длинный солдат, который не то на самом деле был главным, не то притворялся, заметил, что у Ким повреждено бедро и вызвал по рации врачей, после чего сообщил, что жителей города за этот кордон не выпускают. Второй солдат стоял поодаль и с ужасом вглядывался в черные волны. Ким тоже испугалась, начала визжать и царапать длинного, который загораживал проход. Третий солдат схватил ее сзади и оттащил от товарища.

– Вы уж простите, – сказал длинный.

Ким отступила, но не успокоилась. Она уже собралась пойти поискать какую-нибудь лазейку, когда сверкнули фары. Ким прикрыла глаза ладонью. Подъехала машина с сине-красной мигалкой. В лучах света появилась фигура полицейского. Он был еще выше и крупнее первого солдата.

– Миссис Блеквуд? – крикнул полицейский.

– Да, – устало ответила Ким и побрела навстречу. – Да, – уже громче повторила она, стараясь перекричать шум вертолета, кружившего прямо у них над головами.

Высокий солдат снова преградил Ким путь. Она оттолкнула его обеими руками, военный попятился.

– Пропустите ее, – громко сказал полицейский, подошел к Ким и взял ее за руку. – Я сержант Чейз. Что, ногу повредили?

– Вы нашли мою дочь? – спросила Ким.

Полицейский открыл ей заднюю дверцу машины.

– Да нет пока. Но мы поисковую команду снарядили. Скоро подъедут.

Скривившись от боли, Ким забралась в салон. Тепло. На улице холодно, а внутри тепло. Давно уже ночь, потому и холодно. А тут тепло, тут печка работает. Так приятно, когда тепло. Даже слишком. Бедро болело невыносимо, от этого снова скрутило желудок. Сержант сел за руль. Ким обернулась и сквозь заднее стекло посмотрела на холмы, залитые искусственным светом. Вертолеты воздвигали на них громадные серебристые диски размером с дом.

– Едем искать? – спросила она Чейза.

– Искать?

– Ну да.

– Ночью бесполезно. А уж вдвоем-то мы ее точно не найдем.

– Нет, найдем! – Ким ударила кулаком по переднему сиденью. – Господи!

– Тут всем вместе надо. Нельзя разбредаться. В поиске система нужна. – Он глянул в зеркало заднего вида. – Дети, они ведь не как взрослые. Они по лесу не бродят, когда потеряются. Спрячутся где-нибудь и сядят. – Ким проследила за взглядом полицейского и заметила Джозефа, который выглянул на дорогу и снова исчез в лесу. Высокий солдат тут же двинулся следом.

Сержант отвез Ким обратно в дом Критча. По дороге он предложил заехать в больницу, чтобы осмотреть ногу. Ким отказалась, соврав, что просто споткнулась в темноте и упала.

– Ерунда, – отмахнулась она.

В доме Критча сержант связался по рации с военным штабом в здании городского клуба и спросил, нет ли новостей о Тари. Ему сообщили, что какого-то ребенка действительно нашли, но подробностей никто не знал, неизвестно было даже, мальчик это или девочка, да и жив ли ребенок.

– Где она? – Ким требовательно глядела на Чейза.

– Да пока не понятно, – ответил сержант. – Надо тут подождать. Как что-нибудь

прояснится, нам первым делом сообщат.

Сколько времени прошло с этого разговора? Ночь, неделя или только несколько секунд? В комнате горела свеча, на улице было все еще темно, тьма душила. Ким приняла три таблетки успокаивающего. Никакого эффекта. Пришлось принять еще две. Она впала в ступор, время от времени ударяясь в панику. Бедро болело не переставая. Ким поднялась с дивана. Ей казалось, что боль – это знак. Тари нужна помощь. Однако ступить на ногу было практически невозможно. Ким упала на диван. Беспомощная никчемная развалина! Ходить и то разучилась.

Мисс Лэрейси сидела у окна гостиной в кресле-качалке, Чейз любезно согласился перенести его вниз из комнаты Джозефа. Старушка раскачивалась и что-то напевала. Ким показала, что это «Ночная тишь». Сержант молчал, он просто не знал, что делать. Потом его вызвали по радио и сообщили, что поисковая команда уже на месте.

– Где супруг ваш? – спросил Чейз.

Ким покачала головой:

– Понятия не имею.

Сержант извинился и вышел в кухню, чтобы позвонить по телефону. Ким прислушивалась, но так ничего и не смогла разобрать, доносилось только невнятное бормотание. Чейз вернулся, молча сел на стул у пианино и стал ждать, когда наступит утро. Вскоре в комнате стало светлее.

– Пора. – Чейз взял с журнального столика свою фуражку и встал.

Мисс Лэрейси на минуту прервала пение:

– Жива твоя дочурка, – сказала она.

Сержант Чейз молча взглянул на старушку и вышел из гостиной.

Ким проводила его до дверей, стараясь сильно не наступать на больную ногу.

– Попробую мужа вашего разыскать.

– Разыщите дочь.

Машина сержанта отъехала от дома. За окном из тумана проступали очертания бухты. Пусто, ни лодок, ни вертолетов. Небо постепенно синело. Море было спокойным, словно и не было вчера ничего, так, пустая фантазия, эстетская киноподелка.

Ким оглядела дорогу. Не идет ли обратно дядя Даг? Пусто. Такие, как он, не отступают перед натиском тьмы. Ким утешалась мыслью, что уж он-то продолжал искать Тари вместе с друзьями и соседями. Взяли, наверное, фонарики и ушли в лес. Жители Уимерли хорошо знали эти места, знали, где может потеряться маленькая девочка. Если, конечно, Тари потерялась. Если ее не украли. Не убили. Ким больше не могла выносить эту муку. С каждым часом надежда таяла, таяла, таяла. Ким вернулась в гостиную.

– Жива твоя дочурка, – сказала мисс Лэрейси.

Ким села на диван и закрыла глаза, едва сдерживая слезы. Она стиснула зубы и повернулась к старушке. Кто это вообще такая? И что здесь делает? Вестница беды. Злодейка. Ведьма с мудрым лицом. Еще и ухмыляется. Ухмыляется!

– Жива твоя дочурка.

– Прошу вас, – сказала Ким и прижала руку ко лбу, – прошу вас, просто...

– И не проси, – голос старушки стал тверже, – не замолчу. Потеряешь веру – пиши пропало. Верить надо, барышня. Господь милостив!

Ким сердито взглянула на мисс Лэрейси.

– А ну-ка припомни ее хорошенько. Чтоб как наяву. – Внезапно старушка посмотрела в потолок, потом на бухту, потом снова на потолок, потом на стену и сказала: – Жди вестей. – Наконец она заметила на столике телефон, и взор ее прояснился.

Немедленно грянул звонок. Ким сорвала трубку.

– Алло, – чуть не закричала она. От резкого движения снова разболелось бедро.

– Джозеф Блеквуд дома?

– Это его жена. Вы насчет Тари? Я ее мать.

- Это доктор Томпсон из больницы в Порт-де-Гибле. Я пытался дозвониться, но телефон не работал.
- Что с Тари?
- Пожалуйста, приезжайте в больницу. Немедленно.

Часто хватаюсь за окружающие предметы, потому что мне все время кажется, будто меня тянет вводу. словно смещается центр гравитации. Я могу проскользнуть мимо травы, и деревьев, и слоистых камней и упасть прямо в воду. Может быть, там мне и место? Место всему живому, в конечном счете? И если это так, отчего же я цепляюсь за землю? Пусть меня унесет в море.

Сидела в мастерской и смотрела в окно. Бухта прекрасна. И днем, и ночью. Она всегда разная. Новое освещение – новые образы, новые краски. Ход времени неотвратим. Каждая секунда – новая реальность, новое восприятие мира. На самом деле, это просто выдумка. Просто вид из моего окна в багете стен, картин и фотографий. Вот они-то точно не меняются. Все это маскарад, фальшивка. От реализма – к абстракции.

Сегодня проснулась, а Джессики нет. Куда она пошла?

Доедаю последние запасы кураги и чернослива. Так сладко. Продолжаю лепить сарайчики и дома. Городок в миниатюре. Уже принялась за человечков. Рыбаки в глиняных лодочках и солдаты в джипах. Каждый дом, каждая фигурка близка к завершению. Глиняные человечки приходят и стучат в мою дверь. Я не отвечаю. Они приходят снова. Я жду, что вот-вот кто-нибудь из них ворвется.

Сны о Редже становятся ярче, переживания сильнее. Я слабею, а Редж, похоже, набирает силы. Не буду больше закрывать глаза. Во сне он четче, чем наяву. Я вижу его в Джозефе. Человек, похожий на того, кто был когда-то моим. Нельзя больше любить. Никогда больше не буду любить. Мне отчаянно хочется сбежать по ступеням на первый этаж, выдвинуть на кухне ящик для ножей, схватить нож, пробежать по траве к дому Критча и колоть Джозефа, резать его, пока он не умрет, резать его снова и снова.

Почему во мне все время бушуют плотские страсти? Можно убить Джозефа, но как мне убить Реджа? Если я покончу с собой, останусь ли я навсегда прикована к Реджу цепями брака? Сон. Муж и жена. Мы держимся за руки, он тащит меня за собой к вечным мукам, всю избитую, тащит, как тряпичную куклу. Следы этого сна я нахожу наяву.

Слова свободно лились из-под пера Клаудии, но тут в дверь постучали. Она прислушалась: не показалось ли? Снова постучали. Клаудия вздохнула и поднесла кончик ручки к бумаге, но мысль пропала. Только стук в ушах. Громкий стук.

Терпеть его не было сил, и Клаудия нехотя поднялась. Стук становился все более требовательным, он подгонял, заставлял живее спускаться по ступеням. Кто же это такой?

Клаудия открыла дверь, на пороге стоял симпатичный молодой человек в военной форме. Он прижимал к груди блокнот и заметно нервничал.

– День добрый, – сказал он.

– Здравствуйте.

– Матрос первой статьи Несбитт, мэ.

За его спиной сверкал залив. Вдоль всего берега был воздвигнут забор из фанеры, очевидно, для того, чтобы любопытные не лезли на пляж и не увидели, не дай бог, чего лишнего. Над холмами на западе по-прежнему кружили вертолеты, они устанавливали гигантские металлические диски, на которых то и дело что-то вспыхивало. Интересно, зачем они? Спутниковые антенны для передачи сигнала с места событий для прессы?

– Мы обходим дома, проверяем, здоровы ли жители. – Несбитт заглянул в блокнот. – Вас зовут Клаудия Кайл?

– Да. – Ее поразило, насколько юным выглядел этот солдатик, лет восемнадцать-девятнадцать, не больше, совсем ребенок. – Ко мне кто-то уже приходил.

Несбитт оглянулся, у дома Критча хлопнула дверца. Заработал мотор, и вниз по дороге промчался автомобиль. За рулем женщина. Жена Джозефа. Машину слегка мотало из стороны в сторону. Солдат собрался было помчаться за ней следом, он поднял руку и открыл рот, чтобы крикнуть, но передумал. Несбитт снова повернулся к Клаудии, щеки его горели от смущения.

– Ничего, с ней я еще поговорю, – сказал он и облизнул губы. Улыбка у него была неуверенная, мальчишеская.

– Поговорите.

Несбитт взглянул на грудь Клаудии и поднял голову.

– Как ваше самочувствие? – спросил он и покраснел еще больше.

Клаудия закрыла глаза, ноги подкашивались от слабости, она нахмурилась.

– Самое главное, мэм, как у вас с дыханием?

– С дыханием? – Клаудия открыла глаза, мир стал как будто немного ярче. Лицо у молодого человека было таким чистеньким, таким взволнованным. Она посмотрела на его губы. Не слишком полные, но и не слишком тонкие. Ей страшно захотелось его поцеловать. Прильнуть к этому юнцу и тем спастись. Только и всего. Просто поцеловать его. Ну, может, еще прижать к груди. Погладить теплую голову, теплые волосы. Поцеловать и, не чувствуя времени, не двигаясь, глядеть ему в лицо. Позабыть все свои беды.

– Ну да.

Она глубоко вдохнула, потом выдохнула.

Несбитт еще раз быстро взглянул на ее грудь. Результат его удовлетворил, он кивнул, поставил галочку в своем блокноте и написал какую-то цифру рядом с галочкой.

– Благодарю вас, мэм. Простите, что побеспокоил. Если понадобится помощь, звоните по этому номеру. – Он протянул ей. – Бумажку можно наклеить на телефонный аппарат. Да, в доме, кроме вас, кто-нибудь еще есть?

– Никого. – Клаудия взяла бумажку и равнодушно посмотрела на номер. – У меня нет телефона. – Она заметила, что солдат читает надпись у нее на рукаве.

Несбитт посмотрел ей прямо в глаза, но ничем не выдал осуждения за то, что она сотворила с ночной рубашкой. – Мне нужно наклеить это на вашу дверь. – Он достал из своих бумаг еще один листок, на этот раз зеленый и побольше размером. На нем были нарисованы три зеленые волны. Несбитт отклеил от задней стороны белую бумажку и прилепил знак на стекло в двери Клаудии.

– Спасибо, – сказала она.

– Да что вы. – Солдат улыбнулся и приложил пальцы к фуражке. – Значит, в доме больше никого нет?

Клаудия молча смотрела на него. Ей вспомнилась цитата, неизвестно откуда: «Мой дом никогда не пустует, и сердце всегда переполнено».

– Нет, – наконец ответила она.

Молодой человек снова кивнул, улыбка у него была честная и открытая, казалось, он знает Клаудию намного лучше, чем она думает, и намного лучше, чем можно было бы ожидать, к ней относится. Несбитт повернулся и пошел к дому Критча. Клаудия посмотрела на большую зеленую наклейку, покусала нижнюю губу и захлопнула дверь. Руки дрожали.

Клаудия вернулась вверх в мастерскую, села за стол и начала писать:

Я снова вернулась. Ходила вниз. В мою дверь постучал солдат. Мы поговорили, он оставил мне наклейку, и я прилепляю ее сюда. Это номер телефона на случай беды. Меня спасет тот, кому я позвоню. Солдат стоял прямо передо мной всего минуту назад. Теперь он ушел, но все еще занимает место в моей голове. Оптическое эхо. Я вижу, как он протягивает наклейку, как улыбается мне. Он ушел из моей жизни, но остался со мной. Я стояла с ним лицом к лицу, и теперь он со мной. Все, кого я когда-либо видела, остались со мной. Словно затем, чтобы я не сошла с выбранного пути. Из них, их жизней, их забот, состоит и моя жизнь. Моя жизнь. Что значит эта жизнь, если я одна?

Над головой раздается тихий стук. В нем то появляется, то пропадает ритм. Птица стучит клювом по крыше. Скорее всего, ворона, словно я уже запечатана в гробу, и темные создания подбираются ко мне, крадутся, ползают и летают. Я превращу себя в пыль. Я не стану гнить им на радость. Почему, ну почему я такая?

Не успел Несбитт поднять руку, чтобы постучать в дверь дома Критча, как дверь распахнулась, на пороге стояла старушка.

– Да? – сказала она и улыбнулась, на маленьком личике и розовых деснах играли солнечные блики. Старушка прищурилась, чтобы получше разглядеть гостя, и ободряюще погладила его по руке.

– Ну, рассказывай, с чем пришел, голубок.

– Это дом Критча? – спросил Несбитт.

Женщина выглядела немножко чудной, от ее прикосновения по руке разлилось приятное тепло, глаза старушки, казалось, смотрели прямо ему в душу, даже сердце забилося чаще под ее нежным взглядом. Такое с ним случалось только, когда он был влюблен.

– Да, только сам-то Критч помер давно.

– Я так понимаю, дом сдается.

– А то как же.

– И снимают его отец с дочерью.

– Ну да, сперва они, а теперь и другие появились, – кивнула она.

– Другие люди? – спросил Несбитт. По тону женщины он понял, что она намекает на нечто потустороннее. Молодой человек надеялся, что больше ничего странного не случится, он и так уже был напуган до чертиков всеми этими утопленниками и чудищами в океане. Летаящая рыба. Он очень переживал из-за того, что ему довелось здесь увидеть. Похоже, остальные солдаты ничего не замечали.

– Люди, люди. Городские отдохнуть приехали.

Несбитт сверился с блокнотом. Буквы расплывались перед глазами, он никак не мог сосредоточиться и прочитать написанное. Никакой ясности слова все равно не прибавили, матрос подозревал, что они нужны только для того, чтобы запутать его еще больше.

– Боюсь, у нас нет ваших данных, – сказал молодой человек и нахмурился, стараясь взять себя в руки.

– А чего тут бояться-то? – беззаботно рассмеялась старушка. – Что это вы там наворотили? – показала она на холмы. – Серебристое такое?

– Не знаю, мэм, – Несбитт все что-то искал в своем блокноте. – Значит, это дом Критча? Вы миссис Критч?

– Это ж надо! Полчаса ему талдычу: Критчи померли давным-давно! Ухи-то свои оттопырь чуточку!

Несбитт уставился на женщину. Он никак не мог придумать, что на это ответить.

– Будьте добры, представьтесь, пожалуйста, – наконец выдал он.

– Элен Лэрейси. – Она как будто заметила, в каком взвинченном состоянии он пребывает, и снова погладила его по руке. – Ты не волнуйся, голубок. Все наладится.

Тон ее заметно смягчился. Старушка сочувственно смотрела на Несбитта. Если бы не обстоятельства, он бы прижался к ее груди и умолял утешить его.

– Дамочка, что тут живет, только что в больницу уехала. Остальные дочку ищут маленькую, потерялась она. Дурачки такие, на суше ищут, – сообщила мисс Лэрейси.

– А-а. – Несбитт заметил на запястье у старушки нитку четок с маленьким серебряным крестиком и пучком медальончиков с изображениями святых. – Как ваше самочувствие? В смысле, вы здоровы? Я за этим послан. То есть... меня послали. За этим.

– Лучше всех. – Старушка широко улыбнулась, подмигнула и протянула ему обе руки. – На, золотко, пощупай пульц.

Несбитт коротко рассмеялся.

- Нет, нет, благодарю вас. Это необязательно.
- А чего ж тогда тебе не хватает? Я ж вижу, что-то тебе в головушку втемяшилось.
- А?
- Я говорю, может, спросить чего хотел?
- Ну да, хотел. Понимаете, нам, в смысле морской пехоте, тела бы опознать...
- А я вам на что? Меня пока, слава тебе, господи, опознавать не надо!
- Нет, не вас, мэм, а тех, кого к берегу прибило. Мы список старожилов составляем.

Может кто-нибудь поможет опознать утопленников?

Мисс Лэрейси прищурилась и снова коснулась руки Несбитта.

- Ой, не части, сынок, говори помедленнее. Не поспеваю я за тобой.
- Вы давно живете в Уимерли?
- С рождения самого.
- Так может быть, вы кого-нибудь из них сможете узнать?
- Узнать-то я всех узнаю.
- Значит, вы не против? – Несбитт обрадовался, поняв, что старушка согласна помочь.

Он печенкой чувствовал, что эта женщина может кое-что прояснить.

- А заплатят чего?
- Деньги?
- Деньги, милый.
- Я думаю... нет.
- Хм.
- Вы бы нас очень выручили.
- Кого это «нас»?
- Ну, свой город...
- Это вы, что ль, мой город? – фыркнула она. – Понаехали тут, толкучку устроили.

Одна морока от вас.

- Мы приехали, чтобы помочь.
- Да ладно тебе! – Старушка снова указала на холмы. – Вот это вот серебристое на что случилось?

– Я правда не знаю, мэм, – честно признался Несбитт.

– Всех нас изведете! Наизобретали, остроумцы! То пилы электрические, то лыжи с мотором. Всю жизнь тут перевернули. Вот скажи ты мне, куда все лошади подевались? А упряжки собачьи? А где мужики здоровые, которые одним топором с сосной управлялись?

Рыбаки из-за вас целыми семьями вымирают.

Несбитт не знал, что ей ответить.

– Всех, всех изведете.

Томми не стал стучать, а сразу вошел в дом Райны. Церемонии были не к месту. Что толку стучать в дверь, когда за ней скрывается беда? На заднем крыльце он наклонился и развязал шнурки на кроссовках, и вот тут Томми сразу понял, что в доме что-то не так. Понял по запаху, по звуку, по цвету, по какой-то напряженности воздуха. Томми сунул блокнот под мышку, он взял его с собой, чтобы показать Райне последний рисунок, тот, который шел сразу следом за листом, окрашенным в один цвет. Она всегда хвалила его рисунки. Томми радовался, видя, как ей по душе то, что он делал. Эти картинки Райне уж точно понравятся. Его портреты духов всегда были симпатичными. Даже он сам так считал.

– Привет, – крикнул Томми и поспешил в кухню. На столике стояла пустая бутылка из-под рома, в раковине гора невымытой посуды, на плите грязные кастрюли. Томми отчаянно хотелось все помыть, привести в порядок, увидеть, что вещи лежат на своих местах. Он даже остановился на секунду, но потом прищурился, задумчиво покачал головой и отказался от этой мысли.

– Райна! – позвал Томми и прислушался.

Где-то в глубине дома раздался глухой звук удара о стену. Томми посмотрел на свои

носки и увидел, что кончики свободно болтаются, а не натянуты туго на пальцы. Его это расстроило. Пришлось наклониться и подтянуть их, а потом аккуратно подравнять края носков на лодыжках, чтобы они крепко держались и не сползали. Вот так гораздо лучше. Выполнить этот трюк с блокнотом, зажатым под мышкой, было делом не из легких, но он справился. Томми выпрямился и, не теряя ни секунды, кинулся в прихожую.

– Райна!

Еще один удар, и следом вскрик боли.

Томми перекрестился и неуклюже побежал по коридору к спальне Райны. Он никогда раньше там не бывал, но знал где это. Томми много раз видел, как Райна уходит туда, чтобы переодеться. Дверь была слегка приоткрыта. Томми неуверенно наклонился к щелке, кровь прилила к щекам, ему стало ужасно неудобно, и он отпрянул раньше, чем разглядел, что там творится. Томми рассердился на себя. Нельзя заглядывать в чужую комнату, нельзя подглядывать за Райной. А вдруг она не одета?

Пол под ногами вздрогнул от нового удара. Томми храбро заглянул в щелку, но увидел только стену и выбоины в штукатурке. Он открыл дверь. Райна стояла у кровати, она непонимающе таращилась на стену и выглядела взбодораженной. Вокруг нее пропали всякие цвета. Райна повернулась, глаза ее сузились, костяшки пальцев были все в крови. Она с трудом вдохнула, закричала и пробила в стене новую дыру.

Томми шагнул к ней, потом снова попятился.

– Райна, – испуганно прошептал он, но она только свирепо взглянула ему в лицо. Томми и моргнуть не успел, а Райна уже повернулась, схватила со столика у кровати лампу и швырнула прямо Томми в голову. Он увернулся. Блокнот выскользнул из рук, упал на осыпанный штукатуркой ковер и раскрылся на самом последнем рисунке: высоко в темном небе летят оранжевые духи, постепенно спускаясь к черной воде.

Райна затихла. Томми боязливо поднял глаза. Райна смотрела на рисунок. Лицо ее больше не было злобным. Она долго глядела на картинку, не двигаясь и даже не дыша. Томми показалось, что Райна и сама нарисована. Портрет, запечатленный его рукой. Он и правда рисовал ее, и выражение у нее было как теперь. Внезапно тело Райны обмякло. Она стала заваливаться на бок и упала на кровать. Раздался булькающий звук, словно это была не кровать, а поверхность воды.

Сержант Чейз бродил по ельнику где-то между верхней и нижней дорогой. Просто поразительно это могущество леса даже вблизи домов и людей. Он поглощает тебя, отрезает от всей твоей жизни в тот самый миг, как ты вступаешь под сень деревьев.

Чейз повсюду видел одни стволы. Темные еловые лапы мешались со светло-зелеными ветками сосен и салатowymi иглами пихты. Тут же росли клены, березы и рябина. Деревья на Ньюфаундленде были пониже, чем в Саскачеване, их рост задерживали ветер, соленая вода и короткое северное лето. Здесь было меньше жучков, не так жарко, не так влажно. Вообще, гулять по лесу на этом острове было намного приятнее. Но только не при таких обстоятельствах.

Чейз шел в арьергарде поисковой группы. Даг Блеквуд возглавлял команду, он звал Тари и прорубался через кустарник при помощи мачете, которое, как утверждал старик, его отец привез в качестве трофея с Первой мировой. Чейзу вспомнилась последняя его спасательная экспедиция. Они искали маленькую девочку всю ночь и так и не нашли, пока не рассвело. Тогда она сама вышла на их зов. Девочка пряталась под кустом, Чейз заметил ее сквозь деревья, она шла по просеке как ни в чем не бывало и вела рукой по стебелькам высокой травы. Сержант позвал ее, и девочка просто застыла на месте и ждала, пока они к ней подойдут. Позже она рассказала, что очень испугалась, потому что страшилище звало ее по имени всю ночь, у него был один светящийся глаз, и оно все время бродило мимо ее убежища взад-вперед, и звало, звало ее. Оказалось, что одноглазое страшилище – это один из спасателей с фонариком. У страха глаза велики.

Справа от Чейза раздавался еще один голос. Он все время повторял: «Просыпайся,

просыпайся, просыпайся». Замолкал и начинал заново. Над ухом жужжали насекомые, целые тучи белых, почти невидимых мошек. Кто-то постоянно кричал: «Тари! Мы пришли тебя искать. Тари! Мы пришли тебе помочь». То справа, то слева от Чейза похрустывали ветки, это пробирались вперед члены поисковой команды вместе с теми, кого собрал в городке Даг Блеквуд.

Сержант наткнулся на группу Дага на рассвете. Они встретились на Хрыч-лейн, Блеквуд только что вышел из чащи с восточной стороны улицы, леса здесь примыкали к скалам и обрыву над океаном. Даг показывал двум мужчинам и одной женщине на западную сторону улицы. Чейзу сразу же нашлось дело. Старик сообщил полицейскому, что сколотил поисковую группу из тех, кто собрался у Хани Грининг, Уилфа Мюррея и Брена Катленда. Только в этих трех домах и остались люди, не павшие жертвой новой болезни. Последние здоровые жители поселка. Они собрались, не боясь подхватить заразу, и отправились на поиски пропавшей девочки.

«Интересно, почему именно в этих трех домах все остались здоровы? – подумал Чейз. – Почему они не заболели?» Он вспомнил, как собирались люди в резервации. В больших домах накрывали столы, готовились лакомства для целого пира, рассказывали сказки и всякие небылицы. В вигвамах проводились банные церемонии, от нагретых камней поднимался пар, каждый пел песню и восхвалял в ней создателя, и выражал свою преданность ему. Места, где собирались люди. Эта мысль не давала сержанту покоя. Он нырнул в кусты и с трудом побрел, раздвигая ногами спутанную траву. Рядом раздавалось жужжание пчелы или осы. Чейз надеялся, что никто не наступит на осиное гнездо.

Сержант споткнулся, собственные мысли не очень отвлекали от дела, он продолжал внимательно оглядывать кусты и боковым зрением заметил справа какое-то движение. Наверняка, один из спасателей. Чейз повернулся. Похож на Джозефа Блеквуда, отца девочки, сержант видел его с удочкой на причале пару дней назад. Тогда в городке еще было спокойно. Точно, это Блеквуд. Он яростно продирался через кусты и вдруг со стоном упал на землю. Чейз позвал Дага, и тот с надеждой кинулся назад по прорубленной просеке. Когда старик понял, почему сержант позвал его, он разочарованно вздохнул и начал прорубаться к Джозефу широкими взмахами мачете. Чейз и Даг подошли к Джозефу и помогли ему подняться на ноги. Он был бледный и дрожал от ужаса.

– Уберите деревья... – бормотал Джозеф. – Деревья уберите. Они не нужны. Только скрывают от нас воду... пьют ее... Оттуда, снизу. – Он посмотрел себе под ноги и топнул по земле. – Под нами везде вода. Не хочу падать.

Даг оглядел племянника с головы до ног и молча ушел.

– Ну как? – Он окликнул партию спасателей слева от него.

Ему никто не ответил.

– Вам нужно к врачу, – сказал Джозефу Чейз. Рация, которую сержант сунул в карман летней рубашки, застрекотала. Чейз вынул ее, не отрывая глаз от лица Блеквуда.

– Сержант Чейз. Что там у вас?

– Говорит командор Френч. Мы нашли девочку. Отзовите поисковую команду. Ребенок в больнице в Порт-де-Гибле. Уже опознана. Как поняли?

– Вас понял.

Джозеф выхватил рацию из рук сержанта и начал ломать ее дрожащими руками. Чейз подумал было пустить в ход баллончик с перцовым газом, но Блеквуд стоит совсем близко и есть шанс распылить на себя не меньше, чем на него. Тогда сержант вспомнил о железной раскладной трости в кожаном чехле, притороченном к поясу. Он мгновенно выхватил палку и махнул рукой так, чтобы звенья разложилась на полную длину. Джозеф судорожно нажимал на кнопку вызова, но прибор молчал.

– Там внутри пусто, – подозрительно сказал Джозеф. Он поднес рацию ко рту, ударился о панель зубами и что-то забормотал, потом укусил прибор, стараясь порвать обшивку. – Пластмасса. – Джозеф истерически рассмеялся. – Не настоящая. И ты не настоящий.

Чейз выхватил у него рацию.

– А ну, отойдите, – предупредил он, не сводя глаз с ненормального. Сержант задумчиво поглядел вслед Дагу, старик лез через кусты далеко впереди.

– Девочку нашли, – крикнул Чейз и поднял рацию, когда Даг обернулся и посмотрел на него сквозь деревья.

Осторожно, не спуская с Джозефа глаз, сержант поднес рацию ко рту, свободная рука сжимала трость.

– Как девочка? – спросил Чейз.

– Точно не знаю.

– Спасибо. Вас понял. – Сержант сунул рацию в карман. – Ее нашли, – повторил он для Джозефа, тот кивнул, поднял к глазам руку и начал ее разглядывать. Вся в ссадинах. Под ногтями набилась грязь. Джозеф лизнул палец и попытался стереть царапины.

– Они сойдут, – капризно сказал он.

Рация снова затрещала. Чейз поднес ее ко рту:

– Сержант Чейз. Слушаю.

– Говорит командор Френч. Доктор Баша, главный патологоанатом Ньюфаундленда, прибыл на базу. Все мои люди заняты. Вы не могли бы забрать его отсюда и отвезти на рыбозавод? Обеспечьте машину прикрытия. Как поняли?

– Понял. Сделаю.

Сержант все смотрел на Джозефа. Тот стоял тихо и терпеливо ждал чего-то, разглядывая рубашку Чейза. Лицо Блеквуда было расцарапано и украшено синяками. Из пореза на верхней губе сочилась кровь. Джозеф слизывал ее и, видимо, старался сосредоточиться, у него на лбу появилась вертикальная морщина.

– А у вас форма настоящая? – Он измученно улыбнулся и посмотрел на эмблему на рукаве сержанта. – Или с карнавала стащили?

Томми бросился в кухню и набрал 911. Он объяснил, что Райна сама себя калечит и, похоже, ей трудно дышать. Дежурная велела никуда не уходить и обещала, что скорая помощь сейчас приедет. В район перевели несколько дополнительных машин: свои не справлялись. Прошло немало времени, врачи все не ехали. Томми вернулся в спальню, Райна уже пришла в себя и сидела на полу у кровати бледная, перепуганная и отчаянно старалась вдохнуть. Она вцепилась в блокнот и пожирала глазами рисунок. Томми заглянул подруге в лицо. Он боялся, что Райна снова рассердится. Не рассердилась. Только смотрела на оранжевые сполохи духов. Все смотрела и смотрела, а на Томми вообще не обращала внимания.

Приехала скорая, и Байрон Квилти, двоюродный брат Томми, позволил ему ехать вместе с Райной, но только при условии, что Томми наденет марлевую повязку. Вевочки ужасно резали уши, даже слезы выступали, но Томми терпел. Это ведь для Райны. Нужно быть рядом с ней. Может, все еще образуется.

Райна тихо лежала на носилках и старательно дышала через кислородную маску, но легче ей от этого, похоже, не становилось. Бедняжка вертелась, словно никак не могла найти удобную позу. Томми взял Райну за руку. Ладонь была влажной и теплой. Как приятно! Они держались за руки второй раз в жизни. А в первый раз это было на прогулке. Так и шли, словно малые дети.

Скорая мчалась на всех парах. Надо было срочно что-то предпринять, как-то помочь Райне. Только как? Несколько недель назад Томми нарисовал картинку. На ней он сидел у постели и разговаривал с больным. В комнате были еще кровати, на них тоже лежали люди, и у каждого недоставало какой-нибудь части тела. Как будто больные постепенно исчезали. От одного и вовсе остался только черный силуэт.

– Я ведь, знаешь, совсем пацаненком был, когда меня феи забрали, – наугад сказал Томми. Повязка мешала говорить. Он нервно улыбнулся, вевочки за ушами натянулись еще туже.

Райна перевела беспокойный взгляд с белого потолка на Томми.

– А помню, как будто вчера было.

Райна непонимающе дернула головой.

– Феи, феи меня забрали, – настойчиво повторял Томми. Ему очень хотелось, чтобы Райна поверила. – И на свой лад перекроили. Люблю я их, они добрые, они чудеса творят. Только вот ушли теперь куда-то.

Райна отвернулась. В уголке глаза показалась слеза, скатилась по виску и запуталась в волосах. Еще одна. Тоже вниз побежала. Мокрая прядка засверкала на солнце. У Томми затряслись губы. Он долго крепился, но в конце концов горько заплакал.

– Феи, – всхлипывал он, – феи, и ангелы, и все, кто помер, они ведь поначалу с нами были. Ты о них думай, Райна. Крепко думай, чтобы они тебя узнали, когда срок придет.

Ким едва сдерживалась, чтобы не кинуться с кулаками на медсестру за стеклом регистратуры. Было начало десятого утра. Целых полчаса Ким пыталась прорваться к доктору Томпсону. Медсестра с таким же микрофоном, как у солдат, ни о чем слышать не хотела и требовала, чтобы Ким встала в очередь.

– Понимаете, у меня здесь дочь, Тари. Тари Блеквуд. – Ким снова и снова объясняла, что Тари потерялась, а потом ее нашли. Медсестра что, не понимает? Или у нее своих детей нет? – Мне врач звонил, – твердила Ким. – ГДЕ ВРАЧ?! – Голос сорвался на визг.

Все разговоры в холле стихли, и Ким, то ли от страха, то ли от жалости, пропустили без очереди. Но медсестра сообщила, что доктор Томпсон в данный момент занят, и потребовала отойти от окошка, поскольку другим людям тоже нужна помощь. Сволочь! Разбить бы стекло и добраться до этой стервы!

Ким хотела проскользнуть за стеклянные двери, ведущие в глубь больницы, но охранник в армейской форме никого не пускал.

– Там моя дочь, – умоляла Ким, стараясь его обойти.

– Будьте любезны, вернитесь назад, мэм.

Кто-то тронул ее за плечо. Ким решила, что на подмогу вызвали еще одного солдата, и резко повернулась. «Моя дочь». Других слов в голове не было.

Но это оказался дядя Даг. Он ласково улыбнулся и отвел Ким в сторону.

– Ничего, ничего, рыбка, – сказал он.

У входа топтался Джозеф, он неуверенно оглядывал зал и принюхивался. Жуткое зрелище. По лицу и рукам размазана грязь, весь в царапинах и синяках. На щеках многодневная щетина. Вылитый бродяга. К больнице подъехала скорая помощь, и Джозеф сначала отошел в сторонку, а потом и вовсе сбежал, когда мимо него повезли на каталке женщину. Двери снова открылись, вошел человек в марлевой маске. Под мышкой он держал что-то вроде альбома для рисования.

– Как нога? – спросил дядя Даг.

– Проходит. – Ким трясло от злости. Она совсем замерзла, боль не утихала, даже говорить было трудно. Ким боялась, что сойдет с ума, если не увидит свою девочку. Сейчас. Немедленно. Дядя Даг крепко обнял ее за плечи, по телу разлилось приятное тепло. Ким прижалась к синей в черную полоску рубашке и зажмурилась. От рубашки пахло лесом и чуть-чуть бензином. Ким открыла глаза. Джозеф снова появился в дверях и теперь таранился на человека в марлевой повязке.

– Может быть, я могу вам помочь? – спросили откуда-то сзади. К ним подошел солдат, тот самый, который не пустил Ким внутрь. Это была не просто вежливость. Похоже, молодой человек действительно беспокоился.

– Ничего, справимся, – ответил дядя Даг. – Не тревожьтесь.

– Я ищу дочь, она заболела, – сердито сказала Ким.

Солдат посмотрел на ее грудную клетку и дождался вдоха.

– Я не больна, – простонала Ким. – Мне звонил доктор Томпсон. Моя дочь потерялась, а теперь ее нашли, нам надо связаться с доктором, а эта... – Она ткнула пальцем в медсестру за стеклом, – эта... дрянь... не хочет вызывать его, потому что еще не подошла моя очередь.

– Да, плохо дело, – сказал солдат. – Вы уж простите, столько народу сегодня. – Он повернулся к медсестре, которая искоса наблюдала за этой сценой. Солдат кивнул, медсестра склонилась над столом, нажала на кнопку и заговорила в радиомикрофон.

Из громкоговорителя раздалось: «Доктор Томпсон, пройдите в приемный покой. Доктор Томпсон, пройдите в приемный покой».

– Спасибо, – искренне сказала Ким солдату.

– Не стоит. – Он коротко улыбнулся.

Тем временем Джозеф потихоньку продвигался в глубь зала. Он шел осторожно, словно проверял ногой тонкий лед. Даг, ни слова не говоря, ринулся к племяннику, схватил его за руку, протащил мимо дверей и подвел к жене.

– Стой здесь, бесполезная скотина, – прорычал он. Джозефа трясло от страха. Он стоял совершенно неподвижно и не дышал, на лице застыло отсутствующее выражение.

– Где я? – тонким голосом спросил он Ким.

– Хоть кого-нибудь опознали? – дыхание прорывалось сквозь повязку на лице доктора Ваши и застывало в воздухе облачками морозного пара. Доктор оглядел холодильную камеру рыбозавода. Повсюду на длинных разделочных столах лежали тела, одежда на них была самых разных цветов и фасонов. Вокруг суетились врачи и военные. Тут и там мелькали белые лабораторные халаты и синие кители. В дальнем конце завода установили компьютеры. Четыре человека пристально смотрели на экраны и стучали по клавишам. Один из солдат сфотографировал несколько тел, потом подключил цифровой фотоаппарат к компьютеру. Другой бродил между столами, снимая каждый труп на видеокамеру с мощным прожектором. Третий водил над покойниками железным прутом, не отрывая взгляд от какого-то прибора.

На Чейза такое скопление мертвецов действовало угнетающе. Он не ожидал, что их будет так много. Сержант совсем обалдел от происходящего и мог думать только о Терезе. Не дай бог ей узнать. Это ее прикончит.

– Вы ведь сержант? – Пар клубился над маской доктора Ваши. Они прошли в глубь помещения.

– Сержант, – ответил Чейз.

– Так есть тут опознанные? – Баша указал на столы, розовая ладошка мелькнула перед носом Чейза. – Хоть кто-нибудь?

– Не то один, не то двое.

Чейз поправил маску, марлевые завязочки больно давили на уши. Ему не хотелось дышать этим воздухом. Сержанту казалось, что неизвестная зараза вот-вот вцепится в его легкие и потом вылезет наружу дома. А Тереза настолько чувствительна, что может даже невращению подхватить воздушно-капельным путем.

– Нашли их родственников?

Баша внимательно разглядывал ближайшее к нему тело. Утопленник лежал на боку. Старый водолазный костюм, на шее – овальная маска. От нее на лице остался глубокий след. Баша покачал головой, не в силах поверить своим глазам.

– Это не современное снаряжение.

– С такими в шестидесятых ныряли, – согласился Чейз.

– Откуда вы знаете?

– Сам раньше увлекался. Теперь, правда, забросил.

– Ясно.

Баша немного растерялся, но все еще был настроен благодушно. Его заинтересовало тело с другой стороны прохода, и он подошел поближе. Одежда конца девятнадцатого века.

– Обратите внимание на ботинки, – сказал Баша и показал на шипы, торчавшие из подошв, – это обувь для охоты на котиков. В таких ботинках ходили по льду.

– А-а.

Чейз старался дышать ровно. Он посмотрел в глубь помещения, в дальнем конце прохода стоял солдат с видеокамерой. В этом ряду лежало не менее двадцати трупов, и

каждый надо было заснять. Свет прожектора залил очередное тело, выхватил лицо, потом руку, ногу...

Утопленник справа от патологоанатома числился под номером «1». Соответствующая бирка была прилеплена к белой раме стола.

– Первым нашли, – объяснил Чейз.

– А всего сколько?

– Где-то под семьдесят.

– И все разного времени?

– Да.

– А общее у них хоть что-нибудь есть?

– Может и есть, да только мы пока не знаем.

– И никакого разложения.

– Точно.

– Прямо скажем, не самый типичный случай. – Баша с интересом повернулся к полицейскому. – Обычно вода меняет тело до неузнаваемости. Оно раздувается, кожа становится мягкой и слезает лоскутами.

Чейз не ответил. Что тут говорить?

– Бред какой-то, – сказал Баша.

– Да уж, – подтвердил сержант.

– Просто смешно. – Доктора начало потряхивать. – Наука тут бессильна. Честно могу признаться. Другие патологоанатомы здесь были? Наверняка были, и многие. А сколько еще набегит...

– Да я не знаю, сэр.

Чейз проследил за взглядом врача. Баша озирался по сторонам. Везде тела. В кошмарном сне не приснится. Катастрофа, по-другому не скажешь. Вызревала веками, и вот вам, пожалуйста. Чейз в жизни не сталкивался ни с чем подобным. Груды мертвецов, которых некому оплакать.

Баша прищурился, словно надеялся рассмотреть что-нибудь более реалистичное. Он оглядывал столы, люминесцентные лампы, высокие окна, через которые в комнату лился утренний свет, длинные белые стены.

– Есть такие, кого точно опознали?

– Ребята думают, что есть. – Чейз двинулся по проходу в сторону солдата с видеокамерой.

– «Думают». Уже хорошо.

– Ну да.

Чейз подвел патологоанатома к девушке лет двадцати. Милое, правда, неестественно бледное лицо, светлые волосы, мокрые и спутанные. Одета она была в джинсы и голубую футболку. К левой ноге прилипла розовая морская звезда.

– Эта, вроде, поновее, – одобрительно сказал Баша. – Хотя, кто знает. По мне, так все они свеженькие. Для трупов, разумеется.

– Вот ее-то и опознали. Два года назад пропала.

– Как зовут?

– Бонни Поттл. Дэрри Поттла сестра.

– Дэрри Поттла?

– Он то ли третий, то ли четвертый. Ну, который заболел этой... вам лучше знать.

– Вы имеете в виду затрудненное дыхание?

– Его.

– А первым кто был?

– С затрудненным...

– Да.

– Вроде первым был Масс Дровер покойный. Думали, у него депрессия: спрятался от всех, злой стал как черт. А потом взял да помер.

– Самоубийство? – предположил Баша.

– Нет. Это у всех у них так. Сначала звереют, но ненадолго. А потом дышать перестают.

– Я еще из Сент-Джонса звонил доктору Томпсону. И он сказал, что у пациентов никаких воспалительных процессов. Ни в легких, ни в бронхах. И в тканях головного мозга изменений нет.

– Чего не знаю, того не знаю. Я так понял, у них просто дыхалка отказывает.

Баша снисходительно посмотрел на Чейза.

– «Дыхалка отказывает». Еще скажите «батарейки садятся». Ладно. Допустим, что угнетенное дыхание и эти тела как-то связаны между собой. Но как? Разве что вирус какой-нибудь, который выделяется при разложении тканей.

– Каком разложении?

– А вот сейчас и посмотрим.

Баша подошел к телу девушки, аккуратно достал из кармана пару резиновых перчаток и натянул их на руки. Потрогал горло женщины, потом поднял и внимательно осмотрел ее левую руку. – Не окоченела, – пробормотал он и задрал на трупе футболку.

Чейз отвел глаза от бледной с зеленоватым оттенком груди.

– Повреждений нет. Помогите мне ее перевернуть. Вот эту ногу – вот сюда, – скомандовал Баша.

Сержант взялся за джинсы Бонни Поттл, стараясь не касаться розовой морской звезды. Ткань была насквозь мокрой и ужасно холодной. Тело перевернули на бок. Баша осмотрел спину девушки.

– И здесь чисто.

– Может, она из лодки нечаянно выпала?

– Возможно. (Так, теперь остороженько опускаем.) Хотя вряд ли. Вы только поглядите на одежду. – Доктор помахал карандашом над трупом. – Тепло было. Если она и выпала из лодки, ее вполне можно было спасти. Скорее уж, она утопилась. – Баша коснулся левой лодыжки девушки и задрал штанину. – Ага, – пропел он и показал кончиком карандаша на красное кольцо воспаления. – Это след от веревки. К веревке – камень, камень – в воду, вода – в легкие. Вот так вот.

Слева ударил яркий свет. Чейз прищурился и с трудом различил силуэт солдата с видеокамерой, умник светил прямо в глаза. Баша тоже поднял голову и взглянул на прожектор.

Камера подвинулась ближе, доктор и полицейский застыли перед объективом.

– Ведите себя естественно, – велел им бесплотный голос, самого солдата за потоками света было не разглядеть. – Представьте, что меня здесь нет.

Томми задержался у входа в приемное отделение. Люди в холле сидели и лежали, привалившись друг к другу или кое-как примостив голову на спинку переднего кресла. Кто-то застыл у стены. У всех – потерянные лица, каждого оторвали от повседневных забот и заперли в этом помещении, где нельзя ничего, можно только тихонько переговариваться.

Райну увезли на обследование. Больше Томми ничего о ней не знал. Он наблюдал за женщиной, которая искала свою маленькую дочь. Томми надеялся, что с девочкой все будет хорошо. Всякий раз, как Томми думал о больных детях, его начинало страшно клонить в сон, словно все его жизненные силы куда-то утекали. Вот и сейчас Томми чувствовал, как от него уходит счастье. Надо подумать о чем-нибудь хорошем. Вокруг головы женщины сгущались цвета болезни – сиреневый и зеленый. Рядом стоял какой-то человек, Томми решил, что это ее муж. Аура у него была серая, а в центре почти черная: он с головой ушел в свои мысли. Ни у кого в зале не было ярких цветов, не было мира и спокойствия в душе. Когда та женщина и ее муж приближались друг к другу, их цвета – серый, зеленый и сиреневый – смешивались. Получалось облачко, похожее на отвратительный синяк, и обоим от этого становилось только хуже. Рядом стоял старик. Вот у него аура была поярче, хотя он тоже

сердился и печалился. Облачко над его головой было желто-оранжевым. Когда его аура смешивалась с аурой женщины, ее облачко светлело, в ней просыпался дух и засыпало тело. Темные цвета, такие, как серый, черный, коричневый и синий, – это цвета плоти, земли и воды. Желтый, красный, золотой всех оттенков – цвета духа и солнца. Томми все еще ходил в марлевой повязке. Команды снять ее никто не давал. В комнате оказалось полно знакомых. Некоторые махали рукой, он махал им в ответ. Все волновались, в аурах пылали розовые, синие, красные и коричневые цвета. Кто-то смотрел телевизор, что висел под потолком, кто-то мерил комнату быстрыми шагами. Старики спокойно сидели в креслах и мирно беседовали, среди них царило полное согласие. Они занимали себя тем, что разглядывали потертый ковер и соседей. Томми огорчился, когда встречал людей с серыми аурами. Они ведь не знали, что с ними стало, какой бесценный дар не смогли удержать.

Томми повернулся к стене. Белая. Он начал ногтем процарапывать контуры больничных коек. Томми рисовал, пока ноготь сам собой не вывел шестерку. Потом рядом ноль. И еще шестерку: 606.

Томми запомнил это число, повернулся и снова посмотрел на людей в приемном покое. Многие подходили друг к другу, обнимались и разговаривали, делились переживаниями, а цвета их аур от этого менялись в лучшую или худшую сторону. Здесь, в больнице, ауры повреждались или наоборот выправлялись. Почти как в церкви.

Томми долго стоял на месте. Мелькали ауры и лица, мимо проходили люди, и каждый оставлял в его душе едва заметный след.

Томми трудно было оторваться от этого зрелища, от удивительных, нехарактерных для обычной жизни красок. Но все же он заставил себя отвернуться и пошел по коридору. На охранника Томми не обратил никакого внимания, просто прошел мимо – на лице повязка, под мышкой блокнот. Охранник даже придержал дверь, кивнул и пробормотал:

– Проходите, доктор.

Лифт он нашел сразу. За последние годы Томми много раз бывал в этой больнице, навещал друзей и родственников. Иногда просто вызывался посидеть с незнакомцами, помочь им поскорее поправиться, послушать их, дать им возможность поделиться переживаниями.

Кабина взлетела на шестой этаж. Томми вышел. Шестсот третья, шестсот четвертая, шестсот пятая... Вот, наконец, и палата Райны. На двери – табличка, но Томми не стал ее читать. Он оглянулся. Вдалеке прошла по своим делам медсестра и скрылась за углом. Томми толкнул тяжелую дверь и вошел. Шесть коек. Шесть аппаратов искусственного дыхания, белые пластмассовые трубки, зеленые гармошки мехов. Приборы шипели и плевались. Все, как Томми себе представлял. Он сразу нашел Райну и сел рядом на оранжевый пластмассовый стул. Райна медленно повернула голову.

– Здравсте, – с трудом проговорила она.

Неужели не узнаёт? Может, дело в маске? Томми развязал тесемки, улыбнулся и кивнул, потом наклонил голову, подумал и еще несколько раз кивнул, застенчиво и почтительно. Положил блокнот на койку, сунул руку в карман и достал маленький, сточившийся от времени камешек, черный с белыми прожилками.

– Он желания исполняет, – сказал Томми и вложил камешек в забинтованную Райнину ладонь, как в церкви кладут облатку.

– Спасибо. – Райна поднесла подарок к глазам.

– Это мне феи дали. Вшестером притащили. Вот уж потеха была, я тебе скажу. – Томми рассмеялся. – Он для них, как мешок с гвоздями.

Райна не ответила, только крепче сжала камешек.

– Я когда рыбачил, – сказал Томми, – и не такое видал. – Он взволнованно облизал губы и нервно ухмыльнулся. – Ты ж помнишь, у меня много чего на картинках осталось. Другие тоже видали, только молчат. Боятся.

– Боятся?

– Ну да. – Он посмотрел на белые простыни, под ними угадывались очертания тела

Райны. Томми вспомнил свой рисунок с черным силуэтом и отвернулся. Палату разгородили ширмами, но по теням на ткани Томми без труда узнал людей на соседних койках. Вот Джейкоб Батлер, вот Питер Ньюэлл, вот Бонни Тернбулл. Томми сотни раз встречал, их в море. Все из Уимерли, все рыбаки, и все как один разучились дышать.

– Чего бояться?

Томми нежно сжал ладонь Райны и опустил глаза. Ему вдруг показалось, что Райна уже не совсем Райна. От этой мысли Томми похолодел. Хотя может быть, все дело в лекарствах, которыми ее напичкали... Ее ладошка покорно лежала в его руке, пальцы переплелись, и у Томми перехватило дыхание. Не потому, что он тоже заболел, а от восторга.

– Боятся... – Он неуверенно прищурился и вытер нос рукавом. – Боятся, как бы кто не подумал, что они вроде меня...

Райна тихонько пожала ему руку:

– Ничего, ничего.

– Такие же ушибленные, – сказал Томми. В глазах у него стояли слезы. – Только их здесь нету.

– Кого нету?

– Тех, кто видит, как я. Они сюда не попали. Они не заболели.

Кровать. На кровати – девочка. Бледная. Во рту и в носу – трубки. Не спит. Притворяется. Притворяйся, притворяйся. Нас не проведешь.

Джозеф стоял у больничной койки и никак не мог понять, почему никто не хочет сказать ему правду? Это же не дочь. Так, подделка какая-то. Да и не похожа вовсе. Настоящая дочь веселая и живая, вечно скачет на одной ножке, вечно что-нибудь рисует. А эта – чужая, лежит и не шевелится. Не спит она. Не может быть. Спят только живые. Джозеф растерялся и от этого еще больше рассвирепел. Он, должно быть, что-то сказал, потому что женщина с другой стороны постели подняла глаза.

И эта притворяется. Женой. Что ж такая помятая? Уродина. Не могли что ли помоложе актрису найти? Настоящая жена моложе. И лицо у нее мягче, и косметики больше. И тоски в глазах не было никогда. А эту и молодой-то не представишь. Вся рваная, грязная... Глядит. Ладонь ко рту прижала. Слезу пустила. Тягучую. Ну прямо вся мировая скорбь. А что, отличная игра. Так жена себя и вела бы, если б поняла, что она теперь не при деле.

Толстенький седой доктор сунул руки в карманы халата и сочувственно улыбнулся, не разжимая губ. Он посмотрел на Джозефа и мягко сказал:

– Девочка может в любую минуту очнуться. Или пролежать так долгие годы. Переохлаждение, да еще вода в легких, – он покачал головой, – кислородное голодание.

Женщина всхлипнула и придвинулась к кровати. Умрет. Девочка умрет. Вот она, правда жизни. Никуда от нее не деться. Никому никуда не деться, когда умирает ребенок. Джозеф почувствовал, что тает, что его уносит в сверкающее никуда. Он взглянул в окно. Когда же ночь? Тьма всех спрячет, всех укроет.

– Держитесь, – сказал врач.

Джозеф тупо озирался. Люди. Приборы. Пищат, шипят, урчат... Джозеф вконец запутался. Почему он здесь? Надо сосредоточиться, вспомнить... Джозеф так напрягся, что перестал дышать.

Это его удивило. Он попробовал сделать глубокий вдох. Врач тут же повернулся к нему. Милый доктор, так трогательно изображает сочувствие. Только это другой. Где же тот, высокий? Который все делает ради денег, которому на все наплевать? Весь чистенький, к такому смерть не прилипнет.

– Вам нехорошо? – спросил врач.

Джозеф посмотрел на девочку. Зачем она тут? Колени подогнулись, он уцепился за железную спинку кровати.

– О-па. Ну-ка, присядьте, – сказал кто-то в белом. – Вам что, трудно дышать? – И протянул руку.

Женщина тоже подняла голову. Испугалась. Сердится. А девочка так глаз и не открыла.

– Где я? – спросил Джозеф. Кто-то схватил его за руку.

– Он все время это говорит, – заявила женщина.

«Тебе-то откуда знать? – подумал Джозеф, голова его налилась тяжестью и запрокинулась. – Да что вы вообще про меня знаете?» Он сделал шаг назад и упал. В черепной коробке что-то гроыхнуло. Над ним склонились. Забегали. Держаться за жизнь. Заткнуть уши изнутри. Свет ярче, ярче... Перед глазами бело... И тут все исчезло.

Доктор Баша спросил, нет ли в городке кого-нибудь, кто смог бы опознать тела. Чейз сразу вспомнил о мисс Лэрейси, старушке из дома Критча. Ей сто лет в обед, уж она-то наверняка все про всех знает. Чейзу казалось, что ледяной воздух рыбозавода так и остался у него в легких. Сержант никак не мог отделаться от запаха смерти. Чейз ехал вдоль бухты на своем «лендкрузере» и прикидывал, где бы перекусить. Надо сначала заморить червячка, а уж потом ехать за божьим одуванчиком. Впереди у городского клуба нижняя дорога и пересекалась с прибрежным шоссе. Может, в штабе пара бутербродиков завалялась? Кто сказал, что испортились? Пусть они хоть три дня на солнце пролежали. Сейчас и козлиные потроха сгодились бы.

Чейз посмотрел на залитый солнцем океан в белых барашках. Никого на воде, никого под водой. Даже вертолеты куда-то делись. Странно: ветра нет, а штормит. Вон какие гребни! Чейзу стало не по себе. Будто весь хаос переместился теперь в океанские глубины и только и ждал удобного момента, чтобы вырваться на поверхность.

Вот и штаб. Чейз резко повернул вправо, под «кирпич», и втиснулся между двумя армейскими джипами. Задача не из легких, особенно, если у тебя «лендкрузер». Трое солдат о чем-то горячо спорили перед входом в здание. Чейз подошел поближе, и разговор прервался. Солдаты преградили дорогу.

– Френч на месте? – спросил сержант.

– Вход только для военных.

Чейз снял фуражку, навис над солдатом и пальцем ткнул в его радиомикрофон.

– А вы с ним свяжитесь. Скажите, к нему сержант Чейз. Мы сотрудничаем.

– Новый приказ, сэр. Никаких исключений. Вы уж простите, ничем помочь не могу.

Сержант смерил солдата взглядом. Солдат занервничал. Чейз медленно, с достоинством надел фуражку и вернулся к машине. Он влез на сиденье, положил руки на руль и подумал, не вернуться ли в Порт-де-Гибль к Терезе. Главное, не дать себя разозлить. На черта надо было делать крюк ради этого Френча? Хватит, домой пора. Третье дежурство подряд. Внеурочная, между прочим, работа. Так что в конце месяца будьте любезны чек с кругленькой суммой. Тем более жизнь в городке вроде бы устаканивается. Этак, глядишь, и до пенсии доживем.

Чейз прислушался к своему дыханию. Как там сопелка? Ничего, сопит. Интересно, почему тел в море больше нет? Всех уже выловили? Это что ж значит, кризис миновал? Может и миновал, да только утопленников все равно опознать надо. Ну, тогда – вперед за бабусей.

Восемь лет назад отец Чейза пропал в районе Конского озера. Последний раз его лодку видели именно там. На четвертый день снарядили поисковую партию с Чейзом во главе. Погода стояла отвратительная, дул порывистый ветер, лил дождь. О том, чтобы отправить катер, вертолет или самолет, не могло быть и речи. За три дня они прочесали весь западный берег. Ночевали в палатке. Ливень барабанил по тенту, в любую секунду их могло смыть. Двое спутников Чейза говорили мало: уважали его горе. Чейз знал их с детства, они вместе росли в резервации. Все и так понимали, чем окончатся поиски. Вопрос был только во времени.

Тело нашли под утесом Белая Скво. Оно было здорово разбито о камни. Утопленники на рыбозаводе – просто красавчики по сравнению с тем, что осталось от отца. Позже вскрытие показало, что погибший был мертвецки пьян. Чейзу на всю жизнь запомнилось, о

чем он думал тогда, глядя на тело: больше отец никого не обидит. Вроде и камень с души, а все равно жалко. Так и не вышло из человека ничего путного.

Тела надо обязательно опознать. Не ради мертвых – ради живых.

Сержант усилием воли вытряхнул из головы невеселые мысли, завел мотор, с визгом развернул машину перед самым носом у оторопевших солдат и довольно улыбнулся, удивленный своей ребяческой выходкой. Он добрался до развилки, свернул на верхнюю дорогу и начал взбираться по склону. Все сверкало: внизу – океан, а впереди на холме – крыша солнечного дома. Чейз подъехал, и панели запылали желтым пламенем, словно в доме бушевал пожар. На ступенях перед дверью по-прежнему сидел черный пес. Сержант специально остановился и некоторое время наблюдал за ним. Пес был неподвижен, как чучело.

Чейз припарковался на обочине возле дома Критча, пулей вылетел из машины и хлопнул дверцей. Мысли еле поспевали за действиями. «Отвезу старушеницу – и домой. Пообедаю, выплусь, посижу с Терезой». Все, что можно, он уже сделал. Хватит. Пора и честь знать.

Чейз быстро прошел через двор и постучался в деревянную входную дверь. Без ответа. Сержант прислушался, оглянулся на свой джип и снова постучал. Тишина. Может, лучше с заднего крыльца попробовать? Бабулька-то, небось, сидит на кухне и песни горланит. Чейз прошел вдоль стены, повернул за угол и увидел мисс Лэрейси. Она заглядывала в пыльное окошко сарая. Все то же зеленое домашнее платье, все та же косынка на голове.

– Здравствуйте, – сказал сержант.

Мисс Лэрейси не шелохнулась. Что-то в глубине сарая очень ее интересовало.

Чейз подошел поближе. На него нахлынуло странное чувство, будто старушка не настоящая, а вырезанная из картонки. Иллюзия была настолько убедительной, что сержант даже протянул руку и дотронулся до мисс Лэрейси. Живая, теплая. Но все равно не двигается. Чейз мягко потряс ее за плечо.

– Мисс Лэрейси!

Она повернулась и широко распахнула глаза.

– Опять ты, – сказала старушка, улыбаясь. Губы у нее слегка дрожали, наверное, от старости. – А я вот в окошко пялюсь. Девчоночка там.

– Девочку нашли уже, – ответил Чейз.

– Да ну тебя, паря! Не та, другая.

– В сарае?

– Вон она.

Чейз наклонился и заглянул внутрь.

– Вон она. Гляди-ка: вся мокрая, и трясется, как осиновый лист, – сказала мисс Лэрейси.

– Не вижу. – Чейз приставил ладони, чтобы не мешал свет с улицы.

– А может, почудилось. Может у меня припадок какой на старости лет. Ты чего пришел-то?

– Да я тут на заводе был...

– На рыбном что ль? Где упокойники? – уточнила мисс Лэрейси. Говорила она рассеянно, ее внимание привлек шум в траве. Старушка проворно засеменила вперед, подобрав на ходу подол платья.

– Ну да. – Чейз шел за ней попятам. – Я думал, может, вы мне их опознать поможете?

Мисс Лэрейси остановилась и посмотрела себе под ноги.

В траве лежала рыба. К радужным бокам пристали длинные соломинки, жабры судорожно вздымались, пустые глазки блестели двумя черными пузырьками.

По траве скользнула тень. Старушка подняла голову. В воздухе медленно кружила ворона, то поднимаясь, то опускаясь.

– Нечет на беду, – пробормотала мисс Лэрейси.

– Ну и ну! Это какая рыба? – спросил Чейз. Рыба шлепнула хвостом раз, потом другой

и окончательно запуталась в траве.

– Заливная, – хихикнула старушка. – Так уж и быть, поеду с тобой, паря. Тут один солдатик меня об том же просил, да только вот мыслишки мне его не понравились. Дерганный он какой-то. С ним и рядом-то стоять нельзя, сама такой же станешь. А вот у тебя мысли ясные. Верно я говорю, сынок? – Она снова посмотрела на рыбу и ткнула ее носком туфли. – Ты – кремень парень.

– Стараемся... Беритесь. – Чейз подставил мисс Лэрейси локоть, за который она уцепилась с видимым удовольствием. Рыба так и осталась лежать в траве, а сержант и старушка побрели к «лендкрузеру».

– Ей бы, голубушке, на сковородке самое место, да боюсь, червивая она. Дохлая – не дохлая, а червивая, уж ты мне поверь.

В соседском доме хлопнули дверью, но никто не вышел. Только черный пес по-прежнему сидел на крыльце, а из окошка второго этажа глядела на океан то ли девочка, то ли невысокая женщина.

– Видишь того черного барбоса?

– Вижу.

– Не отсюда он. Пришлый. Из наших его никто не знает. – Старушка посмотрела на панели солнечных батарей. – И раньше-то в этом доме неладно было, а теперь уж точно жди *костлявую*.

Мисс Лэрейси мешком повисла на руке у Чейза, так что идти пришлось совсем медленно.

– Помяни мое слово: на таких дворнягах беда ездит.

– Не дай бог. И так уже сколько перемерло.

– Упокойников-то много на заводе?

– Что-то около семидесяти.

– И все утопли?

– Да вроде того.

– Оюшки-горюшки, – сказала старушка, щурясь на солнце. Она вдруг крепко сжала сержанту руку:

– Беда, голубочек.

– Район изолирован, сэр. Забор готов.

Командор Френч оторвался от книги. На картинке плавало в море синее чудовище с огромным птичьим клювом и костлявым рыбьим хвостом. Матрос первой статьи Несбитт стоял перед столом начальника и терпеливо ждал распоряжений. Странная фигура у этого Несбитта: шея тонкая, ноги, как лыжи, весь лоб в прыщах. Вроде подросток подростком, а в глазах такая мудрость вековая, что оторопь берет. И как он с однополчанами уживается? Френч хотел кое-то уточнить по поводу забора, но тут ожила рация: «Приборы последовательной блокировки будут готовы к испытаниям в двадцать два ноль-ноль, сэр». Это докладывал с холмов матрос первой статьи Бакинхем.

– Северные или южные?

– Южные, сэр.

– Южные подождут. Надо опробовать первые три макроотражателя на севере.

В наушнике ответили:

– Вас понял.

Френч взглянул на Несбитта, тот по-прежнему ждал указаний.

– Что с опознанием? – спросил командор.

– К сожалению, никого найти не удалось, сэр.

– Все дома обошли?

– Да, сэр, те, в которых кто-нибудь остался. – Несбитт нервно передернул плечами. Похоже, он в самом деле очень переживал. – Местные отказываются с нами сотрудничать, сэр.

– Это нормально, Несбитт. С чего им нас любить? – Френч перевернул страницу: еще одно чудище. Рогатая голова, длинное чешуйчатое тело, покрытое рыжей шерстью. – Мы дурные вести приносим.

Несбитт промолчал. Френч еще пару секунд разглядывал картинку, потом снова взглянул на матроса. Ведь у парня же наверняка есть родные на гражданке. Каково им будет, если он погибнет на боевом посту? Вот стоит обычный мальчишка в военной форме. Небось, патриот, в демократию верит, в права человека... Или нет? Или просто выполняет свою работу? Чек в конце месяца, все деньги – в семью? Есть у него дом, жена, дети? Дети, которые подпрыгивают от нетерпения и пищат в трубку: «Папочка! А ты когда приедешь?» Френч еще не забыл, как это бывает. Его тоже когда-то ждала жена... Чего она ждала? Когда муж состарится? Нет, конечно. Она хотела большего. И добились-таки своего. После развода. Еще один человек, с которым Френчу не по пути. И с детьми та же история. На суде он бился за них как лев, а все равно проиграл. И знал ведь, что так выйдет, да не хотел верить.

– Вы свободны.

Несбитт взял под козырек, развернулся на каблуках и исчез за дверью.

Френч вернулся к картинке. Морское чудище с огромными щупальцами размахивает над волнами деревянным кораблем. Френч нахмурился, кашлянул и взял новую пачку сигарет. Он глубоко затянулся, отодвинул том и взял другой: «Цунами в Атлантике». Френч внимательно прочитал все, что было написано на суперобложке, его интересовала каждая деталь. Потом раздавил в пепельнице окурок, изучил корешок и отложил книгу.

– Гады морские, – пробормотал командор и откинулся на спинку кресла.

За прозрачными стенами его кабинета царила суета. Туда-сюда сновали матросы. Они таскали коробки с оборудованием, шутили, смеялись. Никому даже в голову не приходило, насколько все серьезно.

– Это Френч, – сказал командор в микрофон под подбородком. – Приготовиться к эвакуации. Пока только подготовиться. Приказа командования еще не поступало.

Все замерли. Многие с изумлением воззрились на командора. Френч встретил их взгляды совершенно спокойно. Он выбил из пачки сигарету, но тут же расплющил ее в медной пепельнице. Чтобы не подумали, будто он хорохорится. Командор наклонился к столу, отыскал в оглавлении книги о цунами слово «Уцелевшие» и открыл нужную главу. Черно-белые снимки. У развалин домов стоят люди. Волна добралась даже до деревень в глубине острова. Лиц не разобрать: печать слишком контрастная. Вот и женщина с младенцем. Внизу подпись: «Маргарет Френч». Бабушка. За последние два дня Френч смотрел на эту фотографию раз пятьдесят, не меньше. Бабушка в молодости была очень привлекательной, даже на таком снимке видно. Почему-то у всех людей того времени в лицах есть что-то общее. Или дело в прическе? Нет, не только. Каким-то образом век помечает людей. Основательные времена – основательные люди. Неужели и вправду человечество было тогда проще в мыслях и поступках?

Цунами ударило по южному побережью в районе города Бюрина⁹ больше семидесяти лет назад. За год до смерти бабушка рассказала одиннадцатилетнему Френчу, как это было.

«И тут где-то далеко-далеко в море как бабахнет! Аж посуда в буфете зазвенела. Поначалу беды-то и не ждал никто. Выхожу себе во двор – деда твоего с промысла встречать. Хотя какой там промысел! Рыба в те дни вся куда-то подевалась. Ну так вот. Гляжу я, стало быть, на море, а вокруг тихо так, только радио на кухне бубнит. Поднимаю голову – батюшки! Небо сизое-пресизое, низкое-пренизкое, прямо дрожь пробирает. Наши из домов повысыпали и тоже давай глядеть – кто с холмов, кто с пристани. Стоят, не

⁹ Речь идет о цунами, которое обрушилось 18 ноября 1928 г. на побережье бухты Бюрин. В результате подводного землетрясения силой в 7,2 балла гигантская волна накрыла южное побережье Ньюфаундленда. Погибли 28 человек, из них – 15 в городе Бюрине. Архивные материалы свидетельствуют, что бедствию предшествовали вспышка неизвестного легочного заболевания и снижение популяции различных видов рыбы. За три часа до трагедии в городе отключилась электроэнергия.

шелохнутся. Уже тогда поняли, что плохо дело. И тут вода от берега отходить стала. Все дальше, дальше пятится. И шум такой поднялся: валуны катятся, галька сыплется, дно открылось. А на дне – водоросли, рыба, сети рваные, лодки потопшие... Стоим, рты разинув, а море уходит, дескать, знать вас не хочу. Я тогда с отцом твоим нянчилась, он совсем еще крохой был. Сидит у меня на руках, тычет пальчиком на горизонт и смеется. Глянула я, да так и обомлела: там, вдалеке, море дыбом встало и с небом слилось. Волна, значит, растет. На глазах разбухает. И такого цвета стального, что тоска берет. Поднялась и висит. Повисела-повисела, да как покатится прямо на нас... А мы так и стояли, все глазам не верили».

– Сэр?

Командор с трудом оторвался от книжки и попытался собраться с мыслями. Это ему удалось не сразу.

Матрос Несбитт вытянулся по струнке. Он прямо-таки светился от гордости, даже щеки покраснели.

– Докладывайте, – сказал Френч.

– С нами только что связался сержант Чейз. Он нашел старушку, Элен Лэрейси, которая согласилась сходить на рыбозавод, сэр.

– Благодарю вас, – ответил невозмутимый командор и достал очередную сигарету. «Сейчас бы выпить, – подумал он. – Дернуть стаканчик "Южной истома", нервы успокоить. Всякая дрянь вмиг из башки вылетит. Двойную порцию, и дело с концом. Ну, и стакан неплохо бы чистый».

– Вы свободны.

Несбитт так резко вскинул руку к козырьку, что Френч испугался, как бы парень не сломал себе запястье или не вывихнул плечо. Матрос сделал «кругом» и вышел из комнаты, печатаая шаг.

Командор закрыл книгу. Какой смысл опознавать тела? В море у Бюрина тоже утопленников находили. Их выловили военные на следующий день после цунами. До сегодняшнего дня эта информация оставалась закрытой. Тогда решили, что семь очень старых тел сохранились в иле, а волна вынесла их на поверхность. Один армейский репортер записал на пленку интервью с теми, кто спасся. Френч слушал эту запись. Качество оставляло желать лучшего, но слова вполне можно было разобрать. Жители рассказывали о странных существах, которые появились в заливе. Мифы. Легенды. Чепуха. Все это нужно только для того, чтобы ощутить «связь поколений», почувствовать, что ты потомок настоящих рыбаков. Не может человек без чуда. Уж очень нам верить хочется, что мы сильнее, чем на самом деле. Отсюда и байки. Придумали себе очередную религию.

Перед цунами в Бюрине была зарегистрирована вспышка туберкулеза. К моменту катастрофы умерли пятнадцать человек, все они так или иначе были связаны родственными узами с теми, чьи тела нашли в море. Совпадение? Какая тут может быть связь? Туберкулез... В Уимерли никто не заболел туберкулезом, но ведь вполне возможно, что тогда, много лет назад, врачи ошиблись с диагнозом?

Выпить хотелось нестерпимо. Френч внимательно посмотрел на кончик сигареты и запретил себе думать о прошлом. Если ему придется отдать приказ эвакуировать город, это будет выглядеть просто как мера предосторожности. Никто не обвинит командора в том, что он верит старым рыбацким байкам.

Сержант остановил свой «лендкрузер» на обочине рядом с рыбозаводом. Мисс Лэрейси не отрываясь смотрела на Чейза. Хорошее лицо у этого парня – честное, открытое. Аура яркая, желтая, а кожа смуглая. И до чего на Урию похож! С таким тепло и уютно. Какой-то он настоящий. Добрый, живой. Вот на кого всегда положиться можно.

– Восемьдесят девять человек под кислородом лежат и все из Уимерли, – сказал сержант, выключая мотор. – Это официально. Здоровых пока двадцать четыре, вместе с вами.

– И куда ж бедолаг девали?

– В больницу, в Порт-де-Гибль. – Чейз сунул руку между сиденьями и достал фуражку, которая лежала поверх портативного датчика на содержание алкоголя. – Все палаты забили, даже в подсобку пришлось койки поставить.

– Скоро ужинать пора. А ты, небось, никогда и не поешь как следует. Все всухомятку. – Она улыбнулась и похлопала его по животу. – Ну ничего, я тебя покормлю, как с делами управимся.

– Да спасибо, я не голодный. – Чейз улыбнулся, обнажив ровные белые зубы.

Старушка совсем растрогалась. Ну надо же, еще и вежливый. Видно, что с голоду помирает, а нипочем не признается.

– Надо кушать, надо. Зубы-то у тебя вон какие ладные.

Сержант хмыкнул и выпрыгнул из машины. Он обежал капот, открыл пассажирскую дверцу и подал мисс Лэрейси руку. Ну, прямо, джентльмен. Старушка застенчиво улыбнулась.

– Ах ты, милый какой, – сказала она. – Нянчишься со мной, что с твоей королевой. Подружка-то у тебя есть?

– Есть. – Он слегка помрачнел. – Жена.

– Болеет она у тебя, – сказала мисс Лэрейси, жалея, что Чейз перестал улыбаться. Она сочувственно кивнула и поднялась на цыпочки, чтобы погладить его по щеке. – Но твоей вины в том нет. Ты парень добрый. И с женою ласковый, слова грубого ей не скажешь. Сердце у тебя золотое. Это все тесто...

– Что?

– Тесто тебе покою не дает.

– Какое тесто?

– Из какого тебя замесили. То одна закваска в тебе бродит, то другая. В наши дни мало радости полукровкой быть. Нынче молодняк только об этом и болтает.

Чейз посмотрел на бухту. Аура его сразу потемнела до оранжевой, но все же осталась теплой и доброй, хоть ему сейчас и не по себе. У людей послабее аура стала бы сиреневой с коричневыми пятнами. Вот это цвета нехорошие. Это значит, человек у других силы забирает. Чейз снова посмотрел на мисс Лэрейси – и улыбнулся. Вдвоем они легко дошли до двери рыбозавода, но на ступеньках старушка споткнулась и чуть не упала. Колени подвели. Сержант с часовым помогли ей перебраться через порог.

– У меня от рыбы раздражение, – призналась мисс Лэрейси. – Это мне доктор сказал. Теперь у всех от чего-нибудь раздражение.

Они зашли в морозильную камеру. Старушка оглядела белые столы. Когда-то она тут работала, разделяла треску. Да кто из женщин тут не работал? Раньше в Уимерли все было четко: женщины – на рыбозавод, мужчины – в море. С тех пор многое переменялось.

Тела еще никто не вскрывал, они лежали на столах целые и невредимые.

– Святые заступники! – воскликнула старушка, открыв от удивления рот. Дело было не в том, что мисс Лэрейси никогда не видала столько трупов сразу, а в том, что прямо под потолком витали янтарного цвета духи, растерзанные на куски. Они плакали. Опускались к своим мертвым оболочкам, начинали плакать еще громче и снова поднимались под потолок. Будто что-то не пускало их внутрь.

Понедельник, вечер

У Тари взяли анализ крови. В тонкую белую кожу на сгибе локтя воткнули иглу. Девочка даже не пошевелилась. Пробирка наполнилась густой красной жидкостью. Намного более густой, чем представляла себе Ким. Ужасно, когда у маленького больного ребенка берут кровь. В таком тщедушном тельце ее всего-то ничего. Медсестра сложила пробирки в зеленый лоток на тумбочке у кровати. Хотя эта милая женщина работала крайне внимательно и осторожно, Ким такие процедуры все равно казались варварством. Она

находилась в каком-то забытии, и только сильный запах больничного антисептика время от времени возвращал ее к реальности. Запахло спиртом. Ким отвернулась и посмотрела на соседнюю койку. Там лежал Джозеф, неотрывно глядя в потолок пустыми глазами. Что же с ним такое? Доктор Томпсон помог ему добраться до кровати, и теперь Джозеф дышал при помощи аппарата искусственного дыхания. Ким вспомнился день отъезда мужа и дочери в Уимерли. Погода стояла отличная, багажник загрузили всякой всячиной для отпуска. Джозеф тогда выглядел счастливым. И психически здоровым. Ким передернуло.

Она взглянула на медсестру. Женщина улыбнулась успокаивающе и перед уходом с нежностью, почти с любовью еще посмотрела на Тари. В головах постели пищал кардиомонитор. Ким вспомнила о своем компьютере, о статье, о сроках сдачи. Еще совсем недавно она волновалась, что не сдаст работу в срок. А теперь все прошлые волнения потеряли для нее смысл. Ничтожные беды, ничтожные заботы. Под ногами кафель. Дочь на больничной койке. Вот это важно. Это может в корне переменить жизнь. И обратного хода уже не будет.

Когда муж перестал дышать, доктор Томпсон кинулся к нему с удивительной для своих лет живостью. Он помог Джозефу добраться до соседней кровати. Из-за стеклянной перегородки выскочила медсестра, и доктор потребовал кислород. Сестра почти сразу вернулась с большим баллоном на колесиках. Следом прибежал еще один врач. Медики действовали умело и слаженно, они сделали все возможное, чтобы спасти мужа. Теперь в реанимационном отделении не осталось ни одной свободной койки. Доктор Томпсон предупредил персонал, что за больным нужно наблюдать в течение ночи, и если состояние не ухудшится, перевести на другой этаж.

По всей видимости, Джозеф никого не узнавал. Он смотрел на жену, явно стараясь что-то припомнить. «Возможно, это переутомление», – прошептал доктор Томпсон. Он отвел Ким в дальний угол палаты, чтобы обсудить состояние нового пациента. Стресс. Оказывается, Джозеф принимал лекарства от стресса. А она и понятия об этом не имела. Джозеф вообще не жаловал всякие пилюли. Даже таблетку от головной боли в него никогда не удавалось запихать. Видимо, их развод и события последних недель привели к нервному срыву. Томпсон дал понять, что болезнь Джозефа, очевидно, не связана с нынешней эпидемией. Скорее, корни ее в психосоматических реакциях. Сильное волнение и боязнь заразиться привели к похожим симптомам. Томпсон объяснил Ким, что до сих пор эпидемия поражала исключительно жителей Уимерли. Поскольку Джозеф из Сент-Джонса, ему ничего не угрожает. Случаев заболевания среди приезжих пока не зафиксировано. Ким кивнула, но тут же сообразила, что отец Джозефа местный, из Уимерли. В ужасе она рассказала об этом врачу. Томпсон помолчал, подыскивая подходящие слова, и наконец произнес: «Постарайтесь не волноваться».

Джозеф лежал на постели, такой больной и такой беспомощный. У Ким в душе всколыхнулись прежние чувства, хоть муж и вел себя в последнее время ужасно. Неужели он умрет? Неужели амнезия не минует и его? Она вдруг ясно увидела свой дом, входную дверь, цветочные клумбы, кусты, волчью ягоду во дворе. Ей нестерпимо захотелось, чтобы Джозеф, и Тари, и она сама снова были вместе как раньше. Они все преодолели, если болезнь отступит. Здоровье. И дом. Ее дом. Их дом, который всегда защитит, главное, не покидать его. Что может быть лучше – спать рядом, тесно прижавшись друг к другу. Когда-то они были целой семьей.

А теперь вместо семьи – две больничные койки. На одной – муж, на другой – дочь. Оба больны, и некому утешить Ким. Когда-то она черпала силы от Джозефа, пусть даже через ссоры. И чего они вечно ссорились? Что делили? Ким казалось, что она теперь одна на всем белом свете.

Закрывая глаза, Джозеф видел сплошную серую пелену. Полное оцепенение. Не пошевелить ни рукой, ни ногой. О том, чтобы встать, не может быть и речи. Проще взлететь к потолку. Он сам теперь серая пелена. Граница между «я» и этой серостью совсем стерлась. Наверное, глаза открыты, раз комната видна. Полумрак. Женщина у постели. Какое

страшное лицо. А на соседней кровати – девочка. Совсем маленькая. Ужас какой! Женщина нежно перебирает ей светлые пряди. Далеко. Как они далеко! На мгновение Джозефу показалось, что его в комнате нет. Тяжесть в груди. Он сделал глубокий вдох и отвернулся к окну. Ко рту тянется какая-то трубка. Через нее в легкие со свистом врывается удивительная свежесть, чистота. Вот только разогнать туман в голове ей не под силу. Зато во рту и в горле искорки. Ночь. Тьма проникает в мозг, уносит с собой остатки мыслей. Страшно! Уж лучше на людей смотреть. Женщина и ребенок.

Почему больница? Почему постель? Может, он смертельно болен? Чем? Джозефу показалось, что его болезнь как-то связана с женщиной и девочкой. Может, он чем-то заразился от ребенка? Чем-то столь изощренным, что ни с каким вирусом не сравнить? Да и женщина тоже нездорова, хотя крепится, не хочет признать свою слабость. Вот в огромном стеклянном окне прошла другая женщина. Белый халат. Похоже, здесь безопасно.

Тьма дышит в затылок, манит, притягивает взгляд. Она – сама пустота. В ней ни веры, ни отчаянья – ничего. Если бы только вырваться из цепких лап серой завесы! Разрушить преграду, впустить в комнату всепоглощающую тьму. Чернильный потоп хлынет на кафельный пол. Выше, выше, вот уже скрылись кровати. Ночь утопит всех, погрузит в пустоту, в ничто. Только стекло отделяет людей в палате от этой спасительной тьмы.

Берег с другой стороны бухты сиял крошечными огоньками. Это светились окошки в больнице Порт-де-Гибля. Укутавшись в желтое вязаное одеяло, мисс Лэрейси вышла из дома Критча подышать свежим воздухом.

Над двумя катерами кружил вертолет, море успокоилось. Старушка поставила на сланцевую ступеньку крыльца керосиновую лампу. Из темноты тут же вынырнули мотыльки. Прохладно. Мисс Лэрейси никак не могла отвести глаз от больничных окон. Все Блеквуды сейчас там. Экая напасть! Муж, мать, дочь. А она, старуха, стоит тут, целая и невредимая, воздухом дышит.

После того, как мисс Лэрейси увидела растерзанных духов в морозильной камере рыбозавода, она решила вернуться в дом на холме. Сейчас ее место здесь. Что бы с мертвыми ни происходило – это дело рук живых, так было во все времена. Старушка смотрела на завод у подножия утеса и вспоминала свою утреннюю поездку.

«Узнаете тут кого-нибудь?» – спросил ее полицейский.

Мисс Лэрейси медленно двинулась вдоль рядов и вцепилась в край первого же стола. На нем лежало тело молодого человека лет тридцати, темноволосого, с квадратным подбородком.

– Это Хедли Джексон. В море сгинул. В субботу, в 1957. Жена у него была иностранка, Барбара. Тоже через два года померла. От сердца.

По пятам за Чейзом и мисс Лэрейси следовал солдат. На карточке, привязанной к руке покойника, он сделал пометку: «Хедли Джексон. Пропал в море в 1957».

Старушка заметила, что у парня чудесный почерк. Редкость среди мужиков. Она подняла голову. Дух Джексона витал прямо над телом.

– Внук его, Кристофер, вместе со всеми сейчас в больнице лежит.

Мисс Лэрейси снова испуганно глянула наверх. Дух даже не заметил ее. С другими призраками творилось то же самое. Они ничего не видели и ничего не понимали. Солдат легонько подтолкнул старушку.

– Пошли тихонечко, – сказал он.

Старушка резко повернулась, собираясь его отчитать, но вместо этого застыла в растерянности. Мимо везли каталку, на которой лежала девочка. Пустые глаза смотрели в потолок. Дух девочки то поднимался, то вновь опускался к телу, словно его магнитом тянуло обратно.

– Алиса, – вскрикнула мисс Лэрейси и зажала рот рукой. – Алиса Вэтчер.

Когда-то они вместе играли. Старушка со слезами кинулась к подруге. Она остановила каталку и повела ладонью над лицом мертвой девочки. 1936 год. Алиса бегала по пляжу,

широко раскинув руки, и в этот момент сзади накатила огромная волна. Одна единственная, но такая громадная, что в мгновение ока накрыла ребенка и утащила с собой в морские глубины. Алису так и не нашли. Все произошло на глазах у Элен. Она вскарабкалась на высокую скалу и стала громко кричать: «Назад, Алиса, назад!» Поздно. Элен еще долго звала подругу на опустевшем берегу. С годами все как-то сгладилось, ушло далеко в прошлое, но вот теперь Алиса снова лежала перед ней, и старушка вспомнила, как нежно они любили друг друга. Алиса. Конечно же, это Алиса. И платье на ней то самое, белое с кружевным воротничком, расшитое желтыми и красными цветами. Элен оно всегда ужасно нравилось, ей очень хотелось такое же.

– Как вы сказали? Алиса? – спросил солдат.

– Да, – прошептала мисс Лэрейси и решилась, наконец, коснуться детского личика. Кожа на ощупь оказалась даже чуть теплой. Слезы капали из глаз мисс Лэрейси и собирались в глазах девочки. – Боже ты мой, Алиса! Подруженька моя! Это что ж такое творится!

Лаборант в белом халате толкнул каталку вперед, но старушка взглянула на него сквозь слезы и тихо спросила:

– Спешешь куда?

Лаборант потупился. Мисс Лэрейси снова склонилась над подругой.

– В понедельник это было. В 1936 году. Как мы с ней дружили! Ее папа с мамой из Уимерли уехали, уж и не знаю, куда. А вот сын их, Дэвид, брат Алисин, вернулся. Дочку его Раиной зовут. Тоже здешняя.

Солдат сверился со списком.

– Райна Вэтчер? – спросил он.

– Нет, она замуж вышла за Грегори Прауза. Пропавший был человек, упокой господи его душу.

– Райна Прауз?

– Она самая. Грегори тоже утонул, между прочим. – Мисс Лэрейси огляделась и указала на другой конец морозильной камеры: – Да вот он, Грегори Прауз. – Мимо по соседнему проходу провезли однорукого человека в военной форме времен Первой мировой. Каталка с Алисой тоже тронулась с места, и мисс Лэрейси в последний раз погладила шелковистый локон подруги. Все. Попрощались.

Старушка встряхнула головой, и воспоминания о прошедшем дне отступили. Над домом кружили уже два вертолета. Шум лопастей нарастал. Мисс Лэрейси смотрела на железных монстров и снова и снова вспоминала слепых, потерянных духов на рыбозаводе. Что-то неудержимо тянуло их к телам, но и отталкивало от привычных оболочек. Почему духи вернулись? Чего им не хватало? Зачем рвутся обратно к бесполезным трупам? Почему не ищут родичей – живых, любимых людей?

Опознавать тела пришли и другие старики. Небось, как прослышали, что мисс Лэрейси на заводе, так и им занудобилось. Испугались, как бы чего интересного не упустить. И Уолт Бойд притащился, и даже Экери Далтон. Между прочим, ни эти двое, ни сама мисс Лэрейси никого из своих родственников среди мертвых почему-то не нашли.

«Главное, им друг за друга держаться, – решила старушка и оглянулась на дом. Он еще хранил тепло семейного очага. – Непросто, конечно, но как-нибудь сговорятся, все же они – семья. Двое соединились, дитя родили – какие уж теперь раздоры». Если они вернуться в дом Критча, мисс Лэрейси сумеет им помочь. Столько им всего порасскажет. Истории и байки, что скопились у нее в голове за долгие годы, так и рвутся наружу.

Судя по звездам, сейчас около полуночи. Нет, заснуть сегодня не удастся, хотя вертолеты улетели, и над бухтой, впервые за несколько дней, тишина и покой. С полчасика назад от клуба отъехали четыре армейских джипа. Мисс Лэрейси видела их из окна гостиной. Два повернули на Слейдс-лейн и помчались на запад в сторону холмов, к тарелкам. Два других двинулись на восток к соседней бухте.

На вершине утеса взгромоздилась огромная антенна, еще шесть – над холмами к востоку, почти рядом с Мерсеровой Пустошью, где теперь место для репортеров и всяких

зевак. Гигантские тарелки чуть светятся в темноте. Зеленый. Любимый цвет фей. Мисс Лэрейси поискала в карманах коржик и, наконец, нащупала его вместе с пригоршней камушков со свежей могилы Массы Дровера. Хороший был парень Масс, хоть и умер ужасно. А раз хороший, значит, камушки защитят от всякой нечисти. Еще в карманах нашлись четки и плавник пикши, такой острый, что того и гляди порежешься. Тоже талисман.

Звезды росли и тяжелели, словно опускались все ниже. У воды вспыхнули пять синих прожекторов, в их свете стали видны тысячи перекрещивающихся над заливом тоненьких красных лучиков. Постепенно красные нити тускнели, а звезды становились ярче.

Диски на холмах и на вершине утеса разгорались зеленым электрическим светом. Старушка беспокойно взглянула на залив. Красные нити истончались и таяли с каждой секундой, вот они уже почти исчезли. Внезапно яркая оранжевая вспышка прорезала темное небо над Порт-де-Гиблем. Что-то вроде метеорита беззвучно ударило в крышу одного из домов, не причинив, кажется, никаких повреждений.

Мисс Лэрейси вытянула шею, чтобы лучше рассмотреть. Голова сразу закружилась. Еще один янтарный «метеорит». Мчится прямо на старушку. Мисс Лэрейси замерла, ноги одеревенели. Оранжевое пятно пронеслось мимо, к дому у самой воды. «Там же Масс Дровер жил», – сообразила мисс Лэрейси. Она думала, что «метеорит» останется внутри, как и тот, первый, но нет. Из дома Массы Дровера янтарный клубок направился к рыбозаводу, потом покружил над мысом и полетел в глубь залива. Третий упал на дом в Порт-де-Гибле, прошел сквозь крышу и исчез.

На берегу заработал громкоговоритель. Диски на холмах понемногу померкли. Красные нити над водой зажглись было с новой силой, но синие прожекторы отключились, и снова настала ночь. Тишина. Только волны бьются о скалы. У подножия мыса в воздухе кружится белая пена. А ветра нет. «Чего это море разбушевалось?» – спросила себя мисс Лэрейси. Она подождала, пока нахлынет следующий вал, но напрасно. Море успокоилось, вспышки тоже пропали. «Вот уж чудеса расчудесные», – пробормотала старушка. Она направилась было к сирени, чтобы окунуть лицо в душистые грозди, и тут оцепенела от неожиданности.

– Мать Божья!

Под деревом стояла маленькая девочка. Керосиновая лампа на ступеньке окутывала тщедушное тельце оранжевым сиянием.

– Здравствуй, – тихо сказала девочка.

– Ну и напугала ты меня, барышня. Чего это ты бродишь в такой час?

– Ничего. Так просто. Умерла, вот и брожу. Как всегда.

Мотылек дорвался-таки до пламени, лампа вспыхнула ярче.

– Ты какой дух? Добрый?

– Не знаю.

– Там, где ты сейчас, любят тебя?

Еще один мотылек пролетел совсем низко над лампой, пламя заколыхалось, на лице девочки заплясали оранжевые блики. Из-за них мисс Лэрейси никак не могла разобрать, улыбается ребенок или хмурится.

– Не знаю, – повторила девочка.

– Ты в тот мир одна попала или с кем из родных? – спросила старушка и сунула руки в карманы платья.

– С папой.

– А он тебя утешил, приголубил?

– Нет.

– Значит, не успокоилась душа твоя. Ты теперь зло несешь. – Мисс Лэрейси вытащила из кармана два камушка, подняла над головой и пощелкала ими, как кастаньетами. Другой рукой она схватила рыбий плавник и рассекла им воздух, сделав движение в сторону призрака.

– Что это ты делаешь? – засмеялась девочка, но быстро погрузилась. Улыбка на ее лице сменилась отчаянием, и гостья растворилась в ночи.

Мисс Лэрейси разволновалась. Призраки без причины не грустят. В этом почти всегда виноваты живые.

Джозеф так углубился в созерцание тьмы за окном, что не сразу обратил внимание на странный звон. Словно соприкоснулись края бокалов, словно лучи света вдруг обрели звучание. Он вслушался. Нет, это не звон, скорее, шелест крыльев сказочного существа. Он попытался определить источник звука и не смог. Но что-то упрямо звало Джозефа, тащило на поверхность, заставляло вынырнуть из тьмы.

Он повернул голову, еще не осознавая того, что делает. На стуле у кровати сидела женщина. Она, казалось, сверкала и переливалась во тьме, губы ее двигались. Вот кто издавал этот звук! Женщина нежно и тихо пела, глядя на Джозефа. Он узнавал и не узнавал эти глаза, а женщина смотрела так, будто Джозеф был чем-то большим, чем казалось ему самому. Слова завораживали, мелодия качалась, словно кораблик на волнах.

Джозеф сразу понял, что он чем-то связан с этой женщиной. Какая она красивая! Красивей всех на свете. Нет ничего дороже этого голоса, этого лица, пусть даже они совсем не похожи на те, что сохранились в памяти. Жена. Нет, эта женщина не может быть его женой. Таких жен не бывает. Она так чудесно поет, она такая таинственная. И все же такая родная.

Над койками реанимационного отделения звенела песенка:

Мне было отроду полдня,
Меня лелеяла родня.
Но колыбель не для меня,
И я пустилась в путь.
Полсотни тысяч миль пешком.
Вы не слышали о таком!
А мне по тучам босиком —
Что пару раз чихнуть.

Ким баюкала Тари и успокаивалась сама. Она погладила дочь по щеке. Что за чудо – спящий ребенок! Слова лились прямо из сердца:

Я завела себе щенка.
Он был не больше ноготка,
Но прыгал выше маяка
И мне служил конем.
Видали вы такого пса
С ушами, словно паруса?
Я целый мир за полчаса
Объехала на нем.

Раньше Ким никогда эту песню не пела, разве что изредка мурлыкала мотив. Сегодня все слова припомнились неожиданно легко, как будто бабушка Ниари сидела рядом и подсказывала. Она часто пела эту песенку для маленькой Ким. Так уютно было забраться под одеяло в кресло-качалку, слушать, как трещит огонь в камине и потихоньку засыпать.

Ким допела и подумала: «Куда деваются волшебные детские сны, когда мы вырастаем?» И тут же начала «В веселом городе Дублине». Когда Ким была маленькой, она думала, что песня называется «В веселом городе гоблинов». «В веселом городе Дублине, девчонки все – загляденье...» – пела она. Потом еще: «О милый, милый Дэнни, зовут, зовут

волынки». Старые ирландские баллады, позабытые, казалось, навсегда, одна за другой возникали в памяти. А вместе с ними бабушка и мама. Да, мама тоже пела эти песни.

Закончилась баллада про Дэнни, и в комнате стало необыкновенно тихо, только попискивали мониторы. Ким снова запела: «Ночь тиха, ночь нежна. На волнах спит луна. Только девушка...» Ким заметила, что Джозеф открыл глаза. В черном стекле над ним отражалась палата с разноцветными огоньками приборов. В глазах у Джозефа блестели слезы.

«Спите сла-адким сно-ом, спи-ите сла-адким сном». Джозеф смотрел на нее, не мигая. Ким повернулась к дочери. На тоненьких детских пальчиках желтели пятна. Ким сначала подумала, что Тари разукрасилась фломастером, но оказалось, это йод. Несколько дней назад девочка нарисовала Ким и Джозефа, они стояли рядышком и держались за руки. Тари принесла рисунок и сказала: «Гляди, мам. Вот как будет». Ким тогда ужасно расстроилась, молча взяла картинку и спрятала в сумочку. С тех пор она так и не придумала, что с ней делать. То ли отнести на работу и повесить у себя в кабинете, то ли отдать Джозефу. В конце концов, Ким просто решила носить картинку с собой. Она открыла сумочку, нашла во внутреннем кармашке аккуратно сложенный листок и показала его Джозефу.

– Ты это видел? – неуверенно спросила она.

Джозеф с благоговением посмотрел на картинку, потом на Ким.

– Пой, – попросил он.

– Зачем? – спросила Ким. Она не собиралась петь для него. Она пела для Тари.

– Это так... прекрасно. – Он с трудом растянул губы. – Я что, улыбаюсь?

– Да. – Голос у Ким сорвался. – Ты улыбаешься.

– Пой.

«Он что же, никогда раньше не слышал этих песен?» – удивилась Ким. Она вновь почувствовала ту близость, ту тесную связь, которую они сами разорвали несколько месяцев назад, и тоже улыбнулась.

Тари что-то прошептала.

В душе Ким шевельнулась надежда.

– Пой, – вслед за дочерью повторил Джозеф.

Френч сел за руль открытого джипа и завел мотор. Несбитт едва успел забраться на пассажирское сиденье. Командор давно заметил странные оранжевые стрелы в ночном небе, но подчиненные, как ни старались, ничего разглядеть не могли. Френч чувствовал себя полным идиотом.

– Опять копаетесь, Несбитт, – нетерпеливо сказал он.

Некоторое время они молча ехали по темной дороге.

– Похоже, отражатели работают, сэр.

Френч не ответил, только крепче сжал зубы.

– Командор Френч? – раздалось в наушнике.

– Говорите.

– Обнаружена турбулентность. Координаты: 47 градусов северной широты и 51 градус западной долготы.

– Вас понял.

Френч беспомощно выругался про себя. Ну вот. Началось. А он не в силах ничего исправить.

Машина резко затормозила перед входом в клуб. Френч пробежал мимо солдата, едва успевшего отдать честь, и скрылся в дверях радиорубки. Несбитт изо всех сил старался не отставать.

Солдат за пультом кивнул на экран компьютера.

– Турбулентность на 47 градусе северной широты и 51 градусе западной долготы.

– Сколько от нас до нее? Километров сто?

– Сто три, сэр.

- Чем она вызвана?
- Трудно сказать, сэр. Видно только саму воронку.
- Локатором щупали?
- В этом районе сейчас нет вертолетов, сэр.

Командор вышел из комнаты и на ходу включил микрофон.

– Говорит Френч. Вертолет в район 47 градуса северной широты и 51 градуса западной долготы. Сектор семь, Большая Коса.

По дороге задев плечом Несбитта, Френч влетел в свой кабинет, поднял телефонную трубку, набрал номер, выключил рацию и отодвинул от подбородка мешавший ему микрофон.

– Это Френч, сэр. По нашим наблюдениям, в районе 47 градуса северной широты и 51 градуса западной долготы формируется цунами.

Он помолчал. Несбитт стоял в дверях. Френч прикрыл трубку рукой и тихонько сказал:

– Закройте дверь с той стороны. – Несбитт исчез. – Нет, сейсмической активности не зарегистрировано. Пока не зарегистрировано... В Бюрине все происходило по той же схеме, а потом туда пришла гигантская волна. Нет, сэр. – Френч покачал головой. – Подземных толчков пока не было. И тем не менее я полагаю, что необходимо отдать приказ о начале эвакуации... Я понимаю, сэр. Да, все побережье. Да, это огромная работа... Нет, другого объяснения у меня пока нет... Да, я понимаю. Но тогда будет уже поздно... Да, если... если мы... Как только будет зарегистрирована сейсмическая активность, на то, чтобы очистить побережье, у нас останется три-четыре часа. Потери среди гражданского населения будут беспрецедентными. Но если мы начнем эвакуацию сейчас... если мы... Да, сэр, я... Могу сказать только одно: по моему мнению, цунами как-то связано с нынешней эпидемией. Мои выводы основаны на информации о предыдущих морских катастрофах, сэр. – Френч до боли вцепился рукою себе в плечо. Никуда не денешься, надо говорить дальше. – Семьдесят лет назад в Бюрине была зарегистрирована вспышка туберкулеза или дифтерии. Во всяком случае, тогда полагали, что это туберкулез или дифтерия. По времени эпидемия совпала с приходом в город электричества и радио. По причинам, которые мы пока не можем до конца объяснить, электромагнитные поля влияют на дыхательный рефлекс. Может быть, в Уимерли произошел всплеск электромагнитной активности, и, как следствие, развилась массовая гиперчувствительность к этим полям. Пока я не могу точно сказать, в чем тут дело, но знаю, что все эти события почему-то провоцируют сильнейшую электромагнитную турбулентцию, которая затем становится причиной цунами... Я не знаю точно, почему именно здесь, сэр. Есть еще один фактор... В Бюринском заливе перед цунами наблюдалось катастрофическое снижение популяций всех видов фауны, сэр, и в океане находили тела, такие же, как здесь. – Командор закрыл глаза. – Я согласен, это только гипотеза... Да, я понимаю... Но... Нет, сэр. Да, я буду держать вас в курсе. Да, сэр... Да, сэр... Да.

Френч осторожно положил трубку, презрительно фыркнул, покачал головой и изо всех сил потер лицо руками. Опять он выставил себя дураком. Не только сам поверил во всю эту чушь, но еще и командование убедить пытался. Теперь карьере точно конец. Френч поискал глазами пачку сигарет. Ага, вот она, на столе. Пустая. Отправят в отставку, объявят психом, поместят в частный дурдом. Выкинут только за то, что болван командор видит дальше собственного носа и не может об этом молчать. Френч смял пустую пачку и швырнул в дверь. Будь под рукой ствол, застрелился бы к чертовой матери.

Томпсон ждал лифта.

Он вдруг вспомнил карикатуру в каком-то старом медицинском журнале. Двое врачей беседуют в конце рабочего дня. «Опять мне не удалось угадать, – говорит один. – Пациент выжил». Томпсон часто вспоминал эту фразу, когда сильно уставал. Сколько раз он сегодня действовал вслепую? Целый день – сплошное гаданье на кофейной гуще.

Доктор только что спускался вниз проведать Агату. Кошка свернулась клубочком на заднем сиденье внедорожника и сладко посапывала в темноте. Томпсон не стал тревожить

любимицу. Он обошел кирпичное здание кругом, встал против главного входа и посмотрел через дорогу на рыбацкие дома и череду одноэтажных типовых домиков с плоскими крышами. Их построили совсем недавно. Дальше чернела бухта, а за ней, на другом берегу, виден был Уимерли. Вон огромный утес, а вон и восточная окраина городка, там кончается бухта. Свет до сих пор не дали, только кое-где в окнах мерцают свечи да керосиновые лампы. Томпсон вспомнил, как вчера вечером заезжал в дом к Уилфу Мюррею, вспомнил, как вкусно там кормили. Разговоры за столом, дети по двору носятся... Красота! Приятно иногда побыть в обществе здоровых людей. Почему же все-таки эпидемия их пощадила? По шоссе проехала машина, Томпсон успел разглядеть профиль водителя. Откуда он возвращается? Из бара? От любовницы? С работы? Горести Уимерли до Порт-де-Гибля пока не добрались. Как и до остальных городков в этом районе.

Томпсон глядел вслед автомобилю и думал об Агате. Сидит одна-одинешенька в душевой машине. Надо отвезти ее домой, нечего ей возле больницы делать. Оставить ей дома еды побольше, сиденье на унитазах поднять... Томпсон всегда оставлял в кухне полуоткрытый кран: вдруг не удастся прийти вовремя? Жажда убивает гораздо быстрее голода.

Он прослушал сообщения на автоответчике мобильного телефона. Ничего срочного. Томпсон вернулся в больницу и заглянул в ординаторскую. Там работал телевизор. На темном экране мелькали дома, очевидно, показывали Уимерли. Из четырех врачей только двое повернули головы, когда Томпсон вошел.

– Какие новости? – спросил он и с тоской посмотрел на автоматы для продажи еды. Сейчас бы шоколадный батончик! Но полочки за стеклом были пусты, всё уже подъели до Томпсона. Ни тебе бутербродов, ни шоколадок, ни чипсов, ни даже жвачки.

– Как ни странно, никаких, – ответила молоденькая очкастая врачиха с длинными волосами, забранными в хвостик. Она заложила руки за голову и откинулась на спинку дивана, не отрывая глаз от телевизора. – Новых больных не поступало. Тела в бухте больше не ищут. Вертолеты улетели. Репортеры, конечно, говорят, что всю технику просто перевели в открытое море. Один журналист якобы перехватил телефонный разговор военных. Он, правда, ничего не понял, но вроде в океане нашли какую-то очередную пакость. – Врачиха повернулась и посмотрела на Томпсона с таким видом, словно ждала от него какого-то заключения. Но что тут скажешь?

– А вы как думаете? – спросила она.

– Может, все уже кончилось? – предположил доктор.

– Сплюньте, – ответила врачиха и трижды постучала по деревянной ручке кресла.

В коридоре на шестом этаже было тихо, из палат струился мягкий голубоватый свет. Томпсон присел на стул в сестринской, надел очки для чтения и начал просматривать истории болезни. Он аккуратно выписал на отдельный листок фамилии всех, кто страдал угнетением дыхания. Восемьдесят девять человек. Томпсон достал карманный компьютер и сверился со списком утонувших, который командор Френч прислал по электронной почте. Мимо прошел врач-практикант, наверное, поставили на ночное дежурство. Парень был обут в белые кроссовки на мягкой подошве. Он сочувственно улыбнулся Томпсону и спросил:

– Вы домой-то хоть иногда заглядываете?

– Домой? – переспросил доктор. – А это где? – Он оторвался от бумаг. – Ничего-ничего, скоро тоже забудете.

Практикант хихикнул и ушел в перевязочную. «Как быстро человек ко всему привыкает, – подумал Томпсон. – Парень даже маску перестал носить – услышал, что заболевание не вирусное. А вот о том, что у инфекции может быть длительный инкубационный период, и знать не хочет. Интуиция. Здесь, в больнице, совсем другой мир. Без интуиции здесь нельзя, а достается она потом и кровью. Хотя как раз с кровью вся эта кутерьма вроде пока не связана».

Томпсон снова вернулся к спискам. Он обвел кружочком девичью фамилию Донны Дровер. Веллс. Потом нашел Томаса Веллса в списке утонувших. Дэрри Поттл. Томпсон

проглядел список и наткнулся на имя Обри Поттл. Обвел. В конце концов, совпали почти все фамилии. Доктор никак не мог взять в толк, что бы это могло значить. Он снова прошелся по столбцам. Где же связь между утопленниками и больными в палатах на шестом этаже? Донна Дровер все еще в коме. Томпсон заходил к Дэрри Поттлу, тот бормотал то же самое, что и Донна пару дней назад: «Вода». Доктор принес воду со льдом, но парень пить не стал. Он медленно протянул руку, взял стаканчик и вылил себе на лицо. Потом закрыл глаза и сложил губы трубочкой, словно грудничок.

Томпсон встал со стула, потянулся и зевнул. Вот так разминка для мозгов! Он посмотрел на длинный пустой коридор, на двери палат, и решил провести Дэрри еще раз. Доктор шел, прислушиваясь к своим тихим шагам и писку мониторов. Ни одной свободной койки не осталось. А в самый бы раз прилечь и вздремнуть минуточек шестьдесят! Раньше Томпсон часто так делал. Вид пустой больничной кровати его успокаивал. Полумрак, белые стены, белая высокая кровать, белые простыни заправлены без единой морщинки. Вот оно, простое человеческое счастье. Ишь, разбежался. В больнице теперь лежать негде.

Томпсон подошел к палате Дэрри и остановился в дверях. Шесть кроватей, шесть пациентов. Трое мужчин, три женщины. Никто не шевелится, все спят. Мужчины и женщины. А детей нет. Доктор никак не мог ухватить мысль за хвост.

«В чем разница между детьми и взрослыми?» – спросил он себя. Ну, во-первых, в размере. Дети меньше. Хотя вряд ли это важно. Словарный запас беднее. Дети больше играют. Не работают. Нет у них работы. Мир они видят по-другому.

Хорошо. По-другому. А как? Они не испорчены. Нет, это банально. Они говорят то, что думают. Что видят, о том и говорят. Они честнее, бесхитростнее. Почему? Они принимают все за чистую монету. Почему? Их воображение не знает границ. Их сознание открыто для новой информации. Почему? Потому что они еще не научились *не верить*.

Клаудия осторожно пробиралась через свой двор, держа в руках лист фанеры с миниатюрными домиками. Тьма стояла непроглядная. Приходилось ступать очень осторожно, а порой даже задерживать дыхание: не дай бог наклонить фанерку. Это был тот самый глиняный макет Уимерли, который Клаудия так долго лепила. Пройдя между елями, она вышла на дорогу и минут через пятнадцать добралась до церкви. Черная крыша поблескивала в призрачном свете луны. Вот и Хрыч-лейн, уже виден океан, справа показалось кладбище. Здесь всегда так тихо. Дорога пошла под уклон, Клаудия нащупала между деревьев тропинку к обрыву. Пришлось нагнуться, чтобы еловые лапы не смахнули городок.

Один человек все-таки опрокинулся. Даг Блек-вуд. Клаудия остановилась, подняла фигурку старика и бережно прислонила к заборчику, за которым были разложены Блеквудовы поделки. Несколько домиков съехали набок, и она вернула их на место. Зато малюсенькие деревца так уцепились друг за друга, что даже не шелохнулись.

Клаудия вышла на опушку. Земля тут ужасно неровная. А под ноги смотреть никак нельзя, надо следить за городком. Вот и обрыв. Снизу доносится рев прибоя, остро пахнет водорослями. Клаудия глянула туда, где по камням разбегается белая пена.

Клаудия вытянула руки вперед, фанерка затрепетала, словно уже парила над морем в воздушном потоке. Руки задрожали, щит накренился. Игрушечная лошадка полетела в пропасть, следом корова, две мужские фигурки и одна женская упали навзничь и безропотно заскользили к краю, не зная, что их ждет.

Клаудия хрипло закричала и резко встряхнула лист. В воду посыпались белые изгороди, машины, грузовички. Первым упал домик Дага Блеквуда – он стоял ближе всего к океану. Следом полетели дома у бухты, потом лес между верхней и нижней дорогами. Предпоследним исчез в глубине дом Критча и наконец дом Клаудии. Она закричала еще громче, так, что слышно было и в Порт-де-Гибле. Малюсенькие фигурки не оставляли даже кругов, даже ряби на черных валах. Городок канул в бездонную морскую пропасть.

Осталась только фанерка. Руки больше не дрожали. Клаудия перестала кричать, подняла лист к губам и сдула пыль от клея. В воздухе повисло серое облачко.

Вторник

Дага Блеквуда от больниц всю жизнь трясло. Он провел ночь в неудобном кресле посреди приемного покоя. То и дело клевал носом, но выспаться как следует так и не удалось. Джозеф и Ким остались в палате с Тари. А для старика места уже не хватило. «Вы ее дедушка?» – спросила Дага медсестра. Он рассмеялся и ответил: «Нет, я ее крестная фея». Ну и чего добился? Торчи теперь как пень в коридоре. А хоть бы и в коридоре. Все равно, пока Тари не поправится, никуда он отсюда не уйдет. «Ничего, – усмехнулся Даг. – У нас демократия. Сиди, где хочешь, лишь бы под ногами не путался».

Он упорно пытался хоть чуточку покемарить. Сложил руки на груди, опустил голову, даже русалку успел увидеть... Но недолго музыка играла. То ли задница в проклятом кресле затекла, то ли мимо кто протопал, – пропал сон. Ну точно, вон она, медсестра кроссовками скрипит. Такой ветер своим халатом подняла, аж в носу засвербело. Только человек, понимаешь, вздремнуть собрался, с русалкой парой слов перекинуться, как на тебе. Расскрипелась.

И так-то в больнице радости мало, да еще и выспаться не дают. Ладно, потерпим. Нам бы только вестей дожидаться. Место тут какое-то ненастоящее. И пахнет чудно – лекарствами, надеждами и враньем. Век бы этой больницы не видал, кабы не внучка... Попалась птичка в клетку, лежит, бедняжка, вся в проводах, а коновалы над ней мудруют, целителей из себя корчат. Знаем, какие они целители. Была, помнится, одна статейка, так в ней черным по белому говорилось: на пять процентов изучен человеческий организм. Остальное – тайна. И не суйтесь. Нет, куда там! Скрипят туда-сюда своими кроссовками, шаманы хреновы.

К ларьку, что ль, подарочному сходить? С таким креслом не то что задница, мозги последние затекут. Заодно игрушку какую-нибудь прикупить для Тари, чтобы веселее было. Жалко вот, никакой деревяшки с собой не прихватил. Ну да ничего, тут и заводская уродина сгодится. Вырезать из нее какую-нибудь финтифлюшку, то-то радости будет. Кита, скажем. Кит ей точно понравится. Да и какому ребенку он не понравится? А вчера еще в море с ней собирались... И Колючку бы с собой взяли. Тут тебе и киты, они как раз по мойву пришли. Сейчас ведь самый нерест от Ирландии до Ньюфаундленда. Ну да что поделаешь. Раз на живого кита поглядеть нельзя, вырежем деревянного. Все равно делать нечего.

Даг порылся в карманах зеленых рабочих штанов и нащупал там сначала связку ключей, а потом и нож для резьбы по дереву.

Он повернул за угол и подошел к киоску «Подарки». Дальше по коридору у дверей реанимации стоял на часах солдат. «Откуда вас, чертей, поналезло?» – подумал Даг. Он вошел в магазинчик и остановился в дверях у газетного стенда, чтобы прочитать заголовки. Огромная шапка во всю первую полосу: ЗАБОЛЕВАНИЕ В УИМЕРЛИ НЕ ЗАРАЗНО. Дага разобрато любопытство, он проглядел статью. Батюшки, что в городе-то творится! Тела в заливе. Задыхающиеся люди в больнице. А он и знать не знал. Даг был слишком занят поисками Тари, и те, кто искал вместе с ним, ничего ему не рассказали. А вдруг у девчонки это самое «угнетенное дыхание»? Из статьи выходило, что шансов выздороветь тогда нет. Даг совсем расстроился и отвернулся от газеты.

Он слонялся вдоль полок и разглядывал дешевые безделушки. Рядом люди читали журналы, с глянцевых обложек широко улыбались девушки. Что такого в этих журналах? Их теперь целая куча, вранье от первой до последней страницы. Толстухи целую жизнь тратят на то, чтоб похудеть. Что за глупости, только деньги из читателей выкачивают! Чего бы им не жить себе толстыми и счастливыми? Даг всегда любил женщин в теле. Эмили была кругленькой толстушкой, пока рак не съел заживо всю ее плоть. Неужели журнальные вертихвостки хотят выглядеть так, словно смертельно больны?

В дальнем углу обнаружилась полка с игрушками, в основном мягкими. Ничего деревянного. Даг разозлился. Как это так, нет деревянных игрушек? Он обиженно фыркнул,

воспринимая это как выпад лично против себя, и быстро подошел к прилавку, за которым стояла пожилая продавщица в синей форме.

– У вас деревянные игрушки найдутся? – требовательно спросил старик. Упершись кулаками в прилавок, он перегнулся к продавщице.

– Все на витрине, – нервно ответила продавщица. Она слегка кивнула на дальний угол магазинчика и снова прилипла к черно-белому экрану телевизора.

– Да там одно тряпье.

– Ну извините, других нет. – Она даже головы не повернула.

Даг тоже посмотрел на экран. Дома, океан, белые буквы «Уимерли. Прямое включение».

– Черт вас побери, забудьте вы про свой телевизор на пару секунд и займитесь живыми людьми!

Продавщице непросто было отвлечься от репортажа.

– Где тут можно найти кусок дерева?

Женщина подняла, наконец, глаза, покрасневшие веки моргали часто-часто.

– Кусок дерева?

– Да, чтобы вырезать.

– Может, в подвале? Там есть плотницкая. Вот...

– И где это?

– На нижнем этаже, сэр.

Даг Блеквуд никак не мог отвести глаз от губ женщины. В трещинах застряла помада. Даже на передних зубах кусочек остался. На лацкане пиджака табличка: ВОЛОНТЕР. Старик улыбнулся.

– Отлично, дамочка, – он подмигнул. – Вы мне очень помогли.

Продавщица испуганно кивнула и снова посмотрела на экран.

По коридору, как по торговому центру, туда-сюда сновали люди. Часовой пропал. «Иди куда хочешь, никто тебя не остановит», – решил Даг. Эх у них все просто. Он повернул за угол и нашел лифт. Женщина нажала кнопку «наверх» и стала ждать, пока подъедет кабина. Старик и ей тоже подмигнул и кивнул головой, она улыбнулась в ответ. Красивая, с виду лет пятьдесят пять или около того. Даг нажал на кнопку «вниз», еще раз широко улыбнулся, снял бейсболку, пригладил волосы и снова водрузил на макушку кепку. Он раскрыл было рот, чтобы прокомментировать кошмар в Уимерли, но тут как раз подоспел лифт. Даг шагнул внутрь, помахал напоследок женщине рукой и поехал в подвал. Лифты всегда пугали его до чертиков. Разве это дело, когда здоровенная коробка тащит тебя через дырку в полу? А шахты эти? Это ж могилы натуральные. Вверх-вниз, вверх-вниз, катаешься в гробу на веревочках. Двери захлопнулись, желудок рванулся к горлу. Уж лучше наверх, вниз падать совсем тошно. Надо было идти по лестнице, вот только как ее отыскать в этом треклятом лабиринте? Вот кто так строит? Крысы, которые решили отомстить людям за свои страдания?

Раздался мелодичный звон, двери открылись. Подвал. Даг попятился. Ну и вонища. Коридор пустой. Он ступил на кафель и стал читать надписи. Плотницкая в той же стороне, что и морг. Прелестно.

– Господи! – Даг скривился, покачал головой, поправил козырек бейсболки и двинулся по коридору вперед. Главное, не заглядывать в покойницкую через маленькие окошки в двойных дверях.

– Ёкорный бабай, – пробормотал старик, его передернуло.

В плотницкой никого не оказалось. Вот невезенье! Даг нажал на металлическую ручку, дверь не поддавалась. Нет, ну как воняет! «Аж кишки выворачивает», – подумал Блеквуд и цокнул языком. Он пошел назад, не отрывая глаз от светлой сосновой доски, сантиметра полтора в толщину и десять в ширину. Для чего ее тут прибили на стене? Для комфорта? Дага опять передернуло.

На подходе к моргу Блеквуд заметил, что отломанный кусочек дерева просто воткнули

на место и прибили двумя гвоздями, но не очень крепко, вполне можно отодрать. Бестолочи безрукие. Даг достал ножик, открыл лезвие и легко расшатал деревяшку. Потом пальцами оторвал кусок сосны, одновременно внимательно оглядывая коридор. Никого, и за руку его схватить некому.

«Разрази меня гром, если я снова полезу в эту железяку», – сказал себе Даг. Впереди показалась лестница. Он заметил ее еще на пути в плотницкую. Старый добрый знак «Выход». Старик оглянулся и живо пошел по ступеням наверх. Он еще успел услышать, как открылись двери морга.

Даг прибавил шагу и снова глянул через плечо. Вурдалаков, вроде бы, не видать. Никто за ним не гонится. Первый этаж. Старик толкнул дверь и набрал полную грудь свежего воздуха. Красота. Пахло свежескошенной травой – газон перед больницей недавно подстригали. Утро. Денек обещал быть что надо. Кто бы мог подумать, что все так обернется?

Даг заметил впереди у главного входа деревянную скамеечку. Можно было, конечно, и от нее дощечку отломать. Тут-то дерево получше будет. Осина твердая, не то, что сосна, хотя кусочек и потоньше. На его-то деревяшку чихнуть страшно, не то, что вырезать по ней, сразу сломается. Даг с кряхтением опустился на сиденье, вытащил из кармана нож и достал лезвие. Мимо шла женщина, она подозрительно взглянула на его нож и заторопилась прочь. «Нездешняя, – решил Даг. – Одета как-то не так. Может, из Сент-Джонса или с материка, приперлась поглазеть на чужое горе да притащить домой парочку сувениров на память. Ишь, гляди-ка, от собственной тени шарается». Блеквуд ткнул ножом в ее сторону и крикнул:

– Ножи затем и придумали.

Женщина прибавила шагу, Даг только усмехнулся и покачал головой, а потом начал осторожно вырезать по дереву, к ногам посыпались завитки стружки.

– Обалдеть, что творится, – пробормотал он.

Через несколько минут из куса сосны начал проступать гладкобокий кит. Дерево нагрелось в ладонях, Даг поворачивал его и так, и этак, состругивал уголок здесь, прорезал дужку там, и вот, наконец, кит стал таким же теплым, как пальцы старика. Вышло очень похоже.

Ким не спала всю ночь, так и просидела в палате между двумя койками. Она спела для мужа и дочери все баллады, какие вспомнила. Джозеф то и дело задремывал и снова просыпался. Дыхательная трубка, которую ввели ему в горло, казалась Ким пуповиной, да и сам Джозеф больше всего походил на младенца в утробе.

Первые лучи солнца Ким встретила песенкой «Когда у ирландца смеются глаза». За окном засверкала бухта. Ким немного помедлила, замороженная неописуемо красивым видом, и пошла умываться. Над раковиной висело большое зеркало. «Кошмар», – подумала Ким, краем глаза заметив свое отражение, и быстро отвернулась. Чего уж тут разглядывать? Она спустила воду в унитазе, провела рукой по волосам, потом не удержалась и снова взглянула в зеркало. Губы потрескались, под глазами мешки, ни помады, ни теней, ни туши для ресниц. Прямо бледная моль. Может, накраситься? Да нет, и так сойдет. Помятой физиономией тут никого не удивишь. Вот душ бы принять и переодеться – другое дело. Ким налила себе воды из автомата. Вкус оказался совсем не таким, как в Сент-Джонсе. Гораздо приятнее. Ким принялась. Они что ее, фильтруют? Дома, стоило только поднести стакан к губам, сразу шибало хлоркой. Ким выросла в твердом убеждении, что вода пахнет, и всегда спорила с учителями, когда они говорили, что вода не имеет ни вкуса, ни запаха. Глупости какие! Конечно, имеет. Ан нет. Дело-то было в химии.

Ким вернулась в палату. Джозеф неподвижно сидел в кровати и с беспокойством смотрел на Тари. Казалось, он так и провел всю ночь, и теперь уже больше никогда не пошевелится.

– Ты и при жизни неважно выглядел... – пошутила Ким, чтобы разрядить атмосферу.

Волосы у Джозефа свалялись, щеки поросли трехдневной щетиной. Дыхательная

трубка лежала рядом. Он явно сам вытащил ее из горла. Джозеф по-прежнему не двигался.

– Эй!

Ким подошла поближе, Джозеф вздрогнул и поднял на нее красные беспокойные глаза.

– Как она? – хрипло спросил он, закашлялся, сглотнул и потер горло.

Ким посмотрела на Тари. Она бы все на свете отдала за то, чтобы девочка очнулась и села. Ким так хотелось прижать к себе это крохотное детское тельце.

– Я не знаю.

– Она дышать не может? – Он снова закашлялся.

– Нет, врачи говорят, дело не в дыхании, – ответила Ким.

Она еще раз сходила к автомату, набрала стаканчик воды и принесла Джозефу.

– Спасибо.

Он отпил и поставил стакан на тумбочку.

– Дело в сердце. У нее переохлаждение, а это нагрузка на сердце. Гипотермия.

Джозеф осторожно свесил ноги с кровати, босые ступни коснулись кафеля. Он робко шагнул к Тари, замер, потом сделал еще шаг, нагнулся и нежно взял дочь за руку. При этом не сводил глаз с огромной иглы от капельницы. Разве можно совать такое в маленькую детскую ручку?

У Ким на глазах выступили слезы. Она с трудом сдерживалась, чтобы не расплакаться. Еще несколько часов назад Джозеф метался во сне, что-то бормотал о лицах под водой и пузырьках воздуха. А теперь он стоит рядом у постели Тари, вмняемый и жизнеспособный.

– Надо бы кофе попить, – сказала Ким.

– Я схожу.

Джозеф повернулся. Ноги слушались еще не очень хорошо, пришлось остановиться и перевести дух. Он посмотрел на свои босые ступни:

– А где моя обувка?

– Вон там. – Ким показала на шкафчик рядом с дверью в туалет.

Джозеф достал кроссовки, покрытые толстым слоем лесной грязи.

– Ты сам-то как? – спросила Ким.

– Вполне.

– Точно?

Ей не понравилось, как неуклюже Джозеф пытается завязать шнурки. Он намотал шнурок на указательный палец и застыл, но потом встряхнулся и завязал вполне приличный бантик.

Покончив с кроссовками, Джозеф выпрямился и опять замер, изумленно вглядываясь в каждую черточку на лице жены. Ким боялась пошевелиться и все испортить. Джозеф посмотрел на Тари. В глазах его отразилось такое горе, что Ким захотелось подойти и утешить его, взять за руку. Но прикоснуться к мужу было все еще страшно.

– Что же это? – прошептал он.

Ким вытерла ему слезинку и растерла влагу между пальцами. Никогда еще она не видела, как муж плачет. Остатки выдержки покинули ее.

– Не знаю, – сам себе ответил Джозеф дрожащим голосом.

Ким бросилась к нему на шею.

– Я люблю тебя, – всхлипнула она и прижалась щекой к плечу Джозефа, не в силах больше сдерживаться. Впервые за долгое время Ким не пришлось врать.

Джозеф стоял, оторопев, и не знал, куда девать руки.

– Это все... – он нежно дотронулся до Ким, – ... это на самом деле? – И крепко обнял. – Господи! – И заплакал, уткнувшись ей в волосы. – Это все правда?

Командор Френч задремал прямо за рабочим столом. Ему снились оранжевые лучи, падающие с неба на синюю гладь. Они не задерживались на поверхности, а сразу опускались в глубину. Вода постепенно светлела и наконец засверкала, как янтарь. Командор проснулся и не сразу понял, где находится. Какой-то кабинет, в глаза светит экран компьютера, на нем

скринсейвер с вертолетами. В здании тихо, только слышно, как переговариваются диспетчеры: их оставили у приборов следить за турбулентностью в океане. Где-то далеко, то ли в другом конце здания, то ли в наушнике (командор предусмотрительно убавил громкость), бубнили голоса. Где именно, Френч так и не понял. Ну и наплевать.

Он снова задремал и вернулся в тот же сон. На этот раз командор смотрел вверх, лучи летели прямо на него, как звездочки салюта, глаза слепило. «Лечу, наверное», – подумал он, потому что лучи прошивали тело насквозь. Нет, не насквозь. Задерживались. Командор широко открыл рот, в него посыпались оранжевые искры. Интересно, это он так широко раскрыл рот, или все его лицо превратилось в огромную дыру, или, может быть, он сам стал подвижным, как ртуть, как вода, как мировой океан? Командор испуганно вздрогнул и проснулся, отчаянно дрыгая ногами под столом. Ботинки громко колотили по дереву. За дверью опять началась суeta, свет уже включили.

Френч выпрямился и обеими руками потер глаза. Он несколько секунд пытался вспомнить, в самом деле он видел ночью оранжевые лучи, или это ему только приснилось. А турбулентность? Она-то была... или это тоже ему пригрезилось?

Единственное, чему он в жизни доверял, так это собственным глазам. Но здесь, в Уимерли, здравый смысл и зрение противоречили друг другу. За годы службы Френч выполнил тысячи заданий, его огромный личный опыт говорил ему, что все на свете имеет простое и логичное объяснение, надо только его отыскать. Френч упорно возвращался мыслями к загадочным оранжевым лучам. Ведь он своими глазами видел, как они падали на землю и дома! Других чудес тут тоже хватало. Чего стоит одна акула-альбинос! Нет, конечно, другие тоже ее видели, но как, скажите, это вяжется с пресловутым здравым смыслом? А тела? Утопленники, которым бог знает сколько лет? Конечно, можно было бы преспокойно списать все это на банду сумасшедших анархистов, которые подсыпали в городской резервуар галлюциногенный наркотик. Френч задумчиво взглянул на автомат для охлаждения воды у двери его кабинета.

Похоже, никто из тех, кто был с ним вчера на берегу, не заметил лучей. Почти никто. Вот матрос Несбитт точно следил за траекторией их полета. И он занервничал, когда заметил, что за ним наблюдают.

Может, стоит позвать его в кабинет? Да, непростой предстоит разговор. Что он скажет Несбитту? С чего начнет? Френч взвесил все за и против, справился насчет состояния турбулентности в океане (она, кстати, не меняла размеров, что само по себе было весьма подозрительно) и, наконец, решил:

– Говорит командор Френч. Найдите матроса первой статьи Несбитта и передайте ему, что я жду его в штабе, – произнес он в микрофон.

Френч еще раз просмотрел отчеты врачей о вспышке неизвестной болезни, предшествовавшей цунами в Бюрине. Что там было, туберкулез, дифтерия? Точный диагноз пока не поставили. Местный врач, доктор Керней, отмечал, что болезнь протекает без основных характерных симптомов. Ни кашля, ни температуры, зато горло саднит, отмечаются потеря веса и обильное потоотделение. Эти симптомы могли быть, конечно, вызваны неподвижностью больного в результате нарушения дыхательной функции. Доктор Керней написал в отчете, что загадочное заболевание, возможно, представляет собой новую форму туберкулеза или дифтерии, и выразил глубокую озабоченность этим предположением.

В дверь постучали, Френч машинально крикнул: «Войдите». Он поднял голову, в дверях испуганно переминался Несбитт. Молодой человек посмотрел командору в глаза и тут же отвел взгляд.

– Матрос первой статьи Несбитт по вашему приказанию прибыл, сэр.

– Закройте дверь и присядьте. – Френч показал на кресло перед столом и выключил рацию.

– Вам удобно, Несбитт?

Матрос уже устроился на стуле.

– Так точно, сэр, – ответил он.

Было заметно, что парню не по себе, он пожевал нижнюю губу и поморщился.

– Вы не против, если я закурю? – спросил командор.

– Нет, сэр.

Френч предложил пачку Несбитту, перегнулся через стол и щелкнул зажигалкой. Матрос держал сигарету в пальцах под странным углом, он затянулся, постарался подавить приступ кашля и кивнул:

– Хороший табак, сэр. Я вот подумываю, не начать ли мне курить. Совсем недавно об этом думал, сэр.

Френч прикурил, расслаблено откинувшись на спинку кресла, и внимательно посмотрел на Несбитта.

– Если помните, вчера вечером мы испытывали отражатели.

– Да, сэр, конечно, помню. Я был там, на берегу. – Несбитт мужественно затянулся, на этот раз глубже, потом осторожно выдохнул, сложив губы трубочкой. Ему даже удалось сдержать кашель.

Френч курил и мысленно репетировал свой следующий вопрос.

– Вы помните момент, когда включили прожекторы и стали видны ультракороткие и гамма-лучи?

Несбитт кивнул и закрыл глаза. Его передернуло. Из рта тонкой струйкой вырывался дым. Потом он резко наклонился вперед и неуклюже вытер пепел сигареты о край бронзовой пепельницы.

– Да, сэр. Я был там, сэр.

– Вскоре после этого мы включили отражатели. Между лучами появились зазоры. Стали видны части берега и неба. Помните, тогда еще прервалась радиосвязь.

– Да, сэр, конечно, помню. Такая тишина наступила. Они пропали. Голоса в голове, я имею в виду.

Френч пристально глядел на матроса.

– Вы обратили внимание на книги и документы на моем столе, Несбитт? – Он похлопал ладонью по тому, посвященному морским катастрофам.

– Да, сэр, по правде сказать, обратил.

– В них рассказывается о цунами, морских чудовищах, о вспышках странных эпидемий, случившихся много лет назад. Вспышки. Потопы. В последнее время я много об этом читал.

Несбитт побелел еще больше, хотя Френч думал, что дальше уже некуда. Может, парню просто стало плохо от сигареты.

– Обычно я не интересуюсь такими вещами, Несбитт.

– Полагаю, они не представляют для вас интереса, сэр.

– А для вас?

– Нет, сэр, – рявкнул матрос. – Нет, сэр.

Он выпрямился и напряженно застыл. Френчу показалось, что Несбитт сейчас вскочит с места и отдаст ему честь.

Молодой человек смотрел на командора широко открытыми глазами. Он затянулся и долго не выдыхал, его прямо распирало от волнения. Зрачки все больше расширялись, на прыщавом лбу выступил пот, наконец он выпалил:

– Духи, сэр. Духи. Это из-за них все произошло. Если я могу быть с вами откровенен, сэр.

– Духи?

– Да, сэр.

– Почему они?

– Разрешите погасить ее, сэр? – Несбитт помахал сигаретой, дымящийся кончик смотрел точно в потолок.

– Разумеется.

– В вашей пепельнице, сэр?

– Да, валяйте.

Несбитт долго возился с бычком, гася все искорки и облизывая губы. Потом он снова сел прямо и поднял на командора покрасневшие глаза.

– Продолжайте, – подбодрил его Френч.

Несбитт яростно потер подбородок.

– Я не хочу, чтобы вы считали меня сумасшедшим, сэр.

– Никто не хочет, чтобы его считали сумасшедшим, Несбитт. В том числе и я.

– Мне тут нравится.

– На Земле?

– Да, сэр. То есть нет, сэр, – взволнованно поправился он. – На флоте, сэр. Поэтому я не хочу, чтобы меня считали сумасшедшим.

– А я и этого и не утверждаю. Напротив, я полагаю, что если вы сумасшедший, то все остальные в радиусе двадцати километров отсюда тоже абсолютно невменяемы.

– В том, что я вижу больше других, нет ничего ненормального.

Френч промолчал. Ему хотелось утешить молодого человека, сказать, что он понимает его, объяснить, что он и сам видел оранжевые лучи в небе и чудовищ в море. Нет, нельзя. Тогда они станут равны, в приказах и суждениях командора можно будет сомневаться, его можно будет подставить и при случае утопить. Френч заговорил, осторожно выбирая слова:

– Насколько я понял из книг, такого рода странные события случаются всякий раз, когда нечто угрожает самоопределению личности человека. Происходит невозможное, то, что мы раньше считали плодом своего воображения. «Ловцы человеков». Вон, видите, я написал эти слова на доске?

– Да, сэр. Я каждый день смотрю на эту надпись.

– Так вот, ловцов человеков больше нет. Дело не только в том, что меняется наша жизнь, нет, мы потеряли связь с природой, с землей, потеряли себя, если хотите. Когда наша цивилизация подвергалась опасности, когда внешние силы грозили смять, опрокинуть наш мир, слово приобретало особенное значение. Человечество спасали традиции, предания, передающиеся из уст в уста. В такие моменты люди часто видели то, о чем рассказывается в сказках. Срабатывает защитный механизм, он не дает нам забыть о том, кто мы есть на самом деле, возвращает нас к нашим корням. В письменных источниках отражено несколько таких случаев. Вспомните древнюю Иудею и пришествие Христа, вспомните, как создавались Библия, Ветхий и Новый Завет. Вспомните, как боролись за свою свободу и права рабы. Ничто не могло сломить этих храбрецов, их сила имела глубокие корни, она проросла из преданий и легенд, передававшихся из поколения в поколение, и, в конце концов, рабы добились признания своих прав. Вспомните, как усердно миссионеры старались разрушить веру индейцев в языческих богов, старались и не могли. Вера коренного населения росла и крепла с каждым днем, перья становились ярче, танцы яростней, обряды торжественнее. Мы встречались со сказкой, и эта сказка спасала нас много раз. Нам нужны ловцы человеков! Вы меня понимаете, Несбитт?

– Д-да, сэр.

– Народы болезненно реагируют на вторжение чужеродной культуры, так же, как и на потерю корней, потерю связи со своей собственной культурой. Тут вступают в игру массовые галлюцинации, и люди верят тому, что видят. Верят, ведь, чтобы выжить, верить необходимо. Выжить и остаться в здравом рассудке, несмотря на то, что прежней жизни уже не вернуть.

Несбитт сидел в кресле очень прямо и изумленно глядел на командора, он явно не верил своим ушам.

– Что вы видели, – продолжал Френч, – когда включили отражатели?

Несбитт вздрогнул.

– Ничего, сэр.

– Вы уверены?

– Ничего. – Молодой человек отвел глаза, он никак не мог на что-нибудь решиться.

Вдруг в голове у него что-то щелкнуло, он подскочил, словно от удара. – А вы? – Глаза его засветились надеждой, парень улыбнулся, словно между ним и Френчем установилась невидимая связь. – Вы, сэр?

Командор занервничал. Он боялся, что чересчур разоткровенничался с этим юнцом. Френч сжал губы. Едва заметная перемена в его настроении тут же стерла улыбку с лица Несбитта.

– Расскажите мне о том, что вы видели, – спокойно сказал командор. – Я же знаю, вы что-то видели.

Несбитт дернул головой, как будто убеждал себя не говорить лишнего, заерзал и умоляюще произнес:

– Да вы же сами знаете, что я видел, сэр, разве нет?

– Вчера ночью вы за чем-то следили в небе, и я это заметил.

– Но вы видели? Сами видели, сэр?

На лице Несбитта ясно читалось смятение. Он то и дело потирал ручки кресла, рот его открывался и закрывался, слышно было, как шлепают губы. Френч понаблюдав за молодым человеком и сказал единственное, что он считал правильным в этой ситуации:

– Нет, Несбитт, ничего необычного я не видел. – Командор опустил голову и начал перебирать на столе бумаги. – Постарайтесь взять себя в руки, Несбитт. Вы свободны.

Райна смотрела на стены палаты. Все цвета постепенно исчезали, все, кроме серого, думать с каждой минутой становилось труднее. Она старалась представить себе знакомое лицо или предмет, но забывала, чего хотела, еще до того, как мозг успевал выдать картинку. Будущего не существовало. Сначала было страшно, накатывали волны паники, однако по мере того, как ухудшалось ее состояние, Райна почему-то успокаивалась. Она никак не могла вспомнить, чего боялась. В душе наступил мир. Райна словно бы отделилась от тела и даже, кажется, от сознания.

Потом на стул у кровати кто-то сел. Человек выглядел чудно: узкая голова, спутанный ком волос, кривые зубы, нервная улыбка. Райна вглядывалась в него и силилась узнать, но не могла: черты лица постоянно менялись. Он заговорил, глаза запали, по лбу побежала рябь, потом на подбородке появилась ямочка. Райна начала понемногу различать цвета, бледные тени красок, к которым она привыкла за свою жизнь. Пятна вырывались изо рта человека, они растекались по комнате и оседали на предметах. Забрезжили воспоминания, снова накатила паника, и, наконец, Райна узнала говорившего. Слова обретали смысл, из них начали складываться мысли и образы.

– Я видел в море русалку, рыжая, волосы по пояс, и уж такая красавица, что аж плясать хочется от радости. И голая, ни клочочка одежды. – Он покраснел и опустил голову. – Чудо из чудес. А до того дня я русалок не видал.

«Томми, – произнес кто-то в голове у Райны. – Вроде бы так его зовут. Томми».

– А потом дальше, уже почти у самого Порт-де-Гибля мне повстречалась огромная каракатица. Вот такая! – Он поднял руки и зашевелил пальцами, стараясь напугать Райну. – Тянет, понимаешь, ко мне щупальца, будто толстые черви к тебе ползут, охота ей вступила вытащить меня из лодки. Каракатица жутко опасная, а вот кит... Тут совсем другое дело. Голову из воды высунул, и прям видно, какой он замечательный, ну, каракатица и испугалась. Бултых, и пропала. Сбежала и в глубине затаилась. А кит со мной заговорил, да так глянул из-под воды, глаз у него большой и круглый, и уж такой добрый, что мне враз почудилось, будто мы с ним старые приятели.

Райна, наконец, рассмотрела его. Томми, точно, это Томми, она вспомнила – они дружили, крепко-крепко. Томми Квилти. Сколько раз он помогал ей в будущем, и не сосчитать. Ой, нет, не так. В прошлом. Точно, в прошлом. Раньше. До этого момента. Это и есть прошлое.

– Пыль веков, – произнес Томми.

Райна ничего не поняла, да похоже, что он и сам не понял сказанного. Слова просто

вырвались из его груди.

– Тот кит поведал мне, что видел меня сквозь пыль веков, вот так прямо и сказал. Он... – Томми замолчал и посмотрел на дверь. В палату вошла женщина в белом.

– Сюда посетителям нельзя, – ворчливо заявила медсестра и сурово поджала губы.

Райна вдруг испугалась, потому что Томми в мгновение ока сделался больным.

– Ну же, давайте-ка, на выход. – Сестра попыталась согнать его со стула.

Томми поднялся на ноги, видно было, что ему плохо. Он упал на стул и начал хрипеть. Райна сразу заметила, что хотя Томми и задыхается, но совсем не так, как она. Кое-какие воспоминания о сегодняшнем утре у нее еще сохранились. Дело было не в том, что ей не хватало воздуха, а в том, что мышцы отказывались нагнетать кислород в легкие. А Томми вел себя так, как будто ему трудно вдохнуть. Райна точно помнила, что дышать ей было легко, просто надо было не забывать делать вдох и выдох.

Медсестра нажала на кнопку в головах кровати и вывела Томми из комнаты.

– Вам надо прилечь, – сказала она уже совсем другим, заботливым и мягким тоном.

Позже Райна узнала от другой медсестры, что Томми положили в палату 611, чуть дальше по коридору, там была одна свободная койка.

Ей казалось, что с тех пор прошло не больше нескольких секунд. Да нет, пожалуй, часа два. Зачем она тут торчит? Она окончательно пришла в себя, теперь главное – поскорее выбраться отсюда, а то тут вокруг одни больные. Выбраться, пока снова не заболела. В этом отделении все, и сама Райна тоже, подключены к дыхательным аппаратам. Зачем он ей теперь? От трубки ужасно саднит горло. Да и голова тоже раскалывается. «Это мне, наверное, никотина не хватает, – подумала Райна. – Надо покурить. Или хотя бы попросить никотиновую жвачку, или пластырь, что найдется». Райна хотела было нажать на кнопку вызова медсестры, но тут ей пришло в голову, что можно ведь просто дать деру. Тогда она сама купит пачку сигарет и выкурит три-четыре за раз. Так отравы быстрее всосется.

Райна подняла руку и посмотрела на свои пальцы. Трясутся. Ну, ничего, справимся. Она схватилась за респиратор, обручальное кольцо звякнуло о ребро трубки, она завибрировала, во рту сразу защекотало. Райна сжала пальцы крепче и осторожно потянула, сантиметр за сантиметром, медленно, вот, уже почти, сейчас, пошла, пошла... Все. Ничего не все! Сейчас вырвет. Глаза наполнились слезами. Она смотрела в потолок и ждала. Дышится. Само дышится. Райна облизнула губы и улыбнулась. Во рту вместо языка поселился еж, давно немый и отвратительный на вкус. Она села. На соседней кровати неподвижно лежала женщина, насос ритмично нагнетал в ее легкие воздух. Бонни Тернбулл, тоже из Уимерли. Они с Райной никогда не ладили. В школе Бонни вечно рассказывала про Райну гадости, например, что она спала с парнем одной из своих подруг. Давно это было. Больше десяти лет назад. Враки.

Райна свесила ноги с кровати и встала на холодный линолеум. Всего-то день провалялась в постели, а коленки уже трясутся. Она прижала к носу рукав синего больничного халатика, ткань сразу нагрелась от дыхания. В последний раз они с Бонни встретились на занятиях психолога в группе для жертв домашнего насилия. Бонни пришла на одну встречу и пропала.

А теперь вот спит на больничной койке.

На подставке в ногах кровати работал маленький телевизор, на экране блондинка в красном костюмчике что-то говорила в микрофон, а внизу слова: «Прямой репортаж из Уимерли». Губы шевелились, а звука не было. Райна выключила телевизор и повернула экран к стене. Бонни с трудом открыла черные, как оникс, пустые глаза и посмотрела на Райну. Похоже, не узнала.

– Привет, – прошептала Райна из-под рукава халатика. Под левым глазом у Бонни был синяк. Желтый, зеленый, лиловый, аж переливается. – Как дела?

Бонни что-то булькнула, трубка мешала ей говорить. Она посмотрела на пустую кровать, потом опять на Райну.

– Я тоже заболела. – Райна радостно улыбнулась. – А теперь снова могу дышать. Вот не

сойти мне с этого места. – Она глубоко вдохнула и опустила руку. – Видишь. И трубки никакой не надо. Я выздоровела.

Глаза Бонни еще больше потемнели, Райна нагнулась к самой постели, она больше не боялась заразиться, потому что знала, сама не понимая откуда, что бояться нечего.

– Все пройдет, – нежно прошептала она. – Ты только думай о хорошем, и все само пройдет.

Бонни закрыла глаза, словно не желая этого слышать.

– Пойду поищу Томми Квилти.

На левом запястье у Бонни чернел синяк, еще один расплзался по локтю фиолетовым пятном.

– Не горюй, ладно?

Райна подошла к двери и выглянула из палаты: у столика в дальнем конце коридора стояли две медсестры. Райна втянула голову обратно, подождала пару секунд и снова выглянула. Сестры смотрели в другую сторону. Райна рванула вперед, шлепая босыми ногами по холодному линолеуму. Она распахнула третью по счету дверь и вбежала в комнату 611. Шесть кроватей. Мужская палата. Шторки везде раздвинуты. Четверо смотрят портативные телевизоры. В дальнем углу комнаты у окна кто-то весело напевает. Томми.

Она подошла поближе. Томми лежал с закрытыми глазами и улыбался. Райна потянулась, чтобы погладить друга по щеке, но передумала и потрясла его за плечо. Томми тут же открыл глаза, посмотрел на нее и широко улыбнулся, обнажив два ряда кривых потемневших зубов. Он кивнул, страшно довольный ее выздоровлением, и приподнялся на локте.

– Ну, ты как? – хрипло спросила Райна, горло до сих пор саднило.

Томми пожал плечами, поднял руку и попытался вытянуть изо рта трубку. Райна осторожно помогла ему. Как только Томми смог дышать самостоятельно, он тут же выпалил:

– Да я ж только прикидывался. Ты ведь знала, а? – Он довольно хихикнул и тут же приложил ладонь к губам, словно понял, что сморозил глупость.

Райна тоже весело усмехнулась:

– А я могу дышать, как человек.

Томми кивнул.

– Да уж, любо-дорого посмотреть. – Он крепко сжал ее кисть обеими руками, потер большими пальцами запястье, несколько раз тряхнул и приложил ладонь Райны к своей щеке.

– Пора нам отсюда выбираться, Томми, – сказала она и оглянулась через плечо. В палату входила та самая вредная медсестра. Зануда немедленно кинулась к Райне.

– Вам, милая, нельзя вставать, – произнесла медсестра противным поучительным тоном, не отрывая взгляд от синего больничного халатика Райны.

– Да я уж оклемалась.

– Вы можете дышать? – Медсестра ахнула.

– Да.

– Точно?

– Да. – В подтверждение своих слов Райна три раза глубоко вдохнула через нос и выдохнула через рот. – Вот, видите, прямо как насос.

Медсестра подозрительно следила за строптивой пациенткой. Наконец, она улыбнулась и сказала:

– Это прекрасно! Но вам все равно надо вернуться в постель и подождать, пока вас осмотрит врач. – И быстрым шагом вышла из комнаты.

Райна повернулась к Томми, прикусила нижнюю губу, приподняла брови и весело хихикнула.

– От меня одни неприятности.

Томми захихикал вместе с ней.

Когда они отсмеялись, Райна расслышала, как занудная медсестра говорит кому-то в

конце коридора:

- Нам велели позвонить на военную базу, если кому-нибудь станет лучше.
- Ой! – развеселилась Райна. – Давай скорей уносить отсюда ноги.
- Уносим, уносим, – подхватил Томми, он весь светился от счастья.

Над головой Тари проплывало синее небо, такое же синее, как и море. Граница между ними совсем стерлась. Лодочка в форме полого изнутри кита мягко покачивалась на волнах.

– Ну что, теперь поняла, как тут весело? – спросила Джессика, она сидела рядом с рулем на корме и небрежно держалась за борт. Теперь Джессика была уже не такая пятнистая и противная, она порозовела и стала почти симпатичной.

Тари пожала плечами, ее подруга восхищенно оглядывалась по сторонам.

– Здесь так далеко видно, – сказала она.

– Так все равно все синее, – тихо ответила Тари, морской пейзаж не произвел на нее никакого впечатления.

Над головой пронеслась оранжевая вспышка, следом еще две.

– Собираются. – Джессика подняла голову, оглянулась через плечо и показала на бескрайнюю синюю равнину. – Во-о-он там.

– Кто?

– Те, кого отрезало от людей на суше.

– Как отрезало?

– От их родственников. Когда пропадает связь, они собираются там, подальше от берега и движутся в центр. У каждого места, где живут люди, есть такой центр, глубоко, на самом дне океана. Дырка, из которой все начиналось, оттуда все произошли. И вода тоже оттуда появилась.

Тари ничего не поняла.

– С тобой-то все хорошо. В твоей семье связь не прервалась. Твои предки верят в тебя, знают тебя и потому помнят, кто они, *знают*, кто они.

Над головой пролетел еще один оранжевый луч. Тари захотелось пригнуться, но она удержалась.

– А вот те, кто отрезан от семьи, направляются в океан. Они поднимают волны, вызывают штормы, притягивают черные тучи, образуют воронки и водовороты. Все потому, что духи любят своих близких и сердятся, оттого что не могут быть с ними рядом. Сам по себе одинокий дух ничего такого не натворит, но вот когда сразу рвется множество цепочек, духи собираются вместе. Они могут заставить дыру на морском дне разойтись заново, для того чтобы люди на берегу снова почувствовали эту связь и осознали самих себя. – Джессика перегнулась через борт и посмотрела в воду. – Так что самое важное происходит там, в глубине.

Тари тоже наклонилась, крепко вцепившись в борт, но разглядела только воду.

– Там все синее, – сказала она.

– Подожди – увидишь. Но только, когда перестанешь цепляться за жизнь. Забудь о теле. Твой папа сейчас уехал, он не дежурит у твоей постели, и тебе легче будет уплыть. Представь себе, что закрываешь глаза, а они все равно открыты.

Тари закрыла глаза.

– Нет, не так. Не надо их закрывать, просто представь, что закрыла.

Тари посмотрела на Джессику. Девочка улыбалась, она стала еще симпатичнее, уродливые пятна почти совсем пропали.

– Вот, уже лучше. А теперь опять закрой.

Тари закрыла глаза так, чтоб веки не двигались, и снова посмотрела на подругу. Джессика показалась ей настоящей красавицей: гладкая кожа, рыжие волосы струятся по плечам.

– Получилось. Смотри. – Джессика кивнула на воду за бортом.

Тари наклонилась и посмотрела вниз. Все синее. Постепенно она начала различать

вспышки желтого, зеленого и красного. Там, в глубине, что-то вращалось.

– Очень хорошо, – сказала Джессика. – А теперь представь, что ты погружаешься глубже и глубже. Тогда ты увидишь то, что там, под поверхностью.

Мир выглядел вполне привычно, обыкновенное солнечное утро. Джозеф ехал по дороге из Порт-де-Гибля. Дома, лужайки, пикапы, слева океан, Уимерли на другой стороне залива. Он миновал круглосуточный магазин, в дверях стояли отец с дочерью. У Джозефа задрожали руки. Все вернулось на круги своя, все, вот только Тари по-прежнему в больнице.

Ким не хотела отпускать мужа в Уимерли, но ей нужна была сумка с вещами – она осталась в доме Критча. Там лежали смена одежды и другие необходимые мелочи. Джозеф заверил жену, что он уже достаточно оправился после болезни и вполне может съездить за вещами. Пришел врач, осмотрел его и выписал. Одна из медсестер сказала, что жизнь в Уимерли, похоже, снова входит в привычную колею. Тела в заливе больше не находили, и новые больные не поступали. Ситуация стабилизировалась. Джозеф очень надеялся, что теперь и Тари постепенно поправится.

Нет, вы только подумайте! Из всех мест на земле он безошибочно выбрал для отпуска именно то, где разразилась неслыханная трагедия. Может быть, в этом есть и его вина? И это он навлек на себя и своих близких такие ужасные несчастья? Джозеф вдруг почувствовал себя на месте героя любимых романов Ким. Просто удивительно, сколько бед одновременно свалилось на их головы. Тари, его единственная дочь. Джозеф испуганно покачал головой, по коже пробежал холодок. Вся жизнь покатится под откос, если, не дай бог, с девочкой что-нибудь случится. Как он будет жить без нее? Что будет делать, если она не поправится? Об этом даже подумать страшно. «И не надо, – решил Джозеф. – А надо просто надеяться. Ждать и надеяться».

На потроширском шоссе не было машин, только два армейских джипа мчались в противоположные стороны. Потом навстречу Джозефу проехал грузовик, тоже военный, кузов закрыт бьющимся на ветру куском материи. В зеркале мелькнули, стремительно удаляясь, раздвинутые края брезента и выглядывающие оттуда равнодушные лица солдат. Наверное, уезжают из Уимерли. Кризис закончился, и нужда в них отпала.

Джозеф свернул на дорогу к Уимерли, поле, еще вчера оккупированное репортерами, опустело. Совсем недавно здесь бродили толпы людей и стояли фургоны телевидения, а теперь трава засыпана горами мусора, и никого. Первую линию заграждений уже разобрали, пост у клуба тоже сняли. Там, где раньше дорогу перегораживал шлагбаум, теперь скучали двое солдат, провожая ленивым взглядом проезжающие машины. Джозеф на всякий случай снизил скорость, но сигнала остановиться так и не дождался. Он поехал дальше, мимо почты и клуба, где на площадке остались только джип и микроавтобус. Перед старым рыбацким домом стоял желтый телевизионный фургон. Женщина в красном костюме у кого-то брала интервью, на лужайке собралась толпа зевак, высыпавших из соседнего дома.

Джозеф повернул на верхнюю дорогу и посмотрел на залив. Вертолетов нет. Тишина. Он приоткрыл окно и прислушался. На берег накатывали огромные валы. На Уимерли двигался шторм. Ветра пока не было, но на горизонте клубились черные тучи. Джозеф отвлекся на дорогу, а когда снова взглянул на море, в воздух подпрыгнул сиреневый кит, он на мгновение завис над водой и упал, в небо взметнулся фонтан серебристых брызг. Сверкающие искорки поднимались все выше, они постепенно темнели, становились коричневыми, потом построились в шеренгу и полетели на восток, постепенно снижаясь.

Может, это стая птиц влетела в фонтан брызг, а он и не заметил? Или они снялись с воды? Джозеф уже ничему не удивлялся.

Над волнами поднялся красный ребристый хвост, длинный, как баржа. Неведомое Джозефу существо скрывалось под поверхностью океана, быстро двигаясь вдоль берега. «Что это мне все какие-то чудеса из сказок мерещатся?» – подумал Джозеф. Нет, жизнь вовсе не возвращалась в привычную колею, медсестра из больницы была не права. Джозеф притормозил и остановился посреди дороги. Вода в заливе закручивалась в водовороты,

волны бежали во всех направлениях, море вспучивалось. Так обычно бывает во время сильных штормов, Джозеф пару раз попадал в них во время патрулирования. Вот только вода синяя, а не черная, и небо тоже синее.

Сзади загудели. Джозеф взглянул в боковое зеркало. Еще один телевизионный фургон, на этот раз белый. Джозеф, оказывается, загородил дорогу. Он тронулся с места, поднялся на холм и у дома Критча с визгом повернул на дорожку перед крыльцом. Джозеф вылез из-за руля, следом подоспел фургон, стекло справа опустилось, и темноволосая женщина крикнула:

– Вы только приехали?

Джозеф молча пошел к входной двери.

– Вы не могли бы прокомментировать последние события?

Он замер и медленно повернулся.

– Прокомментировать что? – резко спросил он.

– Ну, то, что здесь произошло. – Женщина открыла дверь и прыгнула на траву. Она была одета в белый костюм поверх канареечно-желтой блузки. Водитель тоже вышел из машины и начал суетливо пристраивать на плечо камеру, нацелив на Джозефа объектив.

– И что же тут произошло? – спросил Джозеф.

– Звук, – сказала женщина и выхватила у оператора микрофон. Она что-то бормотала, заикалась и продвигалась все ближе к Джозефу. – Я имею в виду... ну... это... беду.

– Все беды тут от вас. – Он повернулся, открыл дверь и захлопнул ее перед самым носом у журналистки. Джозеф немного постоял в прихожей, стараясь успокоить разыгравшиеся нервы. В доме было тихо. Джозеф прислушался. Ни звука. Он ждал, пока от дома отъедет фургон, но тот, похоже, не собирался трогаться с места. Джозеф посмотрел на чужие стены и вдруг явственно ощутил свое одиночество. Остаться в доме одному было невыносимо. Дверь в гостиную закрыта. Джозеф обвел взглядом прихожую. На кухню дверь тоже притворена. Он схватился за перила и прыжками понесся на второй этаж. Там Джозеф схватил сумку Ким и на секунду задержался, глядя на кровать, в которой еще недавно лежала его жена. Скомканные простыни, вязаный клетчатый плед. Джозеф представил себе, как ложится на кровать, подушка наверняка до сих пор хранит родной запах. Хоть так он сможет быть ближе к Ким, вот только больше она сюда уже не ляжет.

Джозеф вспомнил прошлый вечер. Дядя Даг, Ким, и та старушка, и он сам. Они были вместе, а значит, в безопасности. Все на своих местах. Нет, это они были в безопасности, а не Джозеф. Что же с ним произошло? Тари лежала в другой комнате, отдельно, вот потому-то с ней и случилась беда. Надо было ему посидеть с ней, а он вместо этого жил в бредовом мире, порожденном химическими реакциями в мозгу. Сколько ж он принял таблеток? Черт его знает. Ему и теперь следовало быть в больнице, а не тут. Как его угораздило оказаться в этом чужом доме? Зачем ему эта одежда и эта сумка? Неужели так важно непременно переодеться? Джозеф почувствовал, что теряет контроль над собой, и испугался рецидива болезни.

Он вышел в коридор и заглянул в спальню Тари. Кровать не заправлена. Тари, и вдруг не убрала постель. Как же она упала в воду? Ушла одна, ночью, неизвестно куда. Совсем на нее не похоже. Тари никогда в жизни так себя не вела.

На постели, как обычно, лежали рисунки. Красные и синие цвета. Джозеф подошел поближе и поднял три картинки, сложенные стопочкой. Синим Тари раскрасила залив и огромный утес, закрывающий вход в бухту. Красным прорисован хвост морского чудовища, быстро плывущего под водой. Интересно. Джозеф вгляделся в рисунок. Вид точно с того места, где он сегодня остановился. Верхняя дорога. С тех пор прошло не больше пяти минут. На второй картинке в волнах плещется сиреневый кит. Тот же ракурс. Как ни странно, рисунки его успокоили. На последней картинке какой-то человек, Тари изобразила его со спины, голова опущена, руки подняты, он упирается ладонями в черную стену, словно стараясь остановить ее движение. Похож на Джозефа. Внизу значок, Тари часто его рисовала: зеленая с синим и коричневым сфера, серединка закручивается и переливается

красно-оранжевым. Джозеф всегда полагал, что это солнце, потому что из сферы выходили красные лучи. Только не из краев, а из крутящейся серединки.

Внизу раздался шум. Кто-то вошел в парадную дверь. На лестнице слышались тихие шаги. Неужели эта репортерша вконец обнаглела? Вполне возможно. Все журналоги хищники. Пойдут в огонь и в воду, лишь бы содрать с бранных костей клочок мяса послаще.

Джозеф затаил дыхание. Шаги переместились на кухню, звякнула ручка, скрипнула кухонная дверь. Надо подождать, пока эта зараза уберется отсюда. Сейчас как заорет, будет его искать по всему дому. Вот прилипала. Небось, и оператора с собой приволокла. Ясное дело, без камеры какой смысл к нему приставать? Точно, сейчас начнет галдеть. Если пойдет на второй этаж, он просто спрячется. Еще неизвестно, чего от нее ждать. Джозеф посмотрел на шкаф в спальне Тари. Положил рисунки на кровать и на цыпочках прокрался к стене. На лестнице слышались шаги, закрипели ступени. Джозеф потянулся к стеклянной ручке шкафа. Он сюда раньше ни разу не заглядывал. Что там? Наверное, ничего. А может, ветхая одежда, переложенная нафталином. Или утопленники, ждущие своего часа, чтобы выбраться наружу. Ручка в форме призмы повернулась, Джозеф осторожно потянул дверь на себя. Петли закрипели. Шаги замерли. Сердце Джозефа отчаянно колотилось.

Войдя в дом Критча, мисс Лэрейси закрывала и заперла дверь в гостиную, ей хотелось посидеть в тишине, чтоб никто не тревожил. Старушка села на диван и крепко заснула. Сейчас ее не разбудили бы даже иерихонские трубы. Мисс Лэрейси снились лица утопленников, которых ей пришлось опознавать на рыбозаводе. Потом она вдруг увидела колонну людей, вторые, третьи и все последующие ряды были лишь отражениями первого. И все на одно лицо, различались только одежда и прически. Живые цепочки. Все в них были если не родственниками, то уж точно походили друг на друга как две капли воды.

Мисс Лэрейси снился Урия. Она попыталась проснуться, веки открылись, Урия сидел в гостиной прямо напротив Элен. На лице его застыла озорная добродушная улыбка. Сначала он сжимал губы, но чем дольше он смотрел на свою невесту, тем шире становилась его улыбка. Мисс Лэрейси почувствовала, что он делится с ней своей силой, и она невольно улыбнулась в ответ. «До чего ж он хорош собой, ну просто картинка», – подумала она. Урия всегда был щедрым и великодушным человеком, он помогал всякому, стоило только попросить его об одолжении. Пряди волос аккуратно зачесаны назад, руки на подлокотниках кресла. Урия удобно устроился на сиденье. Он не отрывал взгляда от возлюбленной и, продолжая широко улыбаться, подался вперед.

– Покойно тебе? – спросила мисс Лэрейси.

Улыбка сбегала с его лица, глаза потеряли довольный блеск. Тело окутала кроваво-красная пульсирующая пелена, время от времени из нее вырывались тонкие красные лучи, проходили сквозь тело Урии и разлетались в стороны. Он протянул руки, между кусками плоти чернели провалы, лицо рассыпалось на куски, нос отделился от головы и превратился в толстую белую рыбу, глаза – в двух медуз, верхняя губа – в мясистый морской огурец, а нижняя – в электрического угря.

Мисс Лэрейси заплакала, она с новой силой ощутила свою потерю, слезы ручьями лились по щекам. Опять с ней остались только воспоминания, а сам Урия, которого она только что видела так ясно, возвратился в поглотившую его бездну.

Мисс Лэрейси снова попыталась открыть глаза и неожиданно для себя почувствовала, что это вовсе не сон, во всяком случае, непохоже на сон. Почему тела Урии не оказалось среди утопленников на рыбозаводе? Почему нельзя пойти туда и взглянуть в его черты, ведь остальные-то все там? Где же его семья? В холодильной камере нет ни одного родственника Урии.

И вдруг мисс Лэрейси поняла, почему среди этих тел не было Урии, почему его не прибило к берегу. Родители Урии умерли много лет назад, а детей у него не было. С его смертью прервалась цепочка.

Даг Блеквуд не торопился возвращаться в больницу. Он прошел вдоль кирпичных стен,

пересек дорогу и неспешно начал спускаться по хорошо утоптанной тропинке, петляющей в высокой траве между двумя домами. Впереди раскинулась бухта. Даг остановился, набрал полную грудь соленого морского воздуха и стал пробираться между камней к воде. Старик положил игрушечного кита на волну, чтобы посмотреть, как он будет держаться. Кит закачался, чудно накренился, немного покружил на одном месте, все больше и больше пропитываясь водой, и, наконец, грустно затонул и опустился на илистое дно. Даг в гнев оглянулся на больницу.

– А чего еще ждать от дерева из такого гиблого места? – пробормотал он.

На берегу лежала выброшенная прибоем толстая ветка. Камни перекатывались под ногами у Дага, он с трудом добрался до деревяшки, поднял ее обеими руками и довольно ухмыльнулся. В длину почти метр и в толщину сантиметров тридцать. Даг отнес свою добычу в глубь берега и там пристроился на большом камне у самого края пляжа, где уже начиналась полоса темной земли. Старик достал нож, зажал дерево в пальцах и начал все сызнова.

– Уж этот-то выйдет как надо, – бормотал он, кивая в такт движениям рук. – Дерево-то из моря. Значит, уж точно плавает.

Вскоре проступили очертания кита, Даг поднял его вверх и начал разглядывать игрушку на фоне синего неба. Он покачал рукой, словно кит плыл по волнам, потом встал и, довольный собой, снова двинулся к кромке воды. Волны мягко шуршали о гальку, носки кроссовок сразу промокли. Не обращая на это никакого внимания, Даг наклонился и положил кита на сверкающую поверхность воды. Встав во весь рост, он с гордостью следил за тем, как кит разворачивается и направляется в открытое море, потом снова описывает дугу и преданно возвращается к его ногам.

– Совсем другое дело, – громко сказал Даг, сам себе подмигнув и достав кита из воды. Затем трижды встряхнул игрушку, чтобы избавиться от капель на деревянном брюхе, и двинулся в обратный путь.

Он вошел в приемное отделение, сморщился и раздраженно прошипел: «ч-черт». Антисептиком смердело невыносимо. Солдат у дверей уже не было. Заходи в любой коридор, никто тебя не остановит.

Даг сунул кита под мышку и быстро пошел к палате Тари, яркий свет в коридорах слепил глаза, наконец он добрался до дверей со звоночком. И рядом надпись: «Звоните». Старик навалился на кнопку, стараясь отдышаться. Незнакомая встревоженная медсестра впустила его. И тогда Даг соврал, сказав, что он дедушка Тари.

– Подождите здесь, – велели ему таким тоном, что у старика сразу как-то нехорошо заняло в груди. Женщина быстро скрылась в конце коридора. Через несколько секунд появился врач.

– Вы дедушка Тари?

Даг переложил кита из одной руки в другую.

– У меня для вас печальная новость.

– Какая такая новость?

– У нее остановилось сердце.

– Что? – закричал Даг.

– Произошла остановка...

– Что? – Даг орал все громче. – Где ее мать?

– Она с девочкой.

– А отец?

– Простите, я не знаю, где он.

– Джозеф?

«Кто-то знакомый. Она знает, как меня зовут». Нервы были на взводе. Он заглянул в шкаф, надеясь обрести там убежище. Внизу тянулись полки, на них лежали старая обувь, выцветшие коробки из-под шляп всех форм и размеров и огромные шерстяные пледы. В нос сразу шибануло нафталином, Джозеф запомнил этот запах с тех пор, как мальчиком разбирал

вещи в доме своей бабушки. Нет, в шкаф он не поместится, а если и влезет, то дверь закрыть не удастся. Кто-то снова позвал его, взволнованный голос раздавался уже прямо за спиной.

– Джозеф?

В ушах громко бухало сердце. Он повернулся, на пороге стояла Клаудия, одетая в кремовое платье с расклешенными рукавами и замысловатой бронзовой вышивкой. На ногах тапочки в тон. Волосы подколоты, несколько прядей выбились из прически, бледная тонкая шея открыта.

– Это ничего? – спросила она.

– Что? – Он почувствовал странную легкость в руке и обнаружил, что выронил сумку Ким. – Что «ничего»?

– Что я вошла в дом. Из своего-то я уже вышла. Каждый дом, знаете ли, – отдельный мир. Мы живем во множестве разных миров.

Джозеф нервно взглянул на шкаф.

– Я искал...

– Просто удивительно, как мы цепляемся за старую рухлядь. Антиквариат. Музейные экспонаты. Они похожи на мертворожденных детей.

Джозеф скривился и кивнул. Клаудия стояла прямо перед ним, лицо бледное, розовые губы слегка приоткрыты, руки мирно сложены на круглом животике. Со вчерашнего дня она похудела еще больше, только живот слегка выпирал под платьем, на фоне маленького бледного личика выделялись огромные темные глаза.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Джозеф.

Без малейшего усилия и удивительно быстро она оказалась в двух шагах от него.

– Знаете, – сказала Клаудия, – я часто думаю, не утопиться ли мне в море. Вместо этого я сбросила в воду всех остальных. Думала, мне станет легче, ведь тогда мы все окажемся в одной лодке, так сказать. – Она рассмеялась. – Вот только я позабыла об одной детали. Вылепить себя. – Клаудия придвинулась еще ближе, ее дыхание касалось губ Джозефа, язык едва ворочался во рту, рука почти накрыла его ладонь, почти, но еще не совсем. – У меня теперь открылись глаза. Я вижу мир удивительно ясно, потому что наблюдаю за ним со стороны. Грустно, не правда ли? – Она, наконец, коснулась его холодными кончиками пальцев.

– Тари в больнице, – выпалил Джозеф, – мне... – Он бормотал все тише и неуверенней, одновременно отступая назад и оглядываясь на закрытое окно. Прямо за стеклом сплетались ветви дерева. Клаудия наводила на Джозефа ужас. С другой стороны, говорила и вела себя она так соблазнительно, что устоять было невозможно. Опасность всегда возбуждает. Сгущающаяся атмосфера опасности. Но как же ему начать жизнь с Тари и Ким заново, если он позволит себе соединиться с Клаудией? Потерять голову с Клаудией. Или с Ким. Потерять себя. Можно было бы выпрыгнуть из окна, вцепиться в ветку и висеть на ней, сколько потребуется, висеть, пока не подоспеет помощь.

– Как Тари? – Клаудия придвинулась еще ближе. И снова тронул его руку. Пахло гниющими цветами, разложением, палыми листьями.

Джозеф покачал головой. Не стоит говорить с Клаудией о Тари. Он почувствовал себя виноватым и рассердился. Какое она имеет право произносить имя его дочери? Никакого. Особенно теперь, когда Тари больна. Никакого права не имеет.

– Она жива?

– Да, – твердо ответил Джозеф. – Жива. – Он качнулся вперед, надеясь проскочить мимо Клаудии, но побоялся, что она схватит его за рукав. Кожа у нее была удивительно белая. Длинные пальцы сплетались и расплетались на круглом животике, будто корни растений. Джозеф никак не мог оторвать взгляда от ее рук. Внутри Клаудии плавал ребенок. Чей ребенок? Внезапно ткань платья зашевелилась.

– Пойдемте вниз. Я вам приготовлю шиповниковый чай. – Она расплела в очаровательной улыбке, и Джозеф немного успокоился.

Клаудия начала спускаться по лестнице. Джозеф наклонился за сумкой Ким. В ушах

так шумело, что он едва слышал шаги соседки. Он вышел в коридор и остановился на верхней ступеньке. Клаудия на кухне уже гремела посудой. Джозеф глубоко вздохнул и медленно пошел вниз. Дверь в гостиную по-прежнему была закрыта.

– Мне надо обратно в больницу, – крикнул он, но ответа так и не дождался. – Клаудия! До встречи. Я поехал, ладно?

Ни звука. Ни слова.

Джозеф сделал несколько шагов по направлению к кухне, слышно было, как на плите посвистывает чайник. На стенах в прихожей висели картины, преимущественно спокойные морские виды: закат над океаном, синяя гладь. Он вспомнил рисунок Тари: зеленовато-коричневый шар с красно-оранжевой серединкой. Солнце внутри Земли.

Джозеф шагнул через порог кухни. Клаудия спиной к нему разливала чай по двум большим кружкам. Она двигалась очень женственно, грациозно и уверенно. В Джозефе снова шевельнулось желание и даже нечто, похожее на восторг. Вот она стоит перед ним, такая доступная, такая сексапильная. Их прошлое не запятнано браком.

– Мне надо... – сказал он.

Клаудия повернулась и мягко посмотрела на него. В ней была какая-то легкость, естественность, которой он раньше не замечал. Джозеф никогда не видел, чтобы она улыбалась. Он уже не понимал, почему рассердился, когда Клаудия заговорила о болезни Тари.

– Мы вышли из одной волны, Джозеф, – пояснила Клаудия.

– Волны?

Ее пальцы сплелись с пальцами Джозефа, заставили его отпустить сумку Ким, дно мягко ударилось об пол. Кожа у Клаудии была теплая. Джозефу показалось, что его рука больше не принадлежит ему, что она отделилась от тела и стала самостоятельным живым существом. Он посмотрел на собственные пальцы, потом поднял голову и заглянул в глаза Клаудии. Она шагнула к нему и прижалась лбом к его плечу.

– Все будет хорошо, – прошептала Клаудия. На плите засвистел чайник. – Теперь я в твоём доме.

Мисс Лэрейси оглядывала чужую комнату и никак не могла сообразить, где находится. Обстановка чудная. Гостиная, но не ее гостиная, это уж точно. Мебель вроде знакомая, но расставлена как-то не так. Дом тоже не ее. Дом Критча. А где же Урия? Она взволнованно посмотрела на закрытую дверь. Неужели он вернулся к ней?

Страхнуть сон, если, конечно, это был сон, никак не удавалось. Он наполнил ее новой надеждой. Кресло напротив пусто. Что ж теперь делать? Куда идти? Сон напомнил ей о связях между живыми и мертвыми, на сердце потеплело. Мисс Лэрейси поняла, какое это утешение – побывать среди ушедших. Счастье не в том, чтобы держаться за пустую оболочку, а в том, чтобы быть среди духов близких. Какое заклинание надо произнести, чтобы вернуть их обратно, освободить, дать им возможность воссоединиться с любимыми? Что заставляет их жаться к бесполезным телам?

Мисс Лэрейси, кряхтя, поднялась с дивана.

– Все косточки жалуются, – горько сказала она.

До рыбозавода и идти-то всего ничего, да к тому ж под горку. А все-таки как хочется позвонить этому милому сержантику: пусть подбросит ее до мыса. Все бы хорошо, да только вот имени его она не запомнила. Старушка расстроено покачала головой, отперла замок и открыла дверь. Она повернула направо и вышла из дома на парадное крыльцо, ни разу не оглянувшись.

В саду старушка остановилась и посмотрела по сторонам. Фиолетовые анютины глазки в самом цвету.

– Вы все как на подбор, красавицы, – сказала она им. Лобелия бурно разрослась, розовые кусты выбросили десятки бутонов. Мисс Лэрейси довольно погладила шелковистые лепестки и вспомнила о дикой розе у нее за домом. У той бутоны помельче, и распустятся

они только через шесть-восемь недель, тогда над садом воцарится розовое марево. А еще там растет малина, ее стебли переплетаются с розовыми кустами и живут в полном согласии. В таких колючках ягоды собирать непросто. Мисс Лэрейси обычно варила варенье в начале сентября. Малиновое. Черничное. Брусничное. Яблочное.

Старушка прошла по мощеной дорожке до шоссе и остановилась, чтобы взглянуть на причал Аткинсо-нов. Забор вдоль берега сломан, повсюду валяются фанерные щиты. Вход на пляж теперь свободный. Из воды выпрыгнул розовый дельфин и плюхнулся обратно, в воздухе повисла сверкающая пелена брызг. Мисс Лэрейси хмыкнула, перешла улицу и начала спускаться по верхней дороге. Если она правильно истолковала свой сон, на рыбозаводе что-то переменялось. Вчерашние чудесные вспышки оранжевого света, очевидно, были знаком того, что дело пошло на лад. На полпути мисс Лэрейси повстречался армейский джип. Солдат опустил стекло и спросил старушку, не требуется ли ей помощь.

– Нет, голубок, я просто погулять вышла. – Она спокойно ткнула пальцем вперед. – Иду на завод взглянуть на тела.

– Туда штатским нельзя, мэм.

– Нельзя? – Она резко остановилась и возмущенно фыркнула. – Нельзя? – Старушка не верила своим ушам. Она с хрипотцой рассмеялась: – Мне вроде бы уже больше восемнадцати, а? По правде говоря, так и все тридцать девять.

Водитель хихикнул, но пассажир, похоже, не понял юмора.

Мисс Лэрейси ухмыльнулась, обнажив розовые десны.

– Я иду опознавать тела. Мы уже были там с одним из ваших парнишек.

Пассажирская дверь открылась, и серьезный солдат спрыгнул на обочину.

– Прошу вас, – он показал рукой на свое место.

Молодой человек галантно взял старушку под руку и помог ей вскарабкаться в автомобиль, потом захлопнул дверцу и кивнул. Джип поехал в сторону рыбозавода.

– Откуда ты, милый? – спросила мисс Лэрейси водителя. Он не ответил, потому что разговаривал сам с собой.

– Эй, да ты меня слушаешь или как? – Она ткнула солдата пальцем под ребра, тот взвизгнул. – Ты, паря, неучливый какой-то.

– Простите, мэм. Это я сообщил на базу о вашем прибытии.

Мисс Лэрейси прищурилась.

– Сообщил на базу? Да ты совсем спятил, в дурдом так и просишься.

– Вас ведь Элен Лэрейси зовут?

Старушка ухмыльнулась.

– Я что ж теперь, знаменитость?

– Я говорил с базой. Они сообщили мне ваше имя. – Солдат большим пальцем показал на микрофон у него под подбородком.

– По мне, так больше похоже, что ты с чертями болтал или, может, с марсианами.

Водитель снова хихикнул, и мисс Лэрейси сразу к нему потеплела. Чувство юмора у него, во всяком случае, есть, при нынешних обстоятельствах и то хорошо. Смех уберег немало душ от горя и страданий. Нет ничего хуже, чем впасть в тоску, состроить кислую мину и начать жалеть себя.

– Так я спросила, откуда ты свалился.

– Из Питерборо.

– Это в Онтарио, – важно сообщила ему мисс Лэрейси.

– Да, мэм.

– Вот в картах я всегда шустро разбиралась. – Она постучала себя пальцем по виску. – Мозги у меня, брат, хорошие. Всю жизнь хвалили за острый ум.

Джип повернул на площадку перед рыбозаводом. Водитель быстро вышел и помог мисс Лэрейси выбраться из машины. Старушка крепко вцепилась в его руку, и солдат медленно повел ее к дверям.

Мисс Лэрейси вошла внутрь и сразу почувствовала неладное. Она подняла голову.

Духи по-прежнему висели под потолком, но два места над телами пустовали. Мисс Лэрейси громко вскрикнула и поспешила к столам. Водитель шел за ней по пятам, топая тяжелыми ботинками по цементному полу.

Мисс Лэрейси добралась до первого утопленника, осмотрела его и перекрестилась. Это ж Грегори, муж Райны Прауз. Второе тело принадлежало прапрадедушке Райны, Гордону Вэтчеру. Старушка решила, что с Райной произошло какое-то несчастье, она снова перекрестилась и помолилась святому Антонию, покровителю заблудших душ.

Через несколько минут после того, как медсестра позвонила на военную базу, в больничном коридоре появились два солдата, они вывели Райну из комнаты Томми.

– Пожалуйста, следуйте за нами, – велел ей коротышка.

– Куда?

– Переодеваться не обязательно, – твердо сказал верзила. – Мы останемся в здании.

– А-а.

Они сели в лифт и спустились в подвал, где повернули налево и прошли метров тридцать, не меньше. Наконец показалась ржаво-красная дверь, и на ней табличка: «Осторожно, радиация!» На стене кодовый замок. Коротышка потыкал в кнопки, дверь открылась, и Райна оказалась в узкой комнате с серыми стенами и люминесцентной лампой на потолке, забранной металлической сеткой. Помещение было похоже на пенал. В стене напротив еще одна дверь. Коротышка постучал, а верзила тем временем удостоверился, что замок за ними снова закрыт.

Из внутренней двери вышел темноволосый человек в лабораторном халате. У него на нагрудном кармане болталась карточка с именем, но буквы были такие маленькие, что ничего не разобрать. За его спиной Райна разглядела еще одну красную дверь.

– Райна Прауз?

– Да?

– Я доктор Баша. – Он дружелюбно кивнул. – Командор Френч просил меня осмотреть вас.

– Я прекрасно себя чувствую.

– Допустим. И все-таки нам хотелось бы знать это точно, тем более в такой ситуации.

– В какой ситуации?

– Мы должны обследовать ваши внутренние органы.

Райна взглянула на верзилу, тот молча опустил голову.

– Тут у нас комната для осмотра больных. Уделите нам пару минут, пожалуйста. Это очень важно.

– Для кого?

– Полагаю, что для тех, кто сейчас болен. – Доктор Баша открыл следующую дверь, оглянулся на Райну и приглашающе кивнул: – Сюда, пожалуйста.

Верзила и коротышка двинулись вперед, увлекая за собой Райну. В следующей комнате было две двери: одна в противоположной стене, а другая справа. Доктор Баша открыл боковую дверь, стали видны стол для обследований и полки с медицинскими инструментами. Райна недоверчиво взглянула на Башу, тот улыбнулся и снова кивнул.

– Прошу вас, присаживайтесь.

Райна нехотя подошла к столу и потрогала поверхность одним пальцем. Она только сейчас обратила внимание на тихое механическое жужжание. Когда Райна повернулась, солдаты уже ушли и захлопнули дверь. Она осталась наедине с Башой.

– Прошу вас.

Райна села на стол и посмотрела на врача.

– Я хорошо дышу, – настойчиво сказала она, словно заранее не соглашаясь со всем, что он мог бы ей сказать.

– Мы это знаем, – мирно ответил Баша. – Дело не в дыхании. Дело в том, что творится у вас в голове. – Он коснулся указательными пальцами своих висков. – Вы знаете, кто вы?

Райна презрительно рассмеялась.

– А как же. Я – Райна Прауз.

– Нет. Я не имею в виду ваше имя. Я имею в виду, кто вы на самом деле.

– Боже, как долго, – прошептала Клаудия, она смотрела Джозефу прямо в глаза и держала его лицо в своих ладонях. Он так похож на Реджа, на ее милого бородача, который искренне хотел ей помочь. Когда-то и Редж был нежным. – Как долго я была одна.

Она прижималась к Джозефу все теснее и тянулась к нему губами. Мужчина. Так близко и так далеко. От желания кружилась голова. Клаудия закрыла глаза. Она коснулась его восхитительно влажных губ, провела руками по волосам, ладони скользнули вниз, на шею, потом на спину, и замерли, наслаждаясь волшебством момента. Они поцеловались. Клаудия вся дрожала, наконец она открыла глаза, отступила на шаг и решительно приподняла подол.

– Редж... – простонала она, крепко сжимая зубы. Ее воспаленные глаза болели от каждого движения. – Если тебе суждено утонуть, пусть ты утонешь во мне.

Человек не двигался. О чем он сейчас думает? Нельзя дать ему шанса опомниться, решить, мертвый он или живой. Клаудия рванулась к нему и страстно поцеловала. «Мой, – подумала она, – я забираю его себе. И убью, если ему этого захочется». Клаудия была готова на все ради Реджа, ведь он по-прежнему был ее мужем, и она любила его. Или не любила? «Конечно, любила», – твердо сказала себе Клаудия. Хотелось плакать, но слез не было. «И Джессику тоже любила». А теперь осталась одна-одинешенька. Что за нелепость? Клаудия должна присоединиться к своей семье – вот для чего нужен ей этот человек. Жаль только волосы у него почему-то посветлели и глаза изменились.

– Ты мой муж.

Но мужчина перед ней лишь покачал головой, он больше не был похож на ее мужа, на Реджа. Нет, это не Редж, это Джозеф. Лицо Клаудии перекосилось от страха. В отчаянии она снова поцеловала его, крепко, кусая губы. Она тихо постанывала, прижимаясь к нему все теснее и теснее, стараясь слиться с ним в единое целое. «Чтобы вытравить в нем все живое, – подумала Клаудия, – он должен сначала войти в мое тело».

– Ты умер, – прошептала она и закрыла глаза, чувствуя, как большие руки ласкают ее спину, как пальцы нащупывают бежевые пуговицы. Из груди вырвался всхлип. Ее давно никто не держал в объятиях, и счастье от простого человеческого тепла было почти непереносимым.

– Редж, – простонала она, – Редж, Редж...

Пальцы замерли. Он отшатнулся.

– Нет! – Клаудия в отчаянии протянула руки к его лицу. – Не уходи... – Когда-то эти глаза лучились заботой и любовью, а теперь они смотрели на нее так, словно бы Клаудии вообще не было на белом свете.

– Прости, – сказал он и отвел взгляд.

Этот человек. Кто он?

Глаза Клаудии застилала слезы. Откуда они взялись? Такие огромные. Наверное, это кровь превращается в воду. Другой жидкости в ее теле уже не осталось. Клаудия обернулась. У стены темнели два силуэта. Две девочки, рука об руку. Джессика и Тари.

Клаудия покачала головой.

– Не уходи. Здесь безопасно. Прошу тебя, – умоляла она. – Пожалуйста, не уходи.

– Не могу... Мне надо идти. Там... – Мужчина отодвинулся, руки больше не обнимали ее тело, одинокое тело, одно тело, одно, а не два, как раньше, всего минуту назад. Он менялся и медленно отступал к двери кухни. – Мне надо в больницу, к моей дочери... – «Дочери» – далось ему с трудом. Он как будто боялся, что может навредить девочке, произнося это слово.

Клаудия сделала несколько шагов следом и остановилась.

– Нашей дочери! – крикнула она.

Человек еще не успел повернуться и выйти в прихожую, а Клаудия уже бросилась к буфету, выдвинула ящичек, один, потом другой, лихорадочно перебирая их содержимое. Нет, больше он ее не покинет. Он не умрет. А если и умрет, то только от ее руки. Ей на роду написано страдать, она страдала так долго, мучилась сознанием собственной вины, так пусть теперь эта вина обретет плоть и кровь! Клаудия нащупала деревянную ручку. Нож. Она подняла лезвие повыше, из холодной стальной полоски на нее взглянула Джессика.

У дяди Дага сердце разрывалось от горя. Тари, его племянница, его любимая девочка, умерла.

Медсестра проводила его в палату. Ким сгорбилась над постелью, она рыдала и прижимала к себе безжизненное тельце ребенка. По другую сторону кровати стоял высокий молодой врач. Лицо его было бледным, потрясенным. Сказать ему было нечего.

Даг не знал, куда себя девать. Он остановился на пороге. Ким отчаянно цеплялась за дочь, качала ее на руках, крепко сжимала в объятиях, словно одна только сила материнской любви могла вернуть мертвую девочку к жизни. Даг смотрел на синюшные, безжизненно свисающие запястья. Грудь сдавило, он всхлипнул и прижал к лицу руку с китом. Все бессмысленно. Что ему теперь делать с игрушкой? Он вырезал кита для Тари, а теперь ее больше нет. И никогда не будет.

Деревяшка оттягивала ему руки. Даг хотел положить ее на кровать, но передумал. Матери будет слишком тяжело смотреть на нее и думать, что старик вырезал фигурку специально для Тари. Ким гладила волосы девочки, целовала ее в лоб, обнимала, стараясь как можно теснее прижаться к дочери. Даг сунул проклятого кита за спину, чтоб никто не видел игрушку. Какой от нее теперь толк? Играть с ней больше никому.

Райна и водитель джипа не обменялись и парой слов, пока ехали по дороге к полевому штабу в Уимерли. Водитель представился ей как матрос первой статьи Несбитт. Совсем молоденький парнишка, к тому же видно было, что он сильно нервничает и хочет завести разговор, но никак не подберет нужных слов. И совсем непохож на верзилу и коротышку. Эти двое проводили Райну обратно в палату, чтобы она могла переодеться, а потом отвели вниз на стоянку, где ее уже ждала машина. Несбитт больше других солдат походил на обычного человека. Не такой суровый и самоуверенный. На лбу у него пыльным цветом цвели прыщи, совсем как у подростка. Райне он сразу понравился.

Доктор Баша задал ей тысячу всяких вопросов о том о сем, о прошлом, о событиях, о людях, которых Райна знала. А еще потребовал, чтобы она назвала номер своего телефона, машины, день рождения, размер обуви. И сравнил ее ответы с бумажкой в руке.

Когда все галочки на бланке были расставлены, Райна спросила его:

– Ну как, сдала?

– Если вы имеете в виду экзамен на адекватность, то да, без сомнения, с блеском выдержали.

«Что это, черт возьми, за новый предмет такой? "Адекватность"», – кванула про себя Райна, и ей стало смешно.

Машина подъехала к клубу, и Райну провели мимо огромных дверей пожарной части к главному входу. Несбитт быстро пошел вперед, но тут Райна посмотрела на бухту и застыла на месте. Что-то крапчато-зеленое, страшно длинное змеей извивалось в волнах. Через него, как через веревочку, прыгали синие рыбы, поднимая в воздух фонтаны брызг. Райна изумленно взглянула на Несбитта и рассмеялась.

– Во чудеса-то! – воскликнула она. – Чудо из чудес. Такое разве что в фильмах увидишь.

Несбитт нехотя улыбнулся, глаза его остались грустными. Он придержал перед Райной дверь и кивнул, явно стараясь не смотреть в сторону бухты.

– Да что происходит-то? – спросила она, не отрывая глаз от воды. – Вы только гляньте!

Несбитт пожал плечами.

– Теперь-то все видят.

- Всю эту вот фигню?
- Ага. Я ее с самого начала видел, – признался он. – А теперь и остальные заметили.
- Ну, ты точно как Томми.
- Что? – Несбитт быстро взглянул ей в лицо и сейчас же опустил глаза.
- Томми сказал: если видишь всякие небылицы – значит, ты в безопасности.
- Я не совсем понял. В безопасности?
- Да ладно, проехали.

Она снова посмотрела на воду. Змееподобное существо уже исчезло. Райна немного подождала, надеясь, что оно вновь вынырнет на поверхность. Не вынырнуло. Несбитт торопил ее, и Райне пришлось войти в здание. Она бывала здесь сотни раз. Тут справляли дни рождения, играли в карты и устраивали танцы. Теперь ничего не напоминало о том, что это клуб. У дальней стены оборудовали четыре клетушки.

– Сюда. – Несбитт показал на одну из них.

Подошли к двери кабинета. Несбитт постучался и спросил:

– Командор Френч? Разрешите доложить?

Военный оторвался от изучения каких-то бумаг и поднял голову. На столе у него лежали толстый справочник по атлантическим рыбам и несколько морских карт.

– Докладывайте, – нетерпеливо сказал военный.

– Прибыла выздоровевшая пациентка из больницы, – отрапортовал матрос первой статьи.

– Райна Прауз собственной персоной. – Френч встал и пожал ей руку. Похоже, он искренне рад был ее видеть.

– Здравсте.

Райне понравилось его рукопожатие. Такое сильное. А глаза-то какие голубые! Красавец, но не сладенький. Настоящий мужчина.

– Очень приятно с вами познакомиться, – произнес командор, глядя ей в глаза. – А еще приятней узнать, что вы поправились. Как дышится?

Райна пожала плечами.

– Легко. Особенно после этого вашего доктора Франкенштейна, который в подвале больницы.

Она заметила на кресле в углу кабинета кипу книг: «Морские катастрофы двадцатого века», «Цунами в Атлантике», «Агрессивная культура и ее взаимосвязь с электромагнитными полями», «Гиперчувствительность к электромагнитным полям».

Френч указал на пустое кресло у стола.

– Прошу вас, присаживайтесь.

Матрос Несбитт отдал честь и вышел.

– Хотите кофе? – спросил Френч, его голос почти потонул в шуме вертолета.

Райна покачала головой. Она подождала, пока вертолет отлетит подальше, и сказала:

– Нет, спасибо, и так хорошо.

Райна улыбнулась, но улыбка вышла какой-то фальшивой. Страшно хотелось вернуться домой и как следует выспаться. В больнице поспать так и не удалось. Ей не нравилось это ощущение, будто она наполовину спит и видит какой-то сон. К тому же Райна не очень-то жаловала людей в форме. Полицейские или военные – один черт.

– Похоже, и правда хорошо, – сказал Френч.

Он пристально смотрел на Райну, и ей вдруг показалось, что командор знает больше, чем говорит. Вот это совсем скверно. Значит, в городе творится что-то, о чем она не знает. Сейчас не помешало бы выпить. И закурить.

Френч взял со стола пачку сигарет и протянул ей. Райна от счастья чуть не расплакалась. Хоть этот курит!

– А здесь разве можно? – спросила она и вытряхнула из пачки сигарету.

– А нам с вами никто не указ. – Командор перегнулся через стол и чиркнул колесиком дорогой зажигалки.

– Ладно, вам видней, – ответила Райна и глубоко затаилась. Восторг. Она даже застонала от удовольствия. – Боже, как хорошо!

Френч тоже закурил, они помолчали. Командора терзало любопытство, но он сдерживался. Райна в этот момент просто наслаждалась порцией никотина. Оба пристально следили за синими кольцами дыма, постепенно наполнявшими кабинет.

– Боже мой, боже мой! – Ким боялась отпустить дочь, боялась, что у нее отберут девочку. Теплая, такая теплая. Это неправда, что Тари умерла. Ведь она же еще теплая. Мир вокруг почернел. Ким трясло. Руки совсем ослабели, словно от тяжелой работы, и она уронила Тари на кровать. Выпрямилась и посмотрела на безжизненное тело. Невыносимо! Звуки доносились до нее, как сквозь вату.

– Миссис Блеквуд!

Это врач. Хочет о чем-то спросить, что-то насчет Тари. Хочет забрать ее дочь. Ким покачала головой и снова склонилась над постелью.

– Миссис Блеквуд!

Сквозь рыдания пробивался еще один голос. Кто-то знакомый. Он крепко схватил ее за плечо.

– Нет... – Ким обернулась и вытерла слезы.

Перед ней стоял дядя Даг.

– Смотри, – сказал он и показал глазами на какой-то прибор. – Смотри же!

Он улыбался. Улыбался!

– Нет. – Она закрыла лицо руками. – Что вам нужно?

– Посмотри на монитор.

Ким повернулась.

– Есть пульс, – крикнул врач, и сестра немедленно кинулась к Тари со шприцем в руке. Губы девочки шевелились, она что-то беззвучно шептала.

– Что? – подалась вперед Ким, но врач оттеснил ее от постели. – Она что-то сказала. – Ким вырвалась и прижала ухо к губам дочери. – Папа уже едет.

Доктор снова отвел ее в сторону. Глаза Тари были закрыты, губы больше не шевелились.

– Нам нужно работать, – сказал врач. – Прошу вас, выйдите из палаты. Это всего на пару минут.

Дядя Даг увел ее из комнаты. В дверях Ким остановилась и взволнованно оглянулась.

– Она жива?

Доктор и медсестра сустились вокруг постели.

– Вроде как жива, – ответил Даг.

– Она что-то сказала. – Ким обеими руками вытерла слезы и улыбнулась. – Она сказала: «Папа уже едет». Вы слышали?

– Нет.

– Неужели не слышали?

Мимо них в комнату протиснулась еще одна медсестра. Она быстро переставила стул от кровати к стене. На сиденье легонько покачивался деревянный кит.

– Ну же, – сказала медсестра, вернувшись, чтобы выставить Ким и Дага из комнаты. – Вы мешаете.

Ким прислонилась к стене. Она снова боялась за свою дочь. Нет ничего хуже бессильного ожидания. Сколько времени прошло с момента остановки сердца? Ким казалось, что несколько часов, но на самом-то деле наверняка не больше десяти минут. Врач сказал, что она умерла. Ким и раньше слышала о людях, которые умерли и снова вернулись к жизни. Иногда такие случаи сопровождались потерей умственных способностей. Неужели такая опасность угрожает Тари? Ким подняла голову. Дядя Даг бродил туда-сюда, как тигр в клетке.

– Где Джозеф? – спросила она Дага, будто считала, что кровный родственник мужа шестым чувством может определить его местонахождение. – Он уже давно уехал. Давно.

Или мне только кажется?

Дядя Даг пожал плечами.

– Не знаю. Может, я пойду поищу?

– Тари сказала, он уже едет. – Ким помолчала. – Точно. Джозеф поехал в дом Критча за моей сумкой.

Она взглянула на часы и потрогала пальцем циферблат. Мимо них прошла медсестра. Ким с надеждой подняла голову и уперлась взглядом в затылок женщины. Та упорно молчала.

– Где-то с час примерно назад, – продолжала Ким. – Сколько отсюда до Уимерли?

– Пятнадцать минут в одну сторону. – Дядя Даг страшно разозлился. Опять племянника нет на месте в самый нужный момент. Старик даже не пытался скрыть своего раздражения. – Пойду поищу, – сказал он.

Ким посмотрела в спину Дагу, потом повернулась к стеклянным дверям реанимационной палаты. Ну, придите же кто-нибудь! Расскажите, что происходит! Боже!

Вы только подумайте, что за идиот. Дочь чуть не умерла, жена рыдает, а он – где-то шляется!

– Надо ему позвонить, – пробормотал Даг. – Если, конечно, телефон работает. Где тут у них чертовы будки?

Он вышел в холл и заметил сержанта Чейза, тот разговаривал с врачом и помахал Дагу рукой.

– Как девочка? – Чейз даже не поздоровался.

– Не знаю, что и сказать. Она... в общем, сердце остановилось. Но теперь опять завелось. Надежда есть. – Старик поднял два скрещенных пальца, потом похлопал сержанта по плечу.

– Слава богу! Будем надеяться. – Чейз доброжелательно посмотрел на Блеквуда. – Чем я могу помочь?

– Подбросьте меня, – попросил Даг.

– Куда?

– В Уимерли.

– Курортное, говорят, местечко.

– Смешно?

– А как же! Видите морщины? – Чейз потрогал лучики в уголках глаз. – Это все от смеха, круглые сутки.

Они спустились на стоянку, сели в машину, пристегнулись и выехали на шоссе.

– Святой Иосиф! Куда ж подевался племянник?

– Может, его остановили на блокпосту, – предположил Чейз. – И арестовали. Он, как бы это сказать, очень уж нарывался.

Даг сердито фыркнул.

Забеспокоилось радио, полицейский взял трубку с подставки, глянул на Дага и ответил:

– Сержант Чейз.

– Нам поступил звонок от мисс Лэрейси, ей надо вас. Звонок с рыбозавода. Соединять?

– Давайте.

– Минуточку.

– Вот чертовка! Что ей там еще нужно? – рывкнул Даг, разглядывая рацию Чейза.

– Алле?

– Да, я слушаю.

– Это сержант Чейз?

– Да.

– Это Элен Лэрейси. Помнишь меня, сынок? Красавица из дома Критча.

Даг сердито покачал головой и скрестил руки на груди.

– Да, как же я могу вас забыть? – Чейз улыбнулся и притормозил на перекрестке,

ождая, пока проедет длиннющий бензовоз. Даг рукой показал, куда ехать, на всякий случай: вдруг фараон не знает дороги? Чейз свернул на потрошское шоссе.

– Ну так я тебе сейчас такое расскажу, что у тебя глаза на лоб вылезут, если, конечно, есть чему вылезать. Тут не хватает нескольких духов.

– Не понял.

– У тел на рыбозаводе духи не все на месте. Я сейчас гляжу.

– Так.

– Я тут почти всех знаю. Наши они, из Уимерли.

– Да, да, я в курсе.

– Ну, так я немного покемарила в доме Критча, а потом села и как следует поразмыслила. Хотела уж военным рассказать, но я этим паразитам не доверяю. Ослы упертые. И все друг за дружку горой. Дубы мореные. Стучи по ним – никакого отклика.

Даг старался не слушать. Он пощипывал ремень безопасности и смотрел в окно. Не время сейчас для духов и прочих глупостей.

– Так что вы собирались им рассказать? – спросил Чейз.

– Тела-то, похоже – тех, кто захворал.

– Так они ж все в больнице.

– Да нет, ты не понял. Это тела их кровных родственников. Вроде они вернулись к тем, на кого села эта болячка.

– Тут, по-моему, все родственники. Городок-то маленький.

– Да нет же, господи! Прочисти уши и пойми, что я тебе говорю. Они близкие родственники больных. Я видела список.

Даг сердито взглянул на Чейза. И сколько фараон намерен это терпеть?

Чейз помолчал, обводя большим пальцем кнопку на рации.

– Так что там насчет пропавших духов?

– Ну, я ж тебе и говорю. Двух не хватает.

– Дай-ка мне. – Даг выхватил рацию из рук сержанта. – Что за чушь ты там порешь, старая? Духи! С ума сойти можно.

Из рации донеслось хихиканье.

– Даг Блеквуд, пень замшелый. Давно тебя не слышать.

– Чего ты время-то у фараона по пустякам отнимаешь? Несешь мутотень всякую.

– Умолкни, козел безбородый, и верни мне, с кем говорила.

Чейз спокойно потянулся за рацией.

– Это я.

Дагу не понравилось, как полицейский на него посмотрел. Старик отвернулся к окну и покачал головой, бормоча что-то насчет съехавшей крыши.

– Оба пропавших духа – Райны Прауз.

– Целых два?

– Да. Двое, от двух мертвецов. Муж ее там и отец.

– А Райна Прауз в больнице, так?

– Да, в списке она точно есть.

– Я сейчас в Уимерли, а потом подъеду и все проверю.

– Вот и славненько. Жду тебя на рыбозаводе. Свиданьице тебе назначаю, красавчик.

– Договорились.

Даг яростно глянул на полицейского и разозлился еще пуще, потому что сержант довольно улыбался.

«Плоть, – думала Клаудия. – Плоть. Плыть. Плоть. Плыви, плоть, по течению». Лезвие было таким гладким и таким красивым. Слово указующий перст. Она повернулась, посмотрела на Реджа и вскрикнула. Нож сам метнулся вперед. У Реджа в глазах вспыхивали темные искорки. В каждой руке у него было по рыбе. Джозеф обернулся на крик. Он остановился в дверях, на сгибе локтя у него висела сумка.

– Что такое?

Клаудия показала на мужа. Редж поднял рыб над головой и со всей силы сжал бьющиеся скользкие тела. Из одной рыбы вылетела светящаяся струя икры, из другой – молока. Струи соединились, из брызг проступил силуэт девочки. Джессика. Глаза округлились, губы то открываются, то закрываются, словно она силится вдохнуть. Девочка повернулась спиной к Клаудии. Редж кивнул, одну за другой затолкал рыб себе в глотку, взял из рук жены нож, засмеялся и приставил острие к своему животу.

– Что случилось? – спросил Джозеф, не отводя глаз от правой руки Клаудии.

Она снова показала на Реджа. Щеки ее покраснели от страха. Редж медленно растегнул рубашку, обнажив белый волосатый живот, сделал аккуратный надрез сантиметров шесть в длину и надавил. Кожа разошлась, показалась розовая, как лососина, мякоть. Крови не было, только сочилась сукровица, она быстро пропитала и без того влажные штаны. В разрезе что-то сверкнуло, вылезла голова рыбы. Редж кивнул Клаудии, как будто отвечая на ее вопрос. Рыба билась, стараясь выбраться из живота. В конце концов, ей это удалось, и она тяжело плюхнулась на пол. Следом посыпались другие рыбки, поменьше, вскоре вся кухня была покрыта толстым слоем шевелящихся чешуйчатых тел. Джозеф протянул руку вперед и медленно пошел на Клаудию.

– Отдай мне нож, – сказал он.

Клаудия закрыла глаза, покачнувшись, ударилась об буфет и сползла на пол. Редж кинулся к ней и стиснул ее в объятиях. Его лицо было так близко! Клаудия знала это лицо. Конечно, знала. Справа по стене запрыгал солнечный зайчик, она повернулась и тут только поняла, что ее рука свисает вдоль тела Реджа, пальцы крепко сжимают нож, и лезвие направлено на мужа.

– Редж, – сказала Клаудия.

– Нет, – ответил чужой голос. – Я Джозеф.

– Мне все равно, – пробормотала она, – все равно, кто из вас умрет.

– Ты можешь есть? Я принесу тебе воды.

– Нет. – Она с трудом подняла правую руку. – Нет, не надо воды, – попросила Клаудия и вонзила нож в его плоть. Плыть. Плыви, плоть.

Ватага ребятишек играла на поле в вышибалы. Потом дети устали, повалились в высокую траву, примяв колючие стебли руками, и стали что-то раскладывать на земле. Камешки. Из них получались дома, а еще можно было возить их взад-вперед, как машинки. «Это мой дом», – сказала одна девочка. «А это моя машина», – ответил мальчик, он рычал, изображая работающий мотор, губы тряслись и плевались. Машина врезалась в домик. «Проезд запрещен, – важно сказала маленькая девочка, – а то вы нас передавите». – «Точно, – поддержала ее другая, – здесь проезда нет». Солнце у них над головами мигнуло, и дети подняли головы. Раздался металлический звон, вокруг быстро стемнело. Дети стояли в холодном полумраке и не могли ничего понять. Звон становился все громче.

Томпсон проснулся. Оказывается, в доме действительно что-то звонило. Агата спрыгнула с любимого кресла и медленно, всласть потянулась. Доктор тупо смотрел на нее, полупроснувшись. Сквозь окно в гостиной лился яркий солнечный свет. Понятно. Опять заснул на диване.

Звон. «Это ж мой мобильный», – сообразил Томпсон и беспокойно сел. Потер глаза, зевнул. Опять эта боль в лодыжке. Где-то тут должна быть железная палка, он вчера стащил ее из больницы. Ага, вот и она, валяется на полу под журнальным столиком. Доктор воспользовался своим приобретением и заковылял на кухню, тяжело опираясь на трость. На столике валялся забытый здесь с вечера мобильный телефон. Томпсон взглянул на дисплей. Это из больницы. Он нажал на кнопку «ответ», поздоровался.

– Разбудил? – Баща звонит.

– Нет, что вы.

– Спешу сообщить, что Райна Прауз дышит самостоятельно.

– Не может быть! – закричал Томпсон и переступил с ноги на ногу, чтобы не

наваливаться на палку. Слава тебе господи, хоть одна хорошая новость.

– Так вот. Тест на самоидентификацию личности она прошла играючи. Остается надеяться, что остальные последуют ее примеру.

– Здорово! – Томпсон неудержимо зевнул. Все-таки выспаться опять не удалось. К тому же еще и в животе сосет. – Извините.

– Да чего уж там.

– Я скоро приеду.

– Ну и чудесно.

Томпсон захлопнул крышку мобильного. Он готов был пуститься в пляс. Наплевать, что не выспался, новость того стоила. Черт его знает: а вдруг их беды подходят к концу?

Агата в углу громко хрумкала кормом. Доктор прислонил палку к буфету и запыгал к холодильнику, чтобы достать для кошки новую банку. Он присел на корточки рядом с миской и вывалил поверх подушечек мягкие консервы.

– Вкуснятина, а, Агата? – Томпсон погладил шелковистую черную шубку. – Райна Прауз поправилась – представляешь? Это стоит отпраздновать. Съешь за ее здоровье.

Агата несколько раз вякнула, поддерживая беседу, и снова принялась за еду. От ее аппетитного чавканья у Томпсона сжалось в животе. Он открыл холодильник, вытащил банку с маринованными артишоками. То, что нужно. Доктор вооружился вилкой и принялся гоняться за артишоками по всей банке. Поймал. По кухне поплыл запах маринада.

Покончив с артишоками, Томпсон вытер подбородок бумажным полотенцем.

– Ты со мной или тут останешься?

Агата лениво мякнула.

– Ну, как хочешь, тогда до скорого.

Он вышел из дома, в глаза ударило яркое солнце. Отличный денек.

В последнее время что-то там, на небе испортилось, и лето не баловало хорошей погодой. Доктору вспомнился давешний сон про детишек в темноте. Это ж только сон. Кто знает, что он значит? Да и значит ли что-нибудь?

Томпсон влез в машину и задохнулся от жары. Он бросил палку на пассажирское место, немного посидел, открыв дверь и опустив стекло. Наконец салон проветрился, доктор завел мотор, захлопнул дверцу и мельком глянул на книжку, которую вчера забыл в машине. «Смерть в воде». На ней явно валялась Агата. Все было усыпано ее черной шерсткой. Глаза сразу среагировали, он потер их и попытался вспомнить, куда засунул таблетки от аллергии. Может, в карман? Сегодня Томпсон начисто забыл выпить все лекарства. Черт с ними. Выживет. Доктор снова взглянул на обложку. В воде лицом вниз плавал утопленник. Томпсон попытался вспомнить сюжет. Интересно, удастся ли дочитать книгу до конца? И выяснить, в конце концов, почему покойник утонул?

Доктор решил, что возвращаться в дом за лекарствами не стоит. Их можно взять и в больнице. Уж этого добра там хватает. Томпсон посмотрел в зеркало и включил заднюю передачу.

Добравшись до больницы, он зашел в палату к Райне Прауз и обнаружил, что ее кровать пуста. В туалете тоже никого. Не могли ж ее выписать. Это его больная, и он не закрыл карту. Или она сама ушла, не дожидаясь выписки? Вполне вероятно. Характер у Райны тот еще. На сестринском посту Томпсону сообщили, что миссис Прауз забрали из больницы, и командор Френч взял на себя ответственность за ее здоровье. Доктор, kloпоча от ярости, прочитал факс, который протянула ему медсестра. Документ был подписан главным врачом.

– Ее увезли солдаты. – Сестра осторожно выбирала слова, не отрывая взгляда от его палки.

Томпсон схватил телефон и набрал номер Френча. Он потребовал, чтобы его пациентку немедленно вернули в больницу.

– Это невозможно, – ответил ему командор.

Он был совершенно уверен в своих полномочиях, и доктор понял, что протестовать

бесполезно.

– Я понимаю ваше беспокойство, – сказал Френч. – Прошу вас, постарайтесь не рассматривать это как выпад против вас лично. Дело чрезвычайной важности, на карту поставлены жизни и здоровье людей. Да вы и сами это понимаете.

Командор сделал паузу, очевидно, ожидая, что Томпсон с ним согласится. Но доктор тоже молчал, опасаясь рывкнуть что-нибудь ненормативное.

– Почему бы вам не приехать сюда, в городской клуб? – продолжил Френч. – Миссис Прауз находится здесь, рядом со мной.

– Сейчас приеду, – сказал Томпсон.

Он прыгнул в свой внедорожник и понесся мимо автомастерской мистера Хики, круглосуточного магазинчика Ванды, старых и новых домов, из окон которых открывался прекрасный вид на бухту и Уимерли. Во дворах играли дети. На шоссе было полно машин, в солнечных лучах сверкали их лакированные бока. Обычный погожий летний день. Мир не изменится только оттого, что Томпсон зол как сто чертей. Доктор выругался себе под нос.

У самого выезда на потрошское шоссе он заметил стремительно летящий навстречу дорожный знак, и только тут понял, с какой скоростью гонит машину. Сердце забилось чаще, Томпсон вдавил педаль тормоза в пол и остановился на обочине. Постоял, подышал, пришел в себя и снова тронулся с места. Повернул направо. Какой сегодня день недели? Вторник? Как там больные, ведь его кабинет закрыт. Он не может позволить себе забросить частную практику. Его подопечные. Райна поправилась. Почему?

Он свернул налево к Уимерли. На Мерсеровой Пустоши никого. И посты на дороге сняли. Странно. Даже обидно, некому показать чудо-пропуск.

Он с визгом затормозил перед клубом, схватил палку и собрался было выскочить из внедорожника, но понял, что опять безобразно разнервничался. В висках колотилось. Доктор сделал несколько глубоких вдохов. Чего это он несется как на пожар? Вот сейчас влетит туда не хуже коверного и выставит себя дураком на потеху всей честной публике. Тут полевой штаб, а не цирк, тут у них все четко, по-военному, а главное, спокойно. Томпсон с достоинством выбрался из машины, потом нырнул обратно – за палкой.

Бухта грохотала. Томпсон повернул голову и посмотрел туда. Огромные валы с ревом обрушивались на берег, ухая у подножия утеса, как динамитные шашки. Доктор взглянул на здание рыбозавода. Сколько тел лежит сейчас в холодильной камере? Новых утопленников, кажется, больше не находили.

Небо над Уимерли было пронзительно синим, но на горизонте собирались большие темные тучи. Судя по резкому запаху озона, близится шторм. Раздался треск дерева, это плоскодонку хрястнуло волной о палубу стоящего рядом катера. Над леером остался беспомощно и жалко торчать ее руль.

У подножия утеса из воды выпрыгнули две меч-рыбы, сошлись во встречной атаке и, располовинив друг друга, шлепнулись в океан. Вода тут же вскипела, кто-то там уже дрался из-за добычи.

Бред? Может, у него температура? Или это просто ночной кошмар? На секунду Томпсону показалось, что он все еще спит, там, на диване в гостиной. Попытался открыть глаза. Уже открыты. Тогда он дернул себя за волосы на руке. Больно! Значит, не спит. Томпсона охватил ужас. Что еще может означать появление фантастических чудовищ, кроме нависшей над городком смертельной опасности? Когда привычная устойчивая реальность так легко превращается в безобразный вымысел, следом должны идти только хаос и смерть. Полное уничтожение.

Томпсон повернулся к клубу. Все то же красное здание, часовой у дверей невозмутимо глядит сквозь доктора. Над бухтой плывут три чайки, они ищут, чем бы поживиться, и странно им видеть такое под водой.

Птицы легко коснулись волны, и их тут же сожрали три огромные оранжевые рыбыны. Небо опустело.

От ужаса Томпсон не мог пошевелиться, горло сдавило, он изо всех сил пытался

сглотнуть, но во рту совсем пересохло. Доктор решил, что сейчас подавится. Наконец, мышцы горла расслабились, он поднакопил слюны, громко сглотнул, не в силах больше любоваться на этот кошмар, и быстро захромал к дверям клуба.

Часовой отступил в сторону, совершенно равнодушный к тому, что творилось всего в пятнадцати метрах от него. Доктор даже подумал, что, может быть, только он один и видит все эти чудеса. Или об этом не принято говорить вслух, и люди молчат из суеверного страха? Боятся, что какое-нибудь случайное слово вызовет катастрофу.

Во входную дверь, кажется, постучали. Но Джозеф не в состоянии оторвать головы от пола. Может, он упал в обморок? Над ним склоняется Клаудия. Волосы выбились из пучка и свисают неопрятными патлами. Глубоко запавшие удивленные глаза. Немыслимая, чудовищная красота. В руке у Клаудии нож, тот самый, которым она трижды пырнула Джозефа в живот. А лезвие чистое, сверкающее, ни пятнышка на нем не осталось.

– Если мужчина и женщина вышли из одной и той же волны, – шепчет Клаудия, не отрывая от Джозефа глаз, – это значит, они рано или поздно встретятся. Разглядят сияние родной души, расслышат биение родного сердца. О как они похожи! Как тянет их друг к другу родственная энергия. Но это не кровосмешение, нет, это любовь с первого взгляда.

В дверь снова постучали, на этот раз громче, Джозеф пополз к выходу, не обращая внимания на ужасную боль в животе. Мышцы свело, по лбу ручьями струился пот.

– Не двигайся. – Клаудия наступила кремовой туфелькой ему на ребра. Джозеф вздрогнул и зажмурился. – Лежи спокойно.

Джозеф смотрел в темноту и представлял себе, как Ким пытается войти в дом. Запирал ли он дверь? Эй, кто ты там есть, может, ты попробуешь зайти с другой стороны? Джозеф охнул от боли, открыл глаза и посмотрел на кухонное крыльцо. Клаудия тяжело опустилась на колени, придавив ему грудь. Она обняла Джозефа за шею, пальцы ласкали кожу, дыхание освежало горящие щеки, сдувало жар.

– А вот дальше уже совсем плохо. Энергии при столкновении больше не хотят смешиваться, а хотят одна другую пожрать. – Ее пальцы, похожие на паучьи лапы, осторожно пробегали по кадыку Джозефа. – Минус ведь ласкается только к плюсу, а одноименные заряды никогда не найдут сексуальной гармонии.

Пальцы Клаудии продолжали обследовать его горло и вдруг остановились, распялились и крепким капканом захлопнулись на его глотке.

Джозеф попытался оторвать руку Клаудии, но ее пальцы сжимались все туже, перекрывая ему кислород, когти впивались в кожу. Он каркнул, как пойманная ворона, и захрипел, отчаянно стараясь вывернуться. Боль заслонила весь мир. Высосала все силы. Выжгла все мысли.

Клаудия простонала сквозь сжатые зубы:

– Тогда желание вздымается выше любых запретов, и воля человека пробивает новое русло. Пустоту от выгоревшей энергии нужно ведь чем-то заполнить.

Джозеф старался сглотнуть. Невозможно. Он попытался сделать вдох. Все жилы на шее вздулись, страшно болело горло, словно в него впились тысячи иголок. Кровь ударила в голову, глаза лезли из орбит, руки отчаянно скребли пол. Джозеф попробовал откатиться, потом потянулся, чтобы схватить Клаудию за волосы. Не достать. Ни до чего больше не достать. Он хрипел, сделать вдох никак не удавалось. Джозеф еще больше испугался, когда понял, что дрожащие руки становятся невесомыми. Конец. Жизнь уходила из тела. Сознание меркло. Над ним склонилось рычащее чудовище, медные волосы разгорались все ярче, челюсти приблизились вплотную к его лицу. Сейчас вцепится – и дух из Джозефа вон.

Командор Френч убрал с кресла стопки книг и заботливо придвинул его к столу. Врач долго устраивался поудобнее, и Френч все это время искоса поглядывал на Райну. Потом он тоже сел и зажал карандаш между большим и средним пальцами.

– Вот доктор Томпсон очень обеспокоен состоянием вашего здоровья, миссис Прауз.

– А чего беспокоиться? – ответила она и пожала плечами.

Френч повернулся к Томпсону.

– Я уже объяснял миссис Прауз, что мы попросили ее приехать сюда, поскольку она первая из всех заразившихся больных начала дышать самостоятельно. – Он встал, подошел к карте Ньюфаундленда на дальней стене кабинета и обратился к Райне: – Вы рыбачите?

– Раньше рыбачила.

– Ну да, раньше.

Френч положил карандаш на сгиб раскрытой книги и поднял голову. В дверях стоял матрос первой статьи Несбитт. Томпсон подвинулся вместе с креслом, чтобы командор мог пройти к выходу.

– Отражатели на южной стороне включатся в двадцать три ноль-ноль, сэр. Таким образом, все подготовительные работы будут завершены.

– Благодарю вас, Несбитт.

Матрос отдал честь, повернулся на каблуках и вышел из кабинета, печатаая шаг. Он направился к двум оставшимся в штабе матросам, Крокеру и О'Тулу. Все наверняка считали, что предотвратить цунами не удастся и волна ударит прямо по Уимерли. Френчу запретили отдавать приказ о начале эвакуации, и он просто отослал большинство морских пехотинцев из города, оставив в штабе только необходимый минимум. Матросы прекрасно представляли себе, что сейчас происходит в бухте и что может ожидать их в ближайшем будущем. Несмотря на то что тела перестали всплывать на поверхность, ситуация постоянно ухудшалась. Она не стабилизировалась, как полагали многие, просто менялись внешние признаки неотвратимо надвигающегося бедствия.

Крокер и О'Тул первыми начали вылавливать из бухты утопленников. Они знали, что скрывается под поверхностью воды. Их катер несколько раз переворачивало, но матросы продолжали работать, пока еще можно было без угрозы для жизни выходить в море. Оставшиеся тела были проглочены чудовищами, выныривавшими из волн. Слово «чудовища» направило мысли командора в новое русло. Насколько нелепа окружающая их новая реальность! Для того чтобы мир вернулся к нормальной жизни, от этой реальности нужно избавиться любой ценой. Френч вцепился в дверную раму. Потом вновь сел за стол и попытался сосредоточиться.

– Вы представляете себе, почему вам стало лучше?

– Нет.

– Никаких предположений?

– Нет.

– Может быть, случилось что-нибудь необычное?

– Это как?

– Может, вас кто-нибудь удивил или напугал? Райна покачала головой.

– Вы не почувствовали ничего странного? Запах или, скажем, звук какой-нибудь.

– Меня об этом уже в больнице спрашивали.

– Разумеется. – Френч задумчиво посмотрел на толстый том «Рыбы Атлантики», потом на Томпсона. – Насколько я понимаю, улучшение могло быть вызвано чем угодно?

Командор помолчал. Никто не желал участвовать в его рассуждениях. Райна заерзала. Глаза у нее были совсем усталые. Наверное, опять хотела курить.

– Что-нибудь физически с вами произошло в тот момент? Поднялась или упала температура, может, вы о чем-то подумали?

– Не знаю я.

– В какой момент вы почувствовали, что вам лучше?

– В больнице.

– Так, а точный момент вспомнить сможете? Что вы видели тогда?

– Ну, это было после того, как я поговорила с Томми.

– Томми?

– Томми Квилти.

Френч нажал кнопку рации на поясе и переключился на канал голосового управления компьютером. Он посмотрел на экран и произнес:

– Томми Квилти.

Перед ним на дисплее замелькали даты рождения. Командор сузил круг поиска до Уимерли, появилась цветная фотография с водительских прав.

– Кто такой Томми Квилти? – спросил Френч, отрываясь от компьютера и снова переключаясь на канал переговоров. Тихо.

– Друг. Хороший друг.

– И что он сделал, этот хороший друг Томми Квилти?

Когда солдаты забрали Райну, Томми снова сунул в рот трубку и старательно сделал вид, что для мира он уже потерян. Надо скорее убираться из больницы, пока о нем не пронюхали солдаты и есть еще время в запасе. Томми мог заглянуть в будущее, но только в чужое. О себе он узнавал исключительно в связи с судьбами других людей, как будто видел свою жизнь боковым зрением. Томми знал, что случится дальше, и потому тревожился больше, чем остальные. Он ясно представлял себе грядущие события, но не знал, как они отразятся на нем самом.

Только бы с Райной ничего не случилось! Из окна его палаты виден был еловый лес на холме. Вспышки озарения посещали Томми, когда он глядел на деревья, воду или небо. В основном это были конкретные образы, человек или событие. Всей картины Томми охватить не мог. Вот кто-то делает бутерброд или спускается по дороге или произносит несколько слов. Райну забрали солдаты, но они просто хотели понять, отчего ей стало лучше. Томми смотрел вслед синему облачку. Райну увезли. У нее снова появилась аура. Томми очень этому обрадовался, у него прибавилось сил выполнить задуманное.

Конечно, отсюда нужно уходить, но точно так же нужно остаться в больнице и поговорить с друзьями и знакомыми. В его палате лежали еще пятеро, каждый из них все глубже и глубже погружался в туман неверия. Над ними лишь изредка появлялись проблески света. Фред Винтер, Пэдди Веллс, Зэк Кин, Джордж Кобетт и Джордж Ньюэлл. Все из Уимерли, и все нуждаются в его помощи. Если не помочь им сейчас, они исчезнут и больше никогда не станут самими собой, их жизнь сотрется, как запись с магнитной ленты. Хуже всех сейчас Фреду Винтеру. Он уже не понимает, где находится. Цветные пятна вокруг его головы совсем поблекли.

Томми еще мог спасти Фреда. Только надо торопиться, иначе придут солдаты и Томми не сумеет отвести беду. Он уже видел ее, хотя сказать в точности, как все будет, не мог.

Томми слез с кровати и подошел к Фреду. Сел на стул и взгляделся в лицо больного. Глаза закрыты, насос качает воздух в легкие.

Томми похлопал Фреда по плечу. Бесполезно. Тогда он наклонился и прошептал:

– Фред, дружище, послушай, что скажу.

Томми приоткрыл Фреду веко, так обычно делали врачи. Потом нагнулся к самому уху и начал рассказывать об отце Фреда. Когда его старику было двенадцать лет, он спас утопающего. Вместе с Гейбом они плыли в лодке по морю. Гейб первым заметил перевернутую плоскодонку и громко закричал. Дул сильный ветер, дело было на закате. Друзья подплыли поближе и вытащили из моря рыбака. Они завернули его в одеяла и стали согревать теплом собственных тел, растирали руки и лицо, вдыхали ему в рот теплый воздух, пока он не закашлялся и не выплюнул воду, застрявшую в легких. Рыбак снова начал дышать. Друзья отвезли его на берег и вернули испуганным родным, которые ждали на краю причала и уже почти совсем потеряли надежду.

– Твоя бабушка, Сара, – шептал Томми, – была чудной женщиной. Добрее ее не сыскать во всем белом свете. Она сама связала варежки, и шапки, и свитера для семьи Коулов, потому что эти самые Коулы не могли купить себе одежду и даже шерсть купить не могли, вот такие они были бедные. А твоя бабушка, крохотная женщина с сердцем из чистого золота, да ты ж и сам ее помнишь, старина, даже слышать о деньгах не желала, хотя

у нее одна рука была вся скрюченная от ревматизмы. И благодарных слов тоже слушать не желала, махала больной рукой и фыркала, говорила, что связала одежду, потому что ей так захотелось и потому что люди должны друг другу помогать.

Веки Фреда задрожали, и Томми на секунду замолчал. Вскоре больной открыл глаза и посмотрел на потолок. Томми еще долго рассказывал о семье Винтеров. Лицо Фреда постепенно розовело, кровь прилиwała к щекам.

Томми все говорил и говорил, над глазами Фреда появились синие вспышки, потом зеленые, потом по воздуху быстро, словно от ветра, поплыло коричневое пятно. Пятна перемешивались, складывались в картинки. Вот домики на побережье, вот небо и зеленая трава, вот линия горизонта, такая тонкая, что ни одному человеку не под силу ее вообразить, представить себе границу огромного мира.

Ким опустила в кресло у дверей палаты и закрыла лицо руками. Рядом с ней сидели две женщины, одна средних лет и одна пожилая. Ким не желала никого видеть. Они, очевидно, тоже. Никто не двигался и не разговаривал. Сил хватало лишь на то, чтобы отгородиться от всего света. Закроешь руками лицо – и темнота. Если б можно было еще и уши зажать, вообще лишит себя зрения и слуха, чтобы хоть так оторваться от этого ужаса.

Хирург, доктор О'Ши, сообщил ей, что требуется срочная операция. У Тари снова остановилось сердце, и нужно вживить электроды в сердечную мышцу, чтобы стимулировать ее напрямую, не прибегая к вредной для здоровья процедуре дефибрилляции.

– Она совсем кроха, зачем же ей сердечко сажать, – сказал хирург. Он долго и непонятно произносил какие-то медицинские термины. Ким о такой болезни в жизни не слышала. Врач взглянул на ее растерянное лицо и добавил: – Это никак не связано с нынешней эпидемией.

«Откуда вам знать? – хотела спросить его Ким. – Как вы можете сохранять спокойствие перед лицом такого несчастья? Как?»

«Помоги, – повторяла она. – Прошу тебя, пожалуйста, пожалуйста, помоги! Вот только кого просить о помощи? Где Джозеф? Ублюдок. Куда он подевался? Здесь его нет. Нет. Боже, пожалуйста, помоги моей девочке!»

По коридору кто-то шел. Ким подняла голову и в синем свете люминесцентных ламп увидела медсестру. Женщина улыбнулась ей. Улыбка у нее была стерильная, как протирачный спирт. Это ж та самая, которая обещала, что она немедленно сообщит Ким об изменениях в состоянии ее дочери. Очень хотелось встать и ударить ее по лицу. Ким чувствовала странную отрешенность. Ей не место здесь. Здесь никому не место. Когда в последний раз она спрашивала о дочери? Спросить еще раз было страшно. Ким глубоко вдохнула, встала и пошла к сестринскому посту у дверей палаты. Там она прислонилась к стойке и подождала, пока на нее обратят внимание. Сестра сообщила ей, что операция все еще продолжается.

– Сколько осталось ждать? – спросила Ким дрожащим голосом.

– Я, к сожалению, не знаю, но, как только мы что-нибудь выясним, сразу же вас известим. Не волнуйтесь. Может быть, вам что-то нужно?

Ким покачала головой.

– Если вам что-нибудь понадобится, не стесняйтесь, просто скажите нам.

Чейз заглянул в окно кухни и быстро достал из кобуры револьвер. Толкнул заднюю дверь. Заперто. Сержант с разбегу вышиб филенку, брызнули щепки. Даг Блеквуд дышал ему в затылок. Чейз махнул рукой, чтобы старик остался снаружи, и кинулся в дом, наставив дуло на черную мохнатую собаку. Животное вцепилось в неподвижное тело Джозефа, лапы уперлись ему в грудь, когти разрывали кожу.

Чейз выстрелил и промахнулся. Звук спугнул зверя, он, не оглядываясь, вылетел в прихожую. За спиной сержанта послышался шум, полицейский резко обернулся, револьвер смотрел прямо Дагу в лицо. Старик отпрянул назад и закрылся руками.

– Иисус и Пресвятая Дева Мария! – крикнул он. – Что это вы такое творите, черт вас возьми?

Чейз опустил револьвер и включил рацию.

– У нас тут раненый в доме Критча, это в Уимерли. Нужна скорая. – Он повернулся к старику, склонившемуся над Джозефом. – Вы умеете оказывать первую помощь?

Даг уже делал племяннику искусственное дыхание рот в рот. Сержант посмотрел в окно. Собака пронеслась мимо рыжеволосой девочки на крыльце солнечного дома и вбежала внутрь. Девочка глядела на Чейза так, словно это она послала животное выполнять задание, а теперь собака вернулась к хозяйке. Ребенок скрылся в доме. Чейз никак не мог взять в толк, как это зверюге удалось прорваться сквозь входную дверь. Когда они с Дагом приехали, она точно была заперта. Джозеф медленно приходил в себя.

В перерывах между вдохами Даг сердито сказал:

– Твоей дочери в больнице стало хуже. – Еще один вдох. – А ты тут сражаешься с паршивой дворянкой. – Вдох. Старик презрительно фыркнул: – Слизняк! Разве ты похож на мужчину?

Чейз выбежал на крыльцо, ботинки тяжело гремели по доскам. Он кинулся в погоню за черной собакой.

– Он не сделал ничего плохого. – Райна старалась защитить Томми, над которым, как ей показалось, нависло серьезное обвинение. – Он просто поговорил со мной.

– О чем?

– Да не знаю я. О всяких глупостях.

– Каких?

Френч откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди. Он, не отрываясь, смотрел на Райну и доктора.

– Ну, глупости, они и есть глупости.

Командор вздохнул, захлопнул книгу о видах рыб и убрал ее в ящик стола. Снизу лежал раскрытый том об электрических бурях. На черно-белой фотографии шторма стрелы молний бьют по волнам, переплетаются, уходят под воду.

– О чем конкретно вы говорили?

– По-моему, он что-то рассказывал.

– О чем?

– Вроде, про рыбалку что-то.

– Об улове, или, может, о бурях, или сказки про чудовищ?

– Не знаю. – У Райны разболелись глаза. Голова кружилась, страшно хотелось есть и пить. А еще навалилась усталость. Сейчас бы домой. Лечь спать в собственную постель. На мягкие подушки. – Сказки, наверное, Томми всегда их рассказывает.

– И вам стало лучше?

– Да.

– Почему?

– А мне откуда знать?

– Подумайте. Почему?

– НЕ ЗНАЮ! Сами думайте.

Доктор Томпсон неожиданно встал, Райна даже испугалась.

– Достаточно, – сказал он. – Миссис Прауз нужно отдохнуть. Почему бы вам...

– Она не устала, я же вижу, – резко ответил Френч. – Сядьте, доктор.

Они с неприязнью посмотрели друг на друга.

Томпсон нехотя сел.

– Райна, это ведь все выдумки. Люди сочиняют сказки, чтобы подперчить пресную жвачку бытия, – продолжал Френч. – Фантазируют, чтобы представить себя умнее, храбрее, счастливее – словом, чтобы заморочить друг другу и без того одуревшие головы. Не верьте им. Ничего нет, кроме обыденной повседневности. А она крайне проста и груба.

– Что вы имеете в виду?

Райна явно растерялась. Ей никто не ответил. Отчаянно хотелось курить. Выкурить сигарету в одну затяжку. Она с тоской посмотрела на пачку на столе Френча. У нее даже плечи разболелись от нехватки никотина. Виски сдавила мигрень.

– Как вы можете слушать всю эту чепуху? – наступал на нее командор. – Эти байки. Это сотрясение воздуха. Мы ведь, в сущности, просто куски мяса. А стоит нам умереть – и все, конец, никаких превращений. – Он щелкнул пальцами. – Вот так. Раз, и нету.

Райна отупело уставилась на пальцы Френча. Глупости какие! И чего он это говорит? Она повернулась к Томпсону, надеясь, что хоть доктор ей поможет, но наткнулась на его беспомощный и растерянный взгляд. Райне казалось, что ее со всей силы ударили в солнечное сплетение. Чтобы не задохнуться, она стала быстро дышать сразу и носом, и ртом, но кислорода все равно не хватало. Райна поняла, что снова заболевает. Вокруг все быстро затягивается бесцветной пылью.

Доктор Томпсон начинал понимать игру Френча.

– Что вы такое делаете? – крикнул он командору.

– Хочу, чтобы она снова заболела. – Френч нажал кнопку на поясе. – Там у вас в больнице есть некий Томми Квилти. Найдите его и постарайтесь задержать... Да, я пошлю вам фотографию с водительских прав. – И он пробежался пальцами по клавиатуре компьютера.

– Нет, – тихо сказала Райна. Легкие ее были пусты. На лбу выступила испарина. Райна выпрямилась и протянула руки к столу. – Нет, нет.

Она вдруг ужасно испугалась. Сознание таяло, и все мысли исчезали, как снежинки, влетевшие в комнату, оставался только серый туман.

Френч не спускал с нее глаз. Этот циник точно знал, что делает. Он снова заговорил:

– Райна, послушайте меня. Я обманул вас. А Томми говорил правду. Чистую правду. Все так и есть. Все. Море кишит странными существами. Теперь каждый может их увидеть. Выйдите на улицу, и вы сами во всем убедитесь! Сказки становятся реальностью. Прошу вас, поверьте мне, как вы поверили Томми. Я тоже видел этих чудовищ. Всех видел. Они существуют.

Райне хотелось верить ему. Она вгляделась в лицо командора. А вдруг он опять врет?

– Это правда, – настойчиво повторял Френч. Он протянул руку через стол и коснулся ее пальцев, крепко вцепившихся в край столешницы. Кожа у него была теплая, а глаза заботливые. – Чистая правда. Райна, вы мне верите?

– Да, – быстро ответила Райна. Воздух снова наполнял легкие. – Верю.

Она и в самом деле поверила, и тогда опасно накренившийся мир снова обрел потерянную было устойчивость.

Кто-то барабанил в дверь Клаудии. Джозеф? Полицейский? А может, Редж? Она успела влететь в дом и запереться. Дыхания не хватало. Руку оттягивал разделочный нож. Клаудия взбежала по деревянной лестнице и остановилась на верхней площадке. Волосы липли к пересохшим губам. Она откинула прядь со лба и быстро прошла через спальню в свою мастерскую. Испуганно огляделась. Что она ищет? Выход? Сумеет она убить того, кто войдет следом? Реджа-то убила... Нет, не Реджа, Джозефа. А зачем? Чего она добилась? Что натворила? Что?

В горле пересохло. Клаудии казалось, что она вся стала похожа на высохший клей. Она могла бы выброситься в нарисованное окно. Тогда пейзажи, которыми Клаудия любовалась каждый день, прорвутся, исчезнут. Смерть принесет облегчение. Жизнь превратилась в кошмарный сон. А может, это уже не жизнь, может, она давно умерла. Погибла от обезвоживания, и ее утянуло в странный мир умерших. Или почти умерших.

Клаудия ждала, крепко сжимая рукоятку ножа обеими руками. Она так нуждалась в поддержке и утешении! Кто-то резким ударом выбил внизу дверь. Клаудия испуганно вздрогнула и снова оглянулась. Выхода нет. В гостиной громко топали тяжелые ботинки,

потом шаги застучали по лестнице. Быстрые шаги. За спиной Клаудии загорелись свечи в глиняных домиках, в воздух взлетели язычки пламени, словно фитильки один за другим поджигала невидимая спичка.

В дверях мастерской появился полицейский, направил револьвер прямо на нее, потом зрачки его расширились и он медленно опустил оружие.

Клаудия отступила на шаг, споткнулась, прижалась спиной к стене и всхлипнула. Испуганно взглянула на нож, словно удивляясь, откуда он взялся. В поблескивающей холодной стали отразились ее глаза, глаза ребенка. Клаудия прижала острие к низу живота, в точности повторяя действия Реджа. Надо сделать разрез, через который наружу хлынет ее жизнь.

– Девочка! – закричал полицейский.

Руки Клаудии дрогнули, острие прокололо ткань платья. Она широко открытыми глазами смотрела, как лезвие испаривает одежду и входит во вздувшийся живот. Раздалось тихое потрескивающее шипение, плоть расступалась под натиском металла. Клаудия быстро и глубоко дышала, пульс становился все чаще и слабее. Судорогой свело левую ногу, потом правую, боль поднималась до бедер, терзала спину.

– Прошу тебя, золотко, опусти нож!

Полицейский неловко шагнул вперед, но тут же остановился. Клаудия обеими руками подняла лезвие в воздух, стиснула зубы и застонала, рукоятка отчаянно дрожала в ладонях. Полицейский замер, не отрывая глаз от пореза на ее животе. Клаудия тоже посмотрела вниз. Крови не было.

Лезвие снова аккуратно вошло в сухое отверстие. Руки напряглись, Клаудия с усилием погружала нож все глубже и глубже. Спина ее сгорбилась, голова поникла, лицо обдало жаром. Она снова вынула сталь из раны. По пальцам потекла прохладная струя. Клаудия с любопытством открыла глаза. Полицейский стоял почти рядом. Она замахнулась, и он отступил. Клаудия посмотрела на пол. По нему быстро растекался огромной лужей желтый песок, скоро под ногами выросла небольшая дюна.

– А я думала, у меня внутри рыбы, – тихо сказала Клаудия тонким детским голоском. Песок все сыпался, веки тяжелели, дюна на полу росла. – А я вся высохла.

Живот постепенно терял свою округлость. Клаудия зачарованно подставила ладонь под струю песка, потом осторожно потрогала острые края лезвия.

Когда песок весь высыпался, Клаудия без сил рухнула на мягкий желтый холмик. К губам прилипли песчинки. От удара вздрогнул пол во все доме, три глиняных домика перевернулись, несколько баночек с глазурью вылились на свечи. Пламя взметнулось к потолку, будто на него плеснули бензином, между Клаудией и полицейским встала огненная стена.

Он храбро шагнул вперед, но сразу попятился. Нет. Слишком горячо. Схватил было плетеное кресло, оно взорвалось тысячью искр, и полицейский бросил его. Полыхнули волосы на голове Клаудии, ноздрей коснулся странный незнакомый запах.

Полицейский схватил со спинки стула большую плотную шаль и бросил на горящие краски. Шаль тут же занялась. Затаптать огонь тоже не удалось. Он закашлялся и закрыл руками рот. Комната наполнилась клубами дыма. Белые и темно-серые облачка. Хлопая ладонями по тлеющим брюкам, полицейский отскочил к двери.

В воздухе колыхалось марево, очертания предметов все время менялись. Клаудия видела, как полицейский подносит рацию к губам и что-то кричит насчет пожара. А потом он ушел. Куда и зачем? Клаудия не знала. Глазные яблоки присохли к орбитам. Комната исчезала за пеленой дыма. Внезапно Клаудия почувствовала удивительное спокойствие. Языки пламени напомнили ей о том, как потрескивал огонь в муфельной печи. Она ставила туда фигурки, чтобы они затвердели и сохранили приданную им форму. Их надо было хорошенько подсушить перед тем, как отправлять в печь, иначе они разлетались на кусочки во время обжига. Клаудия подумала о стенах своего дома, о нагретой солнцем бегущей по трубам воде.

От жара язык совсем распух и стал похож на полупрожеванный бифштекс. Зубы вылутились из лунок и готовы были выпасть в любую секунду. Клаудия хотела открыть глаза, но век уже не было.

Тогда она решила, что это только сон, сон, который вынудил ее существовать в уродливом и опасном мире, где постоянно меняется климат, где отнимают любимых, самых дорогих людей.

Кожи больше не было, и последние капли влаги испарились в огне. Клаудия знала, что все будет хорошо и она навсегда застынет в этой прекрасной грациозной позе. Абсолютно защищенная вечностью.

Чейз прыгал через две ступеньки, едва касаясь перил. Он промчался через гостиную и огляделся в поисках воды или огнетушителя. Такой красный или оранжевый баллон. Нигде не видно. Сержант думал только о девочке наверху, о том, что она погибнет, если он не найдет воду. На глазах выступали слезы.

Чейз вбежал на кухню и открыл краны. Ни капли. Он отчаянно искал под раковиной вентиль, но не обнаружил ни одного ввода. Тогда сержант попытался с корнем вырвать трубу, тянул и тряс изо всех сил. Без толку. Оглянулся в поисках какого-нибудь сосуда. Ведро нет. Распахнул дверцы буфета. Миски, тарелки, стаканы. Схватил две неглубокие миски и кинулся назад в гостиную. Краем глаза он заметил, как блестит в окне океан. Синяя гладь простиралась до самого горизонта. Сержант влетел в ванную справа по коридору, кинул миски в фарфоровую раковину и открыл оба крана. Не течет. Кран над ванной тоже не работает. Сухо. К тому времени, как Чейз вернулся на второй этаж, верхнюю площадку уже плотно заволокло дымом. Спасаясь от него, сержант нагнулся, почти пополз и стал искать в спальнях огнетушитель и мать девочки. Распахнул дверцы шкафа в детской. Баллона не было. Внезапно легкие наполнились дымом, и сержант разразился сухим кашлем. Он упорно продолжал искать. Вот спальня матери. Никого. Кашель раздирал грудь. Чейз нырнул к дверям шкафа. С плечиков свисали ночные рубашки, на рукавах чернильные надписи, сделанные каллиграфическим почерком. Он раздвинул их в поисках баллона. Грудь сдавило удушьем, в голове звенело. Сержант понял, что, если быстро не выйдет на воздух, он потеряет сознание и больше никогда не придет в себя. Чейз бросился в мастерскую, от кашля слезились глаза, в комнате плясали языки пламени. Девочка неподвижно лежала на полу, кожа ее горела. Страшный жар, в десять раз сильнее, чем летний зной, не давал стоять на месте. Чейз отскочил, одежда на нем чуть не загорелась, рядом что-то полыхнуло. С какой скоростью надо двигаться, чтобы не обгореть? Сержант плакал и пытался добраться до ребенка. Пламя дохнуло ему в лицо, опалило кожу. Оно больше не потрескивало, а ревело, стены горели до самого потолка.

Чейз в отчаянии поднял рацию и, задыхаясь от спазматического кашля, вызвал на подмогу пожарную машину. Ноздрей коснулся запах жареной рыбы. Время ужина давно прошло. В животе заволновалось, и желудок тут же сжался в тугий комок. Сержант понял, что так пахнет совсем не рыба, а горящее тело девочки, которую он старался спасти.

Джозеф открыл глаза. Над ним склонился отец. Он постарел, черты лица стали грубее. На голове у него была красная бейсболка, раньше отец никогда таких не носил. Постепенно сознание прояснялось. Джозеф понял, что если это его отец, то он очень изменился. С другой стороны, прошло столько времени, почему бы ему не постареть? Джозеф больше ничему не удивлялся. А может, это кто-то, очень похожий на его отца? Кто-то, кого он знал совсем недолго, и все же намного дольше, чем казалось? Родственник. Давно потерянный брат.

— Ну что с тобой делать? Полный идиот, — возмущенно сказал отец. — Второй приз на конкурсе идиотов. — Он сердито посмотрел на Джозефа и изумленно покачал головой. — В жизни таких не видал. Никогда. Вставай, ленивый ублюдок! Вставай и отправляйся к больной дочери! — Он поднялся с корточек и навис над Джозефом. — Это ж просто царапины, пустяк. Вставай!

Нет, это не отец. У этого говор, как у всех местных жителей. А у отца такого говора не было, хоть он тоже родом отсюда. Два похожих и в то же время совершенно разных человека. Это брат отца.

«Дочь. – Джозеф вдруг испугался. – Тари». По спине побежали мурашки. Он уперся руками в деревянный пол и попытался подняться. Бок сразу заныл, голова снова упала на доски. Джозеф поморщился. Вдалеке выла сирена, звук приближался, похоже, машина едет сюда.

– Кто, черт тебя побери, впустил в дом эту бешеную собаку? Кровью ты вроде не истекаешь. Раны пустяковые. В море бывает кое-что и похуже. Взрослый мужик не станет обращать внимания на такую ерунду. Он будет продолжать рыбачить до заката, несмотря на то, что брюхо пропорото насквозь и его рвет от боли.

Джозеф перекатился на бок. Сглотнуть не получалось. Он несколько секунд набирал достаточно слюны, и наконец живительная влага потекла в глотку. Джозеф схватился рукой за ножку кресла, потом за сиденье. Дядя Даг продолжал браниться.

– У тебя что, копыта отсохли? Ну-ка, упирайся отростками, вставай! – Старик нагнулся и протянул руку. Джозефа вздернули на воздух и быстро поставили на ноги. От толчка мозги, казалось, сделали в черепушке полный оборот вокруг своей оси. Джозеф оперся о столешницу и закрыл глаза, боясь снова потерять сознание. Он вспомнил сон, который видел, пока валялся на полу: одна из картинок Тари, оранжевая завитушка и лучи света из сердцевины. Джозеф посмотрел на свои руки, покрытые царапинами от ногтей Клаудии. У ног лежала сумка Ким. Он нагнулся за ней, на лбу сразу выступил пот. Джозеф выпрямился и крепко прижал сумку к груди, вдыхая запах Ким.

– Шевели задницей. – Даг шлепнул Джозефа по руке, двинулся в прихожую и крикнул через плечо: – Ради всего святого, ну что ты там копаешься?

Джозеф побрел к входной двери. Он думал о Тари. Глаза слепило яркое солнце, пахло дымом. Джозеф вывалился на крыльцо и увидел на дорожке перед домом полицейский «ленд круизер». Дом Клаудии горел. Даг уже завел мотор. На шоссе разворачивались цепью пожарные. К солнечному дому тянулся желтый шланг. По стенам хлестали потоки воды. Трое пожарных стояли у самых стен плечом к плечу, поодаль застыл полицейский. Он неотрывно глядел на окно второго этажа. Джозеф с трудом шагнул в его сторону.

– Клаудия, – хрипло пробормотал он. Говорить было больно. – Она... там?

Даг погудел ему с водительского сиденья, он отчаянно размахивал руками и строил угрожающие рожи.

Джозеф захромал к машине, стараясь не травмировать больной бок и роясь в карманах в поисках сотового телефона. Зачем? Кому он собрался звонить? Пожарным? Так они уже тут. В больницу? Да, точно, чтобы узнать, как Тари. Джозеф открыл крышку и обнаружил, что батарея села. Даг перегнулся через сиденье, разблокировал дверцу справа и распахнул ее.

– Залазь и поехали. Да возьми ж, наконец, себя в руки, медуза. Неужели ты способен только ныть и жаловаться? С ума сойти!

Джозеф посмотрел на бухту. Солнце стояло прямо над головой, похоже, сейчас около половины первого. Вода была совсем черная, белая пена взлетала в воздух там, где образовывались водовороты и буруны. Боль в боку понемногу стихала. Если стиснуть зубы покрепче, то жить кое-как можно.

– Джозеф! – рявкнул Даг.

Джозеф уронил на траву мобильный, но решил не поднимать его: слишком больно будет нагибаться. Бог с ним. Он влез в машину, положил на колени сумку, передохнул немного и, со вздохом захлопнув дверцу, откинул голову на сиденье. На лбу снова выступил пот. Ему было и жарко, и холодно одновременно, одежда промокла насквозь. Теперь он заперт в железной клетке наедине со своим дядей. Даг поставил коробку передач на задний ход, с визгом вылетел на дорогу, развернулся и выжал газ до предела. Джозефа то бросало вперед, то вдавливало в сиденье.

Он надеялся, что пожарная машина – просто галлюцинация, но нет, вот она, совсем

близко. Пожарные льют воду на стены. Воду из моря. Черная вода угольными пятнами растекается по дому, словно его красят из шланга.

– Будем надеяться, там никого не было, – пробормотал Даг, глядя на дом.

– Как Тари? – спросил Джозеф.

– Ей сделали операцию на сердце. Больше я ничего не знаю.

– Что? Какую операцию?

– А такую. Взяли и сделали.

– Она закончилась?

– Понятия не имею.

– А Клаудия...

– Кто?

– Клаудия там?

Даг подозрительно посмотрел на горло Джозефа.

– Да, видать, собака изрядно тебя потрепала.

– Собака? – Джозеф оглянулся через плечо на горящий дом. Двигать шеей было больно. Это что ж, дядя Клаудию собакой называет?

– Кто-нибудь должен найти эту псину и пристрелить ее.

– Какую псину?

Джозеф ничего не понял. И что такое с сердцем Тари? От горя перехватывало дыхание.

Машина спустилась с верхней дороги, впереди лежала бухта.

– Что-то у меня с глазами в последнее время неладно, – сказал Даг, глядя на воду. Они выехали на нижнюю дорогу и свернули на восток.

– Псину? – тупо повторил Джозеф.

– Может, эта дворняга недолюбливает инспекторов рыбнадзора.

Они помолчали. Джозеф отчаянно пытался сложить вместе кусочки головоломки.

– Вряд ли она знала, кто я, – сказал Джозеф.

– Собака? – рассмеялся Даг.

– Ну да, она не знала, кто я такой.

– И кто ж ты? – спросил дядя Даг, крепко вцепившись в руль корявыми пальцами.

– Инспектор рыбнадзора.

– Ты, значит, считаешь, что ты инспектор?

– Да.

– Это тот, кто ты есть, или это твоя работа? Потому что измениться самому гораздо труднее, чем сменить профессию.

– Разве это не одно и то же?

Даг сурово глянул на Джозефа, потом лицо его смягчилось, он даже слегка улыбнулся.

– Первый раз слышу от тебя что-то дельное. Может, ты еще и не совсем потерян для общества.

Медицинскую помощь оказывать было некому, и скорую отослали. Прежде чем отвезти обуглившееся тело в морг, его надо было осмотреть и сфотографировать. Ждали судмедэксперта, доктора Башу. Чейз представил себе, как застегивают молнию на черном мешке, как санитары поднимают тяжелый куль и переносят его в машину. От этого зрелища сержанту всякий раз становилось тошно. Будто мусор выбрасывают. Карета скорой помощи скрылась из виду. Чейз стоял во дворе солнечного дома. Крыша на втором этаже не обвалилась и, наверное, уже не обвалится. Две стены прогорели насквозь, в зияющих обугленных проемах вились хитросплетения труб. Огонь уже погас, но пожарные продолжали поливать дом из желтого шланга.

Обычно на месте преступления всегда бегали и суеились толпы экспертов, полицейских и судебных медиков, но сейчас Чейз остался один, если не считать нескольких добровольцев из пожарной дружины, которые почти наверняка впервые столкнулись с такой ужасной трагедией. Маленькая девочка погибла на пожаре. В добровольцы шли обычные

люди, отцы и сыновья, госслужащие, плотники, рабочие. Они глядели на Чейза с изумлением и восторгом – он был внутри, сражался с огнем, видел все своими глазами. Тишина. Никто не проронил ни слова. Среди них не было коллег сержанта, все его сослуживцы работали в других городках, там, где сейчас неспокойно. Чейз стоял во дворе и задумчиво тер нос. Небось, весь в копоти.

Над южными холмами тарахтел лопастями вертолет. Там устанавливали точно такие же огромные тарелки, как и на северной гряде. Поначалу сержант считал, что это антенны для переговоров морской пехоты, но их построили слишком много, так что, скорее всего, это было какое-то секретное оружие.

Чейз оглянулся на солнечный дом. Пустая черная коробка. Стекла расплавились или рассыпались на мелкие осколки. Он был внутри всего двадцать минут назад. Вместе с живым ребенком. Девочкой, которая покончила с жизнью, вонзила нож себе в живот. Вот что ему теперь придется видеть в кошмарных снах.

Девочка мертва. Обгоревший труп, черты лица изменились до неузнаваемости. Чейз не мог ни понять, ни принять свершившегося. Бледненькая такая девчушка, тоненькая, словно белый листочек папиросной бумаги. Обгорела дочерна. Страшная, бессмысленная сцена. Чейз вспомнил о Терезе. Ее сознание такое же черное и хрупкое, как пепел в этом доме. А лицо прекрасное, и глаза красивые, огромные. Если дунуть ей в ухо, мысли рассыплются в прах. Нет, не так. Сознание у нее действительно хрупкое, а вот мысли черные и вязкие. Если считать, что они обгорели, то, значит, они стали еще плотнее и тяжелее, атомы сцепились еще крепче, молекулярная решетка не разрушилась. Мертвый груз.

Чейз взглянул на бухту и рыбозавод у подножия утеса. Ему вспомнилась та пожилая дама, мисс Лэрейси. Она ведь до сих пор ждет его. Сержант пошел к машине. Надо бы попрощаться с пожарными, но говорить он сейчас не мог. Один дружинник, очкастый черноусый коротышка, заметил, что полицейский уезжает, и поднял руку в желтой краге в знак признательности и геройской солидарности.

Холод на рыбозаводе пробирал до костей, и мисс Лэрейси вышла на крыльцо. Когда-то, много лет назад она работала здесь. После смены приходилось часами сидеть перед потрескивающим огнем в камине, чтобы согреться. Нежась под полуденным солнцем, старушка глубоко вздохнула. У нее даже легкие разболелись от морозного пара на холодильнике. Мисс Лэрейси отошла подальше от гофрированной железной стены и тут только заметила, как на верхней дороге что-то дымит, кажется, чудной дом.

– Матерь Божья, – грустно пробормотала она. На холм взбиралась пожарная машина. «Черная собака», – вспомнила мисс Лэрейси. Вдруг на обочине остановился автомобиль. Старушка повернулась и обрадованно всплеснула руками, за рулем сидел красавчик полицейский.

– Вот сейчас все и узнаем, – громко сказала она и направилась к джипу. – Где ж ты был? Тебя только за смертью посылать.

Сержант Чейз молча вылез из машины и захлопнул дверцу. Он даже не улыбнулся, только теребил пряжку на поясе, опустив голову. Весь пропах дымом, ладони в саже, на щеках борозды от слез.

– Беда? – Мисс Лэрейси кивнула на холм.

Чейз посмотрел старушке прямо в глаза, словно надеялся найти у нее ответ на какой-то вопрос.

– Художница?

– Нет, – ответил он.

– Ты ж помнишь черного пса. Кто-то должен был умереть.

Чейз тоже взглянул на холм, где все еще дымилось пожарище. Старушка облизнула большой палец, подошла поближе к полицейскому и привстала на цыпочки, чтобы дотянуться до его подбородка.

– Спас кого-нибудь?

Чейз мотнул головой.

– Нет, – вяло ответил он. Потер нос рукавом и зашагал в сторону рыбозавода. Видно было, что сержант за что-то винит себя.

Мисс Лэрейси семенила следом, ожидая продолжения.

Они зашли внутрь, старушка громко ахнула и заволновалась. Исчезли еще три израненных духа. Она заковыляла к первому телу и стала вглядываться в его лицо, губы, щеки, мальчишеский подбородок.

– Это ж сын Фреда Винтера, Эдгар. – Мисс Лэрейси пошла дальше и остановилась у следующего стола. На нем лежал старик, одетый, как одевались в восемнадцатом веке. – Бог его знает, кто это, а только его дух тоже пропал. – Следующее тело лежало на столе у дальней стены, рядом с компьютерами, за которыми теперь работали только двое. – По-моему, это тоже Винтер. Кто-то из родичей Фреда. Может статься, все трое – его родня.

– А где он сам? – спросил Чейз.

– В больнице. Где ж ему быть.

– А духи где?

– А нету. Видать, Фред пошел на поправку. Похоже, эти духи появляются, только когда с их родней какое несчастье. Да еще провода их мучают, на кусочки кромсают. Может, мозги у меня и скукожились от старости, а все ж таки, думаю, я права.

Чейз вынул из кармана рацию и связался с диспетчером. Он попросил, чтобы его соединили с больницей в Порт-де-Гибле. Сержант побеседовал со старшей медсестрой шестого этажа и справился о здоровье Фреда Винтера. Ему сообщили, что состояние больного заметно улучшается, точно так же, как до этого улучшилось состояние Райны Прауз. «Так что у нас теперь таких двое», – с облегчением доложила медсестра.

Чейз стоял над мертвецами города Уимерли, как полководец над своей разгромленной армией. Духов, о которых говорила старушка, он не видел, только тела. Что ж это столько тел сразу? Сержант вспомнил фотографии утопленников, файлы в его компьютере. Здесь наверняка найдутся знакомые лица из папки «Мои фотографии». Чейз изо всех сил старался никого не разглядывать, чтобы не мутить душу. Вместо этого он повернулся к мисс Лэрейси.

– Кому-то ведь надо об этом рассказать, – с трудом произнес он. – Вот только кому?

Старушка пожала плечами.

– Рассказывай, кому хочешь, только ничего уже не поправить. Ты сам-то хоть держись, миленький. Папаша мой любил поговорку: «Когда шаг до конца – тут и видать молодца». – Она подмигнула и широко улыбнулась, показав розовые младенческие десны.

Перекинув сумку Ким через плечо, Джозеф направился к главному входу больницы. Дядя Даг задержался, чтобы найти место, где оставить машину. Джозеф зашел внутрь и сразу кинулся в туалет. Запер дверь, положил сумку на сиденье унитаза и критически себя оглядел. Рубашка порвана и вся в крови. Хорошо хоть медсестра в регистратуре была занята и не заметила, в каком он виде.

Джозеф посмотрел в зеркало. Оттуда на него таращился обросший мужик, тот самый, которого он когда-то видел в окне спальни. И хотя наваждение быстро пропало, Джозеф все равно себя не узнал. Морда грязная, исцарапанная, на щеках трехдневная щетина. Прямо снежный человек. Он дотронулся до шеи и вспомнил, как душила его Клаудия, как рвала когтями и зубами. Почему она хотела его убить? И куда потом пропала? Неужели скрылась в горящем доме?

Джозеф открыл кран и пощупал пальцем воду. Когда пошла теплая, подставил ладони и плеснул себе в лицо. Бумажных полотенец не было, только сушилка, поэтому Джозеф размазал грязные пятна низом рубашки. Ткань присохла к ранам. Он дернул – оказалось, совсем не больно. Джозеф смял рубашку, на которой остались корочки застывшей сукровицы и бросил в урну. Морщась, потрогал ранки – кровь не идет. Интересно, они глубокие? Трудно сказать. В сумке нашлась большая синяя футболка. Ким иногда в ней

спала. Джозеф натянул футболку через голову, вдохнул чудесный аромат жены, застегнул сумку и, хромая, вышел из туалета.

По указателям он нашел реанимационный бокс, повернул за угол и остановился. В дальнем конце коридора сидела Ким. Она не отрываясь смотрела на кафельный пол. Очевидно, услышав тихие шаги мужа, подняла голову. Когда Джозеф подковылял поближе, выражение ее лица стало сначала удивленным, потом испуганным, в глазах читался немой вопрос. В ярком свете люминесцентных ламп Джозеф разглядел заплаканные глаза жены, покрасневший нос и распухшие губы.

– Как Тари? – спросил он, закашлялся и поставил сумку на соседнее кресло.

– Ей сердечко оперируют. – Ким всхлипнула и прижала ко рту помятый рукав. От этого всхлип вышел коротким и каким-то придушенным. Джозефа терзала неизвестность, и все же он был даже слегка рад тому, что нашел жену в таком состоянии. Его любовь и привязанность к ней быстро крепили. Джозеф не стал задавать вопросы. Просто сел рядом и помолчал. В такой ситуации слова ничего не значили.

По селектору вызывали какого-то врача. Джозеф нахмурился, не зная, насколько близко можно подсесть к Ким. С тех пор, как они потеряли первого ребенка, он никогда не видел ее в таком горе. От воспоминания сжалось сердце.

Ким всегда была такой сильной, самостоятельной, всегда легко принимала решения. Героиня викторианских романов. Может быть, она сама выбрала такую судьбу? Гибель всех детей. Может, этого она втайне ждала? Считала, что родилась позже своего времени? А на самом деле ей полагалось быть умной, но печальной дамой, каждое слово которой поражает окружающих своей точностью и простотой?

Волнения и бессонная ночь сказались на внешности Ким. Она секунду озабоченно разглядывала следы ногтей и зубов на шее мужа, а потом сердито отвернулась.

Джозеф вздохнул, снял с кресла сумку и сел на освободившееся место, чтобы обнять жену за плечи. Ким отстранилась и подняла руку, как бы говоря: достаточно. Джозеф с болью отметил, что на пальце у жены нет обручального кольца.

– Где она?

Ким вытерла нос и кивнула в сторону дверей реанимационного бокса.

– Как идет операция?

Она тихонько покачала головой.

– Ким!

– Не знаю, – громко всхлипнула она и попыталась двумя руками расправить смятый носовой платок. Ничего не вышло, Ким только крепче стиснула кулак и прижала ткань к губам. – Поверить не могу.

– Во что?

– Что это все на самом деле. – Она посмотрела на Джозефа глазами, полными слез. – Все. Тари. Ты. Бред какой-то.

В динамиках снова забормотало. Джозеф положил ладонь поверх ладони Ким. Его переполняла любовь. Судя по тому, с каким изумлением и неуверенностью Ким глядела на его руку, она никак не могла решить, какое место занимает Джозеф в ее жизни.

Командор Френч взглянул на доктора Томпсона. Тот спокойно стоял у стены и слегка морщился, очевидно, болели колени и травмированная лодыжка. В кресле, которое раньше занимал врач, теперь сидела пожилая дама. Полицейский, сержант Чейз, метис двухметрового роста, доставил мисс Лэрейси в полевой штаб. Старушка уже рассказала им все, что знала о духах. Теперь присутствующие переваривали информацию. Молча переваривали.

Чейз навис над креслом Райны, сложив на груди руки. Френч хмурился, очень уж абсурдной казалась новая теория: все, кто сейчас находится в этой комнате, могут утонуть в ближайшие несколько часов. Но так подсказывала интуиция, а она его никогда еще не обманывала. Потому-то он и дослужился до чина командора. Но что делать с этими людьми?

Как заставить их совершать нужные ему поступки? Неудачная попытка грозит потерей авторитета.

– Буду с вами откровенен, – сказал он и подумал: «Попробую».

Томпсон кивнул. Мисс Лэрейси выбила каблучками дробь, словно вспомнила какой-то веселый мотивчик. Сержант Чейз глядел прямо перед собой, Райна покусывала губы.

– В истории были похожие случаи.

Френч почему-то не мог оторвать глаз от мисс Лэрейси, от ее доброй лукавой ухмылки. Старушка ободряюще кивнула и подмигнула командору.

– И где ж они были?

Френч взглянул на Томпсона. Ему нравился этот разумный человек, который верил только в научные факты. Точь-в-точь как и сам командор.

– На многих континентах, в частности на этом самом острове. Лет семьдесят назад в районе города Бюрина впервые появилось электричество. А еще точнее, радио. В документах остались упоминания о похожих событиях: угнетение дыхания без каких бы то ни было других симптомов, уменьшение популяции рыб, появление морских чудовищ. Некоторые моряки вели дневники, где подробно описывали свои встречи с фантастическими созданиями.

– Бюрин, – тихо пробормотал Томпсон. Он задумчиво пощипывал бороду, стараясь припомнить все подробности той истории. – Точно, это было семьдесят лет назад. – Доктор смотрел как будто сквозь Френча. – Так ведь тогда, кажется, было цунами?

Командор не ответил. Он посмотрел на мисс Лэрейси. Все замолчали, подумав об одном и том же.

– Погодите-ка, – Томпсон нервно рассмеялся. – Вы что же, в самом деле думаете, что все эти странные события предшествуют цунами?

– Господи, помилуй! – Райна испуганно выпрямилась, до нее только сейчас начали доходить слова командора.

– Нет. – Френч предостерегающе поднял руки. – Нет, я этого не утверждаю.

Мисс Лэрейси рассмеялась.

– Лестричество, – пробормотала она и повернула голову, словно пыталась через стену кабинета разглядеть бухту. – Да уж, миленькие, духи-то не на шутку осерчали. Вот они нам покажут, как вода поднимется! – Она посмотрела на сержанта в поисках поддержки, но тот молчал.

– Мы предполагаем, что между волной и электромагнитными полями существует какая-то связь. Километрах в ста от берега приборы регистрируют магнитное поле огромной силы. И, похоже, оно переместилось туда с нашего берега.

– Духи. – Старушка улыбнулась, уверенно кивнула и облизнула пересохшие губы. – Я ж сама видала: как вы технику свою запузарили, так они, бедняжки, с неба и посыпались. Не могут они до своих родных добраться, пока те хворают. А почему – кто его знает!

– Больные не могут дышать, – задумчиво сказал Томпсон. – Может, они этих духов вдыхают?

– Да ну вас! – Мисс Лэрейси сердито отмахнулась. – Просто бедолаги не видят духов, вот в чем дело-то.

– Больные не знают, кто они, – пояснил Томпсон. – Или что. Они как будто тают. Исчезают. Амнезия. Они не осознают, не видят себя.

Френч терпеливо слушал, но не спешил высказывать своих соображений. Вместо этого он изложил официальную версию, которая, на его собственный взгляд, не выдерживала никакой критики:

– Мы полагаем, что магнитное поле может быть как-то связано с ультракороткими волнами и гамма-излучением, и собираемся попробовать погасить электромагнитную активность. В этом районе сходятся основные коммуникационные линии. То, что мы не видим радиоволн, не означает, что их нет. Возможно, это поле аккумулировалось над городом, отразилось от гряды холмов и направилось в море. Отсюда и турбулентность. Мы

отключили электроэнергию, но, похоже, это не помогло. Электромагнитное излучение стекается в город отовсюду. Планета опутана мощной сетью радиоволн. Пришлось соорудить на холмах отражатели.

Френч оглядел слушателей: понятно ли хоть что-нибудь.

– Лестричество духов на кусочки режет, – добавила мисс Лэрейси. Она выудила из рукава носовой платок, высморкалась и вытерла каждую ноздрю изнутри и снаружи. – Вот только на кой им в тела обратно ломиться? Что ни говорите, а неспроста болячка эта новая навалилась.

– Чепуха, – сердито сказал Френч и сам себе удивился.

Старушка возмущенно посмотрела на него. Она задумчиво выводила пальцем на полированной поверхности стола кружки все большего и большего диаметра. Когда мисс Лэрейси снова заговорила, в ее голосе звучала твердая уверенность в своей правоте:

– Да хватит тебе дурака-то валять! Ты ж сам все знаешь. Кого надуть хочешь? Себя разве что.

Тари сидела в лодке. Перед ней на скамеечке появились полупрозрачные Клаудия и Джессика, они обнимались и постепенно становились все более отчетливыми. Клаудия открыла рот, но голос был едва слышен, как будто доносился из глубокого колодца. Джессика крепко держала маму за талию. От девочки исходило сияние, помогающее Клаудии обрести плотность.

Тари поразились, до чего похожи мать и дочь.

Внезапно в дно лодки прямо под ногами Тари что-то ударило.

– Не бойся, это папа, – сказала Джессика. – Он поднимается, потому что мама теперь тоже здесь. – Она отпустила Клаудию и свесилась через борт. Тари тоже с любопытством посмотрела на воду.

– Пап, иди сюда!

На поверхности показалось лицо, оно разрасталось, по нему бежали постепенно затухающие волны. В воздух поднялся фонтан светящихся брызг, большие руки ухватились за борт. Лодка в форме кита даже не качнулась. Редж выбрался из воды и уселся рядом с дочерью. Широко улыбаясь, он обнял ее. Клаудия перегнулась через Джессику, чтобы поцеловать мужа.

– Господи, – вздохнула она, – как хорошо!

– Теперь, когда мы свободны от силы тяготения, нам стало гораздо лучше, – сказала Джессика, глядя на Тари.

Все трое улыбались, обнимая друг друга за плечи. Лодка слегка покачивалась на синих волнах.

– Твой папа не умер. Теперь тебя могут не отпустить, – сказала Джессика.

– Мой папа? – испуганно пискнула Тари.

– Он вернулся.

– Он что, умирал? – Тари беспокойно заерзала.

– Моя мама его задушила.

– Я не хотела, – сказала Клаудия, нежно улыбаясь дочери. – Ты же знаешь. – Она взлохматила волосы Джессики. – Глупышка.

– Ты просто думала, что мы этого хотим, – ответила ей дочь. – Я и папа. Ты нас неправильно видела, потому что была живая. Когда ты в том мире, ты видишь только то, что хочешь видеть. И за нас говоришь то, чего мы и не говорили. Придумываешь нас, чтобы легче было все объяснить.

Джессика повернулась к Тари. Ее глаза постоянно меняли цвет: синие, карие, зеленые...

– Живые всегда так делают, – продолжила Джессика. – Они подменяют нас. Делают вид, что мы есть, когда на самом деле нас нет. Мы ведь не можем вернуться на берег.

Тари улыбнулась подруге. Здорово все-таки, что Джессика и родители снова вместе.

Они похожи на фотографию из старого альбома, где все улыбаются и все счастливы.

– Я к маме с папой хочу, – сказала она, но голоса не было слышно. Может, она просто это подумала?

– Так подожди их здесь. – Клаудия мягко кивнула девочке. – Так будет гораздо проще.

– Тебе надо поправиться, – вмешалась Джессика.

– А как? – беззвучно спросила Тари.

– Ты сама не сможешь. Папа и мама должны сделать это за тебя.

– Как?

– Они должны все позабыть и просто любить тебя. Когда родители заодно, их силы умножаются, и тогда они смогут вытянуть тебя из моря. Ты черпаешь силу в них. А эту силу, из которой ты получилась, они взяли у своих родителей. Видишь, сколько народу. И если все за тебя – они тебя обязательно вытащат тебя отсюда.

– Поскорей бы. – Тари словно оглохла, но продолжала слышать голоса людей в лодке. – Я хочу обратно.

– Разве тебе тут не нравится? – спросила Клаудия.

Тари покачала головой. Хватит с нее.

– Тут все чудное какое-то. – Губы двигались, а звука не было.

– Мы просто сгусток энергии, который ждет, пока его кто-нибудь притянет, – объяснила Джессика. – Чтобы обрести форму, мы должны попасть под чье-то влияние.

Томми взял с тумбочки у кровати свой блокнот, помахал на прощание рукой Фреду Винтеру и вышел из палаты. Медсестер вроде не видать. В конце коридора на белой табличке горят красные буквы «Выход». Томми спустился по лестнице, шаги гулко разносились по пустым пролетам. Открыл железную дверь и оказался на автостоянке. Свежий воздух.

Отчаянно хотелось помочь остальным, но Томми боялся, что сейчас за ним придут солдаты, и – что еще важнее – он боялся ближайшего будущего. Никогда еще ему не было так тоскливо. Он смотрел на дорогу, на машины, дома и деревья, а перед глазами вставала черная волна. Хотелось рисовать, но только непонятно, что. Он не мог различить ни одной, пусть даже смутной тени.

Томми пробирался между машинами и лихорадочно думал, что же теперь делать. Можно подождать, пока кто-нибудь знакомый выйдет из больницы и подбросит до Уимерли. Нет, слишком долго. Это не выход. А Райну надо увидеть немедленно. Остается только один путь. Томми вышел на обочину шоссе, оглянулся на бухту и перебежал дорогу. К берегу вела узенькая утоптанная тропинка между двумя домами. Томми часто спускался по ней, когда хотел спокойно поглазеть на океан и сжевать бутерброд после долгого сидения у постели знакомых, попавших в больницу.

Солнце низко висело над водой. У старой деревянной пристани покачивалась на волнах моторка. Вроде крепкая, в море выходить можно. Томми поднял камень потяжелее, прыгнул в лодку, стараясь удержать равновесие, положил блокнот на скамейку и придавил сверху камнем, чтобы не унесло ветром. Он отвязал лодку, мотор завелся с пол-оборота, и вот уже пристань осталась позади. Томми испуганно оглянулся – вдруг поймут? Из прибрежных домов никто не вышел. Значит, и ловить некому. Он направил нос моторки в сторону утеса на другой стороне бухты. Не так уж и далеко. Только вот расстояние почему-то никак не сокращается, хоть Томми и прибавил газу.

Наконец, утес начал расти, значит, уже совсем близко. Море было спокойным, но чем ближе к берегу, тем больше раскачивалась лодка, волны с шумом бились о борт.

У подножия утеса вздымались огромные валы, вода стала серо-зеленой, белая пена шипела и брызгалась. «Как будто слюни в уголках рта», – подумал Томми. Моторка подпрыгнула, камень скатился с блокнота и упал вниз. Томми подхватил блокнот и прижал к груди. Метрах в трех от носа из воды показалась скуластая голова, скорее даже, череп обтянутый кожей. По впалым вискам бежали капли. Следом появилась еще одна жуткая

харя, на это раз ближе. Головы были увенчаны коронами из потускневшего золота, и обе покачивались на длинных шеях, покрытых зеленой чешуей.

Томми когда-то уже рисовал это существо, так что к его появлению был готов и не очень испугался. Но, вообще говоря, вид такой твари мог ошарашить кого угодно. Томми представлял себе размеры чудовища – голов должно быть больше. И точно: совсем рядом на поверхность всплыла третья. Она молча нависла над лодкой и уставилась на художника. Плохо дело. Тварь, похоже, прямо под днищем. Томми отчаянно налег на руль, но моторка не слушалась. Ее потащило в сторону Уимерли. Ошеломляющий удар – и лодка взлетела в воздух.

Внизу мелькнула горбатая спина в толстых носорожистых складках. Моторку так тряхнуло, что Томми полетел вверх тормашками. Он зажмурился, вцепился в блокнот, ахнул: «Ой, мамочки...» и больно ударился о воду. Все окутала ледяная белая пена. Из рта вырвалась цепочка пузырей.

Томми заставил себя открыть глаза и заметил в отдалении смутные силуэты голов. Он насчитал шесть штук. Дыхания не хватало, щеки раздулись, соленая вода хлынула в ноздри, в носоглотке защипало. Где же седьмая? Томми оглянулся. Голова смотрела прямо на него пустыми черными глазами. Тускло поблескивала корона. Томми испуганно замолотил ногами: он увидел чудовище целиком. Хвост гидры вроде змеиного. Из горбатой спины выпирают позвонки, огромные задние лапы заканчиваются птичьими когтями. Метрах в семи от основания шей на горбе моргают три овальных глаза. Все семь голов повернулись в сторону Томми.

«Тут даже с мечом делать нечего. Одну срубишь – две вырастут», – подумал Томми. Он где-то читал об этом. Больше Томми ничего подумать не успел. Гидра начала таять, превращаясь в кровавое пятно. Вскоре от нее осталась лишь красно-коричневая муть. В этот момент запас воздуха в легких окончательно иссяк, Томми сжал блокнот крепче и рванулся наверх. «Ну где, где же вода кончается? Не могу больше», – промелькнуло у него в голове.

Вторник, вечер

Темнота.

Командор Френч стоял на берегу моря. Он привел сюда мисс Лэрейси, и Райну, и Томпсона, и Чейза. Все смотрели на один из трех больших прожекторов серии ЕФ-7, в его лучах видны были ультракороткие волны и гамма-излучение. Другие два располагались дальше по берегу. Когда их включали, в воздухе появлялись тонкие ниточки, идущие от мобильных телефонов, микроволновых печей, антенн, рентгеновских аппаратов, ЛЭП и трансформаторов.

Френч посмотрел на часы – 22:17. Сквозь тяжелое гудение электрогенераторов пробивался шум моря. Рыбы, выброшенные на берег, влажно шлепали по песку. Кучи живности всех цветов и размеров росли, мешаясь с галькой и мириадами икринок мойвы. Порывы ветра приносили отвратительный запах. Командора передернуло. Рот наполнился слюной, из глаз потекли слезы. Утирать их Френч не стал, щеки высушил морской бриз. Будь у командора противогаз и полчаса времени, он непременно спустился бы к самой воде – получше рассмотреть гниющие груды. Многие виды рыб до сих пор в этих местах не попадались. В электрическом свете мелькали красные, синие и серебряные пятна. Райна стояла спиной к командору и что-то высматривала в волнах. С беспокойного моря задувало все крепче.

– Опять трупом запахло, – нарушил молчание Чейз.

Он смотрел на холм. Солнечный дом уже совсем перестал дымиться, рядом угадывался в темноте дом Критча.

Френч знал, о чем думает сержант. О мертвой девочке. Ее, наверное, уже увезли. А еще о жене, которой он сейчас так нужен. Когда он теперь попадет домой? Чейз представлял себе

некогда красивое детское личико. У кого хватит хладнокровия осматривать тело после пожара? Кого-нибудь да назначат.

– Это не трупом, это рыбьей тухлятиной, – отозвалась мисс Лэрейси.

Томпсон озирался, словно никак не мог понять, что он тут делает и чего надо опасаться.

Всем было не по себе.

Френч посмотрел на рыбозавод. Такая темень, что даже стен не видно. Только окошки светятся – заработало автономное питание. А в морозильной камере лежат мертвецы. Вот кому нет дела до людской суеты. Командор навел бинокль на южную гряду холмов. Над ней то и дело вспыхивали бело-синие зарницы. Его люди скоро закончат работу. Черное небо слилось с землей. Сплошная бесконечная чернота. Френч опустил бинокль и сказал в микрофон:

– Говорит командор Френч. Когда будете готовы? Голос, раздавшийся в наушнике, был раз в десять отчетливее, чем по телефону, отчетливее, чем звук самой дорогой стереосистемы, словно он раздавался прямо у Френча в мозгу:

– Еще десять минут, сэр.

– Доложите обстановку на море.

– Береговой патруль сообщает, что воронка по-прежнему в секторе семь.

Командор повернулся к доктору. В присутствии Томпсона он чувствовал себя спокойнее и увереннее. Если вся природа ополчится на людей и человечество внезапно ослепнет, всех спасет врач.

– Знаете, – сказал Томпсону Френч, – я все стараюсь убедить себя, что дело в электромагнитной турбулентности.

– А разве нет?

– Кто знает? Вы-то сами как думаете?

– Я лекарь. Мое дело – в потрохах копать.

– Так в потрохах тоже есть электромагнитные волны.

Томпсон промолчал.

– Помните, вы сказали, что пациенты в больнице потеряли волю к жизни. И что-то там насчет разрушения человеческого духа.

– Помню. Ну, и что из этого?

Френч сохранял непроницаемое выражение лица.

– Не знаю. – Он поднял бинокль.

Над холмами мелькали бело-синие искорки. Старушка громко сказала:

– Говорю ж вам, из-за духов это все! Мозги у вас что ль прокисли? Глаза разуйте! – Она потрясла кулачком. – Духи к любимым тянутся. А гадость, которая в воздухе, их не пускает. Уж я-то знаю. Как уберете ее, так все и наладится. Френчи, голубчик, у тебя же дар Божий! Так давай его в дело-то!

Томпсон переступил с ноги на ногу и прокашлялся.

Командор медленно опустил бинокль и с участливой миной посмотрел на мисс Лэрейси. Он сделал вид, что умилился старушкиным суевериям, хотя в душе понимал, что мисс Лэрейси права. «За то, чтобы все наладилось, не жалко любую цену заплатить», – подумал он.

Где-то далеко от берега над черными волнами разносился горестный плач. Все повернулись к океану.

Голос у Френча в голове снова ожил:

– Отражатели готовы, сэр.

– Давайте сразу с севера и с юга. – Командор повернулся к Несбитту: – Включить все ЕФ-7. Имейте в виду, что связь прервется.

Морские пехотинцы засуетились вокруг прожекторов, воздух прорезали три синих столба света, появились перекрещивающиеся красные лучи. Их густая сетка встала над морем непреодолимой стеной до самого неба. На холмах все ярче разгорались зеленым

гигантские диски. Красные нити заполнили все. Они отражались от людей, земли, утеса, дороги, воды, устремлялись ввысь и постепенно гасли. Между ними появлялись черные бреши. Через тридцать секунд сетка окончательно растворилась в ночном небе, в тишине стало слышно, как гудят мощные прожекторы.

– Выключить ЕФ-7, – крикнул Френч. Команда пошла по цепочке.

Три столба синего света погасли. Командор молча смотрел вверх. Остальные тоже подняли головы. Звезды вспыхнули ярче, начали пульсировать, а потом рассыпались в мелкую янтарную пыль. Пылинки собрались в лучи, сквозь них снова проступило звездное небо. Это не звезды рассыпались, как всем показалось сначала, это понеслись к земле потоки оранжевого света.

– Доложите, что видите в небе, – пробормотал в микрофон Френч. Как он и предполагал, произошел огромный выброс энергии.

Наушник молчал. Связь прервалась, а командор совсем об этом забыл. Тихо, даже фона не слышно. Френч вдруг особенно остро ощутил свое одиночество.

Над Уимерли кружились оранжевые хлопья. Они падали на пляж, принимали очертания людей. Их глаза пристально следили за группой на берегу, словно искали товарищей и родных. На секунду все замерло, а потом лучи помчались к домам. Они проходили сквозь стены, крыши и закрытые двери, разгорались ярче, бросали янтарные отблески на оконные стекла и зеркала.

Еще мгновение, и они, вылетев из домов, устремились на восток, к морю.

Наушник Френча внезапно ожил:

– В секторе семь – трехкратное усиление электромагнитной активности. Ветра нет, но волны достигли высоты, характерной для урагана. Сэр, наблюдаются молнии. Море как будто... расступается.

Подтвердилось то, чего Френч ждал, о чем знал и даже видел мысленным взором.

Командор смотрел на своих спутников. Они пока не догадывались о происходящем в ста километрах от берега. Мисс Лэрейси лукаво улыбалась, взволнованно потирала руки и напевала какую-то песенку. Старушка весело подмигнула Томпсону.

И снова голос:

– Зарегистрирована сейсмическая активность. Два балла по шкале Рихтера... Похоже, энергия стекается к воронке в море, сэр. По данным локатора, подземные толчки вызваны давлением мощного электромагнитного поля на дно океана.

Френч оглянулся на светящиеся зеленые диски. Может, они перестарались? Так и весь мир затопить недолго. Синей ракетой командор подал сигнал «выключить отражатели», бросил ракетницу на песок и посмотрел на холмы в бинокль. Потом вытянул руку вперед, словно ощупывая перед собой воздух.

– Сэр! Гамма-лучи и ультракороткие волны направлены в открытое море. Турбулентность растет.

Второй голос поправил:

– Это не лучи. Это духи, которые не могли найти своих родных.

Диски на холмах погасли, звезды тоже потускнели.

Френч опустил бинокль:

– Похоже, энергия долбит дырку в морском дне.

В наушнике продолжало тарыхтеть:

– Толчки достигли семи баллов, сэр.

Командор посмотрел на Томпсона, на сержанта, на мисс Лэрейси. Старушка перестала веселиться и теперь внимательно изучала мокрые камни под ногами. Камни шевелились, с треском ударяясь друг о друга. Ветер крепчал. Где-то внизу глухо зарокотало, земля дрогнула. Френч чуть не потерял равновесие и схватился за мисс Лэрейси, но старушка не удержалась на ногах и упала.

Выше по берегу раздался громкий звон бьющегося стекла, рухнул один из прожекторов.

Рокот стих. Томпсон помог мисс Лэрейси подняться.

– Уж и прилечь на минутку нельзя, – сказала старушка, взволнованно отряхиваясь. – Цела я, целая. Не тревожься.

– ЕФ-7 номер три вышел из строя, сэр, – доложили по радиации.

– Потери есть?

– Нет, сэр. Направляюсь к вам.

Они помолчали, слушая, как волны с ревом накатываются на пляж. Высоко в небе раздались пронзительные птичьи крики. Странно. Перед бедствием ни чайки, ни вороны так себя не ведут. Один за другим люди поднимали головы. Крики, хлопанье крыльев. Тьма пробудила все живое. Над водой снова разнесся безысходный человеческий плач.

– Кто же это? – прошептал Френч. Метрах в пятнадцати от берега с воды снялась огромная птичья стая. Море вскипало стаями экзотических рыб, они вылетали из волн и бросались на берег.

В воздухе было так тесно, что крылья били по крыльям. Горизонт заслонила сплошная черная стена. Птицы выхватывали из воды добычу, и вскоре у берега не осталось ни одной рыбы. Голос в наушнике Френча доложил:

– Цунами, сэр.

Люминесцентные лампы начали мигать, заливая больничные коридоры синим потусторонним светом, очень подходящим для этого места.

Ким обеими руками вцепилась в край пластмассового больничного кресла. «Ничего, – сказала она себе, – ничего, ничего». Ким посмотрела на двери реанимационной палаты, потом на Джозефа. Его лицо на секунду скрылось в темноте, и лампы снова зажглись.

– Ты видел? – спросила она.

– Что? – не понял Джозеф.

Свет вспыхнул ярче. Ким и Джозеф, щурясь, подняли глаза к потолку. Лампы опять мигнули. Ким схватила мужа за руку в ту самую секунду, когда коридор окончательно погрузился во тьму.

– Джозеф!

В дальнем конце коридора загорелся знак выхода.

– Ну все! – Джозеф вскочил. – Пошли.

Он потянул Ким за собой, подбежал к дверям бокса и яростно надавил на кнопку звонка. В проходе появилась медсестра, Джозеф протиснулся мимо нее в палату. Вторая медсестра взволнованно суежилась. Она нажимала на кнопки, переключала тумблеры, проверяла мониторы и аппараты искусственного дыхания.

– Где Тари? – крикнул Джозеф.

– Я не знаю, – ответила Ким, хотя и понимала, что вопрос адресован не ей. На кровати Тари лежал лысый старик, на соседней – пожилая женщина. В следующей палате они нашли темноволосого мужчину лет сорока и ребенка. Ребенка, которого Ким узнала бы в любой толпе. Сердце матери наполнилось любовью, и горем, и желанием во что бы то ни стало защитить свое дитя.

– Вон она.

Родители бросились к кровати. Медсестра вошла следом и попыталась выставить их вон:

– Девочка только что из операционной! Подождите за дверью...

Джозеф с такой силой рывкнул: «Тихо!», что женщина отпрянула и выскочила из палаты.

– Тари! – позвал он и взял дочь за руку.

Лицо девочки было спокойным и равнодушным. На груди тускло белела в полутьме марлевая повязка.

– Тари, – прошептала Ким.

– Доченька, – сказал Джозеф. На детской ладошке еще виднелся полустертый рисунок

фломастером: водоворот, голова чудовища и лодка, в которой сидят мужчина и женщина. – Я люблю тебя. – По лицу Джозефа бежали слезы, он наклонился ниже. – Я люблю тебя, доченька.

Ким смотрела на мужа и думала: «Что же с тобой было, Джозеф? Что?»

– Тари! – Он не унимался. – Ты меня слышишь? Тари!

Ким тоже взяла дочь за руку:

– Тари!

– Тари! Это папа.

– Тари, зайчика! Это мама.

– Тари!

– Тари!

Командор Френч говорил в микрофон:

– К нам идет цунами. Скорость пятьдесят пять узлов. Зона поражения – северо-восточная часть острова. На эвакуацию населения осталось около тридцати минут. Высылайте транспорт и вертолеты. Все, какие есть. Как поняли?

Несбитт и О'Тул прижимали к песку карту, третий матрос, Крокер, разговаривал с мисс Лэрейси. Она рассказывала ему о том, как раньше каждую осень ходила с родителями в лес собирать голубику и сколько вкуснятины они брали с собой.

– Эвакуировать весь район от Утейшина¹⁰ до бухты Благоу-Вест. Вертолеты направить в Порт-де-Гибль к больнице и дому престарелых. Пациентам сообщить, что их переводят в другое место для обеспечения безопасности. О том, что меры экстренные, пока не сообщать. Установить связь с другими больницами и немедленно приступить к эвакуации. Как поняли?

– Сэр, может быть, и сюда вертолет вызвать? – спросил Несбитт.

Френч словно вдруг очнулся. Ночь. Он посмотрел на людей, ожидавших его решения.

– Мы все, за исключением мисс Лэрейси и Райны Прауз, будем эвакуироваться в последнюю очередь.

Райна уже давно стояла у самого края воды и смотрела в море. Что она там искала?

– Как только из города вывезут всех гражданских, мы поедem в больницу на машинах.

– Простите, сэр, но ведь у нас всего тридцать минут. Уезжать надо немедленно.

Френч посмотрел в глаза Несбитту. Парень очень волновался. Сейчас это был не морской пехотинец, а обычный мальчишка, у которого впереди вся жизнь и которого ждут дома. Командор оглянулся на двух других матросов. Тоже совсем зеленые.

– Здесь остались люди. Вы должны их вывезти. Улицы патрулировали? Где искать, знаете. Дом Мюррея. Дом Катленда. Дом Грининга. Остальные тоже проверить. Кругом.

Матросы бросились выполнять приказ. Только Несбитт задержался и спросил:

– Разрешите остаться и обеспечить безопасность командора, сэр.

– Не разрешаю. Возьмите джипы и прочешите район. Всем гражданским объяснить, что нужно ехать на юго-запад к Сальмонэру. Если надо, рассказывайте о цунами. Стойте на своем, требуйте, чтоб уезжали немедленно.

Он посмотрел на рыбозавод. У входа зажглись фары. Три машины одна задругой помчались вдоль бухты на запад. Френч только сейчас сообразил, что настроил микрофон на передачу по всем каналам. Словно хотел завопить на весь мир.

Метрах в десяти от берега в воздух поднялась белая пена, будто что-то тяжелое обрушилось в воду. Утес содрогнулся: в него ударила огромная волна и откатилась назад, унося гранитную глыбу.

– Вызвать вам грузовик, сэр? – спросил Несбитт.

– Некогда. Все грузовики на главной базе.

¹⁰ Heart's Content – город на Ньюфаундленде.

– Тогда разрешите вернуться за вами, когда предупредим жителей?
– Хорошо. Идите.
– Спасибо, сэр. – Несбитт взял под козырек и скрылся в темноте. Крокер и О'Тул последовали за ним.

Мисс Лэрейси поджала губы и подозрительно посмотрела на Френча:

– Это что еще за сунами такие?
– Большая волна, – осторожно ответил Френч.
– А... – протянула старушка, с тоской глядя в открытое море. – Так это прилив начинается.

– У меня жена в Порт-де-Гибле, – произнес сержант и кивнул головой на огни с другой стороны бухты.

– Она там одна? – спросил Френч.
– Да, сэр. Да ей вдобавок нездоровится.
– Хорошо. Поезжайте к ней и отвезите в больницу. Там будут ждать вертолеты. Заодно возьмете доктора Томпсона, Райну Прауз и мисс Лэрейси.

– Да, конечно. – Чейз повернулся к Томпсону. Доктор покачал головой:
– Я пока тут побуду. Вдруг медицинская помощь понадобится? – Он повернулся к командору: – За нами ведь прилетят?

Френч кивнул:

– Да, уже скоро.
– Тогда можно и здесь подождать. – Томпсон посмотрел на огни Порт-де-Гибля. К ним тихонько подошла Райна.

Сержант Чейз хотел подать руку мисс Лэрейси, но старушка сердито отпрянула.

– Ступай, ступай. Я дом свой не брошу, и не думай. Ты лучше, милый... обними-ка меня покрепче. Так обними, чтоб другим завидно стало. – Она раскрыла объятия, сержант шагнул навстречу. Мисс Лэрейси похлопала его по спине. – Духи голос подали, – сказала она тихо. – Хорошее дело.

– Ладно, пусть остается, – согласился Френч.
– Я пока с мисс Лэрейси побуду. – Райна взяла старушку за руку и рассеяно посмотрела на море, словно услышала какой-то шум.

Чейз оглядел собравшихся и ушел.

– Вам тоже надо ехать, – сказал Томпсону Френч. – В вертолете может не хватить места.

– Да что-то мне не хочется. – Доктор грустно улыбнулся и поднял брови. – Тут так интересно...

– Не валяйте дурака. У вас ведь машина есть? Вот и поезжайте.

– Врачу, исцелился сам...

Теперь уже улыбнулся Френч:

– Вот именно.

Доктор задумался.

– У меня вообще-то домик есть в Тавро.¹¹ – Он повернулся к мисс Лэрейси: – Давайте, я вас с собой возьму. А когда все...

– Хоть ты тресни, никуда я с этого места не сойду, паря. Да я сроду дальше Порт-де-Гибля нигде не была. Подумаешь, плеснет водичкой. Что ж теперь, в бега ударяться?

– Так плеснет-то не слабо.

– Чихала я на вашу волну. Что она мне сделает? Ну, подмокну маленько. Так я на веревке просушусь.

Томпсон взглянул на командора. Тот кивнул, показывая, что приглядит за старушкой.

¹¹ Horsechor – поселение на Ньюфаундленде.

– Всех, кому нужна будет медицинская помощь, заберут на вертолете, – успокоил Френч доктора. – Поезжайте. Нам тут калеки не нужны.

– Неполиткорректно выражаетесь, господин военный! – Томпсон протянул руку командору. Френч крепко пожал ее.

– Удачи, – сказал доктор.

– И вам семь футов под килем, – усмехнулся Френч.

– А хватит? – Томпсон тоже улыбнулся.

– Не сомневайся, красавчик, – хихикнула мисс Лэрейси.

Доктор положил руку ей на плечо.

– Берегите себя.

– Да уж постараюсь, док, будь покоен.

Томпсон повернулся и на негнущихся ногах пошел по берегу. Палка то и дело соскальзывала с камней. Добравшись до тропинки к шоссе, он оглянулся. Френч крикнул:

– Вам помочь?

Доктор махнул рукой, упрямо заковылял дальше и вскоре скрылся в чернильной мгле. Заработал мотор, вспыхнули фары.

Райна снова подошла к воде, нагнулась и потыкала мокрой палкой в только что выброшенную на песок разноцветную рыбу. Мисс Лэрейси набрала полную грудь свежего морского воздуха, повернулась к командору и сказала:

– Как насчет чайку да булочки с изюмом, а, Френчи?

Командор хмыкнул. Сколько времени осталось? Когда конец? Зашуршала галька, кто-то шел по берегу. Френч повернулся. В круг света от аварийных фонарей вошел человек, промокший до нитки.

– Томми Квилти, – взвизгнула мисс Лэрейси и перекрестилась. – Святые заступники!

Райна завопила от счастья. Сияя, она бросилась Томми на шею и поцеловала в губы. Томми зарделся как рак.

– Я знал, что ты тут. – Он прижимал к груди мокрый блокнот.

– Ну, паря, ты нас и удивил! Вот радость-то! – широко улыбаясь, заявила мисс Лэрейси.

Джип летел по дороге. Впереди засияли окна Уилфа Мюррея. Машина затормозила. О'Тул остался за рулем, Крокер – на заднем сиденье, а Несбитт побежал в дом и объявил собравшейся там веселой компании, что нужно немедленно уезжать. В ответ раздался хохот. Даже тарелки в буфете запрыгали. Никто своих домов покидать не собирался. «Всякая сопля приезжая нам указывать будет», – проворчал какой-то старикашка.

В доме было полно детворы. Несбитт совсем растерялся и рассказал о цунами. Нужно вывезти хотя бы детей. Над ним снова посмеялись, но уже не так дружно. Молодежь начала переглядываться.

– Я умоляю вас! – в отчаянии закричал Несбитт. Смех сразу стих.

– Вон из моего дома! – взревел Уилф Мюррей. – Плевать мне на прилив и на самого черта со сковородками.

Все посмотрели на Несбитта. Матрос выключил рацию.

– Поймите, – сказал он. – Я точно знаю, что идет цунами, я точно знаю, что вы погибнете. Знаю!

Уилф Мюррей оглядел юношу с головы до ног.

– Э! Паренек-то, похоже, судьбу читает, – произнес он.

Кто-то хихикнул и покачан головой, остальные задумались.

– Уезжайте, – твердил Несбитт, разглядывая носки собственных ботинок и деревянные доски под ногами. – Дом вот-вот накроет.

Старик поглубже надвинул бейсболку, задумчиво взглянул на парня ярко-синими глазами, будто слушал, что подскажет ему внутренний голос, и слегка кивнул.

– Он дело говорит, – сказал Уилф. – Поехали.

Все тут же встали, загомонили, задвигали стульями, женщины начали собирать детей.

Наконец, толпа высыпала на улицу. Люди рассаживались по машинам и заводили моторы. Несбитт вышел на крыльцо. Небольшая компания задержалась во дворе, обсуждая что-то перед отъездом.

Последними уходила чета Мюррей. Уилф подал руку жене, миссис Мюррей пошатнулась, переступая через порог родного дома.

– Худеть пора. – Она грустно улыбнулась.

В прихожей осталась гореть керосиновая лампа.

– Надо бы лампу погасить, – предупредил Несбитт.

– Мы всегда оставляем в доме свет, – твердо ответил старик и подмигнул парню.

Матросы убедились, что всем хватило места в машинах, и поехали дальше, к дому Брена Катленда. Из открытой настежь двери лилась музыка, играли на скрипке и аккордеоне. Несбитт и здесь говорил с жаром. Компания нехотя погрузилась в автомобили.

Последний дом принадлежал Хани Грининг. Тут не горели теплым светом керосиновые лампы и фонарики. Только в одном окошке мерцала одинокая свеча. Несбитт подошел к красной входной двери, с досок хлопьями осыпалась краска. На стук никто не отозвался. Матрос повернул прохладную медную ручку и просунул голову в щель.

– Эй, – позвал он.

Тихо.

Несбитт помрачнел. Он вошел в прихожую. Слева на полу лежали отблески света. Все звуки стихли, еще когда он постучался. Матрос заглянул в комнату. На столе горела свеча. Пять человек собралось в круге света. Все молчали. Несбитту стало жутко, он прислонился к косяку. Четверо у стола. Еще один, кажется, ребенок, сидел на корточках в углу. Здесь явно ждали дурных вестей. У Несбитта подкосились ноги, он вдруг понял, что эти люди уже знают свое будущее.

Самая старшая женщина с прямыми седыми волосами и лицом, казавшимся в полумраке пепельным, подняла голову и бесстрашно посмотрела юноше в глаза. Она первой нарушила молчание:

– Сидим вот, истории друг дружке рассказываем.

Голос у нее шелестел, словно осенний ветер сухими листьями. Остальные придвинулись к столу и дружно закивали. Косоглазый молодой человек с кривыми зубами и головой, похожей на яйцо, утвердительно замычал и яростно потер рукой нос.

Человечек в углу оказался вовсе не ребенком, а взрослым мужчиной. Руки и ноги у него были скрюченными, на лице лежали тени. Неожиданно он запел сдавленным голосом:

Я хвастаться не буду, но я видал шторма,
Когда борта трещали и лопалась корма.
Я не ходил в героях, которым черт не брат,
Но трусом тоже не был – спросите у ребят.

Везли домой однажды мы восемь тонн трески,
А ночь, слепая стерва, задула маяки.
Я отстоял полвахты, на море – ни огня.
И вдруг могильной стужей дохнуло на меня.

Того, что я увидел, не позабыть вовек.
На палубу шагнули двенадцать человек.
Ни шороха, ни слова в ночи не раздалось,
Когда они явились, промокшие насквозь.

Не видела команда, не видел капитан,
Как наше судно гости направили в туман.
В обход морских ловушек они нас провели,

И вот перед рассветом маяк сверкнул вдали.

Как только стала таять над морем чернота,
Вся дюжина шагнула обратно за борта.
Кабы не эти парни, восставшие со дна,
Была бы нам могилой морская глубина.

Когда-то их корабль на рифы налетел,
И вынесло на отмель двенадцать мертвых тех.
Я в призраков не верил. Я верил парусам.
Я в призраков не верил, пока не встретил сам.

Несбитт окаменел. Человечек встал и заковылял к столу. Старуха бесшумно поднялась со своего места и поплыла к полке над дровяной плитой, где стоял второй подсвечник. Наклонилась над золотистым пламенем, морщины пропали, женщина показалась вдруг Несбитту совсем молодой. Она задула свечу, лицо сразу окутала тьма.

Женщина снова села. Все взялись за руки и стали выжидающе смотреть на последний огонек в центре круглого стола.

– Ист-тории р-раск-казываем, – заикаясь, произнес яйцеголовый. Он гордо улыбнулся, обнажив гнилые зубы. Крепкая молодая женщина с копной медных волос, рассыпавшихся по плечам, и плутоватым взглядом прижала его голову к своей груди и нежно погладила макушку.

– Т-с-с, – сказала она. – Вот и конец истории. Видишь, нас уже матрос первой статьи Несбитт нашел.

Несбитта затрясло. Он не решился спросить, откуда женщина знает, как его зовут.

Люди за столом смотрели на пламя, словно просили о чем-то. Они одновременно подули на свечу, огонек разделился на пять желтых искорок и погас.

Несбитт успел заметить, как человечек снова уселся в углу, пристально глядя из-под набрякших век. Матроса окутала непроглядная тьма. Сердце его заколотилось, он ждал, что в него сейчас вцепятся чьи-нибудь когти. Несбитт тихонько отступил назад, споткнулся и опрометью бросился вон. Он пронесся через двор и прыгнул в машину.

– Уезжают? – спросил О'Тул. – За тобой что, привидения гнались? Ты чего такой зеленый?

– Там пусто. – Несбитт покачал головой. – Поехали.

– А дверь входную за собой не хочешь закрыть? – пробасил с заднего сиденья Крокер.

– Поехали. Поехали!

По нижней дороге в сторону потроширского шоссе тянулись легковушки и пикапы. Они, судя по всему, направлялись к основной трассе на Сент-Джонс. Матросы огляделись. Больше свет нигде не горел.

Убедившись, что задание выполнено, они вернулись за командором Френчем, но на берегу уже не было ни души. Генераторы, прожекторы и ЕФ-7 одиноко чернели на покинутом пляже. Из-за туч над утесом показалась огромная луна, она осветила армейское оборудование и яркие тушки выброшенных на песок рыб. Отчаянно били плавники, с неба камнем падали птицы, громко хлопая мокрыми крыльями, и взмывали ввысь с добычей в острых клювах.

Несбитт снова включил рацию.

– Долина Уимерли эвакуирована, сэр.

– Несбитт, мы ушли с пляжа и направляемся к автобусу Томми Квилти. Прием.

– Вас понял, сэр.

– Мы займемся эвакуацией тех, кто живет дальше к западу.

– Понял, сэр. Так точно, сэр.

– Поезжайте на запад и гоните что есть духу. Как поняли?

– Есть, сэр.

Томми раньше работал водителем школьного автобуса, но его отстранили, потому что он очень любил детей и все время их обнимал. Просто ничего не мог с собой поделать. Томми смотрел на маленькие курточки и кепочки, на невинные глазенки, на то, как неуклюже малыши карабкаются по ступенькам автобуса, и ему страшно хотелось их расцеловать. Ведь они такие милые, от них исходит такой ровный желтый свет. И Томми стискивал ребячью в объятиях. Он точно знал, что в мире нет ничего прекраснее этих детишек. Они придавали ему сил. Но однажды совет школы постановил, что Томми должен уволиться. От родителей поступали жалобы, все боялись Томми и полагали его ненормальным. Председательница совета позвонила Томми и сказала, что раньше такое поведение считалось вполне естественным, а теперь мир изменился. Нельзя трогать человека, пока он об этом не попросит.

– Даже дружески? Даже если вы друг другу рады? Все равно нельзя? – спросил тогда Томми.

– Нельзя.

Ответ поразил его своей жестокостью.

С тех пор прошло пять лет. Целый год автобус ржавел во дворе, пока местный священник не поручил Томми развозить прихожан из клуба по домам после игры в лото или в карты. В остальное время автобус стоял на приколе. Томми каждый день следил, чтобы в нем не поселились мыши и белки.

Странно было сидеть за рулем ночью в мокрой одежде. Холодная тяжелая ткань противно липла к телу. Еще чуднее было то, что в затылок дышал молчаливый морской пехотинец. Вечером Томми обычно отвозил земляков в клуб. А теперь автобус понадобился для спасения людей от опасности, которой Томми не понимал, но чувствовал печенкой. Рядом с военным на сиденье лежал мокрый блокнот. Краски потекли, рисунки совсем стерлись, на слипшихся страницах остались только цветные разводы.

Томми несколько раз повернул ключ зажигания. Слава богу, завелся!

– Поехали, – крикнул командор.

Томми взглянул в зеркало заднего вида, взялся за мелко дрожащий рычаг передач и подумал о мисс Лэрейси. Старушка наотрез отказалась ехать в Порт-де-Гибль. Ее дом здесь, и пусть ее не уговаривают. Френч сказал, что времени на препирательства нет, и тогда Райна решила остаться с мисс Лэрейси, чтобы составить ей компанию, пока командор не прилетит за ними на вертолете.

По щекам Томми катились слезы. Он ужасно боялся за своих друзей. Одежда постепенно подсыхала и стягивала кожу. Вот бы переодеться в сухое! Томми чуть не зацепил свой фургончик, но все же сумел вывернуть на дорогу. Он включил вторую передачу. Машина попала колесом в колдобину, пассажиров подбросило, мотор взревел.

– Я вышлю за ними вертолет, – громко сказал Френч, будто почувствовав настроение Томми. – Нам надо проверить, что здесь никого больше не осталось. Это очень важно.

Томми вытер глаза кулаком. Он знал, что дома вдоль дороги уже опустели, но не стал говорить об этом командору: не хотел соваться в чужие дела. Томми подумал, что если бы он поговорил со всеми больными в Порт-де-Гибле, они бы поправились, и ничего бы этого не случилось. Все-все – и морские чудовища, и возвращение мертвецов, – все это из-за людей, которые не могли дышать. Томми рисовал их и понял, что они потеряли часть себя. Эта часть оторвалась от них и цветными каплями утекла в воду, туда, откуда вышло все живое. А теперь эта часть должна вернуться, и тогда больные поправятся.

– Дело в энергетических полях, – сказал командор.

Автобус раскачивался и подпрыгивал на кочках.

«Вот интересно, Френч сейчас со мной говорит или по радио?» – подумал Томми.

– Духи состоят из энергии, и теперь она концентрируется. – Командор наклонился вперед и попытался заглянуть Томми в лицо, как будто считал мнение художника очень

важным. – Береговой патруль доложил, что позади волны наблюдается оранжевое свечение. Вполне вероятно, что это и есть та самая энергия, которая на наших глазах двинулась в сторону моря. – Френч осекся. – То есть не на наших... Скажем так, некоторые ее видели. А ты?

– Ага.

– Может, это энергия духов с рыбозавода? Как ты думаешь?

Томми пожал плечами. Автобус угодил колесом в здоровенную яму, в животе все смешно перевернулось. Так иногда бывало, когда Томми возил детишек в школу. Он улыбнулся, вспомнив, как разгонялся перед каждой рытвиной. Ребятишки сзади вопили от счастья, и Томми смеялся вместе с ними.

– Мисс Лэрейси мне рассказала, что в детстве тебя украли феи. Это правда?

– Чистая правда, сэр.

– И ты ясновидящий?

– Ага.

– Как ты думаешь, могут духи поднять волну? Томми снова рассеянно пожал плечами и тихонько ответил:

– Я думаю, там, в море на дне есть дыра. Они туда возвращаются и ныряют прямо в водоворот.

– В какой водоворот?

– Ну, в центре дыры.

– И где же эта дыра?

– А прямо под водой.

– Как под водой?

Томми оглянулся на промокший блокнот, закусил губу и решил помолчать. Хорошо бы показать этому военному рисунки. Те, на которых изображены трещина в дне океана и оранжевые лучи, которые в нее ныряют. Может, тогда поймет.

– Так что там под водой?

Томми глянул в зеркало. Командор напряженно ждал.

– Все, – ответил Томми.

Френч непонимающе посмотрел сначала на него, потом в окно.

– Стой. Надо осмотреть этот дом.

Томми затормозил. Руки на руле сильно дрожали. Он кивнул, хотя и знал, что Френч просто теряет время. Если постоянно останавливаться, они никого не спасут и ничего не добьются. Только пропадут зазря.

Луч фонарика скользил по чисто вымытому полу Дагова сарая. К счастью, на этот раз никакой трески тут не было. И привидений не было. И русалки, посылавшей воздушный поцелуй. Даг почти совсем успокоился. Свой генератор он мог найти с закрытыми глазами. Старик уверенно пошел вперед.

Дом стоял высоко на холме, отсюда открывался прекрасный вид на городок и на Порт-де-Гибль по ту сторону бухты. Даг видел, как армейский джип промчался по улицам Уимерли и остановился сначала у дома Уилфа Мюррея, потом у Брена Катленда, и, наконец, у Хани Грининг. Вскоре начался массовый исход. Все бежали из города, словно стайка очумевшей от страха детворы. Когда джип притормозил на Хрыч-лейн, Даг выключил фонарик, шикнул на Колючку и затаился. Мимо. От этих солдат одни неприятности. Слава тебе господи, он их перехитрил. В доме снова воцарились мир и покой.

Колючка терпеливо сидела у ног. Старик поставил генератор на траву у стены сарая. Отец, помнится, всякий раз ругался, когда видел какое-нибудь техническое приспособление. «На кой сдалась эта фигулина?! Чтоб мужик работать перестал, усох и в блоху превратился?». Отец презирал инструменты, которые облегчали тяжелый физический труд. Когда ему показали электрооткрывалку для консервов, он загнул такое, что самому Дагу тошно стало. «Триста тысяч дохлых акул и двадцать пять каракатиц! – бушевал отец. – У вас

что, руки в заднице по плечи? Скоро в носу поковырять без машинки не сможете! Ну конечно, мы ж теперь шаманы, над кнопочками колдуем! Нам мужицкая работа не к лицу!»

Даг проверил, сколько осталось бензина. Полно до краев. Он так и думал. Старик неукоснительно следил за тем, чтоб запасы горючего не иссякали, а потому точно помнил, когда в последний раз заливал бензин в генератор. Три недели назад. Лежал он себе в постели и никак не мог понять, что же его так беспокоит. Тут-то Даг и сообразил, что не долил горючки. В тот день он распиливал бревна электропилой и складывал чурбаки в поленницу, чтобы просохли на летнем солнышке. Сложить-то он сложил, а вот бак заново не наполнил. Так и не смог уснуть. Пришлось посреди ночи в сарай перетянуться. Все лучше, чем ворочаться до утра.

Даг дернул за шнур и замычал какой-то веселый мотивчик.

– Гляди, собака, – с пол-оборота запустил, – гордо сказал он Колючке.

Старик вынес из сарая прожектор мощностью в полтора киловатта и сунул вилку в генератор.

– Вот черт, – сердито пробормотал он. – Чего ж так ярко-то?

Белый электрический свет слепил глаза. Колючка встала и перешла на другое место, подальше от прожектора.

Даг вернулся в сарай за краской и новой кистью – специально купил для такого случая. Когда он вышел, Колючка пристально смотрела на огромные колеблющиеся тени на стене и тихонько скулила. Вот дурында, это ж просто мотыльки на прожектор слетелись.

Старик нагнулся и отверткой вскрыл банку. Осторожно, чтобы не перепачкаться, отложил крышку и окунул кисть в краску. Это вам не белила какие-нибудь, которые в чешую превратятся через пару лет! Это настоящая краска, укывистая. А цвет какой! Даг провел кистью по сухим доскам сарая и полюбовался на свою работу. «Стена будет – загляденье», – сказал он сам себе. Теперь никто не скажет, что Даг Блеквуд лентяй, уж это точно. Старик довольно кивнул и принялся за дело.

– Ну, как, а, Колючка?

Лайка, не отрываясь, смотрела, как растут и пляшут тени. Она снова заскулила и повернула морду к океану.

– Да что с тобой такое, девочка? – спросил Даг. Тени увеличивались, мотыльки тысячами слетались к прожектору. Вскоре они облепили стекло, и стена утонула во мраке.

Навстречу автобусу тянулась бесконечная вереница машин. Томми подъехал к больнице. Волна должна была ударить минут через пятнадцать. В семи домах, у которых они с Френчем останавливались по дороге из Уимерли, никого не было. На краю автостоянки в два грузовых вертолета марки «Лабрадор» и «сикорски» забирались пациентки. Из-за треска лопастей Френч совсем перестал слышать рацию. Лица у женщин были растерянные, но паники не было. Все двигались слаженно и быстро.

– Больных с нарушением дыхания уже эвакуировали? – спросил Френч в микрофон.

Ему никто не ответил. Командор подождал, потом прижал наушник пальцем. Томми стоял рядом с автобусом и смотрел, как заспанные пациентки в пижамах или ночных рубашках шаркают тапочками по асфальту. Некоторое сами катили свои кислородные баллоны, многие несли книги и журналы. Одна из девушек, бледненькая, лет двадцати, в огромных наушниках, прижимала к животу плеер. У ворот автостоянки двое солдат регулировали движение машин, выезжавших на шоссе.

– Что там – уснули? Говорит командор Френч!

Томми волновался все сильнее. Он немного побродил кругами, потоптался на месте и, наконец, собравшись с духом, направился к больнице.

Френч двинулся следом. В наушнике раздался еле слышный голос:

– Нет, сэр. Пациенты с нарушением дыхания лежат на шестом этаже, а мы пока эвакуируем пятый.

– Вас понял. – Они с Томми обогнули несколько машин скорой помощи у главного

входа и подошли к двойным дверям приемного покоя. – Женщин всех вывезли?

Тишина. Френч и Томми вошли в пустой вестибюль. С одежды Томми все еще текла вода, кроссовки булькали при каждом шаге. К груди он как всегда прижимал блокнот.

– Повторяю вопрос. Женщин всех вывезли?

Лифт поднял их на шестой этаж. Двери раскрылись, и Томми уверенно показал на одну из палат в самом конце коридора. Он прибавил шагу, но руки так и не опустил. Френч не отставал. Навстречу им солдаты вели под руки больных. Вдоль стены на кроватях лежали люди. Протиснуться оказалось не так-то просто. Медсестра, заполошная толстуха, испуганно уступила дорогу.

– Я не уверен, что всех, сэр. У меня пока недостаточно данных.

– Вас понял... Эй, ты куда? – окликнул художника Френч, но Томми, не оборачиваясь, вошел в одну из палат.

Он тут же уселся на стул рядом с кроватью, посмотрел на лежащего и с деловым видом начал что-то ему говорить. Френч вытащил другой стул на середину комнаты и подозвал Томми, похлопав рукой по сиденью.

– Садись-ка ты лучше тут.

Томми озадаченно посмотрел на командора, потом вдруг широко ухмыльнулся и перебрался в центр палаты. Он опять посерьезнел, прокашлялся, оглядел все койки в комнате и заговорил неестественным деревянным голосом, словно в пьесе играл:

– Вышел я как-то в море на лодке. Погода – просто загляденье, и бури не обещали. Закинул я удочку: треску, значит, ловлю. – Он улыбнулся своим мыслям. Двое больных повернули головы к Томми, ожидая продолжения.

Внезапно улыбка на лице Томми погасла, он взволнованно посмотрел на свои серые кроссовки.

– Тут как потемнеет! Как будто солнце погасили. А на небе ни облачка. Шум поднялся – ни дать ни взять река ледоходит. Оглядываюсь – море на горизонте дыбом стоит. Волна с гору. И на меня. А я даже пальцем пошевелить не могу от страха. В жизни такого не видал. Сижу и таращусь. Жду, что будет.

Еще четверо зашевелились на своих постелях и повернули головы к Томми.

– Все, думаю. Крышка. Кругом совсем почернело, волна уже до неба поднялась. А потом... – Томми перевел дух. Все взгляды в палате были прикованы к нему, – ... потом пропала. Как не было. Такие вот дела, ребята. – Последние слова Томми почти прошептал. Повисла тишина. Стало слышно, как ходят поршни в аппаратах искусственного дыхания. – Так и не знаю, было это или не было. Может, помстилось мне, и не выходил я ни в какое море...

Кто-то закашлялся, видно пытался заговорить, но дыхательная трубка не дала, остальные просто кивали. Томми с ногами вскарабкался на стул. С мокрой одежды натекла порядочная лужа и поползла к железным ножкам кроватей. По палате распространился запах водорослей, и глаза у больных тут же прояснились. Через миг в окно, не замечая стекла, влетели шесть оранжевых лучей и исчезли в головах у пациентов.

В наушнике раздался голос:

– Движение цунами замедляется, сэр. Давление внутри – 20 гектопаскалей. Скорость упала до сорока семи узлов. Волна достигнет берега на десять минут позже.

– Вас понял, – ответил Френч и повернулся к Томми: – Теперь куда?

Томми прыгнул на пол, улыбнулся и показал пациентам большие пальцы.

На другой стороне коридора, в женской палате никого не оказалось. Аккуратно застеленные койки. Взбитые подушки.

Толстуха-медсестра вплыла следом за Френчем и Томми: узнать, чего надо этим «посторонним».

– А где больные? – начальственным тоном спросил командор.

– Ваши забрали, – с вызовом ответила медсестра. – Женщин первым делом вывели.

– А в мужских палатах еще кто-нибудь остался на этаже?

– Дальше по коридору. Мы их к эвакуации готовим. Посещения запрещены.

Френч кивнул Томми, и они пошли в следующую палату. Томми снова сел в центре и рассказал историю, но уже другую, более подходящую, по его мнению, для данной аудитории. И снова больные пришли в себя.

Френч, привалившись к дверному косяку, смотрел на старика, что лежал ближе всех к выходу. Губы больного дрожали, пальцы постукивали по одеялу. Старик не сводил с Томми огромных, черных как смоль глаз. На бледном лице они казались двумя чернильными кляксами. В глянцевых зрачках отражалась лампочка. Старик тряхнул головой, глаза его начали светлеть и стали голубыми. Оранжевый луч бесшумно прошел сквозь стекло и исчез во рту больного. Старик устало улыбнулся, кивнул и задремал.

– Сэр! Давление – 15 гектопаскалей, скорость – тридцать девять узлов. Волна достигнет берега примерно в двадцать три часа сорок семь минут.

– Их болезнь и создает волну, – отрешенно прошептал Френч. – Это духи.

– Повторите, сэр.

Командор стряхнул с себя оцепенение и оглянулся. Томми уже ушел. Френч кинулся в соседнюю палату. Томми важно сидел на стуле, для пущего эффекта размахивая руками и мокрым блокнотом. Теперь его голос звучал уже вполне уверенно.

– Не бойся, ласонька, тут мы как у Христа за пазухой. – Мисс Лэрейси повесила керосиновую лампу на гвоздь и улыбнулась уютному язычку пламени. Райне пришлось пригнуться, чтобы не задеть головой низкую балку. Мисс Лэрейси стояла, выпрямившись во весь свой крохотный рост, наклоняться ей было незачем. – Эти доски любую волну удержат. – Она ткнула пальцем в потолок подвала, успокаивая Райну. – Они толстые, как кирпичи, и все щели просмолены. Отец у меня кораблем был. Он и дом такой построил, чтоб сплавлять можно было при надобности. Сам его сюда пригнал. Дом у нас путешественник.

На стоптанном полу стоял синий рундук, окованный медью, вдоль стены тянулись полки со всевозможными соленьями и вареньями.

– Я уж лучше вертолета подожду. Наверху. А то еще пропустим...

– Ну-ка, подвинь его, – велела Райне мисс Лэрейси.

– Этот ящик?

– Его.

Райна поднатужилась и попыталась сдвинуть рундук с места. Старушка окинула пытливым взглядом потолочные балки. «Безопасность, – подумала она. – Каких только слов олухи не выдумают». Рундук отъехал сантиметров на пять.

– Здоров шкафец, ничего не скажешь. Я когда-то в этот подвал почему зря бегала, пока отец не запретил. Он-то сюда этот гроб и приволок, чтобы я до сундучка своего не добралась. А там у меня все. Все, что сердцу мило.

Райна уперлась ногами, крикнула и снова налегла на рундук. Между ним и стеной обнаружился полированный деревянный ящичек.

– Уф, чуть пупок не развязался! – пропыхтела она, с трудом разгибаясь.

– Вот он сундучок мой волшебный, – гордо сказала мисс Лэрейси. – Тоже отец сработал. Чистый палисандр. Это дерево самое лучшее. И гладкое, и прочное, и каждое колечко на нем видно. Так Урия говаривал. А сам он это от моего отца узнал. – Старушка наклонилась, любовно погладила полированную крышку и открыла сундучок.

Внутри лежала мужская одежда. Синий свитер, несколько пар брюк, серых и коричневых, и носовые платки. Все было аккуратно сложено. Мисс Лэрейси взяла один из платков с вышитыми краями.

– Сама вышивала. Для Урии. – Старушка подняла свое сокровище повыше, чтобы гостья могла его разглядеть.

– Вещица что надо, – сказала Райна. Она рассеянно сжимала и разжимала кулаки, переминалась с ноги на ногу и поглядывала в потолок. – По-моему, это... Шумит, вроде...

– Рано еще полошиться. Сегодня костлявая не тебя караулит.

Старушка положила платок обратно и выудила синий свитер. Он пах шерстью, нафталином, которым когда-то мисс Лэрейси заботливо пересыпала все вещи, и хранил тепло давно погибшего хозяина. Мисс Лэрейси застыла, с головой погрузившись в сладкие воспоминания.

– Матушка Урии всю его одежду мне отдала, мы ведь с ним обручены были.

Шум над головами стал громче, стены слегка задрожали. Райна кинулась к лестнице, остановилась на полпути и протянула мисс Лэрейси руку.

Но бабушке было не до того. Она снова понюхала синюю шерсть, закрыла глаза и затаила дыхание. От любви к Урии кружилась голова.

– Пора уже!

Мисс Лэрейси очнулась и удивленно открыла глаза. С сожалением выдохнула сладкий воздух, аккуратно сложила свитер и вернула его на прежнее место.

– Вертолет прилетел. – Райна поднялась на несколько ступенек и нетерпеливо замахала рукой. – Пошли скорей!

– Что ж тебе все нейдет? – Мисс Лэрейси захлопнула сундучок и снова погладила крышку, стирая пыль.

– Урия, – прошептала бабушка, разглядывая годовые кольца на деревянных боках. Она потянулась за керосиновой лампой и грустно засеменила следом за Райной. Та крепко схватила мисс Лэрейси за руку и потащила вверх по узким крутым ступеням.

Старушка оглянулась на темный подвал. Тьма сгущалась по мере того, как они поднимались по лестнице.

– И куда торопимся? – пробормотала она в спину Райне. И уже громче, голосом, полным отчаянья, повторила: – Куда торопимся-то?... Из дома родного?

Агата давно все подъела, и миска для воды была совсем сухая. Доктор Томпсон, поскрипывая палкой, торопливо вошел на кухню и осветил фонариком эту печальную картину. Пришлось извиняться. Кошка в ответ только мяукнула, в зрачках у нее заплескались искорки. Томпсон подхватил увесистую тушку на руки. Агата потерлась об него шубкой и довольно замурлыкала. Томпсон посветил в открытую дверь туалета – крышка унитаза поднята.

– Ну, значит, смерть от жажды тебе не грозила.

Он уже совсем было собрался бежать с Агатой к машине, как вдруг замер на пороге и задумался, оглянувшись на гостиную. В неверном свете фонарика все казалось призрачным, ненастоящим. Томпсон посмотрел на часы.

– Пара минут у нас с тобой еще есть, – пробормотал он и направился через кухню к заднему крыльцу. Оттуда спустился в подвал, стараясь не споткнуться о свою палку. Там доктор добрался до полки с вином и подумал вслух:

– Чего бы такого прихватить?

На полу валялся старый мешок. Томпсон бросил палку, посадил Агату на плечо и при этом чуть не уронил фонарик. Что у нас самое любимое? Как тут выберешь! Луч скользил по красивым наклейкам. Одни шедевры! КАБЕРНЕ, МЕРЛО, БОРДО, ПОРТВЕЙН и БРЕНДИ.

Агата тихонько урчала над ухом. Томпсон сосредоточенно выбирал и складывал бутылки в мешок, мягко позвякивало стекло. Таблеток от жадности ему никто не выписывал, руки мелькали все быстрее и быстрее, доктор орудовал, словно грабитель, который боится, что его сейчас застукают хозяева. Наконец, он закончил, поднял мешок за края и, кряхтя, взвалил его на плечо. Палку придется бросить. Тут уж либо палка, либо мешок. Мешок. Доктор захромал к лестнице, освещая себе путь фонариком.

Наверху Томпсон открыл холодильник. На полках лежали сыры трех сортов: бри, гаварти с укропом и его любимая брынза. Жутко вредная, между прочим. От нее повышается давление. Ага, вот и икра, прямо из России, а рядом крекеры с кунжутом, он купил их на прошлой неделе в магазине экзотических продуктов в Сент-Джонсе. Раз уж придется

куковать в Тавро, пусть хоть будет чем себя развлечь. Доктор набил полиэтиленовый пакет едой и сунул в мешок следом за бутылками.

– Ну все, Агата, слазь, – сказал Томпсон, скидывая тяжелую ношу на спину. Он выбрался во двор и дохромал до внедорожника. Мотор заработал, фары осветили траву перед домом.

Доктор осторожно посадил кошку на пассажирское сиденье, сунул мешок под ремень безопасности сзади и сел на водительское место.

– Эх, Агата, красотуля ты моя, ну и пир мы с тобой закатим! Королям не снилось, – сказал он и принялся. В кабине одурманивающе пахло сыром. Томпсон замычал от удовольствия, включил заднюю передачу и тут только вспомнил о часах на приборной панели.

– Вот интересно, – он взволнованно облизнул губы, – когда можно будет первый раз остановиться и устроить себе пикничок под звездами?

Мисс Лэрейси выглянула в щелку между тюлевыми занавесками на окне гостиной. Над двором завис вертолет. Райна стояла в луче прожектора, но лицо ее оставалось в тени. Свет становился все ярче, вертолет шел на снижение. Фигура Райны совсем побелела, словно она сама начала светиться, и наконец потонула в ослепительном сиянии.

– Прилетел, – возбужденно закричала Райна в сторону дома.

«И чего орать? – подумала мисс Лэрейси. – Что у меня глаз нет, что ли? Или ушей?»

Вертолет опустился посреди дороги, прожектор нацелился в окна. Старушка заморгала. Только через некоторое время она начала различать свою руку, вцепившуюся в занавеску, дряблую морщинистую кожу, синие вздутые вены и рукав зеленого домашнего платья. Мисс Лэрейси отступила в тень и сердито вздернула подбородок:

– Вот черти, так и ослепнуть недолго.

Стены затряслись от грохота. Входная дверь распахнулась, в дом ворвался рев мотора и стрекот вращающихся лопастей.

Старушка живо засеменила к дивану, села и схватила свое вязанье. В комнату вбежала Райна. Мисс Лэрейси закричала:

– Чего стоишь? Дверь закрывай! У меня все перепонки полопаются!

– Пошли! – задыхаясь, выпалила Райна.

Старушка продолжала спокойно вязать. Она пошевелила губами, считая петли, потом подняла к глазам белый шарф, чтобы оценить его длину.

– Пошли скорее!

Мисс Лэрейси сделала вид, что не слышит. Дом содрогнулся до самого основания. Старушка подняла глаза. Райна уже ушла, на ее месте теперь стоял Френч, одетый в красивую синюю форму и берет спасателя. Командор был настроен весьма решительно.

– Вернулся-таки со своей трещоткой. – Мисс Лэрейси старалась перекрыть шум мотора. Она похлопала по диванной подушке, приглашая гостя сесть. – Заходи, сынок. Будь как дома. Хочешь чайку и булочку с изюмом? Я мигом чайник поставлю.

Френч мрачно покачал головой:

– Не успеем.

Мисс Лэрейси улыбнулась, потом рассмеялась, розовые десны заблестели в лучах прожектора.

– Брось, шкипер, нам успевать некуда. – Яркий свет снова ударил ей в глаза. – Вели своим охламонам лампу вырубить. Тошно от нее. Да и нечего на меня светить: и так на драную кошку похожа.

– Вы прекрасно выглядите.

– Ишь какой! Ну спасибо на добром слове.

– Пора на борт. Иначе я не смогу вам гарантировать безопасность.

– А Райна где?

Френч кивнул на входную дверь:

– В вертолете, – ответил он, ни капельки не раздражаясь.

Кремень, а не мужик. Мужчина сказал, мужчина сделал, так раньше говорили.

– Ты сам-то откуда будешь? А то я и забыла спросить.

– Из Бюрина.

Мисс Лэрейси бодро зашевелила спицами.

– Так я и думала. Не тутошний. – Она бросила на него быстрый внимательный взгляд и снова вернулась к вязанию.

Френч оглядел комнату.

– Чудесный дом у вас.

– Я тут с пеленок.

– Пойдемте, пора. – Командор твердо кивнул и посмотрел на окно.

– Да ну, – проворчала старушка. – Ерунда это все.

– У нас минут пять, не больше.

Мисс Лэрейси пожала плечами.

– Это у тебя минут пять. А у меня так все десять.

– Давайте выйдем во двор. Просто посмотрим на вертолет, и все. – Френч подошел и протянул ей ладонь. Пальцы у него были длинные, а кожа обветренная. Не белоручка, уж точно. Много и тяжело работал. Старушка нехотя подала ему сморщенную лапку и поднялась. Она по-девичьи хихикнула и прихватила со столика свой фотоальбом. Приятно идти под руку с таким молодцом. Морской пехотинец, это тебе не хухры-мухры! Такой через огонь и воду пройдет, не чихнув. И мозги у него на месте. Вон до какого чина дослужился. Значит, голова на плечах имеется. Они вышли во двор, в лицо ударил порыв ветра. Элен и ее кавалер.

Мисс Лэрейси отпустила руку командора и крепко прижала к груди альбом, словно хотела оградить его от всех напастей.

В вертолете было полно людей. Мелькнули лица Томми и Райны. Остальных мисс Лэрейси не знала, но все равно приветливо помахала им рукой, и те нетерпеливо замахали в ответ. Они складывали ладони рупором и что-то кричали.

Френч спокойно посмотрел на бухту. Мисс Лэрейси тоже повернула голову. Тьма-тьмушая. Берега не видно, только на чернильной глади поблескивают искорки. Френч указал рукой:

– Когда я входил в дом, вон там еще была земля. Вы понимаете, что это значит? – Он крепко схватил мисс Лэрейси за руку и потащил к вертолету, но старушка вывернулась и со всего маху треснула его альбомом по груди.

– Отвяжись, – сказала она. – Я в кастрюлю твою летучую не полезу.

Френч оглянулся на вертолет, вздохнул и вдруг без всякого предупреждения схватил старушку в охапку и кинулся к дороге.

– Я не могу вас одну бросить! – крикнул он.

– Так оставайся со мной, вместе искупаемся, – прошипела мисс Лэрейси, изо всех сил лягаясь и брыкаясь. Альбом выскользнул и упал на траву.

– Расстояние? – суровым голосом произнес Френч.

– А? Я альбом уронила! – Мисс Лэрейси потянулась вниз, но до травы было не достать.

– Когда?

– Чего «когда»? – Старушка барахталась в стальных объятиях командора, но тот все-таки затащил ее в салон. Вертолет сразу начал подниматься. Желудок мисс Лэрейси рванулся к горлу.

– Ах ты изверг! Альбом из-за тебя уронила! – Она замолотила кулачками по груди командора. – А ну, поставь меня на ноги, медведь чертов! Воспитания ни на грош! Кто тебя растил такого?

Френч нехотя опустил мисс Лэрейси на пол. Она фыркнула, расправила платье, глянула вниз и храбро выпрыгнула из вертолета, который еще не успел как следует подняться.

Старушка покачнулась, потом выпрямилась и бросилась к тому месту, где уронила

свой альбом. Страницы шелестели на ветру. Она схватила его и трепетно прижала к груди.

Вертолет завис в метре над травой. Люди в кабине отчаянно закричали.

– Вы уж сами как-нибудь! – Мисс Лэрейси помахала им рукой. – Нечего мне там с вами делать!

Чейз положил ключи рядом с цветочным горшком на столике в прихожей, расстегнул ремень, повесил его на деревянный крючок и пару секунд постоял, наслаждаясь уютом родного дома. Ему нравилось возвращаться сюда и захлопывать дверь перед носом у целого света. Тихо. Кажется, будто тут никого нет. Сержант нагнулся и развязал шнурки. Движения давались ему с трудом, каждое надо было сначала обдумать. Он зевнул и сунул голову в дверь гостиной. Никого. В углу темнел экран выключенного телевизора. Чейз глубоко вздохнул и снова почувствовал запах пепла. Вышел в темную прихожую, где горел только ночничок над батареей. Носки ступали по мягкому ковру, в воздухе пахло духами и лекарствами, а значит, Терезой. Сержант заглянул в свой кабинет, слышно было, как тихонько жужжит кулер. По экрану бежали разноцветные пятна: включился скринсейвер. Чейз вспомнил, что жесткий диск забит фотографиями с мест преступлений. Перед глазами встали лица жертв. Они не отворачивались от Чейза, как раньше, а смотрели прямо на него.

Сержант вошел в кабинет и сел за стол. Курсор скользнул вправо, экран ожил. Чейз нашел папку «Ножевые» и посмотрел на тех, кого зарезали ножом. Картинки запечатлели смерть во всей ее неприглядности, выставили каждую деталь на обозрение публики. Тут были и старые фото, еще тех времен, когда фотографии на месте преступления были в новинку, и совсем недавние. От черной крови и белой кожи прогресс шагнул к ярким цветным пятнам.

Чейз удалил всю папку. «В папке 143 объекта. Вы уверены, что хотите удалить все?» Да. Он открыл следующее окно. «Огнестрельные». Стереть каждую жертву. «Тяжкие телесные», «Удушение», «Суицид», «Утопление»... Стереть всех из памяти и очистить корзину. Чейз вспомнил маленькую девочку в горящем доме. Вспомнил трупы на рыбозаводе. Никакие фотографии с этим не сравнятся.

Сержант встал и выключил компьютер, не закрыв ни одной программы. Прошел в спальню и посмотрел на кровать. Тереза спокойно спала, укутавшись в одеяло. Что ей снится? Может, и ничего, если наглоталась таблеток. А может, какой-нибудь кошмар из тех, которые она потом даже собственному мужу не пересказывает. Тереза... Он, как мог, старался утешить и успокоить ее. Все эти усилия ничего для нее не значили. Любовь сошла на нет. Тереза больна, и эта болезнь исключила Чейза из ее мира. Она жила во тьме, с которой сержант сражался на работе и которую, как инфекцию, приносил с собой в дом. Работа. Просто игрушки со смертью. Смерть стала его работодателем.

Чейз прошел сквозь тихую комнату и встал у постели со стороны Терезы. На столике лежал пузырек со снотворным. Сержант поднял его и направился в ванную. Увидел краем глаза свое отражение и вздрогнул. Повернулся к зеркалу. Надо побриться. А то прямо старик какой-то. И форму неплохо бы постирать. Вся грязная, в пятнах. Раньше никогда себе такого не позволял.

«Я исполнил свой долг, – подумал сержант. – Я исполнил свой долг. Не победил и не проиграл. Просто старался сохранить равновесие между добром и злом на вверенном мне клочке земли. Сумел ли? Не знаю. Но долг исполнил».

Он открыл пузырек со снотворным и вытряхнул таблетки в унитаз. Белые кружочки не хотели тонуть. Чейз надеялся, что они хотя бы растворятся, но пилюли оказались упорнее его. Тогда он просто спустил воду.

Сержант вымыл руки и несколько раз плеснул себе в лицо. Снял с крючка на задней стене полотенце и вытер лоб. Чейз ждал, что на материи останутся черные пятна, и опять ошибся. Махровая ткань сияла белизной.

Он вернулся в спальню. Раздеваться не стал, а просто лег на кровать поверх одеяла, обнял Терезу, свернувшуюся уютным теплым комочком, и прижался губами к нежной

кожице в ложбинке между плечом и шеей. Тереза даже не пошевелилась, только дышала во сне глубоко и ровно.

В эту минуту, самую удивительную минуту его жизни, он прижимался к жене крепче, обнимал нежнее, боготворил ее больше, чем за все годы, проведенные вместе. Потому что у них не осталось ничего впереди, и эта пустота наполняла его душу пронзительной всепоглощающей любовью.

Тари улыбалась, но глаз пока не открывала. Ее личико белело в темноте.

– Тари! – прошептала Ким, она склонилась над постелью и погладила челку на лбу дочери. – Солнышко! Это мама. Тари!

Джозеф сжал ручку девочки и заметил, что ее улыбка стала светлее. Он с надеждой оглянулся на жену и вдруг увидел что-то очень странное за окном палаты. Ким тоже туда посмотрела. За стеклом стояла глухая черная стена.

В комнату вбежала медсестра.

– Надо быстро ее вывезти. Нас ждет больничный вертолет.

Несколько минут назад та же самая женщина потребовала, чтобы сначала уехали Ким и Тари, а Джозефа заберут потом. Ким отказалась покидать мужа. Им объяснили, что в районе объявили массовую эвакуацию: боялись дальнейшего распространения эпидемии.

– Прямо сейчас? – спросила Ким.

– У вас еще пара минут, – сердито сказала медсестра и вылетела из палаты. Джозеф встал у окна.

– Джозеф!

Он оглянулся, лицо его было совершенно белым. Со своего места Ким тоже видела окно. Черная стена ночи вдруг заблестела: на гладкой поверхности показалась луна.

– Что это? – Ким подбежала к мужу.

– Не знаю.

Она прижалась лицом к стеклу. Тусклое отражение палаты не заслоняло того, что происходило на улице. С востока, занимая полнеба, надвигалась огромная волна. Через мгновение она поглотила дорогу, Ким ахнула и невольно шагнула назад. Ей показалось, что там, за стеклом – аквариум, который постепенно заполняется водой. Окно задрожало от оглушительного рева.

Спотыкаясь, Ким бросилась к Тари, чтобы защитить дитя. «Нет, нет», – бормотала она, прижимаясь к щеке дочери. Ким поцеловала Тари и попыталась поднять ее на руки, но дыхательной трубки хватило только на полметра. Ким так и застыла, согнувшись.

– Она проходит, – сказал Джозеф. Стекло задребезжало громче. – По-моему, она проходит мимо нас.

– Мама! – раздался над ухом Ким тонкий детский голосок.

– Тари! – Ким повернулась и увидела, что девочка открыла глаза.

– Привет, мамуль!

– Тари, зайка! – Ким положила дочь на постель.

– Пап!

– Здесь папа, здесь. Вон он, у окна.

Тари посмотрела на Джозефа, тот стоял, опустив голову и прижав ладони к стеклу, словно пытался остановить надвигающуюся стену тьмы.

Френча била дрожь. Ему хотелось выпрыгнуть из вертолета следом за мисс Лэрейси, схватить упрямую старушку и увезти ее силой, но он только крепче вцепился в края люка. Рядом с ним, плечом к плечу стояли Томми и Райна. Одна нога командора болталась в воздухе. Опереться, чтобы втянуть себя в кабину, было не на что. Френч отчаянно расталкивал руками людей, стараясь нащупать ремень люльки. Нашел. Командор протащил его через голову и закрепил на поясе. Если сейчас прыгнуть, ремень поднимет в воздух, как только Френч схватит мисс Лэрейси.

Голос в наушнике произнес:

– Нет времени, сэр.

Командор глянул на пилота, тот обернулся, покачал головой и жестом показал, что дело плохо.

– Не успеем подняться, сэр.

Френч посмотрел на пассажиров. Все взгляды были прикованы к мисс Лэрейси. Всем хотелось, чтобы старушка либо забралась в салон, либо уж как-нибудь там погибла. Но только без них.

– Летим! – крикнул какой-то молодой человек. Упитанная дамочка попыталась схватить пилота за плечо, но тот увернулся.

За лобовым стеклом вертолета стояла черная стена. Совсем близко, метрах в тридцати. Две женщины завизжали, молодой человек отпихнул дамочку и попробовал сам дотянуться до пилота.

Френч выругался и сжал зубы, яростно сражаясь с самим собой. Ему хотелось крикнуть: «Снижайся! Снижайся скорей!», но он не мог этого сделать. Тогда погибнут все остальные. Вода поглотит вертолет в мгновение ока.

Прожектор метался по двору. Внизу лицом к океану стояла мисс Лэрейси, она по-прежнему крепко сжимала свой драгоценный фотоальбом. Старушка запрокинула голову, будто наслаждалась теплым летним дождиком.

Порт-де-Гибль то ли смыло, то ли заслонило волной, которая уже входила в бухту и через несколько секунд должна была накрыть утес.

– Жду приказаний, сэр, – голос пилота звенел в наушнике.

Черная стена была уже в двадцати метрах от них. Командор перевел взгляд на землю, покрепче уцепился за внутреннюю обшивку и приготовился прыгать.

– Сэр! Жду приказаний!

– Поднимайтесь! – крикнул наконец Френч. О как он хотел скомандовать «Ниже!». Каждая клеточка в его теле напряглась. Ниже, ниже, ниже... Нет, нельзя.

Зрочки пассажиров сузились от страха. Все смотрели на мисс Лэрейси. Вертолет поднимался. Пять метров. Семь...

Старушка уронила свой альбом и распростерла руки. Сквозь возгласы ужаса, раздававшиеся в кабине, Френч сумел разобрать: «Плачет невеста... мой милый... воды стали могилой...»

– Выше! – взревел он.

Командор кусал губы, яростно, в кровь. Черная вода накрыла мисс Лэрейси с головой. Старушка не упала, а просто исчезла. Волна поднималась все выше, заливала пространство под вертолетом и наконец лизнула стальное брюхо. Пассажиры, крича и хватаясь друг за друга, покатались к задней стене кабины.

Френч ощутил на губах металлический привкус крови.

– Выше!

Остальные присоединились к нему, дружно повторяя: «Выше, выше, выше...»

Томми заткнул уши. Райна привалилась к нему всем телом, вцепившись в ворот его рубашки. Сквозь слезы Томми едва мог разглядеть в воде знакомые цвета мисс Лэрейси. Они разлились на поверхности, словно краска, пролитая из ведра. Потом пятна стали оранжевыми, и янтарный луч полетел на восток.

Вода поднималась вместе с вертолетом. Она разлилась по салону, пассажиры яростно брыкались, гнали ее наружу. Еще миг, и механический зверь поплыл. Он попался, и теперь нутно ревел, отчаянно пытаясь взлететь. Люди испуганно жались к задней стене. Течение подхватило машину и понесло вперед. Вверх или вниз? Взлетит или утонет? Мотор стонал и лязгал, в открытый люк било как из брандспойта. Томми почувствовал запах дыма и решил, что они загорелись.

Двигатель уже почти визжал. Вертолет трясся, заваливаясь набок и черпая люком воду.

Раздался скрежет металла, словно корпус разрывало на части.

Из всех глоток одновременно вырвался вопль ужаса. Томми крепче схватил Райну, понимая, что они тонут. Вертолет швыряло из стороны в сторону, лопасти вертелись все медленнее. Но тут произошло невероятное. Встав под немыслимым углом к волне, машина рванулась и выпрыгнула из цепких лап смерти. Пассажиры схватились за поручни, ноги поехали по накренившемуся полу. Вертолет набирал высоту.

Волна кинулась вдогонку. Когда ей оставалось каких-нибудь полметра, все увидели, что из воды показались верхушки деревьев на западном холме. Океан отступал. Нехотя стал он возвращаться в свои берега. Томми рассмеялся.

Кто-то поцеловал его. Это была Райна. Томми покраснел и застенчиво хмыкнул, не отрывая взгляд от люка. В бухте больше не было сказочных существ, лишь море бесилось и пенилось, все еще являя миру свой разрушительный гаев. А еще Томми увидел Уимерли, точно такой же, как и прежде, и все же другой. Коньки крыш темнели у самого берега, на волнах покачивались белые катера Стихия почти не тронула их.

Томми, Райна, командор Френч и остальные пассажиры изумленно глядели с высоты на мокрую землю и постройки, блесевшие в свете полной луны. В лесах скользили тени диких зверей. Томми видел синие, зеленые и коричневые пятна. Но особенно ярко светились омытые водой деревья.

Даже в темноте Томми различал бледно-розовые облачка кленов, золотистый свет елей и ослепительно розовые всполохи божественно благоухающей сирени.

Эпилог

Записано со слов Тари Харви (в девичестве Блеквуд), которая рассказала эту историю своим внукам: Джордану, Кэтрин и Эмме Саре.

Рыбозавод ¹² вместе со всеми телами, опознанными и неопознанными, смыло гигантской волной. На следующий день море успокоилось, синяя гладь засверкала под теплым летним солнышком. Цунами с корнем вырвало деревья, сорвало с привычных мест дома и заборы, все перемешало и бросило на берегу. Повсюду на дорогах лежали опрокинутые машины, старые деревянные сараи разнесло в щепки.

Как ни странно, во время стихийного бедствия не пострадала ни одна лодка. Более того, все они качались у причала, и сети их вздулись под тяжестью невиданного улова. Рыб находили и в глубине долины. Они били хвостами, запутавшись в ветвях деревьев или в высокой траве. Их собирали не только во дворах, но даже в комодах, буфетах, постелях и бачках унитазов. Попадались рыбы всех мыслимых видов, но среди них не было ни одной, не известной науке.

После того, как море отступило, все пациенты, страдавшие нарушением дыхания, задышали самостоятельно и вскоре совсем поправились, словно вода унесла с собой их болезнь. Родители возвращались в свои дома, дети встречали их радостными криками, малыши жались к своим матерям. Никто так и не смог понять, чем была вызвана эпидемия и почему она закончилась сама собой.

Первым делом пришлось разместить по уцелевшим домам всех вернувшихся в Уимерли. Каждая постройка в городе отчаянно нуждалась в ремонте. Бригады электриков работали день и ночь. Нужно было заново провести в район электричество, чтобы жизнь вошла в привычное русло. Однако сделать это было непросто. Вода напрочь вывернула многие столбы и унесла в открытое море. Одни только обломки висели на оборванных

¹² На момент написания книги рыбозавод в городе Уимерли (Bareneed) еще функционировал. Он закрылся, когда рукопись была уже сдана в набор.

проводах.

Но жители города Уимерли и не думали унывать. В домах зажглись свечи и керосиновые лампы. Одна крупная компания подарила каждой семье по бензиновому генератору собственного производства, но этой техникой почти никто не воспользовался. Хозяйки готовили на дровяных плитах или на кострах, обложенных камнями с пляжа. От уютного мерцания оранжевых языков пламени на задних дворах становилось как-то теплее и легче на душе. Несчастье объединило людей, по ночам они собирались вокруг огня и рассказывали друг другу истории о недавнем цунами и прочих бедствиях.

Электричество провели в город только через два с половиной месяца.

На семьдесят седьмой день после того, как цунами накрыло городок, в домах загорелся свет. В газетах и по телевидению снова вспомнили про Уимерли, и заголовки «ДА БУДЕТ СВЕТ» пришли на смену старым шапкам «ВЕЛИКАЯ ВОЛНА».

Жители настолько привыкли к мягкому свету керосиновых ламп, что жмурились от стерильного белого сияния. Одни плакали, сами не зная, почему. Другие приветствовали возвращение цивилизации, а с ней и удобства, которые она предлагает. Но многие огорчились. Они чувствовали, что электрический свет разрушает мир и покой старой общины.

«Оно, конечно, чудно, да уж больно чудно», – сказал один старый хрыч и навсегда выключил рубильник на распределительном щитке в своем доме.

Его примеру последовали многие семьи. Они стали, как и прежде, коротать вечера при свете керосиновых ламп и свечей и готовить еду на дровяных плитах. Родители рассказывали детям о бедах, пришедших в их дома вместе с большой волной, дети собирались за круглыми столами и слушали, испуганно распахнув глазенки. Мужчины все чаще выходили в море, потому что в бухту вернулась рыба. Со временем все до одного жители города отказались от электричества, и на специальном заседании комиссии по энергоресурсам Ньюфаундленда было принято решение о демонтаже линий электропередачи в этом районе.

Ночью Уимерли погружался во тьму. Город освещали только луна, звезды и свечи в невидимых руках духов. Умершие поднимались по скрипучим лестницам старых домов, навещая своих родных.

Даже много-много лет спустя бабушки и дедушки сажали внуков на колени и рассказывали о том времени, когда духи не могли быть рядом со своими родными. И о чудесах, которые однажды поднялись из темных глубин океана. А еще о том, как целый город научился дышать, и как люди поправились только тогда, когда осознали свою связь с предками и, очищенные ужасной трагедией, вернулись к старому, благословенному Богом образу жизни.

* * *

Я хотел бы поблагодарить организаторов программы для писателей – преподавателей литературы Университета Мемориал (Сент-Джонс, Ньюфаундленд). За несколько семестров преподавательской деятельности я смог провести огромную исследовательскую работу для подготовки этой книги. Я также благодарен Дженет Пауэр за то, что она помогла мне определиться с сюжетом романа и тоном повествования. Как и в случае с остальными моими книгами, сказки и истории для «Города» я позаимствовал у моих родителей. Без их рассказов эта книга была бы совсем другой.